

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н. Е. Тихонова, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева, В. А. Аникин,
А. В. Каравай, Е. Д. Слободенюк

МОДЕЛЬ ДОХОДНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

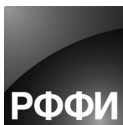
ДИНАМИКА | ФАКТОРЫ | МЕЖСТРАНОВЫЕ СРАВНЕНИЯ

*Под редакцией доктора социологических наук
Н. Е. Тихоновой*

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2018

УДК 316.4
ББК 60.54
М74

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 18-111-00038, не подлежит продаже*

Рецензенты: д-р экон. наук *Е. М. Аврамова*, д-р социол. наук *Ю. В. Латов*

М74 Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н. Е. Тихонова, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева, В. А. Аникин, А. В. Каравай, Е. Д. Слободенюк; под редакцией доктора социологических наук Н. Е. Тихоновой. — М.; СПб.: Нестор-История, 2018. — 368 с.
ISBN 978-5-4469-1419-7

Книга посвящена анализу специфики и динамики доходной стратификации российского общества и ориентирована как на научных работников, так и на преподавателей вузов. В ней представлен развернутый обзор используемых в российской и зарубежной практике подходов к доходной стратификации и обоснована оптимальная для российских условий методология выделения доходных групп при построении структуры общества по доходам. В центре внимания авторов также динамика модели доходной стратификации в России за последние несколько десятилетий, факторы попадания в те или иные доходные группы, специфика жизни и поведения представителей составляющих этих групп. Особый интерес представляет сравнительный анализ модели доходной стратификации в России с ситуацией в этой области в других странах мира, в т.ч. в динамике.

Для специалистов в области социологии, экономики и социальной политики, работников государственных органов, преподавателей, аспирантов и студентов, в также всех, интересующихся этой проблематикой.

ISBN 978-5-4469-1419-7

© Коллектив авторов, 2018
© Издательство «Нестор-История», 2018

Корректор *М. А. Иванова*
Оригинал-макет *А. А. Хромов*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 12.09.2018. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 23
Тираж 300 экз. Заказ № 1243

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

Введение

Изучение социальной структуры общества допускает рассмотрение различных ее срезов. Можно выделять классовую структуру социума, анализировать составляющие его стилевые группы, строить модели стратификации по уровню жизни, рассматривать его профессиональную неоднородность и т. д. Одним из базовых срезов изучения структурированных неравенств в нем выступает и модель его доходной стратификации, комплексному анализу которой в современном российском обществе посвящена данная книга.

Стратификация по уровню доходов относится к числу одномерных типов стратификации, в основе которых лежит один признак — уровень дохода, определяющий неравенство групп в вертикальной иерархии конкретного сообщества. Использование однокритериальной шкалы «низкодоходные — высокодоходные» дает возможность получить численные оценки наименее и наиболее благополучных в этом отношении групп населения, определить риски расширения зоны бедности и малообеспеченности, оценить степень неравенства в обществе, выявить изменения, происходящие в нем с доходами различных групп под влиянием разных фаз экономического цикла — кризиса, рецессии или роста. Велика роль подобной шкалы и в сфере государственной социально-экономической политики, где данные о доходном распределении являются основой для принятия многих управленческих решений — от режимов налогообложения до мер поддержки тех или иных групп населения.

Доходное неравенство является самым острым и болезненным типом социальных неравенств, поскольку именно через доходы реализуется первоочередной доступ не только к экономическим, но и ко многим социальным благам. В этой связи анализ модели доходной стратификации и ее устойчивости во времени, изменений ее характера и глубины существующего в обществе неравенства, включая «разбег» полюсов, локализацию населения

в пространстве доходов, численность и состав отдельных доходных групп и т. д., необходим для лучшего понимания современного состояния российского общества, особенностей его социальной структуры и перспектив дальнейшей динамики. Кроме того, доходы являются наиболее удобным и понятным показателем при сравнении положения населения разных обществ. Соответственно, модели доходной стратификации позволяют соотнести в этом отношении Россию с другими странами мира и определить вектор эволюции российского общества в контексте неоднородности тенденций общемирового развития, выявив специфику трансформационных процессов в нашей стране в межстрановом контексте.

Особую актуальность проблеме доходной стратификации сегодня придает специфика социально-экономической ситуации, сложившейся в России в последние годы, когда население страны столкнулось со значительным снижением своих доходов после продолжительного периода экономического роста начала и середины 2000-х гг., за который успели сформироваться определенные стандарты потребления. В этих условиях остро стоит вопрос не только о количественной оценке динамики доходов различных групп россиян, но и о том, какие качественные изменения произошли в их жизни в этой связи и могут ли эти изменения повлечь за собой нарастание негативных тенденций в социально-экономическом и политическом развитии России.

В то же время серьезной литературы, посвященной проблеме доходной стратификации российского общества, особенно учитывающей тенденции ее изменения в 2014–2017 гг., удивительно мало. Возможно, это связано с тем, что, на первый взгляд, проблема доходной стратификации кажется достаточно простой — данные по структуре российского общества с точки зрения доходов населения регулярно публикуются ФСГС РФ. Однако они не позволяют построить модель стратификации по доходам, пригодную для корректного изучения характеристик и факторов принадлежности к различным группам, их динамического сравнения и международных сопоставлений. Экономические и социологические выборочные обследования также собирают данные о доходах, однако их анализ обычно ведется только в логике оценки динамики номинальных и реальных доходов, но не изучения модели доход-

ной стратификации в целом, в том числе как отражения специфики этапа развития российского социума.

В этой связи задачи исследования, результаты которого предлагаются читателю в данной книге, определились его основной целью — комплексным изучением состояния и динамики модели доходной стратификации российского общества и численности отдельных составляющих ее групп за последние 25 лет с учетом международных сопоставлений, а также территориально-поселенческих особенностей этой модели внутри самой России.

Нетипична для России, хотя, как показано в книге, широко используется в мире, и методология проведенного исследования. В этой связи надо отметить, что разработка методологии анализа доходной стратификации, позволяющей выделить реальные, а не статистические социальные группы, представляет собой очень нетривиальную задачу. Хотя доходная стратификация является одним из наиболее простых подходов к анализу социальной структуры, она требует учета не только размера доходов, но и особенностей распределения доходного неравенства, выделения относительно однородных по их жизненным возможностям доходных групп, оценки устойчивости особенностей этих групп и специфичности характера их реакции на социально-экономические шоки. Сложность этой задаче добавляет и тот факт, что подходы к определению и анализу стандартов жизни, отражающихся в доходах, в современной социологической и экономической литературе очень многообразны, в т. ч. в зависимости от уровня развития страны и существующего в ней типа социума, напрямую связанных с ее прошлым историческим опытом и особенностями культуры. В разных странах и на разных этапах их развития для выделения групп в рамках доходной структуры используются поэтому не просто различные границы, но принципиально разные подходы к определению этих границ.

Поиск ответа на вопрос о том, какой из этих подходов является оптимальным для России, — самостоятельная научная задача. Подробно эта проблема с использованием большого числа зарубежных и российских источников освещена в первом разделе данной книги, однако уже сейчас отметим, что как в российской практике (в т. ч. в данных ФСГС РФ), так и в международных исследованиях

доходных неравенств (проводимых, например, Всемирным банком) для развивающихся стран, к каковым обычно относится и Россия, используется абсолютный подход к доходной стратификации, т. е. определение групп через границы, априори задаваемые конкретными суммами доходов. В то же время проведенный нами эмпирический анализ, результаты которого изложены в первом разделе книги¹, показал, что в российских условиях более целесообразным является применение не абсолютного, а относительного подхода к доходной стратификации, также широко используемого в мире, но в основном в развитых странах. Одна из вариаций этого подхода основана на использовании медианных значений доходов, отражающих типичный уровень жизни конкретного общества на определенном этапе его социально-экономического развития. Именно эта методика и легла в основу исследования, результаты которого изложены в данной книге.

Кроме исключительно методологических сюжетов, в первом разделе монографии дана также характеристика особенностей жизни и поведения представителей различных доходных групп и их реакции на кризис 2014–2016 гг. Зафиксированная при этом специфика свидетельствует о том, что выделенные в рамках построения модели доходной стратификации группы — это реальные социальные группы, различающиеся особенностями их жизненных возможностей и установок. Еще одним свидетельством этого стали результаты анализа рисков, которым подвержены представители этих групп, прежде всего — рисков оказаться в числе бедных при ухудшении экономической ситуации в стране, также представленные в первом разделе книги.

Во втором разделе книги² дается характеристика российской модели доходной стратификации с учетом ее динамики за последние 25 лет и проводится ее сравнение с ситуацией в ряде других стран мира, прежде всего — разных типов европейских стран.

---

¹ Авторами глав, входящих в первый раздел книги, являются В. А. Аникин (главы 1.1 и 1.3), Ю. П. Лежнина (глава 1.1), С. В. Мареева (главы 1.2 и 1.5), Е. Д. Слободенюк (глава 1.6). Ю. П. Лежнина и С. В. Мареева являются также авторами данного введения.

² Авторами глав, входящих во второй раздел книги, являются А. В. Каравай (главы 2.1 и 2.5), Ю. П. Лежнина (глава 2.4), Н. Е. Тихонова (главы 2.1, 2.2 и 2.3) и Е. Д. Слободенюк (глава 2.6). Н. Е. Тихонова является также автором заключения к данной книге.

В разделе показано, что Россия по типу доходной стратификации массовых слоев населения относится к странам европейского культурно-цивилизационного ареала, но отличается от них чрезвычайно глубоким отрывом элитных и субэлитных групп от массовых слоев общества, характерным для неевропейских ареалов развития. В этом же разделе представлены и результаты анализа пространственной неоднородности нашей страны в контексте проблематики доходной стратификации и продемонстрировано, что общая модель доходной стратификации корректно отражает локальное неравенство в населенных пунктах разного типа с учетом свойственных им стандартов жизни. Отдельно рассмотрены также вопросы, связанные с обусловленностью принадлежности россиян к тем или иным доходным слоям различными факторами индивидуального характера: пола, возраста, уровня образования, сферы занятости и т. д. Самостоятельным сюжетом в рамках этого анализа стало и изучение факторов бедности в российском обществе.

Реализация такого комплексного, многоаспектного замысла стала возможна только благодаря использованию в процессе анализа богатой эмпирической базы. В нее вошли данные ряда тематических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН за 2004–2017 гг., исследований Института комплексных социальных исследований РАН и Российского независимого института социальных и национальных проблем за 1994–2003 гг., а также широко известного во всем мире Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ за 1994–2015 гг.³ Для международных сопоставлений были использованы данные Международной программы социальных исследований (The International Social Survey Programme⁴), позволившие провести сравнение эволюции моделей доходной стратификации в России и ряде стран из разных регионов мира — от Швеции и Германии до Мексики и Венесуэлы — за период 1994–2015 гг. Широко используются в книге и статистические данные, причем как показатели ФСГС РФ, так и Всемирного банка и других международных организаций.

³ См. подробнее Приложение 1 и примечания относительно эмпирической базы анализа в тексте книги.

⁴ Подробнее об этой Программе см. www.issp.org.

В заключение хотелось бы выразить глубокую благодарность руководству Института социологии ФНИСЦ РАН и в первую очередь его директору, академику М. К. Горшкову, за предоставленные для исследования данные и постоянную поддержку нашего научного коллектива. Искреннюю благодарность за поддержку хотелось бы выразить и руководству Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», в особенности директору Института социальной политики НИУ ВШЭ Л. Н. Овчаровой. Особо хотелось бы отметить также, что наше исследование осуществлялось при участии Российского фонда фундаментальных исследований, профинансировавшего проект «Динамика модели доходной стратификации российского общества в социологическом измерении (1992–2017)»⁵, ставший завершающей точкой работы нашего авторского коллектива по проблематике доходной стратификации.

---

⁵ Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ № 17-03-00290.

Раздел 1.

**Построение модели доходной стратификации:
теоретико-методологические основания
и особенности отдельных групп и слоев**

Глава 1.1. Проблема построения моделей доходной стратификации в социальных науках¹

Дифференциация доходов населения и уровень неравенства входят в число наиболее острых социально-экономических проблем современных обществ, а зачастую формируют даже политическую повестку отдельных стран. Неудивительно, что и в академической литературе они находятся в зоне внимания исследователей. При этом распределение доходов не единственный монетарный индикатор уровня жизни. Их альтернативой могут выступать расходы как показатель характеристик потребления² или же накопленное богатство³. Однако нам видится более перспективным изучение именно доходов индивидов и домохозяйств — ведь они свидетельствуют не только о реальном уровне жизни и возможностях в сфере потребления, но и о перспективах сберегательного и инвестиционного поведения людей в долгосрочной перспективе. В то же время расходы больше говорят о выбранном образе жизни с учетом имеющихся ограничений, а накопленное богатство, причем как финансовое, так и нефинансовое, дифференцирует лишь небольшую часть населения.

Необходимость углубленных исследований доходной стратификации была артикулирована еще более четверти века назад учеными, рассматривавшими доходное распределение как одно из важнейших оснований социальной стратификации⁴ и много сде-

---

¹ См. расширенную версию данной главы: *Аникин В. А., Лежнина Ю. П.* Экономическая стратификация: к вопросу об определении границ доходных групп // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 1.

² Например: *Banerjee A. V., Duflo E.* What is middle class about the middle classes around the world? // *The Journal of Economic Perspectives: A Journal of the American Economic Association.* 2008. Vol. 22. No. 2.

³ *Global Wealth Report.* Credit Suisse Research Institute. Switzerland. 2015. (URL: publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/?fileID=F2425415-DCA7-80B8-EAD989AF9341D47E).

⁴ *Esping-Andersen G.* The three worlds of welfare capitalism. Cambridge: Polity Press. 1990; *Lenski G.* Income stratification in the United States: toward a revised model of the system // *Research in Social Stratification and Mobili-*

лавыми в этом направлении. Тем не менее данная потребность актуальна и сегодня⁵, в т. ч. для современной России⁶. Более того, эта проблематика вызывает интерес специалистов из разных областей знаний, хотя наиболее заметными «игроками» здесь являются социологи и экономисты. Для социологов проблематика доходов выступает основой изучения «социальных действий» людей, основанных на их жизненных шансах в разных областях и наличии у них разных видов ресурсов. Для экономистов же доходы и доходное неравенство являются неотъемлемыми атрибутами концепции предполагаемых возможностей («capabilities»), основанной на теориях благосостояния и справедливого распределения в их современных версиях, базирующихся на сравнении уровней доступных индивидам ресурсов⁷. При этом рассмотрение проблематики доходных неравенств экономистами часто пересекается с темами, которые являются ключевыми для социологов, в т. ч. такими, как справедливость, неравенство, бедность, средний класс. В меньшей степени проработана в литературе в этом контексте проблематика богатства⁸. При этом опыт выделения тех или иных доходных групп

ty. 1984. Vol. 3; *Rytina J. H., Form W. H., Pease J.* Income and stratification ideology: Beliefs about the American opportunity structure // *American Journal of Sociology*. 1970. Vol. 75. No. 4.

⁵ *Ceriani L., Verme P.* The income lever and the allocation of aid // *The Journal of Development Studies*. 2014. Vol. 50. No. 11.

⁶ *Anikin V. A., Lezhnina Y. P., Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D., Tikhonova N. E.* Income stratification: Key approaches and their application to Russia // Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 02/PSP/2016. Moscow: National Research University Higher School of Economics. 2016; *Бобков В. Н., Колмаков И. Б.* Выявление социальной структуры и неравенства распределения денежных доходов населения Российской Федерации // *Экономика региона*. 2017. Т. 13. № 4; *Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С.* Экономическая стратификация населения России: динамический аспект // *Социологические исследования*. 2001. № 6; *Григорьев Л. М., Салмина А. А.* «Структура» социального неравенства современного мира: проблемы измерения // *Социологический журнал*. 2013. № 3; *Тихонова Н. Е.* Стратификация по доходам в России на фоне других стран // *Общественные науки и современность*. 2017. № 3; *Тихонова Н. Е.* Стратификация по доходу в России: специфика модели и вектор изменений // *Общественные науки и современность*. 2017. № 2.

⁷ *Sen A.* Inequality reexamined. Oxford. New York: Clarendon Press. Russel Sage Foundation. 1992.

⁸ *Brzezinski M.* Variance estimation for richness measures // Luxembourg Income Study (LIS) Working Paper Series. 2011. No. 11; *Eisenhauer J. G.*

в академической литературе, независимо от ее отраслевой принадлежности, обычно связан с изучением отдельных элементов социальной структуры (соответственно бедных, среднего класса и т. д.), а не с построением моделей социальной стратификации общества в целом.

Междисциплинарное продвижение в изучении доходной стратификации значительно осложняет путаница в понятиях. Например, социологи и экономисты по-разному трактуют базовые понятия социальной структуры, в частности понятия «группы», «страты», «слои» и «классы». Несмотря на то, что в социологии сложилась целая традиция анализа социальных групп, берущая свое начало еще с работ Г. Зиммеля⁹, экономисты активно используют это понятие для описания выделяемых ими доходных категорий и рангов, не учитывая традиционные критерии выделения групп в социологии. Исключения составляют случаи, когда за основу разбиения населения берется отношение индивидов или домохозяйств к тому или иному доходному процентилю, а также индексные методики доходной стратификации¹⁰, когда деление населения на группы заведомо основано скорее не на социальной теории, а на практических нуждах исследования (например, необходимости контролировать нелинейность анализируемых процессов). Социологи же редко используют подобные формальные деления, отдавая предпочтение при анализе социальной структуры общества теоретически более проработанным классификациям (например, классовым схемам Дж. Голдторпа и его коллег¹¹, Э. Райта¹²,

---

The rich, the poor, and the middle class: Thresholds and intensity indices // *Research in Economics*. 2011. Vol. 65. No. 4.

⁹ *Simmel G.* The persistence of social groups // *The American Journal of Sociology*. 1898. Vol. 3. No. 5.

¹⁰ *Yitzhaki S., Lerman R.I.* Income stratification and income inequality // *Review of income and wealth*. 1991. Vol. 37. No. 3.

¹¹ *Goldthorpe J.H., McKnight A.* The economic basis of social class / *Morgan S.L., Grusky D.B., Fields G.S.* (Eds.) *Mobility and Inequality: Frontiers of Research in Sociology and Economics*. California: Stanford University Press, 2006; *Erikson R., Goldthorpe J.H.* *The constant flux: A study of class mobility in industrial societies*. Oxford: Clarendon Press, 1992.

¹² *Wright E.O.* A General Framework for the analysis of class structure // *Wright E.O. et al.* (Eds.) *The debate on classes*. New York: Verso, 1989; *Wright E.O.* *Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Д. Груски и его коллег¹³, Д. Треймана¹⁴ и др.), или даже вообще выражают скепсис по поводу попыток увязать дифференциацию населения по доходу с логикой социальной стратификации¹⁵.

Таким образом, задача взаимоувязывания социальной стратификации и доходного неравенства по-прежнему сохраняет свою значимость, причем не только практическую, но и теоретическую¹⁶. И хотя стратификация исключительно на основе доходов ограничена в своих эвристических возможностях при анализе социальной структуры в целом, она может красноречиво свидетельствовать о происходящих в этой области процессах, их тенденциях и масштабах. При этом сами доходные группы формируют упорядоченную однокритериальную схему классификации общества¹⁷, пусть и простую, но уже закрепившуюся как отдельная традиция в структурной социологии¹⁸.

¹³ Liu Y., Grusky D.B. The payoff to skill in the Third industrial revolution // American Journal of Sociology. 2013. Vol. 118. No. 5; Weeden K.A., Grusky D.B. The case for a new class map // American Journal of Sociology. 2005. Vol. 111.

¹⁴ Treiman D.J. Occupational prestige in comparative perspective. New York: Academic Press, 1977.

¹⁵ Wodtke G.T. Social class and income inequality in the United States: Ownership, authority, and personal income distribution from 1980 to 2010 // American Journal of Sociology. 2016. Vol. 121. No. 5.

¹⁶ Козырева П.М., Смирнов А.И. Социальная безопасность среднедоходных групп в России // Вестник Института социологии. 2016. № 19. Население России в 2016 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Октябрь 2016. М.: НИУ ВШЭ, 2016; Тихонова Н.Е. Стратификация по доходу в России: специфика модели и вектор изменений // Общественные науки и современность. 2017. № 2; Тихонова Н.Е., Слободениук Е.Д. Гетерогенность российской бедности через призму депривационного и абсолютного подходов // Общественные науки и современность. 2014. № 1; Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ОЛМА Медиа Групп. 2009; O'Brien D.J., Wegren S.K., Patsiorokovskiy V.V. Income stratification in Russian villages from profession to property // Problems of post-communism. 2007. Vol. 54. No. 1.

¹⁷ Отметим, впрочем, что говорить о доходной стратификации как отражении реальной структуры общества можно, только если доходные группы выделены не случайным, формальным образом, а на основе содержательных критериев, отражающих реальную разницу их возможностей и ресурсов, различий в устойчивости их положения и определяющих его факторов. Именно такой подход и будет использован в данной книге.

¹⁸ Grusky D.B. The past, present, and future of social inequality / Grusky D.B. (Ed.) Social stratification: Class, race, and gender in sociological perspective (Second ed.). Boulder: Westview Press, 2001; Parsons T. An analytical approach to the theory of social stratification // American Journal of Sociology. 1940. Vol. 45. No. 6.

С методологической точки зрения построение шкалы доходной стратификации и выбор рангов доходного распределения для обеспечения отражения реальной неоднородности общества является непростой задачей. Наибольшие вопросы при этом вызывает то, где именно должны проходить границы различных доходных групп, чтобы обеспечить их относительную гомогенность и при этом дифференцированность между собой. Для определения этих порогов могут использоваться различные подходы, основные среди которых — абсолютный и относительный. В рамках **абсолютного** подхода границы дохода различных социально-экономических групп задаются конкретной денежной суммой, а в рамках **относительного** отправной точкой анализа выступают средние (реже) или медианные (чаще) показатели дохода, а также децильные распределения (или иное распределение, основанное на процентилях).

Целесообразность применения для России как самих этих подходов, так и определенных доходных границ в их рамках дискуссионна, поскольку они разрабатывались для разных целей и для стран, находящихся на различных этапах экономического и социального развития, поэтому выбор оптимальной методики для доходной стратификации — отдельная и важная задача. Отправной точкой ее решения выступает анализ опыта применения абсолютного и относительного подходов в такого рода исследованиях.

Абсолютный подход к доходной стратификации

Абсолютный подход к выделению тех или иных доходных групп в значительной степени является экстраполяцией на доходную стратификацию общества в целом опыта определения бедности через выделение ее монетарной границы. Для национальных статистик величина черты бедности в основном определяется через прожиточный минимум (ПМ), т. е. стоимость товаров и услуг, обеспечивающих удовлетворение базовых потребностей, а также обязательных платежей. Также зачастую в потребительской корзине нормативно устанавливается доля непродовольственных товаров. В этой логике для целей государственной статистики бедные выделяются обычно посредством сравнения доходов населения с прожиточным минимумом. Соответствующая практика типична для статистических

служб многих стран с разным уровнем развития и национального дохода. Ее использует и Россия, и статистический комитет СНГ¹⁹, и такая развитая страна, как США, хотя в США стандарты потребления не ограничиваются возможностями физического воспроизводства населения и при расчете черты бедности учитывается, что доля расходов на продукты питания в минимальной потребительской корзине должна составлять не более трети всех расходов²⁰ — это заметно ниже, чем, например, в современной России (50%).

Стоит отметить, что определение национальных черт бедности учитывает географическую, экономическую, культурную и т. д. специфику стран. Соответственно, эти пороги бедности характеризуют порой принципиально разные наборы товаров и услуг, что затрудняет международные сопоставления реального уровня жизни населения. В этих условиях построение шкал доходной стратификации на основании абсолютных значений и последующее их сравнение требует аккуратного учета таких показателей, как этап индустриализации страны, уровень ее модернизированности и т. д., что означает дифференцирование соответствующих границ для населения стран с разным уровнем социально-экономического развития²¹.

Еще одним вариантом определения национальных линий бедности может выступать размер доходов или расходов, соответствующих потреблению определенного количества калорий (в основном 2 100 или 2 400 в сутки, хотя существуют и иные варианты²²). Однако в силу того, что одно и то же количество калорий может обеспечиваться принципиально разными продуктовыми корзинами с разной стоимостью, этот вариант расчета черты бедности имеет умеренную популярность.

Альтернативой, избегающей прямых денежных измерений, является практика выделения доходных групп через границы долей

---

¹⁹ Ясинский А. Обзор методов и источников данных для измерения бедности в странах Содружества. Минск: Галатея, 2014.

²⁰ Более подробно о методике выделения группы бедного населения в США см. на официальном сайте Бюро переписи населения Census Bureau (URL: www.census.gov/topics/income-poverty/poverty/about.html).

²¹ Cowell F. Measuring inequality (Third ed.). Oxford: Oxford University Press, 2011.

²² Report of the Expert Group to Review the Methodology for Measurement of Poverty. Government of India Planning Commission. 2014. June. (URL: planningcommission.nic.in/reports/genrep/pov_rep0707.pdf).

дохода, затрачиваемых на питание. Исторически подобные методики разрабатывались для развивающихся стран (в частности, Латинской Америки, где они широко используются до сих пор). При выделении группы бедного населения в них учитываются различные относительные доли расходов на питание (например, 80% общего бюджета домохозяйств для крайне бедных, 60% — для бедных и 40% для уязвимых)²³.

Наиболее широкое распространение, в первую очередь для сравнительных исследований, получила, однако, методика определения черты бедности Всемирного банка (ВБ), разработанная еще в начале 1980-х гг. М. Раваллионом и его коллегами, а также различные ее разновидности²⁴. Доходные границы в рамках этой методики выделены на базе национальных границ бедности отдельных стран, причем поскольку эта методика разрабатывалась и используется в основном для анализа ситуации в развивающихся странах, то именно их официально установленные пороги бедности и легли в основу соответствующей «демаркационной линии» в методике в целом. Изначально именно на этой основе в качестве порога бедности в развивающихся странах Всемирный банк рассматривал сумму, равную одному доллару США в день по паритету покупательной способности (ППС)²⁵. Этот показа-

---

²³ См., например: Urban poverty report: a study of poverty, food insecurity and resilience in Afghan cities. Danish Refugee Council (DRC). 2014; *Levine S. et al.* A review of poverty and inequality in Namibia. Windhoek: Central Bureau of Statistics / National Planning Commission. 2008.

²⁴ *Chen S., Ravallion M.* China is poorer than we thought, but no less successful in the fight against poverty / Anand S., Segal P., Stiglitz J. (Eds.) Debates on the measurement of poverty. Oxford. UK: Oxford University Press, 2010; *Chen S., Ravallion M.* The developing world is poorer than we thought, but no less successful in the fight against poverty // *Quarterly Journal of Economics*. 2011. Vol. 125. Issue 4; *Ravallion M.* A Global Perspective on poverty in India // *Economic and Political Weekly*. 2008. October 25. Vol. 43. No. 43; *Ravallion M., Chen S., Sangraula P.* Dollar a day revisited // *World Bank Economic Review*. 2009. Vol. 23; *Ravallion M., Datt G., Van de Walle, D.* Quantifying absolute poverty in the developing world // *Review of Income and Wealth*. 1991. Vol. 37.

²⁵ Определение ППС методически достаточно нетривиально, что приводит к множеству вариантов его расчета. Всемирный банк для расчета ППС использует свою Программу международных сопоставлений (ПМС, 199 стран-участниц). В ее рамках каждые шесть лет проводятся обследования для сбора данных о ценах и расходах для целого ряда конечных това-

тель условно аппроксимировал значение национальных границ бедности 22 развивающихся стран, вошедших в расчеты Всемирного банка. При этом методика «1 доллара» была ориентирована только на страны таких регионов, как Африка, Южная Азия, Восточная Азия и страны Тихоокеанского бассейна. Для стран Европы, Центральной Азии, Латинской Америки, стран Карибского бассейна, Северной Африки и Ближнего Востока, отнесенных Всемирным банком к группе стран со средними доходами, изначальный порог бедности устанавливался на уровне двух долларов, что примерно соответствовало медианному показателю черт бедности всех развивающихся стран, которые входили в выборку Всемирного банка. Стоит отметить, что Россия по классификации Всемирного банка входит в число стран с доходами выше среднего²⁶, т. е. черта бедности в ней должна сейчас заведомо находиться выше этой медианы.

Впоследствии, по мере расширения выборки стран, используемых для международных сопоставлений, и с учетом инфляции в США, эти показатели неоднократно претерпевали изменения. К 2017 г. в качестве границ бедности вместо показателей в 1 и 2 долл. стали использоваться показатели в 1,9 и 3,1 долл. в день по ППС (в ценах 2011 г.) соответственно. В целом же в рамках методики «1 доллара» Всемирного банка в исследованиях разных лет применялись такие варианты этих границ с учетом ППС, как 1 долл., 1,25 долл., 1,45 долл., 2 долл., 2,5 долл. и т. д. Удвоение границы бедности рассматривается как основа для выделения порога уязвимости к бедности, т. е. ее высоких рисков.

Логика Всемирного банка по определению черты бедности транслируется в рамках абсолютного подхода к доходной

ров и услуг, которые включены в ВВП, в т. ч. для потребительских товаров и услуг, государственных услуг и пр. (более подробно см. на официальном сайте Всемирного банка ([URL: iresearch.worldbank.org/PovcalNet/index.htm?0,2](http://iresearch.worldbank.org/PovcalNet/index.htm?0,2))). В настоящее время доступны данные по ППС Всемирного банка на 2011 г. Анализ доходных распределений, построенных с учетом ППС, существенно отличается от аналогичных расчетов на базе обменных валютных курсов. Так, например, для России стоимость доллара по ППС соответствовала на 2011 г. 17,35 руб., в то время как по обменному курсу она составляла тогда 29,35 руб.

²⁶ Источник данных: официальная статистика Всемирного банка ([URL: data.worldbank.org/country/russian-federation](http://data.worldbank.org/country/russian-federation)).

стратификации и в практиках выделения в развивающихся странах среднего класса. Безусловно, понятие «класса» при доходной стратификации корректно использовать только в рамках одноступенчатого классового анализа, существующего наряду с неовейберовскими и неомарксистскими его версиями²⁷. Согласно ему, классы выделяются в рамках вертикальной стратификации на базе уровня их благосостояния: от бедности к богатству. Несмотря на упрощенный характер этого подхода к классовой структуре, он находит распространение не только в рамках маркетинговых, но и в ряде академических исследований²⁸.

М. Раваллион²⁹ определяет нижнюю границу среднего класса развивающихся стран (включая как собственно средний, так и верхний средний класс) на уровне черты бедности (2 долл.), а верхнюю (13 долл.) — как границу бедности в США с учетом ППС, показывая тем самым, что средний класс в развивающихся странах — это те, кто уже не беден согласно стандартам этих стран, но беден по стандартам развитых стран. Он также отмечает целесообразность выделения в этом классе в развивающихся странах верхнего среднего сегмента с нижней границей его доходов в 9 долл. по ППС, что соответствует самой высокой черте бедности среди развивающихся стран, анализировавшихся в рамках соответствующего исследования, — в Уругвае. Для попадания в «западный средний класс», по мнению М. Раваллиона, необходимо как минимум пересечь черту доходов, равную черте бедности в США.

При сохранении логики определения границ среднего класса и применения ее к иным регионам соответствующие значения дохода в долларах и даже набор анализируемых «классов» меняются³⁰. Так, для России при выделении среднего

---

²⁷ *Wright E. O.* Foundations of a neo-Marxist class analysis. / Wright E. O. (Ed.) *Alternative Foundations of Class Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

²⁸ См. подробно: *Тухонова Н. Е.* Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014.

²⁹ *Ravallion M.* The developing world's bulging (but vulnerable) middle class // *World development*. 2010. Vol. 38. No. 4

³⁰ См.: *Vakis R., Jamele R., Lucchetti L.* Overview: Left behind: Chronic poverty in Latin America and the Caribbean. Washington, DC: World Bank, 2015; *Dang H., Ianchovichina E.* Welfare dynamics with synthetic panels: the case of the

класса Всемирным банком используется практика его дробления на 2–3 подгруппы³¹. При этом применение этой методики к условиям России оставляет вопросы, поскольку наша страна, в отличие от большинства развивающихся стран, с процессами индустриализации и урбанизации столкнулась значительно раньше, а соответственно, и преуспела в них в значительно большей мере.

Б. Миланович и Ш. Ицхаки³², фокусирувавшиеся на выделении мирового среднего класса, определяли верхнюю границу его дохода (50 долл. по ППС) как размер среднего дохода в Италии, наименее богатой из развитых стран в группе G7. Нижняя граница (12 долл.) определялась ими как средний доход населения Бразилии. Согласно альтернативной методике³³, нижний порог доходов среднего класса в развивающихся странах (10 долл. в день) равен среднему размеру черты бедности для двух развитых стран с наиболее строгими в этом отношении показателями (Италии и Португалии)³⁴. В Китае и Индии средний класс определяется как население с годовыми доходами, соответствующими 10 долл. в день³⁵.

Верификация границ дохода среднего класса в отдельных работах опирается иногда и на их сравнение с границами, выделенными в рамках иных подходов — например, относительно. Так, средний класс может определяться как промежуточная

Arab world in transition // Policy Research working paper. 2016. No. WPS7595. Washington, D.C.: World Bank Group, 2016; а также работы других авторов.

³¹ См. в табл. 1.1 данные «Доклада об экономике России 31: Кризис доверия обнажает слабость экономики» (М.: Всемирный банк. Представительство в России, 2014), а также другую публикацию Всемирного банка: Grant A., Hansl B. Russia economic report: the dawn of a new economic era? / Russia economic report No. 33. Washington, DC: World Bank Group, 2015.

³² Milanovic B., Yitzhaki S. Decomposing world income distribution: Does the world have a middle class? // Review of Income and Wealth. 2002. Vol. 48. No. 2.

³³ Kharas H. The emerging middle class in developing countries // OECD Development Centre Working Paper. 2010. Vol. 285.

³⁴ Впрочем, верхнюю границу (100 долл. США) автор выделяет на ином основании — как удвоенную медиану дохода Люксембурга — самой богатой из развитых стран.

³⁵ Bhalla S. The middle class kingdoms of India and China. Peterson Institute for International Economics. Washington, DC, 2009; Kharas H. The emerging middle class in developing countries // OECD Development Centre Working Paper. 2010. Vol. 285.

группа между бедными этих стран и средним классом развитых стран (США, например)³⁶. В этой связи сторонники таких методик устанавливали границы его расходов как 2–10 долл. в день на человека, дифференцируя средний класс на три группы: с доходами 2–4, 4–6 и 6–10 долл. на человека в день.

В некоторых работах встречаются и содержательные обоснования используемых границ доходов отдельных социальных групп. Так, при выделении среднего класса Л. Лопес-Калва и Е. Ортис-Хуарес³⁷, например, определяли нижнюю его границу как доход, соответствующий максимально допустимому уровню экономической нестабильности для среднего класса. Как индикатор уязвимости при этом они рассматривали 10-процентную вероятность попадания индивида в число бедных на пятилетнем интервале. Это соответствовало среднему уровню бедности в таких странах, как Аргентина, Колумбия, Коста-Рика, но было чуть меньше, чем в регионе Латинской Америки в целом³⁸.

Отдельно стоит упомянуть и о традиции доходной стратификации в маркетинговых исследованиях. Коммерческие аналитические службы строят доходные шкалы, опираясь обычно на разработки Всемирного банка и отдельные научные результаты³⁹, поэтому опыт выделения ими различных социальных слоев в рамках абсолютного подхода для международных сравнений базируется в основном на методологии «1 доллара» (1,9 долл. с 2015 г.) и «2 долларов» (3,1 долл. с 2015 г.) Всемирного банка.

³⁶ Banerjee A. V., Duflo E. What is middle class about the middle classes around the world? // The Journal of Economic Perspectives: A Journal of the American Economic Association. Vol. 22. No. 2.

³⁷ López-Calva L., Ortiz-Juarez E. A vulnerability approach to the definition of the middle class // Journal of Economic Inequality. 2014. Vol. 12.

³⁸ Для получения показателя дохода, соответствующего этому уровню социальной незащищенности, авторами изучалось, какой уровень дохода с ним ассоциируется. Эта задача решалась посредством построения модели, учитывающей демографические и трудовые характеристики, а также шоки, с которыми сталкивается домохозяйство.

³⁹ См., например: The American middle class is losing Ground: No longer the majority and falling behind financially. Washington, D.C.: Pew Research Center, 2015 (URL: www.pewsocialtrends.org/files/2015/12/2015-12-09_middle-class_FINAL-report.pdf), а также публикации компании Маккинзи (Court D., Narasimhan L. Capturing the world's emerging middle class // McKinsey Quarterly. 2010. July. (URL: www.mckinsey.com/insights/consumer_and_retail/capturing_the_worlds_emerging_middle_class)).

Таблица 1.1

Границы доходов различных доходных групп в рамках абсолютного подхода в отдельных исследовательских работах, в долларах США на человека в день по ППС⁴⁰

Авторы, год коллети	Низкодоходные			Среднедоходные			Высоко- доход- ные	География применения методики
	глубоко бедные	бедные	уязви- мые	нижний СК	средний класс	верхний СК		
М. Раваллион и его коллети		1,25			2–9	9–13		Развивающиеся страны
Р. Вакис, Р. Джамел, Л. Луккетти (2015)	до 2,5	2,5–4	4–10		10–50			Страны Латинской Америки и Кариб- ского бассейна
Х. Данг, Е. Янчови- чина (2016)		До 2	2–4,9		Более 4,9			Middle East and North Africa
Доклад об экономи- ке России... (2015) ⁴¹		До 5 ⁴²	5–10		10–50	От 50		Россия, страны Европы и Цен- тральной Азии

⁴⁰ В связи с фокусом внимания различных авторов на разных доходных группах и/или построении социальной структуры общества с разным набором ее элементов, эта и следующая таблицы имеют незаполненные ячейки по позициям, оставшимся за рамками рассмотрения в соответствующих публикациях. Соотношение выделенных разными исследователями доходных групп с представленной в таблице классификацией произведено авторами данной книги.

⁴¹ Russia Economic Report 33: The Dawn of a new economic era? Washington D.C.: World Bank Group, 2015.
⁴² Стоит отметить, что в качестве порогового значения бедности для России обычно отмечается показатель 4 долл. в день по ППС (Статистика СНГ (Статистический бюллетень). 2015. № 1 (544). М., 2015). В то же время для оценки глубокой бедности и бедности во всех странах региона «Европа и Центральная Азия», к которому Всемирный банк причисляет Россию, используются два унифицированных верхних граничных показателя — соответственно, 2,5 долл. в день и 5 долл. в день.

Продолжение табл. 1.1

А. Грант, Б. Хансл (2015)	До 5	5–10	10–25	25–50	От 50	Россия
Б. Миланович, С. Ицхаки (2002)				12–50		Глобальный средний класс, 1993 г.
А. Банерджи, Е. Дуфло (2008)			2–4	4–6	6–10	11 развивающихся стран ⁴³
Х. Харас (2010); М. Карденас, Х. Харас, Ц. Хенао (2011)				10–100		Глобальный средний класс; Латинская Америка
С. Бхалла (2009)				Около 11 ⁴⁴		Индия и Китай
Л. Лопес-Кальва и Е. Ортис-Хуарес (2014)				10–50		Чили, Мексика, Перу
Исследовательский Центр PEW (2015)	До 2	2,01–10		10,01–20	20,01–50	Более 50
Подход McKinsey: Д. Корт, Л. Нарасимхан (2010) ⁴⁵		9	9–15	15–40	40–77	Более 77
						Развивающиеся страны, включая РФ и Польшу

⁴³ Авторы использовали для классификации показатели расходов, а не доходов.⁴⁴ Рассчитано через 3 900 долл. в год — порог, который определил сам С. Бхалла.⁴⁵ Приведен ориентировочный пересчет к сопоставимым показателям на основе предложенных компанией McKinsey порогов.

Сам Всемирный банк также предпринимает попытки построения общей доходной шкалы, беря во внимание свой опыт выделения бедных и среднего класса. Например, для стран Европы и Центральной Азии, включая РФ, в рамках «Доклада об экономике России»⁴⁶, были выделены следующие элементы социальной структуры, в основе модели которой лежит критерий дохода с учетом ППС:

- *верхний средний класс* (50 или более долларов в день),
- *средний класс* (10–50 долл.),
- *уязвимые* (5–10 долл.),
- *бедные* (5 и менее долл.).

Таким образом, консенсуса в вопросах о границах доходов различных социальных групп в академическом дискурсе не существует. При этом значения предельных доходов низкодходных слоев и нижней границы доходов среднего класса имеют в работах разных авторов больше пересечений, нежели их предложения о верхней границе доходов среднего класса и высокодоходных слоев. Обоснования этих границ к тому же практически всегда вызывают вопросы, т. к. эти пороги либо просто постулируются авторами соответствующих методик, либо ориентированы на условия определенных стран или регионов мира.

В целом же нерелевантность стандартов жизни развивающихся стран для массовых слоев населения развитых стран оставляет низкие шансы на формирование единой шкалы доходной стратификации в мировом масштабе. Для экономически более благополучных стран используется либо мультипликация абсолютных показателей дохода, либо принципиально иные подходы (для стран с высокими доходами), т. к. для развитых стран более актуальны вопросы исключенности индивидов из жизни общества, чем вопросы их физического выживания, как, например, для ряда стран Африки. Поэтому в таких странах для определения доходного статуса используется относительный подход, а не абсолютный, как в случае с развивающимися странами.

---

⁴⁶ Доклад об экономике России 31: Кризис доверия обнажает слабость экономики. М.: Всемирный банк. Представительство в России, 2014 (URL: www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2014/03/26/russian-economic-report-31).

Относительный подход к доходной стратификации

Альтернативой абсолютному подходу определения границ групп при доходной стратификации выступает **относительный** подход. В рамках него границы доходов групп выделяются в основном на базе либо процентильного распределения, либо соотношения со средним или медианным доходом в рамках страны или иной пространственной единицы. Такая процедура позволяет «нормировать» положение объектов (индивидов или домохозяйств) относительно существующих в региональных или локальных сообществах стандартов, в данном случае — стандартов доходов.

Выделение процентилей населения по какому-либо показателю уже само по себе задает определенную модель стратификации. В этой связи построение «процентильной» шкалы заметно проще для оперирования по сравнению с абсолютными шкалами, описанными выше. При этом стратификационные линейки на основе процентилей имеют симметричное распределение и ровные границы групп. Данный подход активно применяется и при построении общей шкалы стратификации, и для определения лишь отдельных ее элементов. Например, срединные ранги (терминологически в рамках доходных стратификаций в отношении них применяется зачастую термин «средний класс») определяются как зона вокруг центральных процентилей/децилей/квинтилей и т. д. Так, У. Истерли⁴⁷ и Р. Барро⁴⁸ относят к среднему классу всех членов второго-четвертого доходных квинтилей (т. е. с 21 по 80 процентиля). Те же границы среднего класса использованы и в работе У. Даллингера, который предлагает для того, чтобы «уловить внутреннюю дифференциацию социетального среднего», использовать квинтили⁴⁹. У него «средний» средний класс в узком смысле слова является срединными 20% доходного распределения

⁴⁷ *Easterly W.* The middle class consensus and economic development // *Journal of Economic Growth*. 2001. Vol. 6 (4).

⁴⁸ *Barro R.* Inequality and Growth in a Panel of Countries // *Journal of Economic Growth*. 2000. Vol. 5. No. 1.

⁴⁹ *Dallinger U.* The endangered middle class? A comparative analysis of the role played by income redistribution // *Journal of European Social Policy*. 2013. Vol. 23. No. 1.

(квintиль 3), ниже него лежит «нижний» средний класс (квintиль 2), а выше него — «верхний» средний класс (квintиль 4). Для других авторов⁵⁰ средним классом является только «средний» средний класс. Определение в качестве среднего класса нецентральных квintилей также имеет место в академической литературе, но встречается относительно реже. Одни относят к нему 3–4-й квintили⁵¹, другие — 3–9-й децили⁵².

Граница доходов самых благополучных групп — значительно более дискуссионный вопрос доходной стратификации. А. Пейхль и Н. Пестель⁵³ устанавливают эту границу на уровне 80 процентиля, что соответствует большинству работ других авторов, рассматривающих в качестве нижней границы доходов высокодоходных групп верхнюю границу доходов среднего класса (табл. 1.2). Распространены в литературе и подходы, относящие к высокодоходным слоям (которые подчас к тому же делятся внутри себя на подгруппы) значительно меньшую долю населения — от 0,5 до 10%. Так, одни называют в качестве их границ 1 и 5%⁵⁴, другие — 0,5%⁵⁵. Впрочем, четкой аргументации по вопросу своего выбора авторы в массе своей не приводят.

---

⁵⁰ *Partridge M.* Is inequality harmful for growth? Comment // *The American Economic Review*. 1997. Vol. 87. No. 5.

⁵¹ *Alesina A., Perotti R.* Income distribution, political instability, and investment // *European Economic Review*. 1996. Vol. 40. No. 6; *Belletini G., Ceroni B.* Income distribution, borrowing constraints and redistributive policies // *European Economic Review*. 2007. Vol. 51. No. 3.

⁵² *Solimano A.* The Middle Class and The Development Process: International Evidence. Santiago, Chile: Economic Commission for Latin America and the Caribbean. Mimeographed document, 2008.

⁵³ *Peichl A., Pestel N.* Multidimensional affluence: Theory and applications to Germany and the US // *IZA Discussion Papers*. 2011. Vol. 5926.

⁵⁴ *Dynan K., Skinner J., Zeldes S.* Do the rich save more? // *Journal of Political Economy*. 2004. Vol. 112. No. 2; *Carroll C.* Portfolios of the rich. In: Guiso / Haliassos M., Jappelli T. (Eds.) *Household Portfolios*, MIT Press. Cambridge, MA. 2002; *Weicher J.* The rich and the poor: Demographics of the U. S. Wealth distribution // *Federal Reserve Bank of St. Louis Review*. 1997. Vol. 79. No. 4; *Wolff E.* Recent trends in household wealth in the United States: Rising debt and the middle-class squeeze // *An update to 2007 Levy Economics Institute Working Paper*. 2010. No. 589.

⁵⁵ *Feenberg D., Poterba J.* The Income and Tax Share of Very High-Income Households, 1960–1995 // *The American Economic Review, Papers and Proceedings*. 2000. Vol. 90. No. 2.

Преимущества построения доходной структуры общества через процентилю сводятся в основном к простоте использования такого подхода. При этом, несмотря на широкое применение методики равных рангов к доходному распределению, такой подход критикуется исследователями, чаще экономистами, занимающимися проблематикой доходной стратификации⁵⁶, поскольку его достоинство является при этом и недостатком. Так, Н. Бердсалл с коллегами критикуют выделение среднего класса через процентилю дохода за то, что такой метод по определению предполагает группировки фиксированного размера⁵⁷. В качестве альтернативы авторы предлагают использовать «медианный подход» при группировке доходного распределения, преимущества которого они видят: 1) в возможности сравнивать размер групп между странами и внутри страны на протяжении времени; 2) относительной легкости выделения групп внутри страны в целях социальной политики⁵⁸.

И действительно, во избежание изначальной «заданности» размеров доходных групп многие авторы часто прибегают к попыткам построить шкалу доходной стратификации с опорой на показатели среднего или медианного дохода или (реже) черты бедности⁵⁹. Чаще всего в основе относительных шкал доходной стратифика-

---

⁵⁶ Например: *Birdsall N., Graham C., Pettinato S.* Stuck in tunnel: Is globalization muddling the middle? // Center on Social and Economic Dynamics Working Paper. 2000. Vol. 14; *Chauvel L.* Welfare Regimes, Cohorts and the Middle Classes / Gornick J., Jäntti M. (Eds.) *Income inequality: economic disparities and the middle class in affluent countries.* Stanford, California: Stanford University Press, 2013; *Eisenhauer J. G.* The rich, the poor, and the middle class: Thresholds and intensity indices // *Research in Economics.* 2011. Vol. 65. No. 4.

⁵⁷ *Birdsall N., Graham C. Pettinato S.* Stuck in tunnel: Is globalization muddling the middle? // Center on Social and Economic Dynamics Working Paper. 2001. Vol. 14.

⁵⁸ Стоит отметить, что авторы критикуют также социологическое (многокритериальное) определение среднего класса, указывая на то, что медианный подход позволяет избежать проблемы «устаревания» определения среднего класса, строящегося на основе родов занятий, образования и т. д. Не вдаваясь в полемику на этот счет, стоит отметить, что профессиональная структура может быть более ригидной и стабильной, чем доходное распределение. Опыт России периода экономического бума 2000-х гг. показывает, что изменения в доходном распределении могут опережать изменения в профессиональной структуре.

⁵⁹ Впрочем, в рамках этих разновидностей относительного подхода сама черта бедности также часто определяется через определенную долю медианного показателя дохода.

ции лежит при этом медиана⁶⁰. Поскольку медианный показатель дохода практически всегда ниже среднего, чувствительность медианы к глубине неравенства доходов, в т. ч. в верхних слоях населения, заметно ниже, чем у показателя среднего дохода.

Популяризация медианного подхода к доходной стратификации началась с работы по изучению социально-экономической сущности феномена бедности и неравенства Л. Туроу⁶¹, который первым предложил определение среднего класса в терминах относительного подхода к доходам. Впрочем, и иные социальные группы также находят в литературе свое определение через медианный доход. Так, по методологии ОЭСР, активно используемой различными европейскими статистическими службами, относительная черта бедности оценивается как 50% медианного эквивалентного денежного дохода⁶² (хотя в целом допускается и использование показателей в 40, 60 и даже 70%). Европейское статистическое агентство (Евростат) рассчитывает долю населения с доходами менее 60% медианного дохода в стране как границу доходов для тех, кто подвергается бедности⁶³. Эти показатели активно используются научным сообществом при определении индикаторов бедности.

К среднему классу в рамках данной традиции относятся обычно те, чьи доходы распределены вокруг медианы — в интервале от 0,75 до 1,25 медианы доходного распределения⁶⁴. Эти несколько

---

⁶⁰ *Townsend P.* Poverty in the United Kingdom: A Survey of Household Resources and Standards of Living. Berkeley: University of California Press, 1979; *Townsend P.* International Analysis of Poverty. New York: Routledge, 2003.

⁶¹ *Thurrow L. C.* A surge in inequality // *Scientific American*. 1987. Vol. 256 (5).

⁶² Более подробно об этой методике выделения бедных см. на официальном сайте ОЭСР (URL: data.oecd.org/inequality/poverty-rate.htm).

⁶³ Более подробно об этой методике выделения бедных см. на официальном сайте Евростата (URL: ec.europa.eu/eurostat/web/products-datasets/-/tesov016).

⁶⁴ *Birdsall N., Graham C., Pettinato S.* Stuck in tunnel: Is globalization muddling the middle? // Center on Social and Economic Dynamics Working Paper. 2000. Vol. 14; *Thurrow L. C.* A surge in inequality // *Scientific American*. 1987. Vol. 256. No. 5; *Chauvel L.* Welfare Regimes, Cohorts and the Middle Classes / Gornick J., Jäntti M. (Eds.) *Income inequality: economic disparities and the middle class in affluent countries*. Stanford, California: Stanford University Press, 2013; *Pressman S.* The decline of the middle class: an international perspective // *Journal of Economic Issues*. 2007. Vol. 41. No. 1; *Pressman S., Scott R. H.* Who are the debt poor? // *Journal of Economic Issues*. 2009. Vol. 43. No. 2.

«механически» определенные границы дополнительно обосновывают Э. Аткинсон и А. Брандолини⁶⁵. Они, рассматривая 0,6 медианы доходов как черту бедности⁶⁶, определяли нижнюю границу доходов среднего класса как эту величину, увеличенную на 25%, т. е. как 0,75 медианы, и считали этот уровень доходов достаточным для обеспечения избегания риска бедности «с комфортным запасом». Логика выделения верхней границы, 1,25 медианы, не так очевидна, если не считать ее симметричности к 0,75 по отношению к медиане. Поэтому, обосновывая ее, Э. Аткинсон и А. Брандолини больше апеллируют к удачному опыту использования такой границы, например, С. Прессман⁶⁷, чем к собственным расчетам. Кроме того, они выделяют примыкающие к среднему классу нижний и верхний средние классы (0,6–0,75 медианы и 1,25–1,67 медианы), границы которых рассчитывались ими исходя из логики превышения верхней границы над нижней на четверть.

В исследованиях французского социолога Л. Шавель⁶⁸ при определении нижних и верхних границ доходов среднего класса используется более широкий коридор — от 0,50 до 2 медиан относительных скорректированных⁶⁹ располагаемых доходов. В своих более поздних работах Л. Шавель⁷⁰, основываясь на работах упомянутых выше авторов⁷¹, а также анализируя кривую распределения эквивалентных располагаемых доходов, делает выводы

---

⁶⁵ *Atkinson A. B., Brandolini A.* On the identification of the middle class // Gornick J., Jäntti M. (Eds.) *Income inequality: economic disparities and the middle class in affluent countries.* Stanford, California: Stanford University Press, 2013.

⁶⁶ Автор использует англоязычный термин «at-risk-of-poverty line», т. е. черту риска бедности, но, по сути, речь идет о черте бедности.

⁶⁷ *Pressman S.* The decline of the middle class: an international perspective // *Journal of Economic Issues.* 2007. Vol. 41. No. 1.

⁶⁸ *Chauvel L.* Welfare regimes, cohorts and the middle Classes // Gornick J., Jäntti M. (Eds.) *Income inequality: Economic disparities and the middle class in affluent countries.* Stanford, California: Stanford University Press, 2013.

⁶⁹ Общий чистый доход за вычетом налогов и трансфертов, скорректированный на размер домохозяйства с применением в качестве шкалы эквивалентности квадратного корня количества резидентов домохозяйства.

⁷⁰ *Chauvel L.* *Les Classes moyennes à la dérive.* Paris: Le Seuil, 2006.

⁷¹ В первую очередь: *Pressman S.* The decline of the middle class: an international perspective // *Journal of Economic Issues.* 2007. Vol. 41. No. 1; *Atkinson A. B., Brandolini A.* On the identification of the middle class // Gornick J., Jäntti M. (Eds.) *Income inequality: economic disparities and the middle class in affluent countries.* Stanford, California: Stanford University Press, 2013.

о гетерогенности среднего класса, о необходимости повышения его верхней границы и о целесообразности выделения «нижнего» (0,75–1,25 медианы), «среднего» (1,25–1,5 медианы) и «верхнего» (1,5–2,5 медианы) его сегментов⁷². Другие исследователи применительно, например, к Германии используют границы 0,7–1,5 медианы доходов⁷³. Для США этот диапазон традиционно шире. Так, еще в литературе 1980-х гг. авторами предлагался для них диапазон доходов среднего класса в 0,6–2,25 медианы⁷⁴.

Американский исследовательский центр PEW⁷⁵ определяет средний класс (или население «со средним уровнем дохода») как тех, чей годовой доход на домохозяйство из трех человек (целого числа ближайшего к среднему размеру домохозяйства США, который составлял в 2015 г. 2,5 человека) находится в диапазоне от двух третей до удвоенной национальной медианы⁷⁶.

Практики выделения в логике медианного подхода наиболее благополучного населения, как и в логике остальных подходов, наиболее дискуссионны. Верхняя граница доходов среднего класса, которая призвана играть роль нижней границы доходов наиболее обеспеченных групп, не имеет консенсусного определения, а размах вариантов таких границ в литературе крайне велик. Минимальная черта доходов благополучного населения может варьироваться от двух до четырех медиан⁷⁷, либо верхних 1, 5 и 10% населения⁷⁸.

---

⁷² Впрочем, автор фокусируется только на полярных подгруппах среднего класса.

⁷³ *Grabka M., Frick J.* The Shrinking German Middle Class – Signs of Long-Term Polarization in Disposable Income? // DIW Berlin Weekly Report. 2008. Vol. 4. No. 4.

⁷⁴ *Blackburn M., Bloom D.* What is happening to the middle class? // American Demographics. 1985. Vol. 7. No. 1.

⁷⁵ *Fry R., Kochhar R.* Are you in the American middle class? Find out with our income calculator // Factank. News in the numbers. 2016/05/11. (URL: www.pewresearch.org/fact-tank/2016/05/11/are-you-in-the-american-middle-class/).

⁷⁶ Более подробно о методике выделения среднего класса в рамках указанного подхода см. в техническом описании исследования Current Population Survey (CPS) на официальном сайте Census Bureau (URL: www.census.gov/programs-surveys/cps/technical-documentation/complete.html).

⁷⁷ *Peichl A., Schaefer T., Scheicher C.* Measuring richness and poverty: A micro data application to Europe and Germany // Review of Income and Wealth. 2010. Vol. 56. No. 3.

⁷⁸ *Brzezinski M.* Variance estimation for richness measures // Luxembourg Income Study (LIS), Working Paper Series. 2011. No. 11.

Существуют и вариации границ высокодоходных слоев в рамках относительного подхода без опоры на медианные показатели дохода. В отдельных случаях в качестве отправной точки соотношения доходов используется, например, не медианный доход в стране, а черта бедности. Так, С. Роуз⁷⁹ в попытке построения доходной стратификации населения США определял доход бедных на уровне 1,5 официальных национальных черт бедности (30 тыс. долл. США эквивалентного дохода для семьи из 3 человек), а богатых — по полученным в ходе опросов оценкам населения о численности этой группы (1–2%, что соответствует доходу в 350 тыс. долл., которые, в свою очередь, приблизительно равны 10 тыс. долл. в месяц на человека и в 10–12 раз выше черты, отделяющей низкодоходные группы). Население с доходами между этими показателями было отнесено к среднему классу: верхнему (от 100 тыс. до 350 тыс. долл.), среднему (50–100 тыс. долл.) и нижнему (30–50 тыс. долл.) его сегментам.

Согласно М. Медейросу, черта высокообеспеченности может быть определена на уровне четырех стандартных отклонений сверх среднего дохода⁸⁰. Другие исследователи⁸¹ обращаются к 8, 10 и 12-кратным национальным чертам бедности. Существуют и другие версии выделения высокодоходных слоев и построения моделей доходной стратификации общества.

Тем не менее медиана как «точка отсчета» все-таки является наиболее популярным методическим базисом для построения моделей доходной стратификации, хотя и у основанных на ней методиках есть свои изъяны. К числу главных недостатков метода медианного дохода в рамках одной страны У. Даллингер⁸², например,

---

⁷⁹ *Rose S.* The Growing Size and Incomes of the Upper Middle Class. Urban institute. Research report. 2016. June (URL: www.urban.org/sites/default/files/alfresco/publication-pdfs/2000819-The-Growing-Size-and-Incomes-of-the-Upper-Middle-Class.pdf).

⁸⁰ *Medeiros M.* The rich and the poor: the construction of an affluence line from the poverty line // Social Indicators Research. 2006. Vol. 78. No. 1.

⁸¹ *Rank M.* The Racial Injustice of Poverty // George Warren Brown School of Social Work Working Paper. 1999; *Danziger S., Gottschalk P., Smolensky E.* How the rich have fared, 1973–87 // The American Economic Review. 1989. Vol. 79. No. 2.; *Rank M.R., Hirschl T.A.* Poverty across the Life Cycle: Evidence from the PSID. // Journal of Policy Analysis and Management. 2001. Vol. 20. No. 4.

⁸² *Dallinger U.* The endangered middle class? A comparative analysis of the role played by income redistribution // Journal of European Social Policy. 2013. Vol. 23. No. 1.

относит то, что в результате его применения обычно получается очень широкий средний класс (впрочем, как будет показано во втором разделе данной книги, это характерно далеко не для всех типов обществ и тем более стран).

Стоит отметить, что неочевидность границ доходов наиболее благополучных слоев населения требует относительно большего внимания к обоснованию выбора того или иного их варианта. Поэтому попытки содержательного объяснения границ доходов групп в рамках относительного подхода к доходной стратификации в большей степени свойственны работам, ориентированным на выделение именно высокодоходных слоев. Так, по мнению Э. Аткинсона и А. Брандолини⁸³, необходимо учитывать, что эта часть населения должна иметь возможность нанять работников для удовлетворения своих нужд, например няню, помощника по хозяйству и т. д., причем доля расходов на услуги этого работника в общем бюджете домохозяйства не должна быть такой, чтобы привести семью к бедности⁸⁴. Подбирая параметры соотношения расходов на работника и на собственные нужды с учетом доли расходов на него в семейном бюджете, эти авторы предлагают в качестве верхней границы доходов среднего класса 2 и 3 медианы, но не делают заключений об их релевантности.

М. Медейрос⁸⁵ обосновывает черту высокообеспеченности как уровень доходов, владельцы которых через их перераспределение могут разрешить проблему бедности (доходов ниже определенной монетарной черты бедности) в рассматриваемом социуме. В качестве отправной точки анализа при этом рассматривается не медианный доход, а установленная черта бедности. На данных Бразилии 1999 г. при черте бедности на уровне доходов 33 перцентиля населения черта обеспеченности превысила ее у этого автора в 26,8 раз (1 142 долл. в качестве ежемесячного дохода домохозяйства, цены 1999 г.).

---

⁸³ *Atkinson A. B., Brandolini A. On the identification of the middle class // Gornick J., Jäntti M. (Eds.) Income inequality: economic disparities and the middle class in affluent countries. Stanford, California: Stanford University Press, 2013.*

⁸⁴ Бедность при этом определяется авторами в рамках относительного подхода как наличие дохода ниже 0,6 медианы доходов в стране.

⁸⁵ *Medeiros M. The rich and the poor: the construction of an affluence line from the poverty line // Social Indicators Research. 2006. Vol. 78. No. 1.*

Й. Эйзенхауэр⁸⁶ в качестве обеспеченных определяет тех, кто без учета трудовых доходов имеет ликвидные активы, доходность которых по безрисковым ценным бумагам после уплаты налогов превысит черту бедности.

Существуют также и попытки усилить методики выделения высокодоходных групп, дополнив доходные границы показателями накопленного состояния. Так, Р. Хаузер и И. Беккер, рассуждая о Германии 1998 г., к удвоенной медиане эквивалентного чистого дохода добавляли необходимость наличия 1 млн немецких марок на члена семьи⁸⁷.

В табл. 1.2 представлены сводные данные об опыте доходной стратификации и выделении отдельных доходных групп в рамках относительного подхода. Как видно из таблицы, эта традиция, имеющая в качестве отправной точки анализа отсылку к некоторому стандарту, характерному для изучаемого социума, в наибольшей степени свойственна попыткам построения моделей доходной стратификации в развитых странах.

В целом же, в рамках относительного подхода, как, впрочем, и абсолютного, у зарубежных авторов не только нет единства в определении границ групп при построении моделей доходной стратификации, но зачастую нет даже аргументации своей позиции, что часто вызывает вопросы и критику. Кроме того, и в рамках относительного подхода потенциал возможностей межстрановых сопоставлений достаточно непрозрачен⁸⁸.

Все это, естественно, создает проблемы и при выборе оптимального для российских условий метода доходной стратификации. Тем не менее, поскольку Всемирный банк относит Россию к странам с доходами выше среднего, а также учитывая опыт анализа доходной стратификации для этого типа стран, можно предположить, что именно относительный подход более перспективен для построения модели доходной стратификации российского общества.

---

⁸⁶ *Eisenhauer J. G.* The rich, the poor, and the middle class: Thresholds and intensity indices // *Research in Economics*. 2011. Vol. 65. No. 4.

⁸⁷ *Hauser R., Becker I.* Inequalities between income and wealth: the case of Germany in 1998 / *Glatzer W.* (Ed.) *Rich and Poor: Disparities, Perceptions, Concomitants*, Kluwer. Dordrecht: Academic Press, 2002.

⁸⁸ *Ferreira F., Messina J., Rigolini J., López-Calva L., Lugo M., Vakis R.* *Economic Mobility and the Rise of the Latin American Middle Class*. Washington, DC: World Bank, 2013.

Таблица 1.2

Границы доходов различных доходных групп в рамках относительного подхода в отдельных исследовательских работах⁸⁹

Авторы, год	Низкодоходные		Среднедоходные		Высокодоходные		География применения методики
	глубоко бедные	бедные	уязвимые	средний класс	нижний СК	верхний СК	
На основе квинтилей или процентилей, квинтили/процентили							
А. Алезина и Р. Перотти (1996); Дж. Беллеттини и К. Керони (2007)				3–4 квинтили			71 страна мира; 22 страны (ОЭСР)
М. Партридж (1997)				3 квинтиль			США
Р. Барро (2000); У. Истерли (2001)				2–4 квинтили			84 страны мира; 175 стран мира
А. Солимано (2008)				3–9 децили			129 стран мира
А. Пейхль и Н. Пестель (2011)						5 квинтиль	Германия
К. Динан с соавторами (2004)							Верхние 1 и 5%

⁸⁹ В связи с фокусом внимания различных авторов на разных социальных слоях и/или выделениях структуры общества в различных конфигурациях, таблица имеет незаполненные ячейки — по позициям, оставшихся за рамками рассмотрения в соответствующих публикациях. Соотнесение доходных групп, выделенных различными исследователями, с представленной в таблице классификацией произведено по усмотрению авторов данной книги, поскольку в самих работах использованы собственные типовые типологии.

Продолжение табл. 1.2

Д. Финберг и Дж. Потерба (2000)									Верхние 0,5%	США
Кэррол (2002); Дж. Вайчер (1997); Э. Вольф (2010)									Верхний 1%	США
У. Даллингтер (2013)				2 квин- тиль	3 квин- тиль	4 квин- тиль				19 (пост)индустриальных стран
На основе медианы, коэффициент мультипликации										
ОЭСР										
Евростат										
М. Блэкбёрн и Д. Блум (1985)					0,60–2,25					США
Дж. Дэвис и Дж. Хастон (1992)					0,5–1,5					США
Л. Туроу (1984); Н. Бердсолл с соавторами (2000); С. Прессман (2007); С. Прессман и Р. Скотт (2009)					0,75–1,25					США; 30 стран, в т. ч. с высоким доходом, с переходной экономикой и страны Латинской Америки; 11 развитых стран (LIS)
Л. Шавель (2013)				0,75–1,25		1,5–2,5				Франция, Италия, Норвегия, США

М. Грабка и Й. Фрик (2008)	< 0,5	0,5–0,7	0,7–0,9	0,9–1,3	1,3–1,5	1,5–2	Более 2	Германия
А. Пейхль с соавторами (2010)	< 0,6					2 и более		Германия
Й. Эйзенхауэр (2011)	< 0,6						Расчетная черная богатства	Италия
Т. Смидинг (2006)	< 0,5							11 развитых стран, включая США
О. Кангас (2001)	< 0,5					3 и более		21 страна мира
М. Брэзциски (2010)						2, 3 и 4		Польша
Э. Аткинсон и А. Брандolini (2013)			0,6–0,75	0,75–1,25	1,25–1,67	2 или 3		11 европейских стран, США, Канада, Тайвань, Мексика
Исследовательский центр PEW		Менее 2/3		От 2/3 до 2		Более 2		США
На основе черты бедности, коэффициент мультипликации по отношению к черте бедности								
Р. Буркхаузер с соавторами (1996)				2–5 и 0,75–5				США и Германия
С. Роуз (2016)	1,5		1,5–2,5	2,5–5	5–17,5		Верхние 1–2%	США
М. Ранг и Т. Хиршль (2001)						8, 10 и 12		США

Более того, мировой опыт применения относительного подхода при рассмотрении доходной стратификации показывает, что наиболее гибкой и, как следствие, наиболее востребованной среди ученых, изучающих проблему доходной стратификации, является в рамках этого подхода методика, в основе которой лежит медиана доходного распределения.

Доходная стратификация в работах исследователей российского общества

Проблематике доходной стратификации современного российского общества уделяется пока недостаточное внимание, несмотря на то, что вопрос о качественных «порогах» между социально-экономическими группами давно интересует российских ученых, и, как будет показано ниже, ими уже многое сделано в этом направлении. Так, комплексной проработкой вопросов, связанных с выделением доходных групп в рамках экономической стратификации, занимаются в современной России всего несколько научных центров: Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (ИСЭПН РАН), Всероссийский центр уровня жизни (ВЦУЖ), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). За пределами столичного региона традиции комплексного анализа экономической стратификации и изучения ее динамики в постсоветской России развиваются представителями Новосибирской экономико-социологической школы (НЭСШ), ядро которой составляют сотрудники ОПП СО РАН. Разумеется, авторы данной работы отдают себе отчет в том, что этот перечень не является полным, однако он сознательно ограничен наиболее крупными научными центрами, системно занимающимися проблематикой доходной стратификации.

Помимо научных центров, ряд показателей доходных неравенств отслеживается и статистическими органами нашей страны. При этом ФСГС РФ в публикуемых данных использует как абсолютный подход (при выделении бедных, оценке динамики численности групп с абсолютными интервалами доходов и т. д.), так и относительный (приводя данные о доходах представителей разных

квнтилей и децилей, динамике численности групп с разным уровнем доходов по отношению к медиане и т. п.).

Тем не менее в ключевом вопросе — выделении бедных — ФСГС РФ придерживается абсолютной методики измерения бедности⁹⁰, применяя в качестве порогового значения величину прожиточного минимума, рассчитываемого на основе стоимости минимальной потребительской корзины. Соотношение стоимости непродовольственных товаров и услуг со стоимостью продуктов питания в российской потребительской корзине с 2013 г. составляет 50%⁹¹. Для аналитических задач⁹² группа с доходами ниже прожиточного минимума определяется как малоимущие, а группа с доходами в два и более раз ниже прожиточного минимума — как «крайне бедные».

Этот подход для определения наименее благополучной группы населения типичен и для академического дискурса по проблемам

---

⁹⁰ Социальное положение и уровень жизни населения России. Стат. сб. М.: Росстат, 2015.

⁹¹ См. Федеральный закон от 03.12.2012 № 227-ФЗ «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации».

⁹² Аналитические задачи ФСГС РФ по выделению этих групп решаются на основе данных ежеквартального выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ), охватывающего все регионы РФ. ОБДХ нацелено на анализ структуры их расходов и потребления. Данные фиксируются дневниковыми записями о текущих расходах, интервьюированием членов домохозяйств и впоследствии дооцениваются на генеральную совокупность, а также корректируются (перевзвешиваются) по причине непредставленности высокодоходных групп населения в обследовании. Денежные расходы представляют собой сумму фактических затрат домохозяйства и включают в себя как потребительские, так и прочие расходы. Несмотря на то, что данные о доходах, полученные таким путем, характеризуются существенными неточностями, они активно используются для оценки общей ситуации с динамикой доходов населения и расчета показателей, позволяющих (в некоторых случаях напрямую, а в некоторых — косвенно) оценить доходную стратификацию российского общества и провести международные сравнения (подробнее см.: Человеческий капитал как фактор социально-экономического развития. Краткая версия доклада: докл. К XVII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Москва. 19–22 апр. 2016 г. / отв. ред. Я. И. Кузьминов, Л. Н. Овчарова, Л. И. Якобсон. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики. 2016; *Элефтеров Д.* Обследование бюджетов домашних хозяйств: историческая сущность и международная практика // Молодой ученый. 2011. № 2. Т. 1).

бедности (Л. Овчарова⁹³, М. Можина⁹⁴, В. Бобков⁹⁵, К. Абанокова, М. Локшин⁹⁶), что несколько размывает значимость и развитие относительного подхода к доходной стратификации в современной России, в основе которого, как уже отмечалось выше, также лежит обычно выделение бедных, но в рамках иной теоретико-методологической и методической традиции.

Некоторый дрейф в сторону относительного подхода к доходной стратификации в среде российских ученых проходит пока в основном через практики выделения доходных децилей⁹⁷ и квинтилей⁹⁸. При этом оперирование децилями производится в различных комбинациях их укрупнения. Так, одними и теми же авторами к крайним группам могут относиться полярные и 10, и 20%⁹⁹. Однородность получаемых групп при этом не проблематизируется и, соответственно, не подвергается более детальному анализу.

⁹³ *Овчарова Л.Н.* Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2012. № 16; *Лукьянова А.Л.* Использование безусловных квантильных регрессий при оценке влияния неформальности на неравенство // Прикладная эконометрика. 2013. № 4 (32); *Лукьянова А.Л.* Чьи заработки растут быстрее: мобильность по относительным заработным платам в России (2000–2005 гг.) // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 13. № 2.

⁹⁴ *Можина М.А.* Распределительные отношения: доходы и потребление населения (из научного наследия) / под общей редакцией Н.М. Римащевской. Рос. Акад. наук, Ин-т соц.-эконом. проблем народонаселения. М.: Гайнуллин, 2001.

⁹⁵ *Бобков В.Н., Колмаков И.Б.* Выявление социальной структуры и неравенства распределения денежных доходов населения Российской Федерации // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 4.

⁹⁶ *Абанокова К.Р., Локшин М.М.* Влияние эффекта масштаба в потреблении домохозяйств на бедность в России // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4.

⁹⁷ *Шевяков А.Ю.* Социальное неравенство: тормоз экономического и демографического роста // Уровень жизни населения регионов России. 2010. № 5; *Гришина Е.Е., Денисова И.А., Дормидонтова Ю.А., Казакова Ю.М., Ляшок В.Ю.* Анализ причин и факторов неравенства заработных плат в России. М.: РАНХиГС, 2016 (URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2760347>).

⁹⁸ *Овчарова Л.Н., Бирюкова С.С., Селезнева Е.В., Абанокова К.Р.* Доходы, расходы и социальное самочувствие населения России в 2012–2016 годах: анализ. докл. к XVIII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Москва. 11–14 апр. 2017 г. / рук.: Л.Н. Овчарова. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017.

⁹⁹ *Жеребин В.М., Романов А.Н.* Уровень жизни населения. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.

Стоит отметить, что деление общества на равные доходные группы (например, по 10 или по 20%) может приводить к затуманиванию реальной картины социальной структуры. В этой связи попытки ухватить суть структурных изменений, происходящих в России с середины 1990-х гг., посредством иных моделей и шкал доходной стратификации пусть редко, но предпринимались. Так, Н. Римащевская¹⁰⁰ представила модель экономической стратификации общества, состоящую из пяти доходных страт, в т. ч. богатых и очень богатых (5%), состоятельных или высокообеспеченных (7%), среднеобеспеченных (18%), малообеспеченных (20%) и бедных (50%), пятую часть которых составило социальное дно. М. Можина¹⁰¹, наряду с рассмотрением 1, 5 и 10-го децилей доходного распределения как маркерных для анализа стратификации по доходу групп, строила модель доходной стратификации, отталкиваясь от прожиточного минимума, когда к низкодоходным (бедным) группам относились семьи с душевым совокупным доходом не более одного прожиточного минимума, среднедоходным — от одного до трех, а к высокодоходным — с доходами более трех прожиточных минимумов. В российской литературе такой подход, весьма характерный для отечественных ученых, получил название «проминимумного». Несмотря на то, что, с точки зрения методологии, построение доходной стратификации в рассматриваемом ключе является совмещением абсолютного и относительного подходов, в своей основе он является преимущественно абсолютным, поскольку итоговая стратификация строится на базе абсолютных значений.

Модификация этого же инструмента — прожиточного минимума, хотя и в специфической форме «бюджета прожиточного минимума» (далее БПМ), — используется и в работах представителей ВЦУЖ, в частности В. Бобковым¹⁰², предложившим на основе

---

¹⁰⁰ Римащевская Н. Население России и социальная трансформация: взгляд в XXI век // Власть. 1997. № 12.

¹⁰¹ Можина М. А. Распределительные отношения: доходы и потребление населения (из научного наследия) / под общей ред. Н. М. Римащевской. Рос. Акад. Наук, Ин-т соц.-эконом. проблем народонаселения. М.: Гайнуллин, 2001.

¹⁰² Согласно определению автора, бюджеты прожиточного минимума «представляют собой балансы минимальных доходов и расходов населения и работодателей, а также средства государственной финансовой системы, обеспечивающие удовлетворение наиболее насущных потребностей

БПМ даже две модели доходной стратификации (табл. 1.3). При этом, в зависимости от дополнительных характеристик немонетарного характера, для разных групп им проводилось их дальнейшее внутреннее дробление.

Таблица 1.3

Доходная стратификация на основании БПМ
по версии В. Н. Бобкова и И. Б. Колмакова (2 варианта)¹⁰³

Доходные группы	Версия 1: «Нормативные» значения индикаторов социальной структуры	Версия 2: «Компромиссные» значения индикаторов социальной структуры
	Уровень доходов (%)	Уровень доходов (%)
Высокообеспеченные	Более 11 БПМ (2,2)	Более 8 БПМ (5,4)
Среднеобеспеченные	от 7 до 11 БПМ (5,4)	от 4,2 до 8 БПМ (16,7)
Обеспеченные ниже среднего уровня	от 3 до 7 БПМ (29,5)	от 2,3 до 4,2 БПМ (27,9)
Низкообеспеченные	от 1 до 3 БПМ (49,4)	от 1,3 до 2,3 БПМ (27,9)
Наименее обеспеченные	менее 1 БПМ (13,5)	менее 1,3 БПМ (22,1)

Представители НЭСШ используют несколько отличный от версии ВЦУЖ вариант проминимумного подхода к экономической стратификации. В частности, Т. Богомолова и В. Тапилина¹⁰⁴ предлагают рассматривать 10 доходных страт со следующими границами: до 0,5 ПМ; 0,51–1,0; 1,01–1,5; 1,51–2,5; 2,51–3,5; 3,51–4,5; 4,51–

и позволяющие компенсировать затраты легкого, ненапряженного, простого труда, не требующего профессиональной подготовки» (Бобков В. Н. Каким быть неравенству качества и уровня жизни? // Мир России. 2009. № 3).

¹⁰³ Данные 2016 г., в целом по России, БПМ = 9828 руб. См. подробно: Бобков В. Н., Колмаков И. Б. Выявление социальной структуры и неравенства распределения денежных доходов населения Российской Федерации // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 4.

¹⁰⁴ Богомолова Т. Ю. Экономическая мобильность населения России в пространстве «бедность-небедность»: траектории переходов в 1990-е и 2000-е гг. // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2011. № 14; Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. Экономическая стратификация: объективное и субъективное измерения // Социологические исследования. 1997. № 9; Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. Бедность в современной России: измерение и анализ // Социология: 4М. 2006. № 22.

7,0; 7,01–10,0; 10,01–15,0; 15,01 и выше. Т. Богомолова¹⁰⁵ использует также укрупненный вариант данной модели стратификации, рассматривая мобильность между четырьмя основными доходными слоями: низшим (1 ПМ и меньше), нижним средним (1–2 ПМ), верхним средним (2–4 ПМ), а также высшим (более 4 ПМ). Как видно, укрупненная версия доходной стратификации, предложенная Т. Богомоловой, практически совпадает со вторым вариантом экономической стратификации, предложенной В. Бобковым, что отражает *наличие определенного консенсуса в рядах российских исследователей, работающих в рамках проминимумного подхода*.

Что касается версии относительного подхода, основанной на соотношении подушевого дохода в домохозяйстве с медианным доходом в социуме, то, будучи столь популярной в зарубежной литературе, в России она представлена чаще в работах социологов, чем экономистов, хотя и у социологов встречается достаточно редко. Единственная известная нам попытка комплексного рассмотрения доходной стратификации в рамках версии относительного подхода, основанной на среднем (а не медианном) для социума доходе, причем с использованием своей классификации в сравнительных кросс-национальных исследованиях, была сделана Л. Хахулиной и М. Тучеком¹⁰⁶. Ими была предложена модель доходной стратификации, включающая шесть групп, в т. ч.: 1) нищие — меньше 0,25 среднедушевого дохода по выборке; 2) бедные — от 0,25 до 0,5; 3) нуждающиеся — от 0,5 до 0,75; 4) россияне со средней обеспеченностью — от 0,75 до 1,25; 5) россияне с относительным достатком — от 1,25 до 2; 6) состоятельные или богатые россияне — выше 2-х среднедушевых доходов по выборке.

При этом авторы данной стратификационной модели уделяют недостаточное внимание социолого-статистическому обоснованию границ выделяемых доходных групп. Более того, из всех перечисленных выше исследователей этот вопрос хоть как-то проработан пока лишь у представителей НЭСШ. Так, верификацию границ

¹⁰⁵ Богомолова Т. Ю., Татилина В. С. Экономическая стратификация населения России: динамический аспект // Социологические исследования. 2001. № 6.

¹⁰⁶ Хахулина Л. А., Тучек М. Распределение доходов: бедные и богатые в постсоциалистических обществах (некоторые результаты сравнительного анализа) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1995. № 1.

доходных групп десятичленной стратификационной схемы, предложенной Т. Богомоловой и В. Тапилиной, осуществлял их коллега П. Ростовцев на основе одновыборочного метода Колмогорова — Смирнова.

Таким образом, относительный подход к доходной стратификации российского общества пока не получил массового распространения и дальнейшего развития в исследованиях российской системы доходной стратификации. Т. н. «промедианный» подход используется обычно при исследовании экономического неравенства¹⁰⁷, в то время как в стратификационных исследованиях его применение ограничивается задачами выделения той или иной социальной группы, в основном бедных или среднего класса, с применением критерия дохода. Так, эту методику неоднократно использовали ученые Института социологии РАН при выделении среднего класса (когда в качестве одного из «фильтров» при его выделении использовался медианный уровень доходов)¹⁰⁸, а также отдельными учеными при выделении в качестве границы бедных и небедных слоев населения показателя в 50, 60, 66% и т. п. медианы доходов/расходов¹⁰⁹. Однако комплексное применение этой методики для построения стратификационных шкал дохода и модели доходной стратификации российского общества в работах отечественных авторов распространения пока не получило.

В общем и целом можно заметить, что для российских ученых вообще характерно с недоверием относиться к исключительно мо-

---

¹⁰⁷ Тапилина В. С., Ростовцев П. С., Богомолова Т. Ю. Влияние мобильности населения по доходам на изменение неравенства // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 1.

¹⁰⁸ См. Бедность и бедные в современной России / под общ. ред.: М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М.: Весь мир, 2014; Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / под общ. ред.: М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. Весь мир. 2016.

¹⁰⁹ Давыдова Н. М. Депривационный подход в оценках бедности // Социологические исследования. 2003. № 6; Тихонова Н. Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 1999; Овчарова Л. Н., Бурдяк А. Я., Пишняк А. И., Попова Д. О., Попова Р. И., Рудберг А. М. Динамика монетарных и немонетарных характеристик уровня жизни российских домохозяйств за годы постсоветского развития: аналитический доклад. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2014; Шевяков А. Ю. Социальное неравенство: тормоз экономического и демографического роста // Уровень жизни населения регионов России. 2010. № 5.

нетарным измерителям неравенства и использованию показателя доходов как основного для стратификационных исследований¹¹⁰. Предпочтение отдается ими, особенно если говорить о социологах, либо субъективным измерителям дохода, либо комплексным показателям, связанным с уровнем жизни, потреблением и материальным положением семьи, хотя доход при этом, конечно, учитывается.

Методические аспекты расчета дохода в литературе при анализе стратификации

Проблема с доходами как источником данных для построения и анализа модели социальной стратификации не сводится только к вопросу о том, какой подход необходимо для этого выбрать — абсолютный или относительный. Вне зависимости от подхода требуется предварительная работа по выбору типа учитываемых доходов, а подчас — и по их корректировке.

Во-первых, для исследований доходной стратификации необходимо определиться с тем, что считать единицей наблюдения — индивида или домохозяйство, а следовательно, чьи доходы необходимо учитывать. В зависимости от задач исследования выбор может быть сделан в пользу и того, и другого инструмента. Тем не менее в целом учет индивидуальных доходов будет больше

---

¹¹⁰ Главная причина этого состоит в том, что в условиях России существуют значительные расхождения между доходом и реальным уровнем жизни, на что неоднократно указывали отечественные исследователи (Н. Давыдова, Н. Тихонова, Л. Гордон, Л. Овчарова, Т. Богомолова, М. Черныш и др. (см., например, *Овчарова Л.Н., Бирюкова С.С., Селезнева Е.В., Абанюкова К.Р.* Доходы, расходы и социальное самочувствие населения России в 2012–2016 годах: анализ. докл. к XVIII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Москва. 11–14 апр. 2017 г. / рук.: Л.Н. Овчарова. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017; *Давыдова Н.М., Седова Н.Н.* Материально-имущественные характеристики и качество жизни богатых и бедных // Социологические исследования. 2004. № 3; *Тихонова Н.Е.* Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, 2014; *Гордон Л.А.* Бедность, благополучие, противоречивость: материальная дифференциация в 1990-е годы // Общественные науки и современность. 2001. № 3; *Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С.* Экономическая стратификация: объективные и субъективные измерения // Социологические исследования. 1997. № 9).

свидетельствовать о потенциальных возможностях индивидов, а учет среднедушевых доходов в рамках домохозяйства — свидетельствовать также об объективных семейных ограничениях этих возможностей, т. к. жизненный выбор человека, проживающего совместно с другими членами семьи, часто диктуется общими интересами. Чаще для целей определения особенностей уровня жизни и потребления населения используются показатели дохода домохозяйства в противовес индивидуальным.

С. Кузнец, положивший начало исследованиям доходных неравенств в экономике, также отмечал, что единицами наблюдения, для которых данные по доходам собираются и группируются, должны выступать наблюдения на уровне домохозяйств. Он указывал, что это лучше, чем опираться лишь на индивидов, получающих доходы, для которых «отношения между получением дохода и его использованием могут быть очень размытыми»¹¹¹. При этом С. Кузнец считал, что наблюдения, в которых основные кормильцы учатся или уже вышли на пенсию, обычно должны отбрасываться, равно как и доходы тех, кто находится в неполной занятости; однако это может зависеть от целей конкретного исследования.

Достаточно полно в литературе освещены и вопросы, касающиеся того, что доход должен определяться в соответствии со статистическим его пониманием, т. е. оцениваться после налогообложения и до государственных трансфертов¹¹². Некоторые авторы считают также, что доход должен определяться за минусом рент и других доходов, получаемых на активы¹¹³. Однако и то, и другое в российских условиях спорно и зависит от целей исследования и социально-экономического контекста. Так, вряд ли применительно к России можно не учитывать при построении модели доходной стратификации пенсионеров, живущих на такие государственные трансферты, как пенсии, или не учитывать в их доходах доходы от сдачи (например, на лето) своих квартир.

---

¹¹¹ *Kuznets S.* Economic growth and income inequality // *The American Economic Review*, 1955. Vol. 45. No. 1. P. 1.

¹¹² *Chauvel L.* Welfare regimes, cohorts and the middle Classes // Gornick J., Jäntti M. (Eds.) *Income inequality: economic disparities and the middle class in affluent countries*. Stanford, California: Stanford University Press, 2013.

¹¹³ *Kuznets S.* Economic growth and income inequality // *The American Economic Review*. 1955. Vol. 45. No. 1.

Во-вторых, доходы домохозяйства зачастую требуют адекватной коррекции на количество членов семьи¹¹⁴, что заставляет как минимум принимать во внимание не совокупные, а среднедушевые показатели дохода. При этом в связи с дифференциацией потребностей членов домохозяйства (например, в зависимости от возраста, состояния здоровья и т. д.), а также наличия эффекта масштаба, в первую очередь при потреблении общих для всего домохозяйства благ (жилье, товары длительного пользования и т. д.), исследователями и аналитическими службами часто используются т. н. шкалы эквивалентности, позволяющие скорректировать арифметический показатель среднедушевого дохода в домохозяйстве. Соответствующие традиции сложились преимущественно в рамках экономических исследований, но постепенно перекочевали и в широкий пласт социальных исследований в целом.

Сегодня существуют разные вариации шкал эквивалентности доходов¹¹⁵. В эмпирических исследованиях долгое время широко применялась шкала ОЭСР, или «Оксфордская шкала». Согласно ей, доходу главы домохозяйства придается вес, равный единице; вклад каждого дополнительного взрослого учитывается с весом 0,7; вклад каждого молодого члена домохозяйства в возрасте 14 лет и ниже — с весом 0,5. Для более популярной в последнее время модифицированной шкалы ОЭСР эти коэффициенты равны 1; 0,5 и 0,3 соответственно, а для шкалы ОЭСР для международных сопоставлений — 1; 0,4 и 0,3. В международных сравнениях также широко используется практика взвешивания через квадратный корень размера домохозяйства¹¹⁶.

Также применим в качестве меры эквивалентности и логарифм размера домохозяйства¹¹⁷. Однако на практике разница, получаемая при использовании разных схем применения весов, небольшая¹¹⁸. Кроме того, в России большинство респондентов говорят

---

¹¹⁴ Ibid.

¹¹⁵ Овчарова Л. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. М.: М Студио, 2009.

¹¹⁶ Преобразование на основе квадратичного корня (англ. — Square root scale).

¹¹⁷ Энциклопедия статистических терминов. Т. 5. Демографическая и социальная статистика. М.: Росстат, 2011.

¹¹⁸ *Castellani F., Parent G. Social mobility in Latin America.* Paris, France: OECD Development Centre. Mimeographed document. 2010.

о равном вкладе взрослых в бюджет домохозяйства, а, главное, относительно большое количество членов в нем мало сокращает расходы для подавляющего большинства населения. Это связано и со спецификой ситуации в жилищной сфере в стране, и с высокой долей неэластичных индивидуальных расходов (питание, одежда, транспорт, лекарства и т. д.) в общем бюджете домохозяйства, и с другими факторами. Все это дает возможность не ранжировать иждивенческую нагрузку семьи по весам, а учитывать вклад каждого члена семьи с равной долей, т. е., говоря в математических терминах, брать обычное среднее, а не взвешенное. Социологическая логика такого решения видится в том, что в типичных для России семьях с общим бюджетом все доходы суммируются и расходы на иждивенцев определяются исходя из их текущих нужд и возможностей; в семьях же с отдельными бюджетами, практически отсутствующими в массовых слоях населения, относительный вес членов семьи становится еще менее очевидным.

В-третьих, существует ряд вопросов, связанных с тем, как учитывать гетерогенность доходного распределения, обусловленную неравенством, существующим между населенными пунктами разных типов и между регионами страны, или его специфику в разные периоды времени и т. д. Для современной России в этой связи особенно высокую значимость имеют (рассматриваемые как значимые факторы доходной стратификации и западными авторами) поселенческая¹¹⁹ и региональная дифференциация, которая имела место еще в советской России позднего периода¹²⁰. При этом массовых опросов, репрезентирующих население страны по регионам, очень мало¹²¹, и их доступность для широкого круга исследователей весьма проблематична. Помимо региональных особенностей,

---

¹¹⁹ *Kuznets S.* Economic growth and income inequality // *The American Economic Review*. 1955. Vol. 45 (1); *O'Brien D. J., Wegren S.K., Patsiorovsky V.V.* Income Stratification in Russian Villages From Profession to Property // *Problems of post-communism*. 2007. Vol. 54. No. 1.

¹²⁰ *Zaslavsky V.* The Neo-Stalinist State. Armonk. N. Y.: M. E. Sharpe, 1982; *Овчарова Л. Н., Попова Д. О., Рудберг А. М.* Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // *Журнал новой экономической ассоциации*. 2016. № 3 (31).

¹²¹ В этой связи стоит упомянуть Комплексное исследование условий жизни домохозяйств (КОУЖ), осуществленное ФСГС РФ в 2011, 2014 и 2016 гг., а также Выборочное обследование бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ) органов государственной статистики РФ.

характер доходной стратификации в нашей стране, как и в других странах, также может в значительной степени варьироваться в зависимости от отраслевых и профессиональных неравенств, религиозно-этнической и социально-демографической дифференциации и других типов неравенств, на которые неоднократно обращалось внимание в связи с проблемой доходной стратификации и в зарубежной литературе¹²².

Подведем итоги.

К настоящему моменту ни в зарубежной, ни в российской традиции не сложилось единого понимания того, как должна выглядеть шкала доходов при построении модели доходной стратификации в странах с индустриально развитой экономикой. Это связано во многом с тем, что исследователей, работающих со шкалами доходов, как правило, интересуют конкретные социальные группы (бедные, средний класс, верхние слои общества), а не общество в целом и его структура. Более того — среди ученых до сих пор нет единства даже в том, какой подход стоит использовать при выделении доходных групп — абсолютный или относительный. Несмотря на очевидные преимущества относительного подхода при выделении отдельных доходных групп в индустриально развитых обществах, ряд зарубежных ученых, и прежде всего имеющих отношение к Всемирному банку, до сих пор придерживаются абсолютного подхода. Этому же подходу придерживается в основном и ФСГС РФ, что затрудняет развитие относительного подхода к доходной стратификации в современной России. Российская специфика научных исследований в области доходной стратификации состоит при этом в том, что авторы придерживаются в основном т. н. «проминимумного» подхода, предполагающего комбинацию абсолютного и относительного подходов.

---

¹²² *Akerman A., Helpman E., Itskhoki O., Muendler M.-A., Redding S.* Sources of Wage Inequality. *The American Economic Review*. 2013. Vol. 103. No. 3; *Castellano R., Manna R., Punzo G.* Income inequality between overlapping and stratification: a longitudinal analysis of personal earnings in France and Italy // *International Review of Applied Economics*. 2016. Vol. 30. No. 5; *John R. M., Mutatkar R.* Statewise estimates of poverty among religious groups in India // *Economic and Political Weekly*. 2005. Vol. 40. No. 13; *Goldthorpe J. H.* Analysing Social Inequality: A Critique of Two Recent Contributions from Economics and Epidemiology // *European Sociological Review*. 2010. Vol. 26. No. 6.

Вместе с тем именно относительный подход (особенно в его версии, основанной на медиане доходного распределения) хорошо зарекомендовал себя в ходе изучения отдельных элементов доходной стратификации в мировой практике. В рамках медианного подхода по отдельным «порогам» на социальной шкале доходов достигнут даже хрупкий консенсус среди зарубежных исследователей. Относительное единодушие касается прежде всего интервала 0,75–1,25 медианы, который позволяет выделить в индустриально развитых обществах средний класс «по доходам». Кроме того, большинство исследователей сходятся и во мнении, что доходы более 2 и менее 0,5 медианы представляют собой пороги, отсекающие полярные группы — верхи и низы — общества. При этом часть ученых предлагает дальнейшую дифференциацию этих групп, в качестве критерия которой предлагается уровень в 0,25 и в 4 медианы. Что же касается доходного интервала в 1,25–2 медианы, то в отношении него наблюдаются наибольшие разногласия. Возможно, причиной их выступает то, что если социологический смысл медианной группы абсолютно ясен — ее жизнь формирует типичный для соответствующего общества стандарт, некую «социетальную норму»¹²³, как ясен и социологический смысл «верхов» и «низов» общества, то жизнь промежуточных доходных групп (и их дифференциация внутри себя на отдельные подгруппы) может различаться в разных странах очень значительно.

---

¹²³ *Townsend P.* Poverty in the United Kingdom: A Survey of Household Resources and Standards of Living. Berkeley: University of California Press, 1979; *Townsend P.* International Analysis of Poverty. N. Y.: Routledge, 2003.

Глава 1.2. Выделение гомогенных доходных групп: вопросы методики

Как было показано в главе 1.1, различные подходы к построению модели доходной стратификации разрабатывались для решения разных задач и для применения в странах, находящихся на разных этапах социально-экономического развития, поэтому целесообразность их использования в российских условиях нуждается в специальной проверке. В данной главе мы обратимся к вопросу выбора наиболее оптимального подхода к построению модели доходной стратификации, протестировав ряд методик (разработанных в рамках как абсолютного, так и относительного подходов) на данных общероссийских репрезентативных исследований. Эмпирической базой анализа в данной главе служат данные Мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН 2014–2015 гг. и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ) 2014–2015 гг. (см. о них подробнее в Приложении 1).

Вопрос оценки индивидуальных и домохозяйственных доходов по данным выборочных обследований является достаточно дискуссионным. В силу того, что респонденты могут давать ошибочные ответы о своих доходах или сознательно исказить их, исследователями иногда проводятся процедуры их импутации и дооценки. Кроме того, для корректировки доходов в ряде исследований используются шкалы эквивалентности, позволяющие учесть размеры домохозяйства и экономию на его масштабе. Однако мы сознательно отказались в своих расчетах от подобных методологических приемов. Поскольку один из вопросов о доходах в инструментариях мониторинговых обследований ИС ФНИСЦ РАН и РМЭЗ НИУ ВШЭ задается в схожей форме (самооценка располагаемого ежемесячного совокупного дохода домохозяйства), смещения и сдвиги в распределении, связанные с ответами респондентов, будут схожими¹.

---

¹ В рамках относительного подхода это смещение вообще не окажет влияния на конфигурацию модели социальной стратификации по доходам

Аналогичные вопросы о самооценке величины ежемесячного дохода задаются и в ряде международных сравнительных исследований, в частности ISSP², что позволило нам в дальнейшем использовать предложенную нами методику построения модели доходной стратификации для выявления отдельных ее особенностей в российском обществе в международном контексте (результаты этого анализа представлены в главах 2.2 и 2.3).

Еще одной проблемой, проявляющей себя при попытках построения доходной стратификации с использованием данных социологических обследований, является недопредставленность в выборках массовых опросов высокодоходных групп. Поэтому при использовании абсолютных подходов надо учитывать, что модели, построенные в их рамках, характеризуют именно массовые слои населения. Однако используемые для относительных подходов медианные значения являются достаточно корректными, поскольку в выборки не попадают как самые верхние, так и самые нижние доходные слои (например, бомжи). Соответственно, они дают достаточно точную картину стратификации подавляющего большинства общества (хотя и без учета глубины дифференциации верхних и нижних 2–3%, которая оказывает влияние на традиционные показатели, использующиеся для измерения доходного неравенства, в частности децильные коэффициенты).

Далее мы последовательно рассмотрим несколько наиболее распространенных методик в рамках абсолютного подхода к доходной стратификации (методику выделения групп относительно прожиточного минимума, методику Всемирного банка, методику выделения «западного среднего класса»), а также предложим модификацию относительного подхода для российского общества с использованием медианных доходов на основе собственных расчетов на эмпирических данных последних лет, позволяющую наиболее корректно, на наш взгляд, стратифицировать по доходам массовые слои населения в современной России.

Начнем анализ с моделей доходной стратификации, основанных на **абсолютном подходе**. Абсолютный подход к доходной стратификации (при допущении, что масштаб смещения ответов о доходах относительно их реальных величин одинаков во всех доходных группах, попадающих в массовые опросы).

² Международное обследование «International Social Survey Programme» (Информация о нем доступна: URL: www.issp.org, <http://www.ge-sis.org/en/issp/home>).

ции наиболее привычен для российских исследователей и применяется как к статистическим, так и к социологическим данным. Так, ФСГС РФ публикует официальные данные о численности населения с доходами в рамках тех или иных абсолютных границ (доходные интервалы различаются в разных публикациях, но часто используется «шаг» в 5 000 и 10 000 руб.) (табл. 1.4). По этим данным можно изучить общий характер распределения доходов населения, региональный срез доходной стратификации, а также проследить динамику ее изменения. Однако эти границы заданы формально, не соотносятся с прожиточным минимумом или характеристиками доходного распределения (средним, модой, медианой) и не основываются на содержательном анализе качественных особенностей соответствующих доходных групп, поэтому не позволяют анализировать модель доходной стратификации как одну из версий моделей социальной структуры общества.

Таблица 1.4

Распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов, %³

Доходы в месяц, руб.:	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
до 5 000,0	12,2	9,4	7,3	5,7	4,2	3,3	6,2	6,0	5,5
от 5 000,1 до 7 000,0	10,9	9,4	8,1	6,8	5,6	4,8			
от 7 000,1 до 9 000,0	10,8	9,8	8,9	7,9	6,8	6,1	5,1	5,0	4,7
от 9 000,1 до 12 000,0	14,2	13,6	12,9	12,0	10,8	10,0	8,9	8,8	8,5
от 12 000,1 до 15 000,0	11,3	11,3	11,3	10,8	10,3	9,9	9,2	9,1	8,9
от 15 000,1 до 20 000,0	13,4	14,1	14,6	14,6	14,5	14,4	14,0	14,0	13,8
от 20 000,1 до 25 000,0	8,6	9,5	10,2	10,7	11,2	11,4	11,6	11,6	11,7
от 25 000,1 до 30 000,0	5,6	6,4	7,1	7,8	8,4	8,8	9,2	9,2	9,4
от 30 000,1 до 35 000,0	3,7	4,4	5,0	5,7	6,3	6,7	7,2	7,3	7,4
от 35 000,1 до 40 000,0	2,5	3,1	3,6	4,1	4,7	5,1	5,6	5,7	5,8
от 40 000,1 до 50 000,0 ⁴	6,8	3,8	4,5	5,4	6,3	7,0	7,9	7,9	8,2
от 50 000,1 до 60 000,0 ⁵	...	5,2	6,5	3,1	3,8	4,2	4,9	5,0	5,2
свыше 60 000,0	...	...	...	5,4	7,1	8,3	10,2	10,4	10,9

³ Распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов. ФСГС РФ. (URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_31g.doc). Данные за 2017 г. – предварительные.

⁴ 2009 г. – свыше 40 000 руб.

⁵ 2010–2011 гг. – свыше 50 000 руб.

Абсолютный подход официально принят в России для определения бедности. Для этих целей применяется показатель прожиточного минимума (ПМ), по соотношению доходов с которым индивидов и домохозяйства можно разделить на бедных и небедных. В 2015 г.⁶ величина прожиточного минимума по России в целом составила 9 701 руб. Согласно оценкам ФСГС РФ, ниже черты бедности находились тогда 13,3% населения. Оценки, которые дают данные выборочных обследований, оказываются выше — так, по данным мониторинга ИС ФНИСЦ РАН, в 2015 г. в число бедных попадала четверть россиян. Однако нужно учитывать, что ФСГС РФ проводит дооценки на масштаб домохозяйства, неденежные доходы и пр.⁷ Кроме того, в 2013 г. было произведено очередное изменение методики определения величины прожиточного минимума. В самом 2013 г. масштаб группы бедных оценивался ФСГС РФ в 13,9% (что совпадает с оценкой по данным ИС ФНИСЦ РАН на тот год). Однако после изменения методики показатель уровня бедности для 2013 г. был скорректирован ФСГС РФ до 10,8%. При старой методике расчета показателя прожиточного минимума в 2015 г. численность бедных, по нашим расчетам, оценивалась бы примерно в 18%, т. е. была гораздо ближе к цифрам, полученным нами на данных социологических исследований.

Однако разбиение населения на бедных и небедных хотя и позволяет определить наиболее нуждающихся адресатов социальной политики, недостаточно для оценки общей модели социальной стратификации. Подход к ее построению, основанный на официально установленной величине прожиточного минимума, предполагает расширение этой методики на группу небедных и ее дифференциацию на подгруппы с разным соотношением доходов и прожиточного минимума (рис. 1.1).

---

⁶ Именно этот год принят как основная отправная точка для анализа в данной монографии в силу наличия за 2015 г. максимально полного объема данных. В то же время по отдельным аспектам анализа используются данные вплоть до мая 2017 г. включительно.

⁷ Так, например, согласно данным ФСГС РФ, среднедушевые ежемесячные доходы в 2015 г. достигали 30 448 руб. на человека, а медианный их уровень составлял 22 729 руб. В то же время по данным социологических исследований, проводившихся в 2015 г. (данные РМЭЗ НИУ ВШЭ и Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН), как о медианных можно было говорить в тот момент скорее о доходах порядка 14 000 руб., а как о средних — о сумме порядка 16 000–16 500 руб.

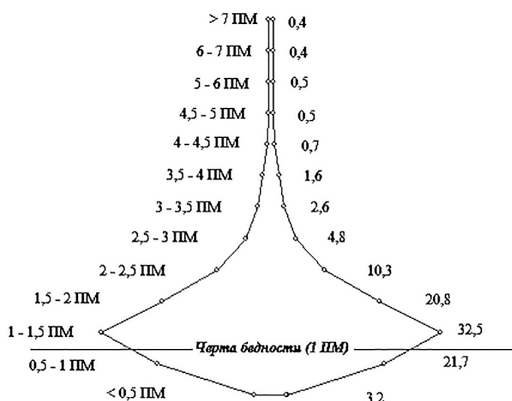

Рис. 1.1. Модель доходной стратификации относительно прожиточного минимума⁸, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г.

Модель стратификации относительно прожиточного минимума позволяет определить долю бедного населения и выявить группы, подвергающиеся повышенному риску бедности, — тех, чьи доходы близки к ее черте. Как видно на рис. 1.1, доходы наиболее массовой группы — почти трети населения — находятся в интервале от 1 до 1,5 прожиточных минимумов; именно на этом уровне проходит и медиана текущих доходов. Такое положение дел позволяет говорить о достаточно высокой доле малообеспеченного населения, чей стандарт жизни является типичным для страны и не сильно отличается от стандарта жизни бедных. Модель, построенная на основании официальной границы бедности, также показывает, что благополучное население составляет в российском обществе меньшинство — так, доходами выше трех прожиточных минимумов обладают только 6,7% населения, выше двух — 21,8%.

Модель доходной стратификации по основанию прожиточного минимума имеет важное значение для анализа зоны бедности и рисков ее расширения, позволяя определить наиболее нуждающихся адресатов социальной политики. Однако для анализа групп, занимающих более высокое положение на доходной шкале, привязка

⁸ При построении модели учтены структура домохозяйств и региональные величины прожиточного минимума.

границ к кратности прожиточного минимума нуждается в отдельном изучении и обосновании. Еще одной проблемой данной модели выступает широкий региональный разброс величин прожиточного минимума, который может влиять на степень однородности выделенных групп и затрудняет интерпретацию модели — при одновременном недоучете при его определении поселенческих различий, также значимых в условиях современного российского общества.

Обратимся далее к тестированию другой модификации абсолютного подхода, которая используется Всемирным банком для выделения различных доходных групп в межстрановом анализе. Используя показатель ППС, рассчитываемый Всемирным банком (в 2014 г. — 22,57 руб. за доллар, в 2015 г. — 23,97⁹), мы определили задаваемые им границы доходных групп и построили модель доходной стратификации по методике Всемирного банка для российского общества в 2014 и 2015 гг. (табл. 1.5).

Результаты использования методики Всемирного банка на двух различных массивах данных оказываются близки. Согласно результатам применения этой методики, российское общество характеризуется крайне низкой долей бедных (лишь 1–2% даже в условиях экономического кризиса). Еще около 10% составляют уязвимые — группа с высокими рисками бедности. Абсолютное большинство населения при этом оказывается по этой методике в составе среднего класса, хотя и с преобладанием нижнего его слоя (с учетом того, что граница среднего класса, заданная Всемирным банком на уровне 10 долл. в день, составляет при ее пересчете с учетом ППС около 7000 руб. ежемесячного душевого дохода, это не удивительно. Эта граница оказывается примерно в два раза ниже медианного дохода¹⁰). При этом граница на уровне 0,5 медианы, широко используемая для выделения относительной бедности, отсекает в России (с учетом невысокого значения медианы, которая оказывается в интервале от 1 до 1,5 прожиточных минимумов), по сути, только глубоко бедных. Граница среднего класса в такой его интерпретации

⁹ Источник данных: официальная статистика Всемирного банка (URL: data.worldbank.org/indicator/PA.NUS.PRVT.PP?locations=RU).

¹⁰ Этот показатель в 2014 г. составлял 14 000 руб. по данным обоих используемых массивов (РМЭЗ НИУ ВШЭ и ИС ФНИСЦ РАН), а по данным ФСГС РФ достигал 20 594 руб.; в 2015 г. соответствующие показатели составляли также 14 000 руб. по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ и ИС ФНИСЦ РАН и 22 729 руб. по ФСГС РФ.

Таблица 1.5

Модель доходной стратификации по методике Всемирного банка, данные ИС ФНИСЦ РАН и РМЭЗ НИУ ВШЭ¹¹, 2014–2015 гг., %^{12,13}

Доходные группы	Ежедневный доход ¹⁴ , \$ ¹²	2014			2015		
		Ежемесячный среднедушевой доход по ППС, руб.	Численность групп		Ежемесячный средний доход по ППС, руб.	Численность групп	
			РМЭЗ НИУ-ВШЭ	ИС ФНИСЦ РАН		РМЭЗ НИУ-ВШЭ	ИС ФНИСЦ РАН
Бедные	Не более 2,5	Не более 1 693	0,4	0,3	Не более 1 798	0,3	0,3
	От 2,5 до 5	1 693,1–3 386	2	1	1 798,1–3 596	1,2	1,1
Уязвимые	От 5 до 10	3 386,1–6 771	10,3	7,8	3 596,1–7 191	9,9	9,5
	От 10 до 25	6 771,1–16 928	54,6	56,2	7 191,1–17 978	56,3	57,7
Средний класс	От 25 до 50	16 928,1–33 855	27,3	26,8	17 978,1–35 955	27	27,6
	Более 50	Более 33 855	5,4	7,9	Более 35 955	5,3	3,7

¹¹ Массивы РМЭЗ взвешены с использованием постстратификационных весов, приводящих показатели выборки к параметрам генеральной совокупности по полу, возрасту и типу поселения. Массивы ИС ФНИСЦ РАН не перевешивались, поскольку пол, возраст и тип поселения входили в число квотируемых признаков при построении выборок.

¹² Всемирный банк предлагает использовать показатель ежедневного потребления, а не дохода. Однако в силу особенностей большинства доступных для анализа массивов российских и международных данных нами использовался не показатель потребления, а показатель доходов. Но поскольку примерно две трети российского населения все свои доходы тратит только на потребление, а сбережения и инвестиции остальных россиян, попадающих в массовые опросы, очень невелики, это практически не влияет на полученные результаты.

¹³ В 2015 г. Всемирным банком проведено изменение границы крайней бедности с 1,25 до 1,9 долл., что влечет изменение границы бедности с 2,5 до 3,1 долл. Однако использование этой методики только начато, а в российских условиях это изменение практически не влечет смещений в модели доходной стратификации, поскольку доля населения, живущего менее чем на 3,1 долл. в день, также очень мала и составляет менее 0,5%.

оказывается даже ниже официального прожиточного минимума, действующего в России, и средний класс, определенный таким образом, оказывается чрезмерно велик по численности и очень неоднороден. Даже разделение его на три подгруппы не позволяет решить проблему анализа его внутренней структуры, поскольку более половины населения попадает при этом в одну подгруппу (нижний средний класс).

Сами авторы используемого Всемирным банком подхода также подчеркивают, что предлагаемые ими пороги бедности плохо применимы для анализа бедности в отдельных странах, поскольку разработаны для международных сравнений¹⁴. В межстрановой перспективе, впрочем, данные как статистики, так и социологических исследований также свидетельствуют, что Россия выглядит с точки зрения доходов ее населения гораздо более благополучно, чем страны БРИКС и другие развивающиеся страны. Так, ФСГС РФ публикует динамику доли населения, имеющего доходы ниже различных границ монетарной бедности, используемых Всемирным банком, которая показывает качественные отличия России от других стран БРИКС — в то время как для российского населения вообще нехарактерно наличие доходов менее 5 долл. в день по ППС, в Бразилии доля населения с таким уровнем доходов составляет около 30%, в ЮАР — почти 60%, а в Индии — подавляющее большинство населения¹⁵.

Данные международного исследования ISSP позволяют позиционировать ситуацию в России, и на фоне других стран — по модели доходной стратификации она оказывается при этом ближе к странам Западной Европы (в которых более трех четвертей населения попадают в средний класс, а доля бедных минимальна), чем к Китаю или странам Латинской Америки (где доли бедных и уязвимых значительны, а средний класс составляет около половины населения) (табл. 1.6). К вопросу сравнения модели доходной стратификации России с моделями других стран мы еще подробнее обратимся в главах 2.2 и 2.3, но уже эти результаты свидетельствуют о том, что большинство абсолютных подходов, основанных на черте бедности в развивающихся странах, неэффективны для описания современной ситуации в России.

¹⁴ Локшин М., Емцов Р. Прощай нищета? // Журнал НЭА. 2013. № 2 (18).

¹⁵ Неравенство и бедность. ФСГС РФ. Оценка основана на данных выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств и макроэкономического показателя денежных доходов населения, база данных Всемирного банка «Poverty and Inequality Database».

Таблица 1.6

Модель доходной стратификации по методике Всемирного банка, данные ISSP, 2012 г., %

Группы	Германия	Россия	Венгрия	Венесуэла	Китай
Бедные	0	2,4	5,0	14,0	23,6
Уязвимые	0,9	11,7	19,2	32,0	25,8
Средний класс	99,1	85,9	75,8	54,0	50,6

Такая ситуация — результат качественных изменений, произошедших в России за последние полтора десятилетия, которые позволяет отследить данная методика. Расчеты Всемирного банка демонстрируют, что в 2000 г. к среднему классу относилось лишь чуть больше четверти (27%) российского населения, но к 2010 г. эта доля возросла до 60%. По данным Всемирного банка, в 2010 г. Россия занимала одно из первых мест среди стран со средним уровнем доходов в регионе Европы и Центральной Азии по доле среднего класса в общей численности населения. Так, «в странах региона ЕЦА на долю среднего класса приходится от 2–3% (Таджикистан и Армения) до 80% (Беларусь) от общей численности населения. В рамках этого диапазона лишь очень немногие страны превышают 50-процентный уровень: это Россия, Латвия, Венгрия, Литва и Беларусь»¹⁶. Среди факторов роста среднего класса специалисты Всемирного банка назвали доступ к рабочим местам и рост заработных плат как в частном, так и в государственном секторах, а также индексацию пенсий. Данные социологических исследований показывают, что рост среднего класса продолжился и в 2011–2017 гг.

Такие кардинальные изменения в доходах населения привели к тому, что на нынешнем этапе развития России применение предлагаемых Всемирным банком границ бедности и среднего класса уже нецелесообразно, поскольку они не позволяют дифференцировать между собой основную часть населения, отсекая только самые крайние доходные «полюса». Для российского общества, в котором уже произошел переход от минимального стандарта физического выживания, заложенного в этих границах, к стандарту потребительского

¹⁶ Russia Economic Report. Confidence Crisis Exposes Economic Weakness / Russia economic report No. 33. Washington D. C.: World Bank Group, 2014.

выбора / модели с возможностями для устойчивого развития¹⁷, необходимо использование иных границ для выделения доходных групп. Поэтому большинство абсолютных подходов к доходной стратификации, выделяющих средний класс начиная с дохода в 10–13 долл. в день, не подходят для построения модели доходной стратификации современного российского общества, которое находится уже на другом этапе развития, нежели те страны, для применения в которых эти подходы изначально разрабатывались.

Если же, следуя логике М. Раваллиона¹⁸, обратиться к концепции «западного среднего класса», к которому относятся те, кто не беден по стандартам США (табл. 1.7), то расчеты с использованием границ бедности, применяющихся в этой стране для административных нужд (определения нуждаемости)¹⁹, на данных РМЭЗ — НИУ ВШЭ 2015 г. показывают, что при таком подходе к бедным в России можно отнести 45,9% населения, в то время как остальные 54,1% попадают в «западный средний класс» (аналогичные результаты дают данные 2014 г. — 44,6% бедных и 55,6% «западного среднего класса»). Для сравнения, уровень бедности в США составлял 14,8% в 2014 г. и 13,5% в 2015 г.²⁰

Такое разделение дает качественно иные характеристики масштабов бедности в российском обществе, но при этом также не может служить полноценной основой для построения модели доходной стратификации, поскольку оперирует только двумя группами — бедными и средним классом, не рассматривая ни их неоднородность внутри себя, ни наличие между ними промежуточных групп (уязвимых/малообеспеченных). Кроме того, прямое использование критериев бедности США в российских условиях также является более чем дискуссионным.

---

¹⁷ Овчарова Л. Н., Бурдяк А. Я., Пишняк А. И., Попова Д. О., Попова Р. И., Рудберг А. М. Динамика монетарных и немонетарных характеристик уровня жизни российских домохозяйств за годы постсоветского развития: аналитический доклад. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2014.

¹⁸ Ravallion, M. The Developing World's Bulging (But Vulnerable) Middle Class / Policy Research Working Paper. 2009. Vol. 4816. World Bank.

¹⁹ Границы являются упрощенным аналогом порогов бедности, рассчитываемых для статистического измерения бедности в США.

²⁰ The Current Population Survey (CPS), Annual Social and Economic (ASEC) Supplement (URL: www.census.gov/data/tables/time-series/demo/income-poverty/cps-pov/pov-01.2015.html#par_textimage_10).

Таблица 1.7

Административные границы бедности США, 2015 г.
(границы «западного среднего класса»),
в долларах и рублях по ППС

Кол-во членов д/х	Годовой доход д/х, долл.	Месячный доход д/х, долл.	Месячный доход д/х по ППС в руб.	Месячный доход по ППС в расчете на одного члена д/х, руб.
1	11 770	980,8	23 510,6	23 511
2	15 930	1 327,5	31 820,2	15 910
3	20 090	1 674,2	40 129,8	13 377
4	24 250	2 020,8	48 439,4	12 110
5	28 410	2 367,5	56 749,0	11 350
6	32 570	2 714,2	65 058,6	10 843
7	36 730	3 060,8	73 368,2	10 481
8	40 890	3 407,5	81 677,8	10 210
9	45 050	3 754,2	89 987,4	9 999
10	49 210	4 100,8	98 297,0	9 830
11	53 370	4 447,5	106 606,6	9 692
12	57 530	4 794,2	114 916,2	9 576
13	61 690	5 140,8	123 225,8	9 479
14	65 850	5 487,5	131 535,4	9 395

Таким образом, на нынешнем этапе развития российского общества использование границ доходных групп, которые задают для развивающихся стран наиболее распространенные методики доходной стратификации, разработанные в рамках абсолютного подхода, оказывается нецелесообразным.

Отдельно нужно сказать и о том, что важной причиной неэффективности применения абсолютного подхода к доходной стратификации в российских условиях являются особенности понимания черты бедности и прожиточного минимума, сложившиеся в российской культуре. Во-первых, говоря о прожиточном минимуме, россияне подразумевают под ним отнюдь не черту бедности как таковую: определяя, что означает прожиточный минимум

в современном российском обществе России, они называют показателем дохода, превышающие называемую ими же черту бедности более чем в полтора раза. Таким образом, прожиточный минимум в представлениях россиян — это не граница физического выживания, а скорее минимальный социальный стандарт, необходимый для поддержания типичного для большинства населения образа жизни. Во-вторых, даже субъективная черта бедности в последние годы оказывается в представлениях населения выше, чем официально установленный прожиточный минимум (величина разрыва между ними составляет примерно 20%). При этом доход, необходимый для нормальной жизни, более чем в два раза превышает в представлениях населения «субъективный» прожиточный минимум. Эти представления достаточно устойчивы (табл. 1.8).

Таблица 1.8

Соотношение прожиточного минимума (ПМ), черты бедности и «нормального» дохода в восприятии населения, 2002–2013 гг., разы²¹

Период	Соотношение субъективной «черты бедности» и официальной «черты бедности» (ПМ)	Соотношение субъективного ПМ и субъективной «черты бедности»	Соотношение субъективного и официального ПМ	Соотношение дохода, необходимого для «нормальной» жизни, и субъективного ПМ
Июль 2002	0,9	1,9	1,7	2,2
Июль 2005	0,9	2,0	1,7	2,1
Июнь 2008	1,1	1,7	1,8	2,2
Июнь 2011	1,2	1,6	1,8	2,1
Июль 2013	1,2	1,5	1,9	2,3

Обратимся теперь к тестированию различных версий **относительного подхода**, который разрабатывался для развитых стран и при выделении различных доходных групп отталкивает-

²¹ Для расчетов использованы данные Левада-центра (URL: www.levada.ru/08-08-2013/prozhitochnyi-minimum-bednost-i-bogatstvo-v-predstavleniyakh-rossiyam) и ФСГС РФ (URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_41kv.htm). Данные Левада-центра за период после 2013 г. по данному вопросу отсутствуют.

ся от средних, медианных и т. п. показателей уровня дохода в стране, что позволяет лучше учесть специфику конкретного общества и характерного для него доходного распределения. Как было показано в главе 1.1, существуют разные вариации как самого относительного подхода, так и используемых при этом границ для выделения разных доходных групп. Некоторые из них изначально задают размеры выделяемых с их помощью групп (отнесение к тем или иным слоям определенных квинтилей или децилей по доходам). Данные о распределении денежных доходов россиян по децильным и квинтильным группам публикует ФСГС РФ. Динамика этого распределения за последние 20–25 лет была достаточно медленной, но демонстрировала снижение доли двух нижних квинтилей в общих доходах. Два последних экономических кризиса остановили эту тенденцию (табл. 1.9). Анализ данных ФСГС РФ (как и данных социологических исследований) также показывает, что разрывы в доходах особенно велики между верхним децилем (10%) и остальным населением, а также нижним децилем и остальным населением. Во втором — девятом децилях разрывы в доходах нарастают более плавно, что свидетельствует о качественных отличиях ситуации верхних и нижних доходных групп.

Таблица 1.9

Распределение денежных доходов россиян по 20-процентным (квинтильным) группам, 1980–2017 гг., %²²

Год	Распределение денежных доходов по 20-процентным группам населения				
	Первая (с наименьшими доходами)	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая (с наибольшими доходами)
1980	10,1	14,8	18,6	23,1	33,4
1990	9,8	14,9	18,8	23,8	32,7
1995	6,1	10,8	15,2	21,6	46,3
1999	6,0	10,5	14,8	21,1	47,6
2003	5,5	10,3	15,3	22,7	46,2

²² Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения. ФСГС РФ (URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/1-2-2.doc). Данные за 2017 г. — предварительные.

Продолжение табл. 1.9

2007	5,1	9,8	14,8	22,5	47,8
2011	5,2	9,9	14,9	22,6	47,4
2015	5,3	10,0	15,1	22,8	47,0
2016	5,3	10,1	15,0	22,6	47,0
2017	5,4	10,1	15,1	22,6	46,8

Однако такой подход не дает возможности анализировать изменение конфигурации модели социальной стратификации по доходам и численности отдельных групп в ее составе, позволяя оценивать только изменение доходных характеристик каждой из выделенных групп и характеризуя не столько модель доходной стратификации, сколько доходное неравенство. На панельных данных возможно зафиксировать границы исходных групп для анализа их количественного изменения, но с этим вариантом связаны общие проблемы разных версий абсолютного подхода, уже отмеченные выше — при значительном изменении уровня номинальных доходов в среднесрочной перспективе все население постепенно окажется сосредоточено в одной-двух доходных группах (что уже начинает наблюдаться в данных ФСГС РФ о численности групп с фиксированными интервальными уровнями доходов). Не имеет однозначного решения и вопрос о том, в какой момент времени фиксировать границы групп как исходные для дальнейшего анализа (например, в периоды экономического роста или спада).

Вторая группа версий относительного подхода связана с выделением доходных групп в зависимости от соотношения их доходов с медианными значениями по стране. Такая его версия не задает изначально численность низкодходных / среднедоходных / высокодходных групп. Это позволяет оценивать динамику численности разных групп среди населения в целом. Поскольку данная модель строится на соотношении доходов населения с медианой, при равномерном снижении или росте доходов всех слоев общества конфигурация и наполняемость групп не меняется; изменения в модели происходят только в результате изменения пропорций доходного распределения.

Частично данные в логике этого подхода также предоставляет ФСГС РФ, однако это относится только к определению численности низкодходного населения (с доходами ниже 0,4–0,6 медиан) (табл. 1.10).

Таблица 1.10

Доля населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже границ, установленных на основании фактического уровня денежных доходов населения (среднедушевого, медианного и модального), 2013–2017 гг., %²³

Год	Численность населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже границы, установленной на основании фактического уровня денежных доходов населения				
	ниже среднедушевого денежного дохода	ниже доли медианы:			ниже модального среднедушевого денежного дохода
		40%	50%	60%	
2013	65,1	12,0	18,7	25,6	21,8
2014	65,0	11,8	18,5	25,4	22,0
2015	64,9	11,6	18,3	25,3	22,2
2016	64,9	11,5	18,2	25,2	22,3
2017	64,8	11,4	18,1	25,1	22,4

Для выделения других доходных групп в рамках этого подхода необходимо использование данных социологических исследований. Ключевым вопросом, как и в случае разных версий абсолютного подхода, является при этом выбор границ между ними. Традиционным является использование черты бедности на уровне 0,5 или 0,6 медианы, иногда используется и граница в 0,7 медианы. Для выделения среднего класса по доходам, как было показано в главе 1.1, часто используется граница 0,75–1,25 медианы (как объединяющая значения, лежащие около медианного), а для выделения верхнего среднего класса диапазон позиционирования этой границы наиболее размыт и составляет от 1,5 до 4 медиан доходного распределения, хотя чаще всего используется версия с 2 медианами. Эти подходы по-разному комбинируются в разных исследовательских работах.

Опираясь на анализ литературы и эмпирические данные по России, мы разработали, а затем протестировали (см. главы 1.3

²³ Доля населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже границ, установленных на основании фактического уровня денежных доходов населения (среднедушевого, медианного и модального) в целом по России и по субъектам Российской Федерации. ФСГС РФ. (URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/tab-bed2-7.htm; обновлено 25.05.2016).

и 1.4) модель стратификации, состоящую из семи доходных групп. В предложенной нами классификации граница бедности была изначально определена на уровне 0,5 медианы (при этом среди бедных были отдельно выделены глубоко бедные, которых мы для краткости назвали «нищие», т. е. имеющие доходы не более 0,25 медианы доходного распределения, что в российских условиях означает безусловное пребывание глубоко за чертой прожиточного минимума; остальные представители группы бедных, имеющие доходы от 0,25 до 0,5 медиан включительно, были названы нами «нуждающимися»). К низкодоходным слоям населения, наряду с бедными, мы отнесли также «уязвимых» — тех, кто находится выше границы в 0,5 медианы, чаще всего определяемой в литературе как граница относительной бедности, но чьи доходы не превышают 0,75 медианы (типичной нижней границы при выделении среднего класса по доходам). К «медианной группе» в рамках предложенной модели нами было отнесено население с доходами вокруг медианного значения доходного распределения, т. е. не достигающими или превышающими его не более чем на четверть (от 0,75 до 1,25 медианы). В силу заданных таким образом границ, эта группа репрезентирует типичный стандарт жизни всего российского населения — невысокий, но явно превышающий стандарт выживания, как будет показано в дальнейших главах. К «среднедоходной» группе мы отнесли достаточно благополучное население как с точки зрения уровня доходов (от 1,25 до 2 медиан), так и соответствующего уровня и качества жизни, как будет показано далее. Наконец, к высокодоходным слоям населения были отнесены имеющие более двух медиан доходного распределения, и среди них были выделены две подгруппы — «обеспеченные» (с доходами 2–4 медианы) и «состоятельные» (с доходами более 4 медиан).

Результаты применения относительного подхода в данной его модификации показывают, что модель доходной стратификации современного российского общества имеет схожие характеристики по данным двух использованных для ее построения массивов (рис. 1.2).

Особенностями модели доходной стратификации российского общества сегодня выступают:

- почти полное отсутствие нищеты, связанной с физическим выживанием и предполагающей доходы не более 25% от медианы доходов;

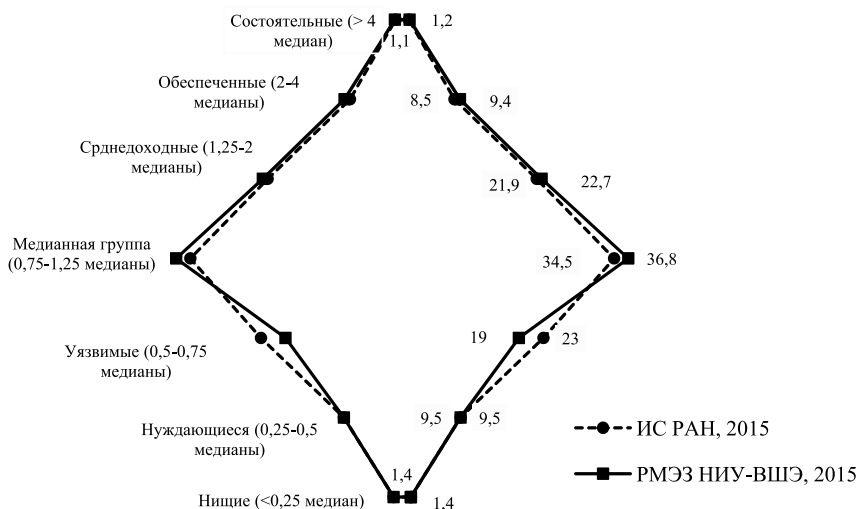

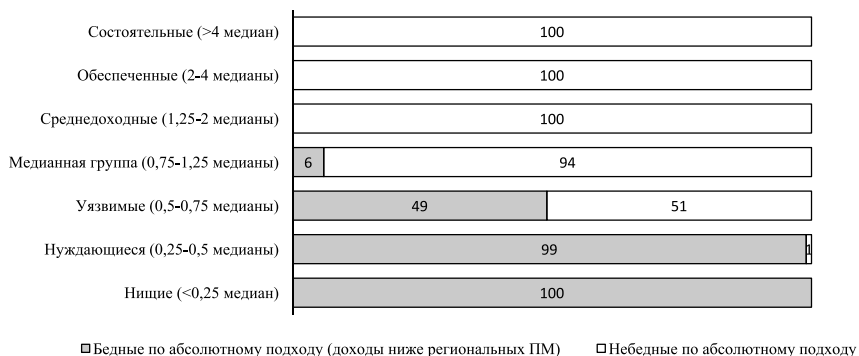
Рис. 1.2. Модель доходной дифференциации в России по относительному подходу с использованием страновой медианы, данные РМЭЗ НИУ ВШЭ и ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., %

- высокая численность представителей групп нуждающихся и уязвимых;
- наличие значительной медианной группы, в которой сосредоточена наиболее массовая часть населения;
- относительно высокий показатель численности благополучных слоев — около 10% даже без учета не попадающих в массовые опросы верхних 3–5% населения.

В целом же построенная модель позволяет утверждать, что *российское общество выглядит сейчас если и не как «общество массового среднего класса», то все же относительно благополучно. В то же время преувеличивать степень благополучия россиян тоже не стоит, учитывая, что уровень медианных доходов в стране не более чем в полтора раза выше прожиточного минимума. Это определяет достаточно скромный стандарт жизни медианной группы, репрезентирующей типичное положение среднего россиянина.*

С учетом того, что при построении модели использовалось страновое значение медианы, а официальное определение бедности в России основано на использовании региональных прожиточных

минимумов, нам представлялось важным посмотреть также соотношение в выделенных группах бедного и небедного населения по абсолютному подходу. Подробно результаты этого анализа представлены в главах 1.4 и 2.6 данной книги, однако уже сейчас нужно отметить, что не только имеющие доходы ниже 0,5 медианы в подавляющем большинстве попадают в бедность по абсолютному подходу, но и среди группы с доходами от 0,5 до 0,75 медианы половина имеет доходы ниже региональных прожиточных минимумов, что позволяет идентифицировать их именно как балансирующих на грани бедности (рис. 1.3). При этом если они все-таки попадают в бедность, то обычно бедность их неглубока.

Рис. 1.3. Соотношение доли бедных и небедных (по абсолютному подходу с использованием региональных ПМ) в разных доходных группах, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., %

Для общей характеристики российской модели доходной стратификации и сравнения моделей разных стран оптимально использование предложенной выше максимально дробной модели классификации. Однако для характеристики повседневной жизни различных доходных групп в современном российском обществе необходимо ее укрупнение, поскольку численность полярных групп в нем минимальна. Для таких целей модель может быть укрупнена до пяти групп (табл. 1.11). С учетом же того, что половина уязвимых является бедными по официально установленному российскому прожиточному минимуму, все группы с доходами до 0,75 медианы можно объединить в единый слой — низкодоходное население. Таким образом, при дальнейшем укрупнении в мо-

дели можно выделить четыре доходных группы, качественно различающихся между собой своими доходами (а также уровнем и качеством жизни) — низкодоходные слои (до 0,75 медианы), медианную группу (от 0,75 до 1,25 медианы), среднедоходную группу (от 1,25 до 2 медиан) и высокодоходные слои (свыше 2 медиан). Как будет показано в последующих главах, и прежде всего в главе 1.3, их, в свою очередь, можно укрупнить до относительно неблагоприятного населения, объединяющего низкодоходные слои и медианную группу, и относительно благоприятного населения, объединяющего среднедоходную группу и высокодоходные слои. Целесообразность использования той или иной версии этой классификации зависит от целей исследования и объема выборки.

Таблица 1.11

Схемы укрупнения модели доходной стратификации
российского общества

Границы по медиане	Модель с семью доходными группами	Модель с пятью доходными группами	Модель с четырьмя доходными группами
Более 4	Состоятельные	Высокодоходные	Высокодоходные
2–4	Обеспеченные		
1,25–2	Среднедоходные	Среднедоходные	Среднедоходные
0,75–1,25	Медианная группа	Медианная группа	Медианная группа
0,5–0,75	Уязвимые	Уязвимые	Низкодоходные
0,25–0,5	Нуждающиеся	Бедные	
Менее или равно 0,25	Нищие		

До сих пор речь шла об относительном подходе с использованием страновой медианы. Однако в условиях России важно принимать в расчет также региональное и поселенческое неравенство, поскольку стоимость жизни как в разных регионах, так и в разных типах населенных пунктов может значительно отличаться и один и тот же уровень доходов может означать различный уровень жизни, доступный для его обладателя. Различаются в них и характерные для их жителей жизненные стандарты. Поэтому если задачей выступает анализ различий модели стратификации внутри страны, то модель, предложенная выше, может быть скорректирована с учетом этого факта

и вместо страновой медианы по доходам в ней можно использовать региональные или поселенческие медианы. Проведенный пересчет модели доходной стратификации с применением региональных или поселенческих значений медианных доходов не меняет ее общую конфигурацию, хотя определенные количественные изменения наблюдаются. При использовании медианы доходов по типам поселения или регионам доля медианной и среднедоходной групп увеличивается, в то время как удельный вес полярных групп снижается. Это в меньшей степени характерно при использовании поселенческой и в большей — при использовании региональной медианы (табл. 1.12).

Таблица 1.12

Модель доходной дифференциации по относительному подходу к использованию региональной и поселенческой медиан, данные РМЭЗ — НИУ ВШЭ, 2015 г., %

Группы	Доходы на члена семьи относительно медианы	Медиана доходов		
		по стране	по типу поселения	по региону
Состоятельные	Более 4 медиан	1,2	1,1	0,8
Обеспеченные	2–4	9,4	8,6	6,8
Среднедоходные	1,25–2	22,7	22,9	23,9
Медианная группа	0,75–1,25	36,8	39,1	42,1
Уязвимые	0,5–0,75	19,0	18,8	17,5
Нуждающиеся	0,25–0,5	9,5	8,4	7,9
Нищие	Менее или равно 0,25 медианы	1,4	1,0	1,0

Есть типы стран, где более существенно разделение сельского и городского населения (Индия, Китай). Для России с присущей ей региональной неоднородностью развития оказывается при проверке более значимым именно региональный срез, что совпадает и с данными других исследований, свидетельствующих о высокой роли регионального неравенства как фактора дифференциации российских домохозяйств²⁴. Однако, к сожалению, имеющиеся мас-

²⁴ Овчарова Л. Доходы, неравенство, бедность: вызовы в условиях неопределенности // Доклад о человеческом развитии в Российской Феде-

сивы социологических данных не являются репрезентативными по регионам, поэтому, несмотря на большую теоретическую корректность использования для анализа доходной стратификации именно региональной медианы, мы в дальнейшем будем в основном опираться на модель, построенную на основании общестранового показателя. Однако вопросы территориально-поселенческой неоднородности модели доходной стратификации будут специально рассмотрены в главе 2.4.

Подведем итоги.

Существуют различные подходы к построению моделей доходной стратификации, которые можно разделить на две широкие группы — абсолютные и относительные. В современных российских условиях, которые качественно изменились за последние 15 лет с точки зрения доходов населения, использование границ, задаваемых наиболее популярными в мире версиями абсолютно подхода, оказывается нецелесообразно, поскольку они не позволяют дифференцировать основную массу населения. Еще в 2000 г. ситуация в российском обществе качественно отличалась от нынешней, что позволяло эффективно применять этот подход. Сегодня же Россия по характеристикам абсолютных моделей доходной стратификации оказывается ближе уже к развитым, а не развивающимся странам (в частности, в ней практически отсутствует крайняя бедность, связанная с проблемой физического выживания). Это и определяет неэффективность использования в ней абсолютных границ, разрабатывавшихся для группы развивающихся стран бывшего «третьего мира».

Как свидетельствует проведенный нами анализ, относительный подход, связанный с использованием медианного дохода как социального стандарта жизни, оказывается более эффективен при построении модели доходной стратификации для России, чем абсолютный. Кроме того, он позволяет при необходимости проводить корректировки на региональное и поселенческое доходное неравенство, что актуально в российских условиях неравномерного социально-экономического развития разных территорий.

Применение относительного подхода в версии, предложенной авторским коллективом, демонстрирует, что модель доходной

стратификации российского общества сейчас достаточно устойчива. В ней количественно преобладает медианная группа, репрезентирующая типичный уровень доходов всего населения и характеризующаяся достаточно скромным стандартом жизни, превышающим, однако, стандарт выживания. Еще около пятой части составляет среднедоходная группа, положение которой можно назвать относительно благополучным. Высокодоходные слои составляли при этом в 2015 г. порядка 10%, а низкодоходные — около трети населения.

Глава 1.3. «Пороги» между доходными группами: результаты анализа с помощью методов статистической классификации

Как было показано выше, в науке пока не сложилось единой позиции относительно того, какие границы дают робастную картину деления шкалы доходов. Пока отсутствуют в литературе и попытки статистической валидации существующих группировок доходного распределения. В то же время необходимость исследований в этом направлении была артикулирована еще более четверти века назад учеными, рассматривавшими доходное распределение как одно из важнейших оснований социальной стратификации¹. Остается данная потребность актуальной и сегодня², в т. ч. для современной России, на что обращают внимание многие авторы³.

---

¹ *Esping-Andersen G.* The three worlds of welfare capitalism. Cambridge: Polity Press, 1990; *Lenski G.* Income stratification in the United States: Toward a revised model of the system / D. Treiman, R. Robinson (Eds.). Research in social stratification and mobility. Vol. 3. Greenwich, CT: JAI; *Rytina J.H., Form W.H., Pease J.* Income and stratification ideology: Beliefs about the American opportunity structure // American Journal of Sociology. 1970. Vol. 75. No. 4; *Yitzhaki S., Lerman R.* Income stratification and income inequality // Review of Income and Wealth. 1991. Vol. 37. No. 3.

² *Ceriani L., Verme P.* The income lever and the allocation of aid // The Journal of Development Studies. 2014. Vol. 50. No. 11.

³ *Anikin V.A., Lezhnina Y.P., Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D., Tikhonova, N.E.* Income stratification: Key approaches and their application to Russia // Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 02/PSP/2016. Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2016; *Бобков В.Н., Колмаков И.Б.* Выявление социальной структуры и неравенства распределения денежных доходов населения Российской Федерации // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 4; *Богомолова Т.Ю., Таплилина В.С.* Экономическая стратификация населения России: динамический аспект // Социологические исследования. 2001. № 6; *Григорьев Л.М., Салмина А.А.* «Структура» социального неравенства современного мира: проблемы измерения // Социологический журнал. 2013. № 3; *Тухоновва Н.Е.* Стратификация по доходам в России на фоне других стран //

При обращении к этой проблематике надо учитывать, однако, что хотя доходными неравенствами занимаются преимущественно экономисты, но нельзя сказать, что сама предметная область доходных неравенств является чисто экономической. Так, еще С. Кузнец обосновывал необходимость перехода к социальной экономике и использованию для анализа монетарных неравенств теоретических наработок других дисциплин — прежде всего демографии и социологии, особенно в области межпоколенной мобильности и стратификации⁴. Вторя этим идеям, другие исследователи⁵ также рассматривали неэкономические основания доходных неравенств при их анализе в некоторых странах БРИКС. Таким образом, «пространство доходов» и «пространство людей»⁶ необходимо рассматривать при оценке порогов между группами на шкале доходной стратификации в их взаимосвязи.

Данная глава представляет собой попытку такого «взаимовязывания» социологического подхода к выделению социальных групп и формально-статистического подхода к группировке доходного распределения, а также проверку на этой основе надежности шкалы, описанной в главе 1.2 и послужившей основой для построения модели доходной стратификации российского общества, результаты анализа которой представлены в данной книге. Сразу также отметим, что применение комплексной социолого-статистической оценки на данных третьей волны Мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН (октябрь 2015 г.) показало, что предложенная в главе 1.2 на основе теоретического анализа выработанных мировым научным сообществом границ доходных групп шкала является состоятельной и валидной как в социологическом смысле, так и в плане ее статистической надежности.

Общественные науки и современность. 2017. № 3; *Тихонова Н.Е.* Стратификация по доходу в России: специфика модели и вектор изменений // *Общественные науки и современность.* 2017. № 2.

⁴ *Kuznets S.* Economic growth and income inequality // *The American Economic Review.* 1955. Vol. 45. No. 1.

⁵ *Akerman A., Helpman E., Itskhoki O., Muendler M.-A., Redding S.* Sources of Wage Inequality // *The American Economic Review.* 2013. Vol. 103. No. 3; *Castellano R., Manna R., Punzo G.* Income inequality between overlapping and stratification: a longitudinal analysis of personal earnings in France and Italy // *International Review of Applied Economics.* 2016. Vol. 30. No. 5.

⁶ *Foster J., Wolfson M.C.* Polarization and the decline of the middle class: Canada and the US // *The Journal of Economic Inequality.* 2010. Vol. 8. No. 2.

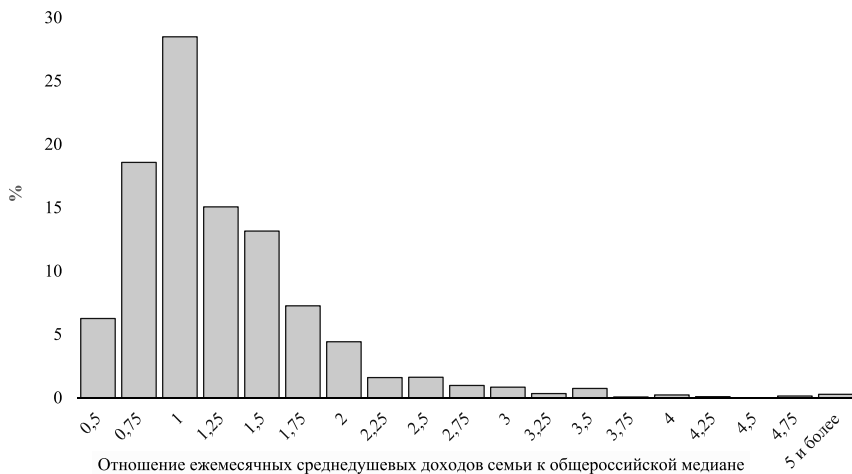
Переходя непосредственно к описанию нашего анализа и его результатов, напомним, что, как показано в главе 1.1, границы групп при доходной стратификации, основанной на медианной версии относительного подхода, чаще всего укладываются в следующие диапазоны: 1) до 0,5 медианы; 2) от 0,5 до 0,75 медианы; 3) от 0,75 до 1,25–1,5 медианы; 4) от 1,25–1,5 до 2–2,5 медиан; 5) выше 2–2,5 медиан. Цель данной главы состоит в том, чтобы провести социолого-статистическую апробацию робастности этих границ доходных групп для современного российского общества. При этом мы не ставим задачи проверить робастность двух полярных групп в предложенной в главе 1.2 классификации, поскольку их численность (1–2%, что меньше величины статистической погрешности) была меньше, чем необходимо при использовании статистических методов.

Исходным индикатором доходного распределения для нас выступал среднемесячный доход на члена семьи, соотнесенный со значением общероссийской медианы этого дохода без учета коэффициентов эквивалентности для домохозяйств разной структуры и состава⁷. Общее распределение доходов с учетом их соотношения с общероссийской медианой представлено на рис. 1.4. Отказ от учета коэффициентов эквивалентности обуславливался тем, что 1) их применение дает в российских условиях завышенные показатели доходов, особенно для малообеспеченных домохозяйств большой численности, значительная часть расходов которых в нашей стране неэластична и связана с индивидуальным потреблением (питание, одежда, общественный транспорт); 2) пересчет с учетом этой шкалы показывает, что сдвиги в показателях доходов даже при их завышении в домохозяйствах большой численности в масштабах общества в целом относительно невелики.

Напомним, что верхние границы в интервалах 1,25–1,5 и 2–2,5 (т. е. 1,5 и 2,5 медианы соответственно) в литературе используются обычно для развитых стран (например, для Франции и Германии), в которых высокие доходы характерны для относительно

---

⁷ Информация о доходах россиян в рамках Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН собирается на основе следующего вопроса: «Каков примерный среднемесячный доход на каждого члена Вашей семьи?» (для расчета респонденту надо просуммировать все доходы в семье после налогообложения и разделить их на число членов семьи, включая детей).

Рис. 1.4. Распределение взрослого населения страны по среднемесячным доходам на члена семьи относительно общероссийской медианы, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., %⁸

крупных групп в массовых слоях населения. Это обуславливает иной вид «хвоста» доходного распределения, чем в России, где (и это наглядно видно на рис. 1.4) группы с высокими доходами крайне малочисленны, в то время как большая часть российского населения имеет доходы ниже медианных. При этом модальные (наиболее типичные) доходы составляют в России около 40% среднедушевых доходов, а медианные — не более трех четвертей. Так, модальное значение среднемесячных доходов на члена семьи относительно общероссийской медианы было равно, по данным ИС ФНИСЦ РАН в октябре 2015 г., 0,71 медианы, в то время как среднее значение составляло 1,15 медианы (ст. ошибка среднего 0,01), с достаточно большим стандартным отклонением и вариацией 0,62. Разброс медианных доходов был равен 18,88 (при минимальных значениях доходов 0,05 общероссийской медианы и максимальных 18,93 медианы).

⁸ На рис. 1.4 и 1.5 значение «1» показывает, что среднедушевой доход в семье соответствует медианному. Значения меньше 1 говорят о том, во сколько раз он ниже этого порога, выше 1 — о том, во сколько раз он больше медианного. Примечательно, что при корректировке доходов россияне на региональные показатели медианы значение 1 перестает быть модальным.

Использование более низких границ при группировке из возможных, согласно предложенным диапазонам (например, 1,25 медианы, а не 1,5), в избранной нами модели доходной стратификации призвано было обеспечить учет этих особенностей доходного распределения в России. Добавим также, что хотя использованные нами массивы данных не обеспечивали репрезентативности для отдельных российских регионов, но, как показала проверка доходных распределений с использованием региональных и поселенческих медиан, граница в 1,25 медианы становится даже еще более выраженной (рис. 1.5)⁹.

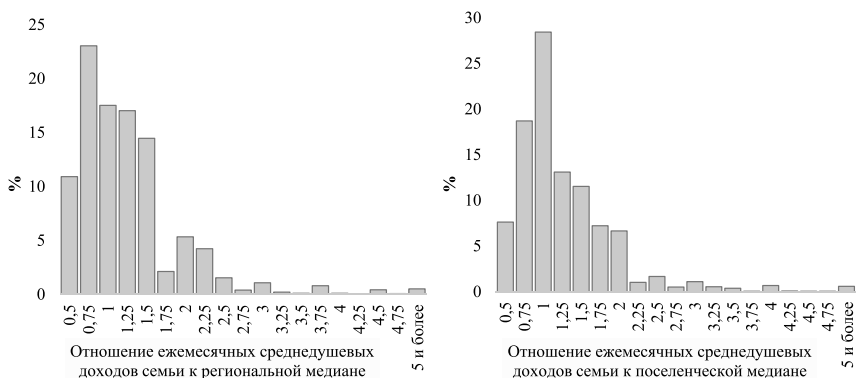

Рис. 1.5. Распределение взрослого населения страны по среднемесячным доходам на члена семьи относительно региональной и поселенческой медиан, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., %

Таким образом, основной версией выделения границ групп для их социолого-статистической верификации являлась группировка со следующими границами: 1) до 0,5 медианы; 2) от 0,5 до 0,75; 3) от 0,75 до 1,25; 4) от 1,25 до 2; 5) выше 2 медиан. Центральным в этом анализе являлось выделение по ряду признаков статистических кластеров респондентов (как доходных, так и, главное, с использованием как социологических переменных, так и переменной дохода), которые затем накладывались на выделенные доходные группы с целью проверки однородности последних и понимания того, нужно ли изменение проверяемых доходных порогов или нет.

⁹ Подробнее о территориально-поселенческих особенностях модели доходной стратификации российского общества см. главу 2.4.

Как метод статистической классификации наблюдений, кластеризация широко используется не только в социологии¹⁰. И хотя этот метод имеет известные ограничения (из числа наиболее явных — чувствительность результатов кластеризации к выбранной метрике дистанции между наблюдениями), его сильные стороны для нашего исследования неоспоримы, и главная из них — возможность получить «пространственные скопления» индивидов на основе комбинирования экономической и социологической информации о них.

Чтобы кластерный анализ имел смысл для верификации доходных групп как реальных, а не чисто статистических групп, набор переменных для кластеризации должен отражать возможности респондентов (или их отсутствие) в социально-экономической сфере. Тогда при наложении кластеров, сформированных на основе этих переменных, на тестируемые доходные группы можно будет говорить о том, насколько выбранные границы доходных групп информативны в социологическом смысле. Именно эта процедура нами и осуществлялась — выделяемые по ряду признаков статистические кластеры респондентов затем «накладывались» на выделенные доходные группы с целью проверки однородности последних и определения, нужна ли для получения достаточно гомогенных по их жизненным шансам социальных групп, а не просто неких сугубо формальных образований, перегруппировка используемых границ или нет.

Индикаторы жизненных шансов у респондентов в социально-экономической сфере в рамках используемой базы данных относились частично к их возможностям¹¹, а частично — к тому спектру жизненных проблем, с которыми они сталкивались. Формулировка вопроса об их проблемах выглядела следующим образом: «*Приходилось ли вам сталкиваться со следующими проблемами? (выберите не более трех ответов)*». Основой для отбора переменных для проведенной кластеризации являлись предыдущие работы в области социальной стратификации в современной России¹², а также

¹⁰ King B. Step-wise clustering procedures // Journal of the American Statistical Association. 1967. Vol. 62. No. 317.

¹¹ Например, респондентов просили указать, как они оценивают свое питание, возможность приобрести необходимую одежду и обувь и т. п.

¹² Anikin V.A., Lezhnina Y.P., Mareeva S., Tikhonova N.E. Social Stratification by Life Chances: Evidence from Russia // Higher School of Econom-

индексы благосостояния¹³, основанные на концепции жизненных шансов (*Lebenschancen*), предложенной М. Вебером¹⁴ и получившей развитие в более поздних работах американских и британских социологов¹⁵.

В силу того, что отобранные для кластеризации социологические переменные измерены по номинальной шкале, а переменная доходов, скорректированная по общероссийской медиане, — это количественная шкала, наиболее адекватным методом кластеризации являлась процедура двухшагового кластерного анализа, которая основывается на методологии автоматической кластеризации номинальных и интервально измеренных данных, предложенной в работе Дж. Бэнфилда и А. Рафтери¹⁶. Главные предпосылки успешности использования этого метода — нормальность распределения интервально измеренных переменных, а также низкая степень взаимной корреляции признаков, участвующих

---

ics Research Paper No. WP BRP 80/SOC/2017. Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2017; *Давыдова Н.М.* Деривационный подход в оценках бедности // Социологические исследования. 2003. № 6; *Тихонова Н.Е.* Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014; *Тихонова Н.Е., Слободянюк Е.Д.* Гетерогенность российской бедности через призму депривационного и абсолютного подходов // Общественные науки и современность. 2014. № 1; *Шкаратан О.И.* Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009.

¹³ *Mazziotta M., Pareto A.* Measuring well-being over time: The adjusted Mazziotta–Pareto index versus other non-compensatory indices // Social Indicators Research. 2017. Vol. 1; *Popova D., Pishniak A.* Measuring individual material well-being using multidimensional indices: An application using the gender and generation survey for Russia // Social Indicators Research. 2016. Vol. 125. No. 3; *Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi, J.-P.* Mismeasuring our lives: Why GDP doesn't add up. New York: The New Press, 2010.

¹⁴ *Weber M.* Economy and society (G. Roth & C. Wittich Eds.). Berkeley: University of California Press, [1924] 1978.

¹⁵ *Erikson R., Goldthorpe J.H.* The constant flux: A study of class mobility in industrial societies. Oxford: Clarendon Press, 1992; *Breen R.* Foundations of a neo-Weberian class analysis / Wright E. O. (Ed) Approaches to class analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 2005; *Dahrendorf R.* Life chances: Approaches to social and political theory. Chicago: University of Chicago Press, 1979; *Giddens A.* The class structure of the advanced societies. London: Hutchinson, 1973.

¹⁶ *Banfield J.D., Raftery A.E.* Model-based Gaussian and non-Gaussian clustering // Biometrics. 1993. Vol. 49. No. 3.

в кластеризации. Особенностью двухшаговой кластеризации является то, что этот метод работает приемлемо даже в случаях, когда эти предпосылки нарушаются¹⁷. Однако в нашем случае эти предпосылки выполнялись за счет того, что переменная доходного распределения приводилась к стандартизированному виду.

На первом шаге кластеризации мы прибегали к стандартизации количественного признака, что позволяет использовать в качестве меры дистанции Евклидово расстояние. На втором шаге, когда в кластеризацию включались номинальные признаки, использовался метод максимального правдоподобия, а в качестве метрики дистанции — логарифм правдоподобия (*log-likelihood*). Мы использовали автоматическую кластеризацию с кластерным выбросом. В качестве критерия отсека кластерного выброса использовался Байесовский информационный критерий Шварца (*Schwarz's BIC*). Здесь стоит оговориться, что величина кластерного выброса зависит от порога чувствительности, который в процентном отношении к подвыборке ответивших на соответствующий вопрос задает сам исследователь. При стандартном значении в 25%, задаваемом при автоматической кластеризации, те варианты ответов, которые сами респонденты выбирают относительно редко, могут полностью оказаться в выбросе. Это не всегда является проблематичным (в силу возможности содержательной интерпретации кластерного выброса), однако при желании и это ограничение можно обойти за счет ужесточения порога выброса. Критерий валидности автоматической кластеризации (*Silhouette measure of cohesion and separation*) должен быть в этом случае более 0,5. Для выявления статистической связи кластеров и доходных групп нами использовался традиционный для такой задачи метод (Хи-квадрат).

Кластеризация с учетом только переменной дохода, скорректированного на общероссийскую медиану, дала робастную разбивку¹⁸ на три кластера со следующими границами: 1) первый — «нижний» и самый многочисленный (52%) кластер — лежал в границах от 0 до 1,4 медианы, а среднее значение этого показателя по кла-

---

¹⁷ *Garson G.D.* Cluster analysis. Asheboro, NC: Statistical Associates Publishers, 2012.

¹⁸ Робастность кластерной оценки в двухшаговом кластерном анализе достигалась за счет построения кластера-выброса, «оттягивающего» на себя всю неэффективную вариацию параметров.

стеру составляло 0,82; 2) второй — «срединный» и второй по численности (21%) кластер — имел вид нормального распределения и был расположен в границах от 0,8 до 2,2 медианы (со средним значением 1,49)¹⁹; 3) третий — «верхний» и самый малочисленный (6%) кластер — начинался от 1,5 и имел среднее значение доходов на уровне 2,11 медианы²⁰. Кластерный выброс, однако, при стандартном пороге чувствительности был достаточно велик и составил 21% выборки (см. Приложения 2 и 3).

Стоит отметить, что кластерный выброс оттянул на себя две крайние доходные группы, а также сравнительно небольшую часть срединной группы (табл. 1.13). Так, в кластерный выброс попали все 100% нижней доходной группы (от 0 до 0,5 медианы), 52% группы с доходами свыше 2 медиан и лишь 16% оказались в группе от 0,75 до 1,25. В нижний статистический кластер попали 100% второй (с доходами от 0,5 до 0,75 медиан) и более 83% третьей (с доходами от 0,75 до 1,25 медиан) доходных групп. В срединный — более 94% четвертой доходной группы (с доходами от 1,25 до 2 медиан).

¹⁹ Здесь и далее приводятся данные кумулятивного распределения населения по доходу.

²⁰ В то же время стоит отметить, что попытка выделения доходных групп с помощью метода Jenks natural breaks optimization (метод естественных границ Дженкса, основанный на естественном группировании данных), которую выполнил Д. Непомнящих на нескольких массивах РМЭЗ НИУ ВШЭ (URL: www.hse.ru/r/lms/), за что авторский коллектив данной монографии ему очень благодарен, дала несколько иные результаты. Поскольку проверка эта проводилась на массивах РМЭЗ НИУ ВШЭ как за период относительного благополучия (2012 г.), так и в момент «пика» экономического кризиса 2014–2016 гг. (2015 г.), то можно говорить об интервалах, в которых в зависимости от фазы экономического цикла находятся полученные таким методом пороги между разными доходными группами. В нашем случае в зависимости от года опроса они находились в диапазонах 0,71–0,76; 1,17–1,20; 1,74–1,76 и 2,51–2,65. Таким образом, при использовании метода естественных границ Дженкса границы между доходными группами оказались гораздо ближе к тем, которые были избраны нами при классификации (за исключением границ подгрупп благополучного населения с доходами свыше 1,2 медиан, об особых сложностях определения которых много говорилось в главе 1.1), чем при двухшаговом кластерном анализе. При этом важно, что разбивка доходного распределения на группы методом Дженкса позволяет объединить всех россиян с доходами ниже трех четвертей от медианы в одну, наиболее неблагоприятную группу. Запомним последний вывод — он нам еще понадобится в дальнейшем.

В верхний — около 6% четвертой доходной группы и 48% пятой доходной группы (объединяющей россиян с доходами свыше 2 медиан), т. е. все не попавшие в кластерный выброс ее представители.

Таблица 1.13

Соотношение кластеров, выделенных с помощью процедуры статистической классификации населения, с тестируемыми доходными группами, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., %²¹
(при границе кластерного выброса в 25%)

Статистические кластеры по доходу	Доходные группы основной классификации				
	до 0,5	от 0,5 до 0,75	от 0,75 до 1,25	от 1,25 до 2	свыше 2
<i>Кластерный выброс</i>	100	0	16	0	52
«Верхний» кластер	0	0	0	6	48
«Срединный» кластер	0	0	1	94	0
«Нижний» кластер	0	100	83	0	0
Всего: % по строке	11	23	35	22	10

Примечание: Здесь и далее, если не оговорено иное, все значения в таблице, выделенные серым или курсивом, являются статистически значимыми на уровне $\alpha < 0,001$ (тест Хи-квадрат).

Несмотря на существование выраженной связи между доходными кластерами, выделенными с помощью процедуры статистической классификации населения (далее для краткости — доходные кластеры), и тестируемыми доходными группами, выделенными на основе анализа литературы (далее для краткости — доходные группы), эта связь, как видно из табл. 1.13, не линейна. Однако практически однозначно можно сказать, что на данном этапе сопоставления подтверждаются границы в 0,5 и 1,25 медианы. С другими границами ситуация не столь очевидна, особенно с границей в 0,75 медианы, поскольку респонденты с доходами от 0,5 до 1,25 попали при описываемом варианте кластеризации в подавляющем своем большинстве в одну группу²². Однако главная проблема ис-

²¹ Серым фоном в таблицах здесь и далее выделены ячейки, в которую попало большинство группы за вычетом кластерного выброса.

²² Однако напомним, что эта граница очень ярко заявила о себе при анализе границ доходного распределения методом естественных границ Дженкса.

следования робастности границ на шкале доходной стратификации населения состоит именно в том, чтобы выявить структурную (по сути, социологическую) неоднородность среднедоходного распределения и разбить это распределение на группы в соответствии с его внутренней неоднородностью. На данном этапе анализа это предполагало разграничение второй и третьей доходных групп, поскольку подавляющее большинство их представителей попадало в один статистический кластер. В то же время, согласно результатам описанных в главе 1.1 исследований, это принципиально разные по их социологической сути группы, представители которых имеют качественно разные жизненные возможности. Например, как отмечалось выше, в работах Л. Шавель²³ с 0,75 медианы начинается нижняя граница среднего класса по доходам в индустриально развитых странах, что дает нам повод предположить, что 0,75 медианы может служить вполне информативным индикатором перехода от низших слоев к средним. Кроме того, нижний кластер получился в этой версии кластеризации очень массовым, вобрав в себя более половины населения страны, что также говорило о необходимости его дальнейшей дифференциации.

Однако, прежде чем определяться с границами подгрупп нижнего кластера, который можно рассматривать как относительно неблагополучное население, отметим, что группы с доходами 0,5–0,75 медианы и 0,75–1,25 медианы в качественном отношении различны, хотя их количественное отнесение к одному кластеру в ходе статистической обработки данных позволяет с определенной долей условности объединить эти две доходные группы в одну. В частности, это возможно и для последующей оценки робастности укрупненного группового деления, которое также активно используется российскими исследователями в рамках международных проектов²⁴.

Посмотрим поэтому теперь, приводят ли сдвиги границ групп к увеличению зоны пересечения группы высокодоходных россиян с верхним доходным кластером, а также рассмотрим, как распределится в этом случае по кластерам группа с доходами

---

²³ *Chauvel L. Welfare Regimes, Cohorts and the Middle Classes / J. Gornick, M. Jäntti (Eds.). Income inequality: economic disparities and the middle class in affluent countries. Stanford, California: Stanford University Press, 2013.*

²⁴ *Козырева П.М., Смирнов А.И. Социальная безопасность среднедоходных групп в России // Вестник Института социологии. 2016. № 19.*

от 0,5 до 1,25 медианы. Результат осуществленной перегруппировки, а также ее пересечение со статистическими кластерами, выделенными ранее, представлены в табл. 1.14.

Таблица 1.14

Соотношение статистических кластеров с укрупненными доходными группами, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., %

Статистические кластеры	Укрупненные доходные группы			
	до 0,5	от 0,5 до 1,25	от 1,25 до 1,75	свыше 1,75
<i>Кластерный выброс</i>	100	9	0	33
«Верхний» кластер	0	0	0	40
«Срединный» кластер	0	1	100	27
«Нижний» кластер	0	90	0	0
Всего: % по строке	11	58	17	15

Как видно из табл. 1.14, при альтернативной основной группировке доходного распределения классификации пересечение срединных доходных групп с доходными кластерами стало выражено более четко и границы в 0,5 и 1,25 медианы действительно начали разделять принципиально разные социальные общности. Вместе с тем решение опустить нижнюю границу высокодоходных групп до 1,75 является, как оказалось, не лучшим решением, поскольку такой сдвиг привел к росту гетерогенности верхней группы — так, 27% ее представителей стали относиться теперь к срединному доходному кластеру. Другим очевидным минусом изменения границ доходных групп по отношению к базовому варианту является образование шкалы с крайне неравномерными по численности группами, в результате чего срединная группа становится очень массовой (58%) и, по всей видимости, очень неоднородной²⁵.

Позволит ли внести большую ясность в кластеризацию по доходам включение в этот процесс социологических переменных? Для ответа на этот вопрос добавим в пошаговую кластеризацию те из них, которые, как уже упоминалось выше, призваны отразить принципиальные различия в положении рассматриваемых доходных групп (качество питания, доступность приобретения одежды

²⁵ *Мареева С.В.* Потребительское поведение средних слоев в условиях кризиса // Journal of Institutional Studies. 2017. Т. 9. № 1. doi:10.17835/2076–6297.2017.9.1.088–104.

и обуви, доступность необходимой медицинской помощи, удовлетворенность возможностями проведения отпуска и т. д.).

Наиболее ярким социологическим критерием из числа тех, что использовались нами для кластеризации населения и, соответственно, тестирования выделенных на основе анализа литературы доходных групп, как нам первоначально казалось, является индикатор, свидетельствующий о наличии или отсутствии проблем с получением необходимой медицинской помощи (0 — отсутствие этих проблем, 1 — их наличие). Поскольку вопрос о наиболее острых для респондента проблемах, в котором фигурировала данная позиция, предполагал возможность выбора всего трех альтернатив из 19, то выбор этого варианта ответа на вопрос о том *«Приходилось ли Вам за последний год сталкиваться со следующими проблемами?»* сам по себе мог бы говорить о наличии у респондента очень серьезных проблем в доступе к системе здравоохранения и — косвенно — об очень скудных ресурсах индивида. В связи с этим мы ожидали увидеть тесную связь образованных на основе этой переменной и переменной принадлежности к доходным группам кластеров с доходными группами из нашей основной классификации.

Однако результаты автоматической пошаговой кластеризации с относительно жестким порогом на выбросы (до 10%) показали, что кластер, объединяющий россиян, которые сталкивались в 2015 г. с проблемами получения необходимой медицинской помощи, более-менее равномерно распределился по всем доходным группам. Это препятствовало оценке границ этих доходных групп с помощью соответствующего вопроса — видимо, уровень запросов к необходимой медицинской помощи у всех групп был выше возможностей ее получения. При смягчении порога требований к кластерному выбросу (до «классических» 25%) россияне, которые сталкивались с проблемами с получением необходимой медицинской помощи (учитывая небольшую долю таковых в массиве (10%)), автоматически попадали в массу своей в кластерный выброс, который, однако, только этими россиянами не исчерпывался, поскольку составлял 12% (табл. 1.15).

Если же отвлечься от состава кластерного выброса, то мы получили в результате этой версии кластеризации два относительно больших кластера, граница между которыми проходила опять-таки примерно на уровне 1,25 медианы, деля население на относительно

благополучное и относительно неблагоприятное. В первом — «нижнем» — кластере среднее значение доходов составляло 0,78 медианы (см. Приложения 4 и 5). Второй — «верхний» — имел среднее значение уровня доходов в 1,8 от общероссийской медианы. Табл. 1.15 показывает, что доходные группы из базовой классификации практически полностью совпадали при этом с построенными доходными кластерами (если не учитывать кластерный выброс).

Таблица 1.15

Соотношение статистических кластеров, выделенных с учетом доходов и возможностей получения медицинской помощи, с тестируемыми доходными группами, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., %
(при границе кластерного выброса в 25%)

Статистические кластеры, выделяемые по доходу и с учетом проблем с получением необходимой медицинской помощи	Доходные группы основной классификации				
	до 0,5	от 0,5 до 0,75	от 0,75 до 1,25	от 1,25 до 2	свыше 2
Кластерный выброс ²⁶	7	13	13	8	18
«Нижний» кластер	93	87	86	0	0
«Верхний» кластер	0	0	1	92	82

Примерно те же варианты разбиения на два кластера — неблагоприятный и благополучный — со средними значениями в 0,7–0,8 и 1,7–2,1 от общероссийской медианы демонстрировали и варианты кластеризации с учетом таких переменных, как оценки своего питания, возможностей приобрести необходимую одежду и обувь, отдохнуть в отпуск (см. Приложение 10). В табл. 1.16 (см. также Приложение 11) представлены, например, результаты кластеризации на основе переменной дохода и оценки респондентами своих возможностей в сфере питания как плохих при пороге кластерного выброса в 25%. Как видно из табл. 1.16, три нижних доходных группы в рамках нашей классификации практически полностью попадают в нижний, неблагоприятный кластер, а две верхние (с доходами от 1,25 медианы) — в верхний, благополучный кластер. Точно так же выглядит и картина объединения в кластеры респондентов при учете их возможностей приобрести необходимую одежду и обувь — тоже в случае использования 25-процентного порога кластерного выброса (см. Приложения 17, 18, 19).

²⁶ Выбросы отсекались на пороге 25%.

Таблица 1.16

Соотношение статистических кластеров, выделенных с учетом доходов и проблем с питанием, с тестируемыми доходными группами, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., %
(при границе кластерного выброса в 25%)

Статистические кластеры, выделяемые по доходу и с учетом проблем с питанием	Доходные группы основной классификации				
	до 0,5	от 0,5 до 0,75	от 0,75 до 1,25	от 1,25 до 2	свыше 2
<i>Кластерный выброс</i>	10	6	4	2	14
«Нижний» кластер	90	94	95	0	0
«Верхний» кластер	0	0	1	98	86

Однако в случае использования порога кластерного выброса в 3% (Приложения 6 и 7) картина получающихся кластеров несколько изменялась. Использование такого порога позволило снизить численность кластерного выброса при использовании переменной удовлетворенности качеством питания до 1% (Приложение 7), и все россияне, оказавшиеся в кластерном выбросе, относились в этом случае к группе с доходами свыше 2 медиан, причем на 80% это были россияне с доходами более 4 медиан. Очевидно, проблемы с их неудовлетворенностью качеством своего питания относились не столько к его достаточности, сколько к последствиям санкций и антисанкций, введенных в 2014 г. и приведших к существенным сдвигам в ассортименте используемых в первую очередь именно высокодоходными россиянами продуктов.

Однако подавляющее большинство россиян, отметивших, что они испытывали в кризис проблемы с питанием, попало не в кластерный выброс, а в пятый статистический кластер («дифференцированный»), в составе которого были представители всех тестируемых доходных групп, но в большей степени — первых двух, чьи доходы не превышали 0,75 общероссийской медианы (см. табл. 1.17). Другие четыре кластера включали россиян, которые не давали весной 2015 г. негативных оценок своему питанию. По этой причине группировка в остальные кластеры в большей степени зависела от переменной доходного распределения.

Таблица 1.17

Соотношение статистических кластеров, выделенных с учетом доходов и проблем с питанием, с тестируемыми доходными группами, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., %
(при границе кластерного выброса в 3%)

Статистические кластеры, выделяемые по доходу и с учетом проблем с питанием	Доходные группы основной классификации				
	до 0,5	от 0,5 до 0,75	от 0,75 до 1,25	от 1,25 до 2	свыше 2
<i>Кластерный выброс</i>	0	0	0	0	3
«Верхний пик»	0	0	0	0	48
«Верхний» кластер	0	0	0	28	47
«Средний» кластер	0	0	55	70	0
«Нижний» кластер	90	94	42	0	0
«Дифференцированный»	10	6	3	2	2

Табл. 1.17 позволяет довольно уверенно верифицировать границу в 2 медианы как особый порог в рамках общей модели доходной классификации. Так, почти половина (48%) группы россиян с доходами более 2 медиан попала в кластер, характеризующий «верхний пик» доходного распределения, т. е. в единственный кластер из пяти представленных в табл. 1.17, который включал россиян с доходами более 4 медиан.

Аналогичным образом данные табл. 1.17 позволяют верифицировать и границу в 1,25 медианы, которая «отсекает» благополучных россиян, никто из которых не попал в «нижний» кластер, от трех других доходных групп, чьи доходы были не выше 1,25 медианы. При этом из данных табл. 1.17 хорошо видна и разница между группами с доходами до 0,75 медианы, практически полностью попавшими в «нижний» кластер, и группой с доходами 0,75–1,25 медианы, свыше половины которой оказалось в «среднем» кластере. Таким образом, именно на границе 1,25 медианы заканчивался «нижний» кластер, в который вошли 90% россиян с доходами ниже 0,5 медианы, 94% россиян — с доходами от 0,5 до 0,75 медианы и 42% россиян — с доходами от 0,75 до 1,25, хотя для последних в целом было не характерно пребывание в «нижнем» кластере. При этом «нижний» статистический кластер был самым многочисленным и составлял 52% выборки.

Таблица 1.18

Соотношение статистических кластеров, выделенных с учетом доходов и проблем с питанием, с тестируемыми доходными группами, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., %
(при границе кластерного выброса в 10%)

Статистические кластеры, выделяемые по доходу и с учетом проблем с питанием	Доходные группы основной классификации				
	до 0,5	от 0,5 до 0,75	от 0,75 до 1,25	от 1,25 до 2	свыше 2
<i>Кластерный выброс</i>	10	6	4	2	10
«Верхний» кластер	0	0	0	28	90
«Средний» кластер	0	0	66	70	0
«Нижний» кластер	90	94	30	0	0

Второй по численности (32%) статистический кластер — «средний», в который вошли россияне с доходами от 0,75 до 2 медиан. Данный кластер верифицирует нижнюю (0,75) и верхнюю (2 общероссийские медианы) границы среднего класса по доходам. Эта группа относительно устойчива к варьированию порога чувствительности при определении кластерного выброса, хотя при ослаблении этого порога, как было отмечено выше, количество кластеров снижается и, следовательно, их взаимное пересечение становится менее выраженным. Так, при использовании критерия отсечения кластерного выброса на уровне 10%, число основных кластеров уменьшилось до 3 (Приложение 8), а кластерный выброс возрос до 5% (Приложение 9) за счет включения в свои границы россиян из пятого — «дифференцированного» — кластера, полученного на предыдущем этапе кластеризации. При этом «средний» кластер не просто сохранился, но и стал более выраженным, оттянув на себя часть россиян, которые на предыдущем этапе кластеризации попали в «нижний» статистический кластер. В результате доля в нем россиян, чьи доходы лежат в интервале от 0,75 до 1,25, увеличилась с 55 (табл. 1.17) до 66% (табл. 1.18), тем самым усиливая значимость границы в 0,75 медианы как порогового значения перехода к качественно другой социальной группе.

Таким образом, при ослаблении чувствительности к кластерному выбросу происходит перегруппировка кластеров, связанных с доходными группами из середины распределения, однако при этом

границы крайних доходных групп (0,5 и 2 медианы) остаются без изменений, а границы в 0,75 и 1,25 обычно также сохраняют свою значимость.

Тестирование разных границ кластерных выбросов при использовании других социологических переменных для кластерного анализа подтвердило все сделанные выше выводы. Так, например, уже упоминавшаяся удовлетворенность ситуацией с питанием также свидетельствовала о тяготении нижних и средних кластеров друг к другу при увеличении порога определения кластерного выброса до 25% (см. результаты этого варианта кластеризации в Приложениях 10 и 11). В этом случае итог автоматической кластеризации воспроизводил бимодальную картину всего с двумя кластерами — нижним и верхним (табл. 1.16) — по типу той, что была представлена в табл. 1.15. Относительная численность кластерного выброса оставалась в этом случае примерно на том же уровне (5%, см. Приложение 11), как и на этапе кластеризации, когда использовались более жесткие 10-процентные условия для определения кластерного выброса. Полученная классификация также позволяла наглядно верифицировать границу в 1,25 общероссийской медианы.

Кроме того, поскольку доля россиян, которые весной 2015 г. отметили, что в кризис им пришлось сталкиваться с проблемами с одеждой или обувью, не превышала 3%, было решено ужесточить порог чувствительности к кластерному выбросу при анализе, учитывая эту переменную, до 1% и провести еще одну кластеризацию на этих условиях. В результате такой версии кластеризации кластерный выброс «оттянул» на себя не более 1% населения из полярных доходных групп (табл. 1.19). Результат кластеризации вновь имел при этом четко выраженную бимодальную природу, поскольку было получено в итоге также всего два кластера — верхний (16%) и нижний (76% населения) (характеристики этих кластеров представлены в Приложениях 12 и 13).

Понижение порога чувствительности к кластерному выбросу и установление его на 10-процентном уровне привели к увеличению общего числа основных кластеров до трех (Приложение 14) и их более равномерному распределению по отношению друг к другу, а также позволили отнести всех россиян, отметивших, что они в кризис имели проблемы с одеждой и обувью, к кластерному выбросу (см. Приложение 15). Полученная в результате группировка кластеров

Таблица 1.19

Соотношение статистических кластеров, выделенных с учетом доходов и проблем с одеждой и обувью, с тестируемыми доходными группами, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., %
(при границе кластерного выброса в 1%)

Статистические кластеры, выделяемые по доходу и с учетом проблем с одеждой и обувью	Доходные группы основной классификации				
	до 0,5	от 0,5 до 0,75	от 0,75 до 1,25	от 1,25 до 2	свыше 2
<i>Кластерный выброс</i>	1	0	0	0	3
«Верхний» кластер	1	2	3	30	97
«Нижний» кластер	97	98	97	70	0

включила средний верхний кластер (Приложение 16) и тем самым стала напоминать один из вариантов кластеризации с учетом негативных оценок россиянами своих возможностей в сфере питания. В обоих случаях группировки кластеров фактически отражали доходное распределение. При 25-процентном пороге чувствительности²⁷ группировки кластеров опять укрупнились до вида бимодального распределения с еще более четкой границей между кластерами в 1,25 общероссийской медианы (Приложения 17–19).

Прежде чем перейти к содержательным выводам, подведем ряд итогов, важных с методологической и методической точек зрения. Проведенный анализ показал, что использование для целей кластеризации номинальных социологических переменных в совокупности с доходом сопряжено с определенными трудностями. Главная проблема состоит в том, что респонденты из разных доходных групп по-разному трактуют одну и ту же ситуацию, что может отражаться в нелинейной связи между негативными оценками россиянами своих проблем в конкретной жизненной сфере и принадлежностью к той или иной доходной группе. Несмотря на то, что метод пошаговой автоматической кластеризации позволяет частично решить эту проблему, изолируя экстремальные значения для правого хвоста доходного распределения в кластерные выбросы, окончательно решить проблему множественной интерпретации жизненных шансов этим методом не удастся. Решение ее требует фундаментального

²⁷ В качестве порогового значения для отсеечения кластерного выброса использовалась граница в 25%.

исследования в области жизненных шансов, пространство которых во многих случаях находится скорее не в сопряжении, а в параллели к доходной стратификации²⁸. В связи с этим мы постарались, насколько это было возможно в рамках имевшегося у нас инструментария, отобрать для анализа наиболее бесспорные сферы жизни, проблемы в которых являются ярким свидетельством ограниченности жизненных шансов.

Кроме того, исследование показало, что тестируемая модель доходной стратификации достаточно надежна, хотя и является более дробной классификацией населения, чем тот ее вариант, который определяется в большинстве случаев при использовании статистических процедур классификации населения. При этом крайние группы доходного распределения определены относительно робастно и, судя по всему, не нуждаются в более дробных классификациях. Данные кластеризации на серии социологических переменных показывают, что нижняя граница высокодоходных групп на уровне «выше 2 медиан» является безусловно состоятельной. Более того, в зависимости от целей эмпирического исследования, эту границу можно «ослабить» до значения в 1,75 общероссийской медианы без потери «социологического духа», который характеризует этих россиян как «обеспеченных». Однако в этом случае в данную группу войдет часть пограничных случаев, что частично ослабит бесспорность ее благополучия. Можно также, если позволяют ресурсы выборки, сделать классификацию благополучных групп более дробной, поставив дополнительную границу для самой верхней доходной группы на уровне 4 медиан. При стандартных же по численности выборках (1 500–2 000 человек) группа с доходами свыше 2 медиан может рассматриваться как достаточно однородная группа по спектру своих возможностей, которые многократно превосходят жизненные шансы нижних доходных групп.

Граница в 0,75 общероссийской медианы столь же уверенно отсекает безусловно неблагополучные слои населения. Более того, если рассуждать чисто статистически, то можно было бы «подвинуть» эту границу до значения в 1,25 медианы — даже при таком ва-

---

²⁸ *Anikin V.A., Lezhnina Y.P., Mareeva S., Tikhonova N.E.* Social Stratification by Life Chances: Evidence from Russia // Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 80/SOC/2017. Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2017.

рианте эта группа будет характеризовать россиян со слабыми жизненными шансами (см. об этом подробнее в главе 1.5). В то же время при общей ограниченности этих шансов у российского населения даже небольшая разница в них значит очень много в их собственных глазах, а также в глазах представителей групп с еще более низкими доходами, т. к. позволяет либо поддерживать, либо не поддерживать тот стандарт жизни, который является типичным для населения страны. Соответственно, с содержательной точки зрения лучше все же делить группу с доходами менее 1,25 медианы на подгруппы, как и сделано в основной версии нашей классификации.

Вместе с тем, даже понимая принципиальную разницу между жизнью россиян с доходами 0,75–1,25 медианы и имеющими более низкие доходы, еще раз подчеркнем, что граница в 1,25 общероссийской медианы является критичной для понимания стратификационной сущности доходного распределения в российском обществе в целом. Проведенное тестирование с уверенностью позволяет утверждать, что именно на уровне 1,25 общероссийской медианы проходит порог между выживанием человека как члена определенного сообщества (хотя порог его физического, а не социального выживания находится гораздо ниже) и относительно благополучной жизнью, характеризующейся разнообразием жизненных шансов, стилевым потреблением и т. п. (см. об этом главу 1.5).

В целом же, проведя соответствующую статистическую проверку, можно утверждать, что тестирувавшийся вариант доходной классификации позволяет выделить группы, представители которых действительно различаются их жизненными шансами и являются поэтому реальными, а не статистическими социальными группами. Первая из этих групп (с доходами до 0,5 общероссийской медианы) — это россияне, которым с трудом удастся удовлетворять даже свои базовые потребности. В подавляющем большинстве это «структурно бедные»²⁹. Для вторых (с доходами от 0,5 до 1,25 медианы) проблема физического выживания как таковая не стоит, но их жизнь полна различных ограничений, в т. ч. в таких базовых сферах, как питание и одежда. Граница в 0,75 медианы делит эту группу на две подгруппы, различающиеся по масштабности

---

²⁹ *Kamanou G., Morduch, J. Measuring vulnerability to poverty // WIDER Discussion Papers. World Institute for Development Economics (UNU-WIDER). 2002.*

этих ограничений. Нижняя из них (с доходами до 0,75 медианы доходов включительно) не может поддерживать образ жизни, наиболее типичный для массовых слоев населения страны. Верхняя (с доходами от 0,75 до 1,25 медианы) репрезентирует типичные для населения страны в целом ограничения. Группе с доходами от 1,25 до 2 общероссийских медиан уже доступна полноценная социальная жизнь, поскольку ее представители обладают возможностями удовлетворить все свои базовые потребности. И, наконец, последняя из тестирувавшихся групп (с доходами свыше 2 медиан) — это благополучная группа, для которой жизнь представляется не столько полем борьбы за выживание (как для россиян с доходами не более 0,5 медиан), сопротивления скатыванию в глубокую депривированность (как для имеющих доходы от 0,5 до 0,75 медианы), постоянной борьбы за относительное благополучие (как для представителей группы с доходами от 0,75 до 1,25 медианы) или комфортного существования (как для группы с доходами 1,25–2 медианы), сколько зоной свободы с широким спектром возможностей — гораздо более широким, чем у подавляющего большинства населения России.

Глава 1.4. «Пороги» между доходными группами: результаты анализа рисков бедности

Определение порогов, разделяющих между собой доходные группы, может проводиться не только с помощью разного рода статистических методов, но и с помощью содержательного анализа, в частности анализа, основанного на сравнении рисков бедности для людей, имеющих разный уровень доходов. Для определения границы повышенных рисков бедности в науке предлагаются различные методики. Одна из таких методик, уже упоминавшаяся в главе 1.1, заключается в фиксации того уровня доходов, который страхует от бедности не менее чем с 90-процентной вероятностью, т. е. свидетельствует о рисках бедности в соответствующей группе, не превышающих 10%¹. В рамках настоящего исследования эта методика была апробирована на репрезентативных для России массивах РМЭЗ НИУ ВШЭ применительно к разным доходным группам. Постановка такой исследовательской задачи подразумевала сопоставление порогов бедности, понимаемой в соответствии с двумя основными теоретическими ее концепциями — абсолютной и относительной. Кратко напомним о сути двух этих теоретических подходов.

Суть абсолютного подхода к бедности заключается в том, что бедность в его рамках понимается через соотношение с неким абсолютом — экспертно-заданным стандартом жизни. Таким стандартом может выступать, например, число калорий, необходимых для физического выживания человека как живого организма (в таком случае абсолютная черта бедности будет определена на заведомо низком уровне). Абсолютный подход к бедности предназначен для выявления приоритетных адресатов социальной поддержки. По этой причине «черта бедности» во многом определяется также и бюджетными возможностями каждого конкретного государства или международных организаций. На расчет этой черты влияет

---

¹ *López-Calva L. & Ortiz-Juarez E. A vulnerability approach to the definition of the middle class // Journal of Economic Inequality. 2014. Vol. 12.*

и то, с какой проблемой выстраиваемая социальная политика призвана справиться, какой группе населения предоставлять помощь — узкому кругу наиболее беднейших членов общества в большем объеме или широким массам населения, но в меньшем объеме.

Основа абсолютного подхода к бедности была заложена Б. Роунтри², который впервые применил его на больших объемах статистических данных. Впоследствии методика расчета черты абсолютной бедности (прожиточного минимума) на основе потребительской корзины была утверждена на международном уровне в соответствии с Конвенциями МОТ № 82 «О социальной политике на территориях вне метрополии» (ст. 9, ч. 2) и № 117 «Об основных целях и нормах социальной политики» (ст. 5, ч. 2), принятыми в Женеве и вступившими в силу в 1955 и 1964 гг. В соответствии с ними, «при установлении прожиточного минимума принимаются во внимание такие основные потребности семей работников, как продукты питания и их калорийность, жилище, одежда, медицинское обслуживание и образование»³. В нашей стране аналогичная методика была введена еще в начале существования СССР и впоследствии неоднократно адаптировалась к изменяющимся социально-экономическим условиям. Именно на основе абсолютного подхода в рамках государственной социальной политики в нашей стране десятилетиями определялась категория «малоимущих», имеющих право претендовать на особые трансферты и льготы от государства.

В соответствии с описанной выше логикой абсолютного подхода группа бедного населения может в принципе отсутствовать в обществе ввиду того, что даже наиболее беднейшие его представители могут поддерживать уровень жизни выше заложенного в «черте бедности». Так, например, широко используемые Всемирным банком для поиска территориальной локализации беднейших жителей планеты границы оказываются, как уже отмечалось в главах 1.1 и 1.2 данной книги, фактически неприменимыми к российскому

---

² Rowntree B. Poverty — a study of Town Life. London: Macmillan, 1901; Rowntree B., Kendall M. How the Laborer Lives. London: Thomas Nelson and Sons, 1913.

³ Конвенция МОТ № 82. О социальной политике на территориях вне метрополии. Женеве, 1955 (URL: www.conventions.ru/view_base.php?id=265); Конвенция МОТ № 117. Об основных целях и нормах социальной политики. Женеве, 1964 (URL: www.conventions.ru/view_base.php?id=295).

обществу, т. к. они выявляют другой феномен бедности, типичный для развивающихся обществ, еще не прошедших в полной мере периоды индустриализации и урбанизации⁴.

Относительная черта бедности, которая использована в методике доходной стратификации в рамках настоящего исследования, имеет под собой иное теоретическое осмысление феномена бедности. Относительный подход к ней позволяет выделить ту часть населения, которая не имеет возможности поддерживать типичный для данного сообщества образ жизни, претерпевает множественные лишения и в этой связи осознается всеми представителями данного общества как группа, «выпадающая» по своему уровню жизни из некоей принятой в нем нормы. Следуя этому подходу, в любом обществе, вне зависимости от его экономического благополучия и особенностей этапа исторического развития, присутствуют «свои» бедные.

Относительный подход к бедности имеет длительную историю развития, основы его были заложены еще П. Таунсендом в 1970–1980-х гг.⁵, а первые методики в рамках этого подхода опирались на немонетарные показатели — индексы лишений. Перечень лишений первоначально был определен П. Таунсендом экспертным путем, однако впоследствии Дж. Мак и С. Лэнсли⁶ развили его методологию, предложив получать набор используемых в индексе депривации лишений на основе опросов о признаках бедности представителей общества, имеющих разный уровень жизни, т. е. принадлежащих как к бедным, так и к среднеобеспеченным и богатым слоям населения. Эмпирическая апробация использованного подхода подтвердила его надежность, т. к. ключевые маркеры бедности оказались типичными в представлениях всех членов общества вне зависимости от их уровня жизни.

Впоследствии такая «немонетарная», относительная черта бедности была оценена в денежном эквиваленте, который для развитых стран оказался находящимся в диапазоне 0,4–0,7 от медианы душевых доходов. В настоящем исследовании, учитывая

⁴ Тихонова Н. Е. Структурные предпосылки и основные типы российской бедности // *Общественные науки и современность*. 2014. № 2.

⁵ Townsend P. Deprivation // *Journal of Social Policy*. 1987. Vol. 16. Part 2; Townsend P. Poverty in the United Kingdom. A Survey of household resources and standards of living. N. Y., 1979.

⁶ Mack J., Lansley S. Poor Britain. London: George Allen and Unwin, 1985.

уровень экономического развития нашей страны, нами тестировались в качестве возможной относительной черты бедности показатели в 0,5 и 0,75 от медианы душевых доходов. При этом в процессе их тестирования мы исходили из того, что размер прожиточного минимума в России (т. е. черта бедности, выделенная в рамках абсолютного подхода к ней) передает представление общества о том наборе лишений, который соответствует отклонению от характерного для него «нормального» уровня жизни.

Таким образом, поставленная нами перед собой задача верификации относительных границ уязвимости к бедности в рамках используемой методики доходной стратификации заключалась в ответе на вопрос, какой доход страхует от сползания за черту установленного в Российской Федерации прожиточного минимума с 90-процентной вероятностью — 0,5 медианы доходного распределения или же какой-то иной.

Соответствующий анализ производился нами, как уже было отмечено выше, на основе эмпирических данных исследования РМЭЗ НИУ ВШЭ. Так как доходы населения нестабильны и связаны с внешними экономическими и социальными условиями, нами были выбраны сразу четыре (22–25) волны исследования, охватывающие как благополучные предкризисные годы (2012–2013 гг.), так и период экономического кризиса 2014–2016 гг. (т. е. опросы 2014–2015 гг.). Использовались как репрезентативные (для оценок масштабов бедности), так и полные (для формирования панели и анализа рисков бедности в долгосрочной перспективе) базы данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, на которых были выделены подмассивы совершеннолетних россиян. Риск бедности определялся через вероятность попадания представителей разных доходных групп в группу имеющих среднедушевые ежемесячные доходы в домохозяйствах ниже уровня регионального прожиточного минимума. Это позволило сопоставить абсолютную и относительную черты бедности применительно к условиям современной России, а также оценить границы высоких рисков бедности в рамках предложенной нами версии доходной стратификации населения.

Для достижения максимальной сопоставимости наших оценок в рамках абсолютного подхода с данными статистики нами была выбрана методика, приближенная к используемой ФСГС РФ: абсолютная «черта бедности» рассчитывалась индивидуально для

каждого домохозяйства путем суммирования относившихся к нему нормативов прожиточных минимумов за IV квартал каждого года (поскольку эмпирические данные опроса РМЭЗ НИУ ВШЭ в подавляющем большинстве собираются именно в IV квартале) в зависимости от региона проживания домохозяйства и его индивидуального состава (количества детей, пенсионеров и людей трудоспособного возраста в нем). Полученная величина соотносилась с совокупным доходом домохозяйства, который указывался самим респондентом. К числу бедных в результате этой процедуры были отнесены все домохозяйства, совокупный доход в которых оказался меньше рассчитанного индивидуально для каждого из них совокупного прожиточного минимума. Использование региональных значений прожиточного минимума было обусловлено тем, что величина прожиточного минимума в России определяется для каждого региона в отдельности и может различаться в разных регионах достаточно сильно. Так, если говорить о соотношении этой величины со средними по стране показателями, то наибольший прожиточный минимум характеризует такие регионы, как Ненецкий автономный округ, Камчатский край, Магаданская область, Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Саха (Якутия) и г. Москва. В этих регионах он составлял в 2015 г. соответственно 18711, 18427, 17469, 16845, 15752, 15515 и 14413 руб. Минимальный же размер прожиточного минимума был в Курской, Воронежской, Тамбовской областях, а также в республиках Мордовия и Татарстан, где его показатели составляли в 4 квартале 2015 г. 7916, 7884, 7834, 7863 и 7775 руб. соответственно.

В анализируемые четыре года доля бедных, выделенных согласно указанной методике, приросла с 17,7 до 22,5% (табл. 1.20). В относительном выражении этот рост был таким же, как и по данным ФСГС РФ, но в абсолютном выражении по данным ФСГС РФ доля бедных была значительно ниже — 13,3% (и в последующие годы не изменилась — 13,3 и 13,2% в 2016 и 2017 гг.). Отчасти это объясняется методологией подсчета доходов населения, используемой ФСГС РФ⁷, в которой предполагается доначисление скрытых доходов, чего мы не делали. Отчасти же это может быть связано с особенностями выборки РМЭЗ НИУ ВШЭ.

⁷ Подробнее см. на официальном сайте ФСГС РФ (URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#).

Таблица 1.20

Масштабы бедности в 2012–2015 гг. согласно
абсолютному подходу к бедности, %

Масштабы бедности согласно различным оценкам	2012	2013	2014	2015
Доля бедных на основе данных исследования РМЭЗ НИУ ВШЭ	17,7	18,0	19,0	22,5
Доля бедных согласно официальным данным ФСГС РФ ⁸	10,7	10,8	11,2	13,3

Прирост доли бедных подтверждается также результатами других исследований⁹. В целом, судя по имеющимся социологическим данным, в условиях кризиса как минимум каждый пятый россиянин пребывал в бедности. Расширение масштабов этой группы, однако, практически не привело к изменению ее портрета, поскольку она пополнились в условиях кризиса представителями широкой периферийной зоны бедности, формально имевшими раньше доходы выше прожиточного минимума, однако фактически ведущими образ жизни, характерный для бедных слоев населения¹⁰.

Рассмотрим теперь, каковы были риски попадания в абсолютную бедность у россиян, характеризующихся разными по величине доходами по отношению к их медиане. Как мы уже отмечали выше, маркером, определяющим высокие риски бедности, выступает порог, превышающий 10%¹¹. В данном исследовании под «риском» бедности для разных доходных групп понимается вероятность у представителей этих групп оказаться в числе населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума в регионе проживания. Для решения этой задачи сначала было необходимо определить, в какой доходной группе (процентиле) относительно страновой медианы душевых доходов вероятность попадания

⁸ Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода. ФСГС РФ (URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_51g.doc).

⁹ Российское общество и вызовы времени. Книга третья / под общ. ред.: М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М.: Весь мир, 2016; *Слободенюк Е. Д.* Последствия кризиса 2015 года: обеднение или прекарнизация? // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 2.

¹⁰ Там же.

¹¹ *López-Calva L. & Ortiz-Juarez E.* A vulnerability approach to the definition of the middle class // Journal of Economic Inequality. 2014. Vol. 12.

в бедность начинает резко расти и число бедных превышает 10%. Однако т. к. стоимость жизни и прожиточный минимум в России очень сильно различаются в отдельных регионах, для надежности полученных результатов они были проверены также на доходных группах, рассчитанных на основе региональных медиан. Кроме того, для оценки масштабов влияния на полученные результаты специфики региональных социальных структур, также различающихся между собой достаточно сильно (см. главу 2.4), был проведен дополнительный анализ, в котором мы использовали методику, опирающуюся на значения максимального уровня доходов в регионе проживания респондентов. При этом, согласно общей логике исследования, на первом этапе анализа рассматривалось лишь взрослое население страны. Однако учитывая тот факт, что феномен бедности в России чувствителен к наличию в домохозяйстве детей несовершеннолетнего возраста, при анализе связи границ бедности с общей доходной структурой региона анализировались респонденты всех возрастов. Рассмотрим пошагово результаты по каждому из этих видов анализа.

Для того, чтобы оценить **риск бедности для разных доходных групп, выделенных на основе соотношения их доходов с медианой доходного распределения**, в каждом календарном году из четырех рассматривавшихся были высчитаны различные медианы среднедушевых доходов: страновая (как наиболее надежный показатель, используемый нами в рамках всего исследования), региональная (как показатель, в большей степени соответствующий абсолютной методологии выделения бедных органами государственной статистики¹²), а также по типам поселений (как альтернативный региональной медиане и более надежный с точки зрения репрезентативности показатель пространственного аспекта бедности). На основе полученных показателей в каждом из трех вариантов расчетов были сформированы пятипроцентные группы

---

¹² Несмотря на то, что выборки исследования РМЭЗ НИУ ВШЭ по региональному принципу не являются репрезентативными, мы не могли обойти стороной региональную специфику доходных распределений, т. к. оценки масштабов бедности в России напрямую связаны с региональными значениями прожиточного минимума. Однако полученные на основе региональных показателей результаты исследования в силу нерепрезентативности данных РМЭЗ НИУ ВШЭ в региональном разрезе стоит использовать с осторожностью.

по доходам, половина из которых имели доходы не выше медианы, а половина — выше нее. Во всех этих группах была оценена доля россиян, доходы которых оказались ниже прожиточного минимума, рассчитанного исходя из состава домохозяйства, в котором они проживали. Затем эти группы для удобства визуализации результатов в таблицах были частично укрупнены с учетом их реального наполнения респондентами, в результате чего их количество сократилось (табл. 1.21).

Таблица 1.21

Доля бедных россиян в различных доходных группах, выделенных на основе медианы доходного распределения, данные РМЭШ НИУ ВШЭ, 2012–2015 гг., %

Год	<= 0,25	0,26–0,30	0,31–0,35	0,36–0,40	0,41–0,45	0,45–0,50	0,51–0,55	0,56–0,60	0,61–0,65	0,66–0,70	0,71–0,75	0,76–0,80	0,81–0,85	0,86–0,90	0,91–0,95	0,96–1,00	1,01–1,05	1,06–1,10	1,11–1,15	1,16–1,20	1,21–1,25	>=1,26
<i>Страновая медиана среднедушевых доходов</i>																						
2012	100	100	100	100	96	85	69	30	22	9	8	5	2	2	2	0	0	0	0	0	0	0
2013	100	100	100	100	98	93	68	37	18	12	7	4	1	2	2	0	0	0	0	0	0	0
2014	100	100	100	100	99	94	83	50	16	17	10	5	3	1	2	0	0	0	0	0	0	0
2015	100	100	100	100	100	97	95	84	56	30	17	9	5	5	3	2	3	5	1	0	0	0
<i>Региональная медиана среднедушевых доходов</i>																						
2012	100	100	100	98	96	86	68	54	35	24	17	14	6	6	2	2	1	2	0	0	0	0
2013	100	100	100	97	97	88	65	56	38	33	21	12	14	8	4	2	2	0	0	0	0	0
2014	100	100	100	99	96	91	73	59	46	34	21	14	11	9	6	10	5	2	2	2	0	0
2015	100	100	100	100	100	99	92	73	60	46	35	23	17	13	9	7	2	2	1	2	0	0
<i>Медиана среднедушевых доходов по типам поселений</i>																						
2012	100	100	100	99	93	79	70	47	29	23	14	6	4	2	2	3	3	0	0	0	0	0
2013	100	100	100	99	96	63	67	50	40	25	17	11	4	4	3	0	1	0	0	0	0	0
2014	100	100	100	100	100	87	69	57	35	32	19	14	7	2	3	2		0	0	0	0	0
2015	100	100	100	100	100	99	92	73	60	46	35	23	17	13	9	7	2	2	1	2	0	0

Как видно из табл. 1.21, бедные по абсолютному подходу составляют большинство в группах с доходами от 0,5 до 0,66 общероссийской, от 0,55 до 0,66 региональной и от 0,5 до 0,6 (включительно) поселенческой медианы. Таким образом, традиционные для развитых стран границы бедности по относительному подходу

в 0,5–0,7 медианных распределений применимы и в нашей стране. Менее тривиальной задачей является определение зоны высоких рисков бедности, которые гораздо сильнее зависят от экономической ситуации, чем собственно абсолютная черта бедности. Как свидетельствуют данные (табл. 1.21), переход от рисков бедности, превышающих 10%, к рискам бедности, меньшим, чем 10%, располагается в интервале значений от 0,6 до 0,9 медианы, однако точное его значение колеблется в зависимости от календарного года (соответствующего разным этапам экономического цикла — росту, рецессии, кризису) и выбранного показателя медианы среднедушевых доходов (страновой, региональной, поселенческой).

При этом показатель порогового значения доходов, страхующих от бедности с 90-процентной вероятностью, оказался в наибольшей степени чувствительным именно к тому, в какой экономической обстановке проводилось исследование. Это не удивительно, т. к. выбранный нами временной интервал характеризовался начавшейся в его рамках экономической рецессией, а затем и экономическим кризисом с сопутствовавшим им падением покупательной способности российского рубля, а также сокращением / задержками заработных плат, с чем чаще всего сталкивались именно бедные и малообеспеченные россияне. По этой причине в условиях кризиса доходы россиян сокращались, медиана доходов все больше приближалась к прожиточному минимуму, а относительная черта бедности, соответственно, повышалась. В итоге в экономически стабильные годы черта высоких (более 10%) рисков бедности располагалась на уровне 0,65–0,70 от страновой медианы среднедушевых доходов, а в годы экономической рецессии и кризиса — на уровне 0,70–0,75 медианы. *Таким образом, граница в 0,5 медианы душевых доходов отсекает не всех бедных, а только их наиболее неблагополучную часть. Граница же в 0,75 медианы действительно «отлавливает» как собственно бедных, так и тех, кто характеризуется высокими рисками оказаться в числе бедных, близок к ним по уровню жизни или подвержен «плавающей бедности».*

Учет пространственной неоднородности России несколько корректирует эти оценки. Применение медианы среднедушевых доходов, рассчитанных для различных типов поселений (городов различной численности, а также ПГТ и сел), повышает эти оценки до 0,75–0,80 в 2012–2013 гг. и 0,80–0,85 в 2014–2015 гг. Отчасти

это повышение границ объясняется тем, что величина прожиточного минимума в России не дифференцирована по типам поселений. Это означает, что в типах поселений с более низким уровнем жизни прожиточный минимум, установленный в ценах всего региона, оказывается более приближенным к медиане среднедушевых доходов в них, нежели в крупных городах того же региона.

Использование региональной медианы еще сильнее поднимает черту относительно высоких (более 10%) рисков бедности — до 0,80–0,85 в докризисные и 0,85–0,90 в кризисные годы, что объясняется высокой долей в России регионов, медианный уровень доходов в которых приближен к величине прожиточного минимума (табл. 1.22).

Таблица 1.22

Соотношение величины прожиточного минимума (ПМ), установленного в регионе проживания на душу населения (в IV квартале 2015 г.), к величине региональной медианы среднедушевых доходов в отдельных регионах, рассчитанной на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ

Регион проживания	Соотношение ПМ и расчетного значения региональной медианы	Региональный ПМ на душу населения¹³	Региональная медиана доходов (РМЭЗ НИУ ВШЭ)
Республика Татарстан	0,50	7 775	15 567
Челябинская область	0,52	9 038	17 500
Московская область	0,52	10 460	20 000
Ленинградская область	0,53	8 722	16 327
Город Санкт-Петербург	0,56	10 043	18 000
Липецкая область	0,58	8 008	13 764
Нижегородская область	0,59	8 382	14 167
Тульская область	0,63	8 626	13 767
Приморский край	0,63	12 535	20 000
Томская область	0,63	10 387	16 400

¹³ Значения указаны в соответствии с данными интернет-ресурса «Потребкор.ру», предоставляющего актуальную информацию о постановлениях региональных правительств, в т. ч. и установленных в соответствии с ними значениях региональных прожиточных минимумов для разных групп населения (URL: potrebkor.ru/index.html).

Продолжение табл. 1.22

Смоленская область	0,66	9918	14950
Ростовская область	0,67	9109	13500
Тамбовская область	0,68	7834	11500
Оренбургская область	0,69	8053	11667
Республика Чувашия	0,70	8071	11551
Пермский край	0,70	9582	13664
Курганская область	0,70	8793	12500
Город Москва	0,72	14413	20067
Республика Удмуртия	0,72	8473	11750
Калужская область	0,72	8958	12420
Новосибирская область	0,73	10117	13800
Тверская область	0,75	9427	12583
Ставропольский край	0,80	8027	10000
Волгоградская область	0,87	8669	10000
Республика Кабардино-Балкария	0,97	9366	9667
Пензенская область	0,98	8120	8250
Амурская область	1,24	11555	9333

Такое соотношение доходов и рисков бедности значительно отличается от ситуации в развитых странах, где, как уже упоминалось ранее, в качестве относительной черты бедности обычно используют 0,4–0,7 (а чаще 0,5–0,6) от величины медианы среднедушевых доходов, границей же высоких рисков бедности выступает 0,75 медианы доходов (см. главу 1.1). В то же время в России лишь в четверти регионов, входящих в выборки РМЭЗ НИУ ВШЭ, прожиточный минимум составлял в рассматриваемый период не более 60% от региональной медианы, в то время как в каждом пятом регионе медиана доходов была так низка, что прожиточный минимум составлял от нее не менее 80% (табл. 1.22). Это свидетельствует о большей, чем в западных странах, близости официально установленной в нашей стране черты бедности к норме жизни в России в целом и в некоторых регионах в особенности. Последнее, однако, стоит понимать не как завышенность прожиточного минимума в нашей стране (т. е. неадекватность заложенного в нем стандарта жизни существующим социально-экономическим реалиям и бюджетным возможностям),

а как заниженность медианных доходов во многих регионах, вызванную высоким уровнем доходного неравенства (о котором заявляют и сами россияне, когда называют наиболее острые, на их взгляд, неравенства, существующие сегодня в нашем обществе¹⁴). При этом не стоит забывать также, что прожиточный минимум устанавливается региональными властями во многом исходя не только из стоимости жизни в них, но и из возможностей бюджета. Потому, например, в Москве, стоимость жизни в которой в достаточной степени сопоставима с ситуацией в Санкт-Петербурге, прожиточный минимум составлял в 4 квартале 2015 г. 14413 руб. при 10043 рублей в Северной столице. Разрыв же в медианных доходах в них был гораздо меньше, что приводило и к разным показателям соотношения прожиточного минимума и региональной медианы в Москве и Петербурге (0,72 против 0,56 соответственно). Таким образом, это соотношение зависит как от уровня доходов населения конкретного региона, так и от политики его властей, и даже за схожими показателями формирующих высокие риски бедности уровня доходов могут скрываться совершенно разные социально-экономические и политические реалии. Поэтому опора на страновые показатели (при понимании региональной неоднородности доходной стратификации) выглядит все же более надежной, чем использование классификации, в основе которой лежат региональные медианы доходов. В пользу выбора страновой медианы говорят также необходимость ценностного единства и постепенного выравнивания стоимости жизни страны на всем пространстве России.

Данные подтверждают все вышесказанное и применительно к разным типам поселений. Соотношение прожиточного минимума и медианы доходов в рамках одного региона, но в разных типах поселений может значительно отличаться ввиду различий уровня жизни в них. Так, в Саратовской области указанный показатель составляет 0,56 в Саратове и 0,80 в Вольске, а в Краснодарском крае 0,60 в Краснодаре и 0,77 в Кущевском районе.

Если рассмотреть не только совершеннолетних, как было сделано выше, но и все население страны, включая детей и подростков до 18 лет, то выделенные границы высоких рисков бедности приме-

---

¹⁴ *Мареева С.В., Тихонова Н.Е.* Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России: Социология, этнология. 2016. Т. 25. № 2.

нительно к разным доходным группам, за исключением кризисного 2015 г., практически не изменяются (табл. 1.23). В 2015 г. *относительная* черта высоких рисков бедности приподнимается в этом случае до 0,85 страновой медианы.

Таблица 1.23

Доля бедных россиян в различных доходных группах, выделенных на основе медианы доходного распределения, данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2012–2015 гг., % россиян всех возрастов

Год	<= 0,25	0,26–0,30	0,31–0,35	0,36–0,40	0,41–0,45	0,45–0,50	0,51–0,55	0,56–0,60	0,61–0,65	0,66–0,70	0,71–0,75	0,76–0,80	0,81–0,85	0,86–0,90	0,91–0,95	0,96–1,00	1,01–1,05	1,06–1,10	1,11–1,15	1,16–1,20	1,21–1,25	>=1,26
<i>Страновая медиана среднедушевых доходов</i>																						
2012	100	100	100	100	97	86	72	33	22	10	9	6	2	2	2	0	0	0	0	0	0	0
2013	100	100	100	100	98	93	71	39	19	12	8	4	1	2	3	0	0	0	0	0	0	0
2014	100	100	100	100	99	95	86	51	17	20	9	7	3	1	3	0	0	0	0	0	0	0
2015	100	100	100	100	100	98	96	86	56	31	18	11	6	6	4	3	3	4	1	0	0	0
<i>Региональная медиана среднедушевых доходов</i>																						
2012	100	100	100	98	95	88	72	55	37	25	18	16	5	6	2	2	1	2	0	0	0	0
2013	100	100	100	97	97	89	67	57	42	34	20	13	14	7	4	2	2	0	0	0	0	0
2014	100	100	100	99	97	93	73	62	48	34	23	15	12	9	7	9	5	2	3	2	0	0
2015	100	100	100	100	100	99	93	75	62	47	38	25	18	12	8	7	2	2	1	3	0	0
<i>Медиана среднедушевых доходов по типам поселений</i>																						
2012	100	100	100	99	94	81	70	49	32	27	15	7	4	2	2	3	3	0	0	0	0	0
2013	100	100	100	99	96	63	68	53	40	28	20	14	4	4	3	1	1	0	0	0	0	0
2014	100	100	100	100	99	87	69	59	37	37	21	16	8	3	4	2	0	0	0	0	0	0
2015	100	100	100	100	100	97	78	73	50	45	40	23	21	14	7	3	5	1	0	2	0	0

Рассмотрим теперь **риски бедности на основе данных не о медиане, а о разбросе доходов в регионах России**, т. е. ту часть нашего анализа, которая была проведена в рамках дополнительной проверки относительной черты бедности. В ходе нее нами было произведено разбиение общества на 5-процентные группы по доходам, исходя из величины наивысшего дохода в каждом отдельном регионе¹⁵, с последующим поиском той 5-процентной группы,

¹⁵ В некоторых регионах в единичных случаях максимальные значения среднедушевых доходов в разы отличались от следующих по размеру

начиная с которой доля бедных становится устойчиво меньше 10%. Полученная в ходе этого анализа модель доходной стратификации имела вид «юлы» (тот же результат Н. Е. Тихонова получила при анализе уровня жизни населения с помощью специального индекса¹⁶) с концентрацией большей части населения в нижних доходных группах и очень высоким «шпилем» даже среди массовых слоев, скрывающим за собой небольшую долю высокодоходного населения (рис. 1.6). При этом с учетом не попадающих в массовые опросы групп населения этот «шпиль» должен был бы быть увеличен в сотни раз. Мы решили привести в данной работе и результаты использования такой методики, хотя понимаем условность выделения в рамках нее отдельных 5-процентных групп с учетом «плавающего» показателя максимального дохода в каждом отдельном регионе и даже в стране в целом в рамках конкретных опросов. Тем не менее, учитывая достаточно большую устойчивость полученных моделей, хорошо прослеживающуюся на рис. 1.6, такая методика построения моделей доходной стратификации также имеет, на наш взгляд, право на существование, тем более что она очень наглядно передает концентрацию подавляющего большинства российского населения в группах, в которых присутствуют риски оказаться в числе бедных.

В то же время динамический анализ рисков бедности показывает, что случаи попадания в бедность в рассматриваемые годы встречались в различном количестве выделенных с помощью такой методики 5-процентных групп. Иногда это были пять, а в иные годы — шесть нижних 5-процентных доходных групп, причем при переходе от первой 5-процентной группы к каждой последующей доля бедных в их составе снижалась в 1,5–2 раза (табл. 1.24). Доходы менее 15% (в 2012–2013 гг.) и 20% (в 2014–2015 гг.) от максимальных по региону приводят к довольно высоким рискам бедности — более 10%, в то время как доходы, превышающие эти значения, наоборот, устойчиво страхуют от бедности по крайней мере с 90-процентной вероятностью.

(например, 80 000 руб. и 400 000 руб.) и выходили при этом за типичные для респондентов массовых опросов доходы. В таких случаях в качестве максимального значения брался второй по величине максимальный доход. Интервалы доходов 5-процентных и 1-процентных групп определялись посредством деления максимальной величины среднедушевых доходов на 20 и 100 соответственно.

¹⁶ Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, 2014.

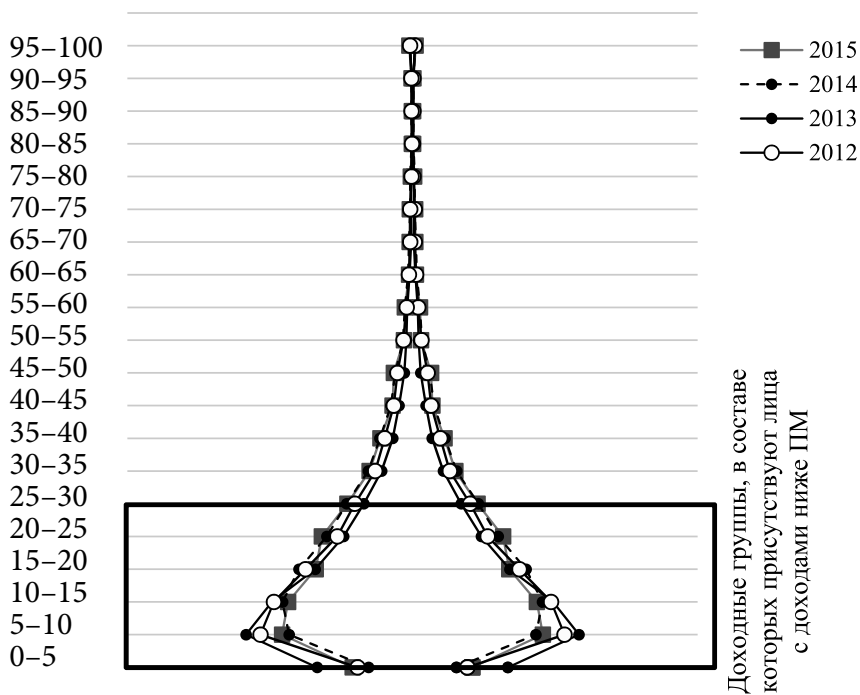

Рис. 1.6. Модель доходной стратификации, построенная на основе выделения 5-процентных групп по доходам с учетом их разброса от минимальных до максимальных в конкретных регионах, данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2012–2015 гг., %

Таблица 1.24

Доля бедных в 5-процентных группах по доходам, выделенных с учетом их разброса от минимальных до максимальных в конкретных регионах, данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2012–2015 гг., %

Доходные группы	2012	2013	2014	2015
1 группа (0–5%)	79,8	47,0	68,9	52,1
2 группа (от 5 до 10%)	31,5	30,1	41,6	46,0
3 группа (от 10 до 15%)	15,3	18,2	25,8	37,9
4 группа (от 15 до 20%)	8,8	7,4	13,4	19,5
5 группа (от 20 до 25%)	3,7	0,7	4,7	3,7
6 группа (от 25 до 30%)	1,8	0,0	1,1	0,0
7–20 группы (от 35 до 100%)	0,0	0,0	0,0	0,0

Таким образом, устойчивый переход к рискам бедности, не превышающим 10-процентного значения, в стабильные периоды экономического развития происходит между 3- и 4-й пятипроцентными доходными группами, а в периоды экономических кризисов, как в 2014–2015 гг., — между 4- и 5-й пятипроцентными доходными группами. Для поиска более точной доходной границы указанные группы были разбиты на 1-процентные группы по доходам (табл. 1.25).

Таблица 1.25

Доля бедных в процентах, выделенных с учетом разброса доходов от минимальных до максимальных в конкретных регионах, данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2012–2015 гг., %

Доходные группы	2012	2013	2014	2015
1–15 группы (0–15%)	32,7	29,9	38,7	44,0
16 группа (от 15 до 16%)	11,4	10,6	18,2	20,6
17 группа (от 16 до 17%)	7,8	9,7	17,9	20,4
18 группа (от 17 до 18%)	13,8	8,6	7,6	24,6
19 группа (от 18 до 19%)	7,9	4,0	11,0	14,1
20 группа (от 19 до 20%)	2,0	3,3	9,5	15,6
21 группа (от 20 до 21%)	1,5	0,2	7,4	13,7
22–100 группы (от 22 до 100%)			1,0	0,0

Как видим, устойчиво низкими (менее 10%) рисками бедности в 2012–2013 гг. характеризовались россияне с доходами, превышающими 16% от максимальных по региону, в то время как в два последующих года это значение подросло ввиду сильного «проседания» всего населения по доходам в условиях кризиса и стало соответствовать 20-му проценту в 2014 г. и 22-му проценту в 2015 г. соответственно. Таким образом, в зависимости от смены внешних экономических условий уровень доходов, спасающих от бедности, является «плавающей» величиной. Поскольку же, как будет показано в последующих главах нашей книги, в наибольшей степени в кризис упали доходы именно высокодоходных групп населения из числа массовых его слоев, то и гра-

ницы процентилей в соответствии с методикой их расчета именно в кризис сместились вниз. Кроме того, даже при стабильности доходов наиболее благополучной группы в отдельных регионах, на ее положении так же, как и у всех остальных, сказалась инфляция. Следствием всего этого и стало повышение вероятности оказаться в числе бедных с 2013 по 2015 г. более чем в 10% случаев для представителей групп, относящихся к 15–21% доходного распределения в своих регионах.

Отметим в этой связи также, что представители групп с высокими рисками бедности по их абсолютному доходу в любые периоды находятся в массе своей в группе с доходами 0,75–1,25 региональной медианы. Это еще одно свидетельство того, что реально медианный (или близкий к нему) уровень доходов не обеспечивает в России гарантий устойчивости к рискам бедности, хотя и способствует их снижению по отношению к группе с доходами 0,5–0,75 медианы, где они очень высоки.

Очень важным результатом проведенного анализа выступает и тот факт, что *поскольку регионы России сильно дифференцированы по величине доходных неравенств, то граница рисков бедности с учетом региональной дифференциации доходов различается в них очень заметно*. Так, в регионах с высоким неравенством доходы, страхующие от бедности с 90-процентной вероятностью, попадают в группу с доходами более 1,25 медианы, в то время как в регионах с невысоким неравенством — в диапазон от 0,5 до 0,75 медианы. *Однако наиболее типичным для страны в целом является появление относительной устойчивости к рискам бедности (т. е. снижение вероятности иметь доходы ниже прожиточного минимума до уровня менее 10%) на уровне доходов, находящихся в интервале от 0,75 до 1,25 региональной медианы*.

Выше мы рассматривали результаты анализа того, на каком уровне доходов в стране в целом и в отдельных регионах риски иметь доходы ниже регионального прожиточного минимума становятся относительно высоки — выше 10%. Однако не меньший интерес представляет и вопрос о том, где эти риски начинают превышать 50%. Для получения ответа на этот вопрос мы оценили долю лиц с доходами ниже прожиточного минимума в своем регионе в разных доходных процентилях за разные годы (табл. 1.26).

Таблица 1.26

Доля бедных в процентилях, выделенных с учетом разброса доходов от минимальных до максимальных в конкретных регионах, данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2012–2015 гг., %

Доходные группы	2012	2013	2014	2015
1 группа (0–1%)	100,0	100,0	100,0	100,0
2 группа (от 1 до 2%)	100,0	43,7	68,4	100,0
3 группа (от 2 до 3%)	98,8	41,0	56,5	69,8
4 группа (от 3 до 4%)	84,4	52,5	64,1	33,7
5 группа (от 4 до 5%)	61,2	43,7	74,9	43,6
6 группа (от 5 до 6%)	48,8	34,9	75,7	40,6
7 группа (от 6 до 7%)	40,4	28,8	44,1	44,6
8 группа (от 7 до 8%)	27,9	29,8	41,3	60,9
9 группа (от 8 до 9%)	20,4	31,5	30,6	44,3
10 группа (от 10 до 11%)	20,5	25,9	26,6	40,2
11 и последующие группы (от 11 до 100%)	6,8	7,4	9,8	13,3

Как видно из табл. 1.26, уровень доходов, страхующий с не менее чем 50-процентной вероятностью от попадания в бедность, также является плавающей величиной, однако, как и в предыдущем случае, интервал колебаний его значений невелик. В 2012–2015 гг. диапазон его значений составлял 4–9% доходного распределения, за основу которого принимался разброс доходов в конкретном регионе за соответствующий год.

В справочном порядке мы сопоставили и вероятность попасть в группы, характеризующиеся различными рисками бедности, с учетом как их места в доходной стратификации, построенной исходя из медианы доходного распределения, так и исходя из их места в доходной стратификации, построенной на основе разброса доходов в регионах. Как оказалось, границы в этом случае становятся более широкими в силу особенностей методики такого расчета и находятся в разные годы в диапазоне 1,13–1,33 региональной медианы для 10-процентных рисков и 0,3–0,4 для 50-процентных рисков. Это свидетельство очень низкой вероятности встретить бедных в группах с доходами выше 1,25 медианы и, напротив, прак-

тически 100-процентной вероятности встретить их в группе с доходами ниже 0,5 медианы. Реальная же доля людей с доходами ниже прожиточного минимума в составе выделенных нами на основе региональной медианы доходных групп представлена в табл. 1.27.

Таблица 1.27

Доля бедных, обладающих доходами менее прожиточного минимума, в составе различных доходных групп, данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2012–2015 гг., %

Доходные группы	2012	2013	2014	2015
<i>По отношению к региональной медиане</i>				
С доходами от 0,75 до 1,25 от региональной медианы	3,6	4,9	7,1	9,1
С доходами 0,5–0,75 от региональной медианы	38,8	42,5	46,2	60,4
С доходами менее 0,5 от региональной медианы	95,5	96,6	97,9	99,5
<i>По отношению к страновой медиане</i>				
С доходами от 0,75 до 1,25 от страновой медианы	1,6	1,0	1,9	4,0
С доходами 0,5–0,75 от страновой медианы	27,0	30,7	39,6	53,8
С доходами менее 0,5 от страновой медианы	97,0	98,0	99,2	99,5

Как видим, россияне, обладающие доходами менее 0,5 от региональной медианы, бесспорно являются в подавляющем большинстве бедными согласно критерию прожиточного минимума. Однако нельзя не отметить тот факт, что в группе с доходами 0,5–0,75 от региональной медианы также около половины всего ее состава в неблагоприятные периоды развития экономики могут составлять люди с доходами менее прожиточного минимума. Учитывая же тот факт, что большинство остальных членов данной группы обладают схожими с ними по величине доходами, но в бедность не попадают ввиду иного состава домохозяйств, сказывающемся и на расчетных размерах прожиточного минимума для них¹⁷, очевидно, что в массе своей они являются представителями ближайшей периферии бедности

¹⁷ Напомним в этой связи, что прожиточный минимум для детей меньше прожиточного минимума трудоспособных, а самый маленький размер прожиточного минимума установлен для пенсионеров. Соответственно, домохозяйства из двух трудоспособных, из трудоспособного и ребенка и из трудоспособного и пенсионера с одним и тем же уровнем доходов могут принадлежать к бедным (в первом случае) или небедным (в двух других).

и ведут схожий с «официальными» бедными образ жизни. А это означает, что в российских условиях группа с доходами 0,5–0,75 — не просто группа «уязвимых к бедности», а группа, представители которой в массе своей также могут быть охарактеризованы скорее как бедное, чем как небедное население — по крайней мере в кризисные периоды.

Таким образом, широко используемые в западных исследованиях доходной стратификации границы в 0,5, 0,75 и 1,25 от медианы среднедушевых доходов подтвердили свою значимость и в нашем исследовании. Однако в условиях России, судя по данным о соотношении групп относительно и абсолютно бедных, наиболее точной относительной чертой, отделяющей заведомо неблагополучные слои от выделенного по доходам «среднего класса» в нижней его части, является уровень доходов, равный 0,75 от медианных.

Анализ рисков бедности будет, впрочем, неполон, если он будет строиться только на «точечных» данных за конкретные календарные годы, т. к. группа бедных неоднородна и включает в себя как хронически прозябающих в бедности россиян, так и попавших в бедность ситуационно ввиду семейных обстоятельств (например, рождения двойни или болезни кормильца). Для того, чтобы учесть внутреннюю структуру группы бедных, включающую ее ядро (хроническую бедность), ближайшую периферию этого ядра (плавающую бедность) и дальнюю его периферию (ситуационную бедность)¹⁸, нами был проведен дополнительный анализ рисков оказаться за чертой бедности на панельных данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2012–2015 гг.¹⁹ В панель были включены исключительно

---

¹⁸ Тихонова Н.Е., Слободенюк Е.Д. Гетерогенность российской бедности через призму депривационного и абсолютного подходов // *Общественные науки и современность*. 2014. № 1.

¹⁹ Хотя в наших расчетах использовались лишь 4 года, а не 5, как это было при проверке рисков бедности в западных исследованиях соответствующих порогов (López-Calva L. & Ortiz-Juarez E. A vulnerability approach to the definition of the middle class // *Journal of Economic Inequality*. 2014. Vol. 12), но эти четыре года репрезентировали разные этапы экономического цикла, что позволяло наиболее полно проанализировать риски бедности для обладателей разных доходов. Так, 2012 г. был абсолютно благополучным в экономическом отношении годом. В 2013 г. началась экономическая рецессия. В конце 2014 г., как раз в момент проведения опроса, очень бурно начался экономический кризис. 2015 г. характеризовался очень сложной ситуацией затяжного экономического кризиса с падением реальных доходов населения.

те респонденты, которые принимали участие в опросе на протяжении всех четырех лет, а также чью принадлежность к бедным или небедным слоям населения можно было определить²⁰. Несмотря на то, что построение панели лишает нас возможности предоставлять репрезентативные оценки, масштабы бедности по панельным данным слабо отличались от репрезентативных оценок за соответствующие годы (табл. 1.28), что позволяет с высокой степенью вероятности использовать полученные при анализе панельного массива данные и для общих оценок.

Таблица 1.28

Масштабы бедности в 2012–2015 гг. на основе репрезентативных и панельной выборки РМЭЗ НИУ ВШЭ, %

Масштабы бедности согласно различным массивам	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Репрезентативный массив данных	17,7	18,0	19,0	22,5
Панельный массив данных	18,5	17,9	18,9	23,0

В соответствии с панельными данными, почти 2/3 всех входящих в панель РМЭЗ НИУ ВШЭ россиян (64,6%) не попадали в бедность за 4 анализируемых года ни разу, в то время как от 1 до 4 лет в бедности провели, соответственно, 13,5% (1 год), 8,4% (2 года), 6,0% (3 года) и 7,5% (весь период наблюдений). Таким образом, 13,5% провели в этом состоянии не менее 3 лет из четырех рассматривавшихся и могут быть охарактеризованы как хронически бедные.

Для того, чтобы узнать, какие доходы с 90-процентной вероятностью позволяют россиянину избежать бедности не только в текущем году, но и в длительной (как минимум 4-летней) временной перспективе, нами был проведен аналогичный предыдущему по использованной в нем методике анализ. В качестве бедных в нем нами рассматривались все россияне, хотя бы один год из четырех в период 2012–2015 гг. имевшие доходы ниже прожиточного минимума (их оказалось 35,4%). Проведенный анализ показал, что граница в 1,25 медианы отнюдь не является в России водоразделом, отделяющим безусловно благополучное население, не имеющее рисков

²⁰ Таким образом, из панели были исключены все респонденты, умолчавшие о доходах.

попасть на относительно длинном временном периоде даже в ситуационную бедность. При этом при использовании региональной медианы доходная граница, с 90-процентной вероятностью спасающая от бедности, была очень высокой и составляла в 2012 г. 2,96, в 2013 г. 3,79, в 2014 г. 2,27 и в 2015 г. 1,91 региональных медиан. Для страновой медианы эти показатели составляли соответственно 2,55, 3,56, 2,26 и 1,80. Эти результаты, при всей их парадоксальности на первый взгляд, на самом деле лишь еще раз подтверждают сделанный выше вывод о том, что *медианная группа не может рассматриваться в современной России как безусловно благополучная, и даже среднедоходные россияне отличаются высокими рисками бедности, если говорить о длительном временном периоде. Низкими же рисками бедности в долгосрочной перспективе характеризуется лишь высокообеспеченная часть россиян, обладающая доходами, в разы превышающими медианное их значение и по региону, и по стране.*

Таким образом, с учетом некоторого усреднения и округления, только граница в 2 медианы, и то лишь с определенной долей условности, может быть названа в современной России «границей гарантированного благополучия». Что же касается рисков хронической бедности (т. е. обладания доходами ниже величины прожиточного минимума на протяжении 3–4 лет за рассматриваемый временной интервал), то доходная граница, с 90-процентной вероятностью спасающая от такой бедности, колебалась в пределах 1,11, 1,14, 0,85 и 1,09 региональных и 0,96, 1,07, 0,85 и 1,03 страновых медиан в 2012–2015 гг. соответственно. Это значит, что только уровень доходов примерно на медианном уровне доходного распределения достаточно устойчиво спасает в современной России от рисков хронической бедности в масштабах сравнительно длительного периода, хотя и не способен спасти от рисков ситуационной бедности, тем более если говорить о ее вероятности на протяжении нескольких лет наблюдений.

Подведем итоги.

Как показало исследование, анализ рисков бедности, основанный на соотношении доли бедных в группах с различными среднедушевыми доходами, свидетельствует о том, что используемая нами стратификационная шкала, основанная на медиане доходного распределения, позволяет выделить группы, реально различающиеся

не только качественными показателями их доходов, но и испытываемыми ими рисками бедности или прочностью их благополучия. Сопоставление результатов применения разных использованных в данной главе методик позволяет сделать вывод, что сравнительно высокими (более 10%) рисками попадания в бедность в отдельный момент времени характеризуются россияне с доходами до 0,75 медианы, хотя в кризисные годы эта величина может приближаться даже к 0,9 медианы доходов (а в отдельных регионах даже превосходить ее). Медианная группа, таким образом, скрывает за собой в современной России не благополучную, а уязвимую к бедности часть населения. Об этом же говорит и анализ очень высоких (более 50%) рисков хронической бедности, от которых в современной России на длительном временном промежутке также спасает лишь медианный уровень доходов.

В то же время бедность россиян даже с доходами ниже медианных предопределена не фатально — примерно две трети населения страны за последние 4 года, несмотря на кризис, в число людей с доходами ниже прожиточного минимума не попадали ни разу. Так, в медианной группе даже по состоянию на кризисный 2015 г. таких было 73%, т. е. безусловное большинство, хотя 27% (что намного больше, чем 10%, свидетельствующих о повышенных рисках бедности) в число бедных в ней все-таки попадали. Однако в низкодходных слоях населения ситуация была при этом не просто хуже, она была принципиально иной — так, в группе с доходами 0,5–0,75 региональной медианы лишь 29% ни разу за 4 года не попадали в число лиц с доходами ниже прожиточного минимума, а в группе с доходами не более 0,5 региональной медианы таких вообще было менее 1%, т. е. для них бедность была не более или менее высоким риском, а заведомо предопределенным состоянием. При этом сравнительно низкие риски попасть в бедность на длительном временном промежутке сильно различаются по регионам в зависимости от соотношения региональной медианы и прожиточного минимума, а также уровня доходов в них.

Если же говорить о бедности «в моменте», то порог почти гарантированной бедности (риски более 50%) в течение данного календарного года находится примерно на уровне 0,4 и региональной, и страновой медиан. Однако с учетом зависимости этого порога от общего состояния экономики в отдельные периоды его

показатель может подниматься и выше. В большинстве случаев доход немного выше 0,4 от региональной и страновой медиан, впрочем, не означает, что образ и уровень жизни этих людей отличаются от тех, чьи доходы ниже прожиточного минимума — просто на их формальном статусе сказывается жесткость фиксированных границ соответствующих порогов (достаточно 1 руб. в месяц превышения расчетного показателя прожиточного минимума на домохозяйство, чтобы оно не попало в группу бедных). В большинстве случаев даже такое их относительное благополучие, впрочем, не постоянно, и они часто оказываются и за чертой бедности, и над этой чертой, т. е. их бедность имеет «плавающий» характер.

Полученные результаты демонстрируют ключевую особенность российской бедности и доходной стратификации. Бедность, определенная через прожиточный минимум, может скрывать за собой не выпадающий из нормы, а довольно типичный для широких слоев населения некоторых регионов уровень жизни, что и характерно для современной России. При этом непопадание в число лиц с доходами ниже прожиточного минимума тоже не означает экономического благополучия. Оно может скрывать за собой даже хроническую бедность с лишь формальным превышением доходами домохозяйства черты бедности «в моменте», что становится особенно заметно в периоды экономических кризисов.

В заключение сформулируем наш главный вывод. Полученные нами на основе анализа рисков бедности относительные границы оказываются практически идентичными относительным границам, характерным для западных обществ, хотя несколько сдвинутыми по отношению к ним «вверх» в неблагоприятных условиях экономических кризисов. Однако скрывают они за собой принципиально иные социальные феномены — если в западных обществах группа населения с доходами менее 0,5–0,75 от региональной медианы объединяет уязвимых к бедности, но в большинстве своем все же не бедных, а группа с доходами 0,75–1,25 медиан включает нижние слои среднеобеспеченных, то в российском обществе это группы бедных и малообеспеченных с очень высокими и относительно высокими рисками бедности соответственно.

Глава 1.5. Особенности жизни и потребления представителей различных доходных групп

Более наглядно представить себе те особенности различных доходных групп и слоев, о которых говорилось в главах 1.3 и 1.4, позволяет содержательный анализ их повседневной жизни. И наибольший интерес среди различных сюжетов, относящихся к специфике повседневной жизни представителей различных групп, выделенных в рамках нашей стратификационной модели (в силу выбранного основания построения этой модели — величины текущих доходов), представляют те из них, которые связаны с экономической сферой и особенностями потребительского поведения.

Анализ особенностей потребления и формирующихся на этой основе стилей жизни различных доходных групп российского общества позволяет дать ответы на несколько важных вопросов. Во-первых, он демонстрирует, какой стандарт жизни является сегодня типичным для российского населения (в этой связи напомним, что, в соответствии с используемой методологией выделения доходных групп, медианная группа населения объединяет тех россиян, чьи доходы находятся близко к медианному значению доходов для страны в целом, не достигая или превышая их не более чем на четверть; таким образом, эта группа демонстрирует типичный уровень жизни и потребления населения на данном этапе экономического развития страны). Во-вторых, он позволяет понять, к какому стандарту жизни хотели бы стремиться в массе своей россияне — в данном случае эту планку будут задавать потребительские возможности среднедоходных россиян, т. к. именно их можно рассматривать как достаточно благополучную на фоне большинства населения страны группу, задающую тот самый стандарт жизни «среднего класса», который воспринимается обычно большинством как желательная социальная

норма. Наконец, еще один вопрос, для которого такой анализ дает весьма существенную «информацию к размышлению», связан с процессом трансформации российского общества в целом и заключается в том, привели ли последние полтора десятилетия к качественным изменениям в уровне и качестве жизни россиян и равномерно ли происходили соответствующие изменения для разных доходных групп.

Начиная анализ потребительского поведения доходных групп, обратимся к оценкам, которые дают их представители **различным аспектам** своей жизни, так или иначе **связанным с потреблением** (табл. 1.29). Данные¹ показывают, что *российское население в целом характеризуется достаточно сдержанными оценками в отношении своего материального положения. Доля считающих его хорошим начинает превышать долю оценивающих его как плохое только на уровне среднедоходной группы, а доминирующими оценками во всех без исключения доходных группах выступают оценки «удовлетворительно».* Это подтверждает, что именно присущий среднедоходной группе уровень жизни выступает планкой не только объективного, о чем говорилось в главах 1.3 и 1.4, но и относительного, субъективного благополучия.

В этих условиях неудивительно, что и другие аспекты жизни, связанные с материальным положением и возможностями потребления, большинство населения оценивает достаточно сдержанно. Однако величина разрыва между положительными и отрицательными оценками разных доходных групп варьируется в зависимости от конкретной потребительской сферы, и «точки перелома», в которых преобладание негативных оценок над позитивными меняется на противоположное, попадают в разных случаях на разные доходные группы. В оценках двух сфер жизни, связанных с потреблением, — жилищных условий и питания — положительные оценки доминируют над отрицательными во всех доходных группах, хотя количественные разрывы между ними довольно значительны: так, доля положительных оценок своего жилья

---

¹ В качестве основной эмпирической базы для анализа в настоящей главе использованы данные 6-й волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН, проходившей весной 2017 г. (N = 4 000). Остальные исследования, данные которых использованы в главе, также проводились Институтом социологии ФНИСЦ РАН (см. о них в Приложении 1).

и питания среди бедных встречается в два и более раз реже, чем среди высокодоходных. Ситуацию с одеждой чаще отрицательно, чем положительно, оценивают только представители бедных. В оценках возможностей проведения досуга к бедным присоединяются и уязвимые — для обеих этих групп негативные оценки доминируют над положительными. Далее следуют возможности проведения отпуска и получения качественной медицинской помощи, которые оценивают скорее негативно, нежели позитивно, не только представители бедных и уязвимых, но и россияне из медианной группы. У среднедоходных россиян соответствующие доли совпадают, а у высокодоходных доминируют положительные оценки этих сфер. Эти данные демонстрируют различия в образе и уровне жизни разных доходных групп и степень дифференциации их жизненных шансов в сфере потребления, наиболее редкими среди которых для населения в целом являются возможности получать качественную медицинскую помощь и проводить отпуск. *«Точки перелома», проходящие для этих потребительских аспектов жизни (и для оценки материального положения в целом) на уровне среднедоходной группы, в очередной раз подтверждают, что именно между ней и медианной группой и проходит граница между благополучным и неблагополучным населением в современной России: к первым относятся среднедоходные и высокодоходные россияне, ко вторым — бедные, уязвимые и представители медианной группы.*

В среднем по населению потребительский стандарт и удовлетворенность им оказываются достаточно невысокими, о чем свидетельствуют оценки медианной группы населения, представляющей собой типичную ситуацию для россиян в целом (табл. 1.29).

Данные позволяют также оценить динамику потребительских возможностей населения за последние 15 лет, вместивших в себя разные этапы экономического развития страны — и период экономического подъема, и рецессию, и два кризиса. *Динамика оценок населением различных аспектов своей жизни, связанных с потреблением, дает основания говорить о качественных изменениях материального положения и потребительских возможностей, произошедших за период с 2003 г., которые затронули все без исключения доходные группы, хотя и в разной степени* (табл. 1.30).

Таблица 1.29

Самооценка различных сторон жизни, относящихся к потреблению, в разных доходных группах, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2017 г., % (отражено по сдвигу «точки перелома» между положительными и отрицательными оценками у доходных групп)²

Оценка различных сторон жизни	Бедные ³	Уязвимые	Медианная группа	Среднедоходные	Высокодоходные ⁴
<i>Жилищные условия</i>					
хорошие	22	30	40	48	51
плохие	16	13	9	5	4
<i>Питание</i>					
хорошее	21	29	38	45	42
плохое	12	7	4	3	2
<i>Ситуация с одеждой</i>					
хорошая	13	19	28	36	40
плохая	23	14	8	4	4
<i>Возможности проведения досуга</i>					
хорошие	14	18	28	33	36
плохие	29	22	15	9	7
<i>Материальное положение</i>					
хорошее	7	7	16	20	27
плохое	43	34	19	14	9

² Допускался также ответ «удовлетворительно», не представленный в таблице. Серым фоном выделена наибольшая из двух оценок — положительная или отрицательная. Учитывая малую численность полярных групп, 7-элементная классификация была укрупнена здесь и далее в данной главе до 5-элементной.

³ В группу бедных здесь и далее объединены две доходные группы — «нищие» (с доходами до 0,25 страновой медианы доходного распределения) и «нуждающиеся» (с доходами от 0,25 до 0,5 медианы). Как было показано в главах 1.2–1.4, обе эти группы полностью состоят из лиц с доходами ниже прожиточного минимума.

⁴ В высокодоходную группу здесь и далее объединены две группы — «обеспеченные» (с доходами 2–4 медианы) и «состоятельные» (с доходами выше 4 страновых медиан доходного распределения). Как показано в главе 1.3, такое объединение, как и объединение двух нижних групп, статистически обосновано.

Продолжение табл. 1.29

<i>Возможность получить качественную медицинскую помощь (в т. ч. платную)</i>					
хорошая	6	11	16	23	21
плохая	38	35	29	23	15
<i>Возможности проведения отпуска</i>					
хорошие	7	10	18	23	28
плохие	48	40	27	23	14

Таблица 1.30

Самооценки различных сторон жизни, относящихся к потреблению, в разных доходных группах, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2003–2017 гг., %⁵

Разница положительных и отрицательных оценок	Бедные	Уязвимые	Медианная группа	Среднедоходные	Высокодоходные
<i>Жилищные условия</i>					
2003	-11	-1	8	8	21
2017	6	17	31	43	47
<i>Питание</i>					
2003	-15	-13	0	19	48
2017	9	22	34	42	40
<i>Ситуация с одеждой</i>					
2003	-39	-36	-23	1	24
2017	-10	5	20	32	36
<i>Возможности проведения досуга</i>					
2003	-35	-36	-25	-11	11
2017	-15	-4	13	24	29
<i>Материальное положение</i>					
2003	-62	-54	-38	-20	11
2017	-36	-27	-3	6	18
<i>Возможности проведения отпуска</i>					
2003	-50	-55	-44	-26	7
2017	-41	-30	-9	0	14

⁵ Допускался также ответ «удовлетворительно», не учитываемый при расчетах. Серым фоном выделены изменения ситуации преобладания негативных оценок над позитивными на обратную.

Как видно из табл. 1.30, практически по всем «материальным» аспектам жизни во всех доходных группах за период с 2003 по 2017 г. фиксировались положительные изменения, отразившиеся в росте позитивных и/или снижении негативных оценок, а в ряде случаев (в четырех группах из пяти) и поменявшие знак этих оценок на противоположный. *В наибольшей степени положительные изменения потребительского стандарта коснулись медианной группы россиян, в несколько меньшей степени они затронули уязвимых и среднедоходных, и меньше всего трансформировалась в этом отношении жизнь представителей полярных доходных групп — бедных и высокообеспеченных.* Хотя количественные изменения происходили и у них, у бедных по большинству потребительских аспектов сохранилось преобладание негативных оценок, у а высокодоходных положительные оценки преобладали по всем из них и в 2003 г. У представителей медианной группы, отражающей типичный уровень жизни всего населения, в отношении ситуации с питанием, одеждой, досугом за этот период положительные оценки начали доминировать над отрицательными, и в целом можно говорить о значительном улучшении их потребительского стандарта по сравнению с началом 2000-х гг. При этом выделенные серым фоном в табл. 1.30 ячейки хорошо иллюстрируют «демаркационную линию» потребительских стандартов различных доходных групп и сдвиг этой линии за период 2003–2017 гг.

Важным аспектом уровня жизни людей являются их **жилищные условия**. Как видно из приведенных выше данных, россияне в целом чаще удовлетворены, чем не удовлетворены ими, хотя количественно при этом преобладают средние оценки. Если же обратиться к объективным показателям качества жилищных условий, *то с ростом доходов возрастает как обеспеченность общей площадью в расчете на одного члена семьи, так и обустроенность жилья с точки зрения наличия в нем коммунальных удобств.* Так, среднее значение общей площади в расчете на одного члена семьи составляет для бедных 17 кв. м, уязвимых — 20 кв. м, в медианной группе — 22 кв. м, в среднедоходных слоях — 24 кв. м, а в высокодоходных слоях — 26 кв. м. Наличие всех коммунальных удобств также дифференцировано по разным доходным группам и характерно лишь для 60% бедных и 73% уязвимых при 80% в медианной

группе, 91% у среднедоходных и 97% у высокодоходных россиян. В этом отношении сказываются различия в локализации представителей разных доходных групп и дифференциация возможностей населения в разных типах поселений — при переходе от крупных городов к более мелким типам поселений доля не имеющих хотя бы части коммунальных удобств растет, как и доля представителей нижних доходных групп.

Что же касается наличия в собственности у представителей разных доходных групп основного жилья (квартиры или дома), то по этому параметру они дифференцированы не так сильно — от 85 до 95% в каждой из доходных групп имеют в собственности квартиру или дом, хотя и площадь, и качество их, как было показано выше, различаются довольно сильно. В значительно большей степени доходные группы отличаются наличием дополнительной недвижимости — дачи или второго жилья (рис. 1.7). Запас прочности, который они обеспечивают, как и дополнительные возможности расширенного потребления (например, возможности отпуска на даче), заметно различаются для групп, дифференцированных по уровню текущих доходов. При этом медианная группа вновь демонстрирует типичную для россиян в целом ситуацию — наличие дачи характерно для 25% ее представителей (эта доля в ней максимальна в крупных городах — там она составляет почти половину), а доля имеющих вторую квартиру составляет менее 5%, и наличие ее в большей степени характерно для жителей областных и районных центров.

Рис. 1.7. Наличие дополнительной недвижимости у представителей разных доходных групп, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2017 г., %

Другая важная характеристика интегрального уровня жизни — это **наличие товаров длительного пользования** (ТДП), которые также вносят значимый вклад в потребительские стандарты разных групп и задают «планки» определенного уровня жизни (табл. 1.31).

Таблица 1.31

Наличие товаров длительного пользования в разных доходных группах, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2017 г., %⁶

Товары длительного пользования	Бедные	Уязви- мые	Меди- анная группа	Сред- недо- ходные	Высо- кодо- ходные
Холодильник	100	100	99	99	100
Телевизор	99	99	99	99	98
Пылесос	87	91	90	91	93
Мобильный телефон	87	87	81	74	80
Стиральная машина-автомат	81	88	90	95	98
Кухонная бытовая техника	76	82	82	88	91
Компьютер, в т. ч. ноутбук	67	71	67	83	91
Автомобиль	56	57	58	71	74
Айфон, смартфон	43	46	48	64	74
Планшет, айпад	35	36	38	50	69
Видеокамера, цифровой фотоаппарат	33	41	39	50	59
Кондиционер	15	18	18	23	40
Посудомоечная машина	10	10	10	16	40

«Стандартный» товарный набор, которым обладают более половины представителей всех доходных групп населения России, включает в себя холодильник, телевизор, пылесос, стиральную машину-автомат, мобильный телефон, кухонную технику, компьютер или ноутбук, автомобиль. Такой набор характеризует положение бедных, уязвимых и представителей медианной группы, которые в этом отношении оказываются достаточно близки между собой — некоторые различия в обладании теми или иными пред-

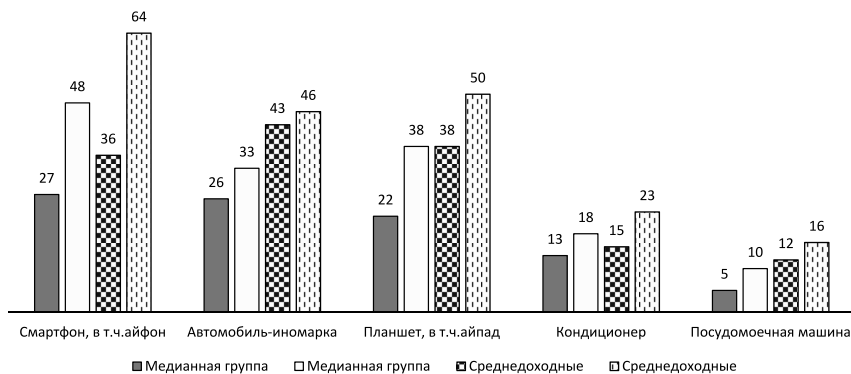
⁶ Упорядочено по наличию ТДП у бедного населения. Серым фоном выделены товары длительного пользования, имеющиеся у более чем 50% доходной группы.

метами между ними наблюдаются, но они не велики. Даже в отношении наличия автомобилей показатели в этих группах похожи (56–58%), только среди бедных две трети имеющихся у них автомобилей — это машины отечественных марок, преимущественно старые, а в медианной группе численность владельцев иномарок и владельцев отечественных машин одинакова.

Что же касается представителей благополучного населения — среднедоходных и высокодоходных россиян, — то для них стандартный набор расширяется за счет смартфонов, планшетов, цифровой техники (видеокамеры или фотоаппарата), а для высокодоходных россиян — еще и автомобиля-иномарки. Таким образом, *в отношении обеспеченности товарами длительного пользования основные различия между доходными группами связаны с цифровой техникой — смартфонами, планшетами, спутниковыми антеннами, а также с обеспеченностью их не автомобилем как таковым, а наличием автомобиля-иномарки. Именно в возможности приобретения дополнительного имущества вне базового набора ТДП проявляются основные возможности стилевого потребления, имеющиеся у благополучного населения, но отсутствующие у остальных россиян.* Стоит подчеркнуть, что различия в товарных наборах демонстрируют не только разрыв в уровне материального благополучия доходных групп, но и различия в жизненных шансах их представителей, поскольку они обеспечивают качественно разные возможности досуга, самообразования, освоения цифровых технологий (которые в дальнейшем могут быть использованы, например, на рабочем месте) и пр.

Прогнозируя изменение товарного набора медианной группы, отражающей стандарты жизни типичного россиянина, можно ожидать расширения присутствия в их домохозяйствах инновационной техники, уже прочно вошедшей в обиход среднедоходной группы. Тенденции обновления представителями разных доходных групп своего товарного набора даже в условиях экономического спада 2014–2016 гг. подтверждают этот вывод — хотя это обновление в условиях кризиса проходило не слишком активно, стандартные наборы медианной и среднедоходной групп за 2014–2017 гг. достаточно заметно расширились, и именно за счет относительно сложной техники (рис. 1.8). В этом отношении россияне демонстрируют высокую готовность к освоению инновационных

товаров при наличии такой возможности. Можно ожидать, что среднедоходное население и вслед за ним медианная группа будут постепенно переводить эти товары из категории инновационных в элементы расширенного набора товаров длительного пользования для всего населения. Начинается переход в расширенный набор и автомобиля-иномарки, которым уже обладает почти половина (46%) среднедоходной группы и более половины (57%) высокодоходных слоев.

Рис. 1.8. Динамика наличия некоторых товаров длительного пользования в медианной и среднедоходной группах, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2014–2017 гг., %

В этом контексте неудивительно, что использование компьютерных технологий в повседневной жизни также дифференцировано в группах, выделенных по основаниям уровня текущего дохода. Так, компьютером ежедневно пользуется более половины благополучного населения (60% среднедоходных и 66% высокодоходных) и менее половины остальных россиян (38% бедных, 43% уязвимых и 40% медианной группы). К Интернету ежедневно обращаются 68% высокодоходных и 63% среднедоходных россиян и менее половины в других доходных группах. Вообще не пользуются компьютером (в т. ч. по причине отсутствия соответствующих навыков) 32% бедных, 29% уязвимых, 33% медианной группы при 14% среднедоходных и 5% высокодоходных. Таким образом, *неравенства в цифровом потреблении накладываются на неравенства доходов, усугубляя плачевное положение менее благополучного насе-*

ления, поскольку разный доступ к ИКТ определяет не только различия в доступном досуге, но и в доступе к информации, образовательным возможностям, шансам на рынке труда.

Если обратиться к динамике обеспеченности россиян товарами длительного пользования в более длительной перспективе, то данные свидетельствуют о том, что стандарт жизни всех доходных групп в этом отношении за последние полтора десятилетия заметно вырос (табл. 1.32). При этом *в наибольшей степени изменилась жизнь неблагополучной части населения — поскольку в 2003 г. их обеспеченность товарами длительного пользования была очень невысока и ограничивалась товарами первой необходимости, произошедшие изменения имели для них более значимый характер, чем для среднедоходных и особенно высокодоходных россиян, которые и до этого уже отличались расширенными наборами товаров длительного пользования.*

Так, в стандартный набор даже относительно неблагополучной части населения за это время стали входить автомобили, кухонная техника, мобильные телефоны и компьютеры, которыми в 2003 г. обладало меньшинство каждой из трех нижних доходных групп. В разы выросла за период 2003–2017 гг. во всех доходных группах и доля тех, кто имеет в своих домохозяйствах редкие и престижные для российского общества в целом товары — кондиционеры или посудомоечные машины, хотя в этом отношении положение высокодоходных россиян продолжает качественно отличаться от остальных. Отметим также, что среди двух верхних доходных групп снижается доля обладателей отечественных автомобилей при росте владельцев иномарок. В целом можно говорить о том, что *за последние полтора десятилетия потребительские возможности всех доходных групп (и особенно — занимающих среднее положение в модели доходной стратификации) в отношении ТДП качественно изменились, что отражает изменение потребительского стандарта жизни населения страны в целом и практически полное исчезновение россиян, существующих на уровне стандарта выживания даже среди неблагополучных по доходам групп.* Не случайно практически одинаковая доля почти всех доходных групп (примерно каждый десятый) имеет два автомобиля, и только среди высокодоходных россиян этот показатель вырастает вдвое, т. е. в этой группе два автомобиля в семье можно встретить уже у каждого пятого домохозяйства.

Таблица 1.32

Динамика наличия некоторых товаров длительного пользования в разных доходных группах, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2003–2017 гг., % (отранжировано по обеспеченности ТДП бедных в 2017 г.)⁷

Товары длительного пользования	Бедные		Уязвимые		Медианная группа		Среднедоходные		Высокодоходные	
	2003	2017	2003	2017	2003	2017	2003	2017	2003	2017
Мобильный телефон / смартфон	8	97	7	97	12	96	26	97	55	98
Кухонная техника	24	76	19	82	31	82	51	88	69	91
Компьютер	7	67	4	71	13	67	25	83	48	91
Автомобиль, в т. ч.	25	56	22	57	28	58	41	71	60	74
<i>отечественный</i>	21	40	20	36	26	34	36	33	44	38
<i>иномарка</i>	4	26	2	29	2	33	7	46	21	57
Видеокамера, цифровой фотоаппарат	4	33	4	41	4	39	9	50	21	59
Кондиционер	1	15	1	18	1	18	2	23	7	40
Посудомоечная машина	1	10	1	10	0	10	1	16	4	40

Можно констатировать также, что *за последние 15 лет имущественные наборы разных доходных групп стали отличаться в меньшей степени, чем раньше*. Хотя наиболее дорогая и инновационная техника по-прежнему продолжает дифференцировать между собой доходные группы, демонстрируя более благополучное положение высокодоходных и среднедоходных россиян по сравнению с остальными, но в целом *особенности качества их жизни сейчас уже в меньшей степени проявляются через обеспеченность товарами длительного пользования*. Об этом свидетельствуют, в частности, в большинстве своем схожие «стандартные» наборы неблагополучного (трех нижних доходных групп) и благополучного населения (двух верхних). Такому положению дел способствовали, видимо,

⁷ Серым фоном выделены товары длительного пользования, имеющиеся у более чем 50% доходной группы.

как особенности потребительского поведения россиян, активно направлявших в последние годы появляющиеся денежные средства именно на покупку товаров длительного пользования, так и расширившиеся возможности потребительского кредитования, которым, как будет показано ниже, активно пользовались представители небогатых по доходам групп.

Однако преувеличивать масштабы тенденции выравнивания домашнего имущества представителей разных доходных групп также не стоит. Во-первых, сохраняются довольно заметные различия в общем числе видов домашнего имущества — так, медианное значение числа имеющихся ТДП в домохозяйствах бедных, уязвимых и медианных составляет 8, у среднедоходных — 9, а у высокодоходных — 10 предметов из 13, наличие и «возраст» которых замерялись в опросе. Во-вторых, качество этого имущества также принципиально различно, как и качество тех «квадратных метров», которые находятся в их собственности. В частности, медианное количество относительно новых (не старше 7 лет) товаров длительного пользования составляет 4 у бедных, 5 у уязвимых и медианной группы, 6,5 у среднедоходных и 8 из 13 у высокодоходных россиян.

Особенности потребительского поведения разных групп проявляются также в их практиках **использования платных услуг** (табл. 1.33). Наиболее распространенным типом используемых платных услуг выступают медицинские услуги, являющиеся зачастую жизненно необходимыми. К таким услугам за последние три года прибегали от трети бедных (37%) до более половины высокодоходных россиян. Платные образовательные услуги для взрослых при этом в равной степени распространены во всех доходных группах — их используют около 10% населения независимо от уровня текущих доходов. В то же время использование оздоровительных услуг для взрослых достаточно заметно дифференцирует разные доходные группы — к использованию таких услуг обращаются 6% бедных и 17% высокодоходных россиян. Еще больший разрыв характерен для поездок за границу, которые относительно распространены только в двух верхних доходных группах (13% среди среднедоходных россиян и 19% высокообеспеченных оплачивали за последние три года туристические или образовательные поездки за рубеж). И хотя эти услуги не являются жизненно необходимыми, они обеспечивают очень разное качество жизни.

В целом возрастает по мере роста доходов и интенсивность использования россиянами различных услуг для детей — особенно заметны различия в использовании для них оздоровительных услуг. Таким образом, *доходное неравенство частично определяет и степень неравенства, связанного с возможностями инвестировать в человеческий капитал — как свой собственный, так и своих детей. Разный уровень инвестиций, в свою очередь, будет способствовать сохранению и нарастанию различий между группами в будущем с точки зрения качества их жизни и имеющихся жизненных возможностей, обеспечивая фактически их социальное воспроизводство.*

Таблица 1.33

Использование платных услуг в разных доходных группах за последние три года перед опросом, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2017 г., % (отранжировано по бедным)

Использовали за счет собственных средств за последние три года перед опросом	Бедные	Уязвимые	Медианная группа	Среднедоходные	Высокодоходные
Платные медицинские услуги для взрослых	37	37	43	50	55
Платные образовательные услуги для детей*	23	23	30	40	28
Платные медицинские услуги для детей*	22	20	23	24	37
Платные образовательные услуги для взрослых	10	11	11	11	10
Платные оздоровительные услуги для детей*	10	10	14	19	25
Платные оздоровительные услуги для взрослых	6	5	8	13	17
Туристические или образовательные поездки за рубеж	3	4	5	13	19

* От имеющих в составе домохозяйств несовершеннолетних детей.

Что же касается изменений, произошедших в использовании платных услуг по сравнению с 2003 г., то наиболее яркое из них — это снижение использования образовательных услуг для взрослых.

В 2003 г. их распространенность была выше во всех доходных группах — их оплачивали 15–19% неблагополучного (в 2017 г. — 10–11%) и 30–35% благополучного (в 2017 г. — 10–11%) населения. Кроме того, уровень использования платных образовательных услуг для взрослых в 2003 г. дифференцировал группы между собой, а к настоящему моменту эти различия сгладились.

С учетом приведенных выше данных об обеспеченности товарами длительного пользования и потребительскими возможностями в сфере питания, одежды, досуга, это дает основания сделать вывод о том, *что свободные средства направлялись россиянами в последние полтора десятилетия, прежде всего, на потребительские расходы, в то время как их инвестиции в человеческий капитал, наоборот, сокращались.*

Продолжая обсуждение особенностей финансового поведения средних слоев, обратимся к вопросу об имеющихся у них **сбережениях и задолженностях**. Стратегии сберегательного поведения или же накопления долгов в разной степени распространены в тех или иных доходных группах. Наличие сбережений — как в целом, так и достаточно крупных, способных выступать основой обеспечения реального «запаса прочности», — нарастает по мере перехода от менее благополучных с точки зрения их текущих доходов к более благополучным группам. Среди бедных сбережения имеют только 15%, причем в подавляющем большинстве это сбережения небольшого объема, не позволяющие прожить на них год и более. По мере роста доходов соответствующая доля растет, составляя 23% среди уязвимых и 31% среди медианной группы, но начинает превышать хотя бы треть только среди среднедоходных и высокодоходных россиян (38 и 44% соответственно), причем в этих группах заметно чаще встречаются и сбережения большого объема (11 и 15%).

Что касается долговых обязательств различного типа, то их наличие, наоборот, нарастает по мере снижения величины текущих доходов, создавая дополнительную нагрузку на бюджеты неблагополучных домохозяйств и приводя последних к дополнительным рискам бедности. Максимальная доля имеющих долговое обязательство хотя бы одного типа наблюдается в наименее благополучной группе — среди бедных, — достигая в ней почти 60% (табл. 1.34).

Таблица 1.34

Наличие кредитов и сбережений в разных доходных группах,
данные ИС ФНИСЦ РАН, 2017 г., %

Сбережения и кредиты	Бед- ные	Уяз- ви- мые	Меди- анная группа	Сред- недо- ход- ные	Высо- кодо- ход- ные
Сбережения, достаточные, чтобы прожить на них не менее года	2	5	7	11	15
Сбережения, недостаточные для того, чтобы жить на них длительное время	13	18	24	27	29
Итого — сбережения любого объема	15	23	31	38	44
Невыплаченные полностью кредиты в банках	40	31	26	29	28
Накопившиеся мелкие долги	22	18	12	13	16
Долги по квартплате более чем за два месяца	17	6	5	4	3
Крупные долги частным лицам	3	2	2	1	3
Невыплаченные полностью кредиты у себя на работе	2	2	2	3	1
Итого — любые виды долговых обязательств⁸	58	44	36	41	39
<i>Имеют одновременно сбережения и долговые обязательства</i>	<i>3</i>	<i>5</i>	<i>4</i>	<i>7</i>	<i>8</i>
<i>Пассивное финансовое поведение (ничего из вышеперечисленного не имеют)</i>	<i>30</i>	<i>38</i>	<i>36</i>	<i>28</i>	<i>25</i>

Кроме того, хотя даже в наиболее благополучных группах доля имеющих долговые обязательства превышает треть, последствия этой долговой нагрузки для разных групп совершенно различны. Это связано не столько с тем, что в благополучных группах кредиты относительно чаще соседствуют со сбережениями (в настоящий момент эти стратегии все-таки скорее не пересекаются даже для них), но и с тем, что в подавляющем большинстве случаев для

⁸ Поскольку часть респондентов имела одновременно долговые обязательства разных типов, показатели в данной строке меньше суммы отдельных видов долговых обязательств.

них характерно наличие лишь одного вида долговых обязательств, в то время как в наименее благополучных группах встречается одновременное наличие долгов разных типов. В целом все виды долговых обязательств чаще встречаются в неблагополучных доходных группах — от кредитов в банках, которые их представителям удивительным образом удается получать при фактическом отсутствии подтверждений их платежеспособности, до задолженности по квартплате.

Таким образом, *наличие сбережений в большей степени характерно для более благополучного населения, выступая для его представителей дополнительной гарантией сохранения устойчивого материального положения. В то же время те или иные долговые обязательства характеризуют в большей степени менее благополучное население, усиливая для него риски дальнейшего ухудшения ситуации в сложных экономических условиях.*

Обратимся теперь к тому, каким образом россияне из разных доходных групп пытаются изменить свое положение к лучшему. Отвечая на вопрос о том, какие **действия** они использовали **для улучшения своего материального положения**, лишь менее трети из них отметили, что вообще ничего для этого не предпринимали. Среди них половина (16% всего населения) не имели такой необходимости, в то время как остальные (15% всего населения) считали, что ничего не могли сделать для улучшения своего положения. Численность «бездействующих» в доходных группах различалась — так, *ничего не предпринимали, поскольку не видели в этом необходимости, 7% бедных, 10% уязвимых, 17% медианной группы, 18% среднедоходных и 22% высокодоходных россиян.* Доля тех, кто не пытался улучшить свое положение, поскольку ничего не мог для этого сделать, не демонстрировала линейной зависимости и была максимальной среди уязвимых (19%) и медианной группы (16%) и минимальной в полярных доходных группах — по 10% среди бедных и высокодоходных.

Прежде чем переходить к анализу конкретных действий и стратегий, которые предпринимают представители разных групп для улучшения своего положения, необходимо отметить, что интенсивность этих действий, как показывает анализ их динамики, не связана напрямую с этапом экономического цикла, который проходит российское общество. Численность группы россиян, не предпринимающих

никаких действий для улучшения своего материального положения по причине отсутствия такой необходимости, достаточно устойчива в общей структуре российского общества независимо от общего состояния экономики. Так, в разгар предыдущего кризиса, в 2009 г., соответствующая группа составляла 13%; накануне последнего кризиса, весной 2014 г., в нее входили 16% россиян, и эта доля не изменилась за три последующих кризисных года. Одновременно с этим численность группы, представители которой ничего не предпринимают, т. к. не видят возможности что-то изменить, с 2015 г. заметно сократилась (с 21 до 15%), хотя несколько лет до этого также характеризовалась достаточной устойчивостью. Возможно, осознание того, что происходящие в стране экономические изменения будут носить не краткосрочный, а среднесрочный или даже долгосрочный характер, заставляет население все же искать какие-либо возможности адаптации к новым экономическим условиям.

Судя по данным о динамике использования населением различных практик улучшения своего материального положения в последние годы, реакцией на кризис можно считать в первую очередь более активное обращение к занятости на приусадебных участках. Остальные действия были в схожей степени распространены и в благополучный с точки зрения экономического положения населения период накануне кризиса 2014–2016 гг. — в частности, это касается практик, связанных с накоплением и использованием человеческого капитала (получение образования, действия на рынке труда). *Таким образом, последний экономический кризис не стал катализатором распространения активных практик, которые могли бы заложить фундамент для дальнейшего устойчивого развития.*

Как в этом отношении различаются практики и стратегии разных доходных групп? Все практики, которые так или иначе используют россияне для улучшения своего положения, на основании результатов проведенного факторного анализа⁹ можно объединить в четыре крупных стратегии. Первая из них объединяет действия, связанные с рынком труда: практики совместительства, разовых или временных приработков, сезонные заработки и переквалификацию (их применяли в общей сложности 45% всех россиян, или 52% трудоспособного населения). Вторая связана

⁹ Факторный анализ методом главных компонент с вращением Варимакс.

с использованием приусадебного участка и выращиванием продуктов для себя или на продажу (34%). Третья стратегия охватывает попытки краткосрочного привлечения финансовых средств через пути, не связанные с рынком труда, — займы, помощь родственников, распродажа имеющегося имущества (19%). Наконец, отдельно выделяется рентная стратегия, связанная с получением дохода от сдачи в аренду имеющегося имущества или процентов от сбережений, которая распространена в целом не очень широко (5%). Выделенные стратегии в разной степени характерны для различных доходных групп (табл. 1.35). *Представители бедных заметно чаще других прибегают к использованию подсобного хозяйства — почти в половине случаев, а также к не связанному с рынком труда привлечению финансовых ресурсов — такую стратегию использовала треть из них. Высокодоходные россияне в разы чаще остальных использовали рентную стратегию, предполагающую наличие ресурсов, способных приносить значимый доход, а к использованию подсобного хозяйства прибегали лишь в четверти случаев.*

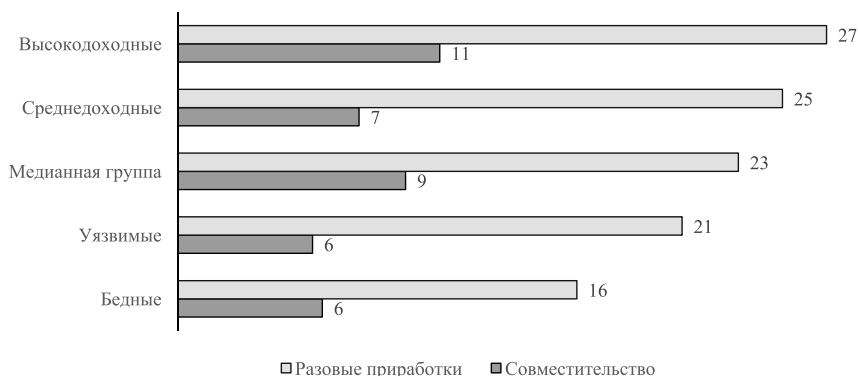
Таблица 1.35

Стратегии улучшения своего материального положения в разных доходных группах, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2017 г., %

Стратегии улучшения материального положения	Бедные	Уязвимые	Медианная группа	Среднедоходные	Высокодоходные
Действия на рынке труда*	53	54	53	56	46
Использование ЛПХ	47	37	37	28	25
Ситуационное привлечение финансовых средств	33	20	18	17	16
Рентная стратегия	3	3	3	5	12
<i>Ничего не предпринимали, т. к. ничего не могут сделать для улучшения своего положения</i>	10	19	16	12	10
<i>Ничего не предпринимали, т. к. в этом нет необходимости</i>	7	10	17	18	22

* От трудоспособного населения.

Что касается наиболее распространенной среди россиян стратегии — действий на рынке труда (с помощью которых от 46 до 56% россиян в трудоспособном возрасте из каждой доходной группы пытались улучшить весной 2017 г. свое положение), то, хотя ее можно охарактеризовать как активную, осуществляемые в рамках нее действия не всегда являются при этом эффективными и успешными. Так, только 22% трудоспособных россиян называли среди своих основных источников дохода разовые приработки и 8% — совместительство, хотя доли пытавшихся использовать эти практики были заметно выше. Доли использующих и совместительство, и разовые приработки были максимальны в наиболее благополучной по доходам группе, а минимальны — среди бедных и уязвимых (рис. 1.9). Использование этих практик в медианной группе при этом репрезентировало среднюю картину по населению в целом. Таким образом, *стратегия диверсификации трудовых источников доходов для адаптации к новым экономическим условиям характерна (и оказывается эффективной), прежде всего, для более благополучного по уровню своих доходов населения.*

Рис. 1.9. Совместительство и разовые приработки как одни из основных источников доходов в разных доходных группах, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2017 г., % от трудоспособного населения

Второй по степени распространенности стратегией улучшения материального положения, ярко демонстрирующей типичную реакцию россиян на ухудшение экономических условий в стране, является использование личного подсобного хозяйства для самообе-

спечения различными продуктами питания или выращивания их на продажу. Эта стратегия выступает традиционной для россиян в периоды экономических спадов: в ходе кризиса в 2009 г. ее придерживались 29%, в благополучный период весной 2014 г. соответствующая доля снизилась до 22%, но по мере развития нового витка экономического кризиса вновь возросла, охватив весной 2017 г. более трети населения. При этом подсобные участки значительно чаще используются в целях самообеспечения, чем для получения дохода от продажи выращенного, что подчеркивает общий пассивный характер данной стратегии. В разных доходных группах, как уже было отмечено выше, она используется с разной интенсивностью, и наиболее часто — бедным населением. Неудивительно, что подсобное хозяйство как один из основных источников дохода также чаще упоминают представители неблагополучного населения, хотя присутствует оно в этом качестве в жизни всех доходных групп (так, это свойственно 24% бедных, 17% уязвимых, 16% медианной группы, 12% среднедоходных и 14% высокодоходных россиян). При этом среди бедных и уязвимых о таком источнике дохода преимущественно упоминают жители сел, а в остальных доходных группах к ним присоединяются даже жители мегаполисов, имеющие возможность использовать в качестве дополнительного ресурса дачные участки.

Достаточно широко распространена и другая пассивная стратегия улучшения своего материального положения — через займы, получение помощи от родных и друзей, продажу имеющегося имущества. Какие-либо практики из этой группы использовал каждый третий бедный — в то время как среди высокодоходных аналогичная доля составляла весной 2017 г. 16%. Однако такие действия могут быть успешными только в краткосрочном периоде, для борьбы с ситуационными проблемами, но не для избавления от их причин.

Наконец, рентная стратегия, подразумевающая использование имеющихся ресурсов, сколь-либо заметно присутствует только у благополучного населения, что находит отражение и в специфике их источников дохода: среди основных своих источников доходы от собственности, сдачи в аренду имущества, процентов по вкладам называют 1% бедных и уязвимых, 2% медианной группы, 5% среднедоходных и 13% высокодоходных россиян.

Таким образом, *доходные группы в силу различия доступных для их представителей возможностей дифференцируются и по используемым стратегиям улучшения своего положения, и по их эффективности. Менее благополучные группы в большей степени полагаются на пассивные и краткосрочные по своему эффекту стратегии, более благополучные чаще успешно используют активные долгосрочные стратегии или же вообще не испытывают необходимости в дополнительных действиях в этом отношении.*

До сих пор речь шла преимущественно про материальные аспекты, формирующие уровень и качество жизни представителей разных доходных групп. Однако жизненные ситуации их представителей различаются и в отношении других аспектов. Так, например, данные показывают, что уровень дохода определяет очень разный **эмоциональный фон повседневной жизни** россиян (табл. 1.36). Для бедных и уязвимых в непростой ситуации, сложившейся к 2017 г. в России, доминирующими являлись негативные чувства, которые постоянно испытывали более половины из них. В медианной группе позитивное эмоциональное состояние начинало доминировать над негативным, хотя и незначительно, а в наиболее благополучных группах — среди среднедоходных и высокодоходных россиян — соотношение позитивных и негативных чувств составляло уже 60 к 40. При этом для бедных и уязвимых в заметно большей степени, чем для представителей остальных доходных групп, характерным психологическим состоянием была тревога.

Другим примером являются оценки, которые представители разных доходных групп дают различным сторонам своей жизни, связанным с социальным окружением (семьей, друзьями), положением в производственных отношениях, здоровьем и личной безопасностью. По всем этим **нематериальным аспектам жизни**, определяющим ее качество, оценки разных доходных групп различаются очень значительно (табл. 1.37). Особенно велики эти разрывы в отношении положения на работе и уровня здоровья, а также оценки жизни в целом, где доля положительных оценок среди высокодоходных слоев более чем в три раза превышает аналогичную долю для бедного населения.

Таблица 1.36

Динамика социально-психологического состояния представителей разных доходных групп, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2017 г., %¹⁰

Преобладающее повседневное эмоционально-психологическое состояние	Бедные	Уязвимые	Медианная группа	Среднедоходные	Высокодоходные
Спокойствие, уравновешенность	43	44	50	54	52
Эмоциональный подъем	2	4	4	6	8
<i>Итого — позитивное социально-психологическое состояние</i>	<i>45</i>	<i>48</i>	<i>54</i>	<i>60</i>	<i>60</i>
Тревога	28	24	19	19	15
Раздражение	9	10	9	6	9
Безразличие, апатия	16	15	15	13	13
Озлобленность	2	2	3	1	2
Агрессия	0	1	0	1	1
<i>Итого — негативное социально-психологическое состояние</i>	<i>55</i>	<i>52</i>	<i>46</i>	<i>40</i>	<i>40</i>

Таблица 1.37

Самооценка различных сторон жизни, не относящихся к потреблению, в разных доходных группах, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2017 г. *(отражено нарастание разрыва между бедными и высокодоходными)*

Оценка различных сторон жизни	Бедные	Уязвимые	Медианная группа	Среднедоходные	Высокодоходные
<i>Уровень личной безопасности</i>					
хороший	19	27	35	34	28
плохой	10	9	6	6	4

¹⁰ Темным фоном и белым шрифтом в каждой доходной группе выделено доминирующее социально-психологическое состояние.

Продолжение табл. 1.37

<i>Отношения в семье</i>					
хорошие	45	51	58	62	61
плохие	8	4	4	3	6
<i>Возможности общения с друзьями</i>					
хорошая	37	39	48	52	58
плохая	8	5	6	4	3
<i>Состояние здоровья</i>					
хорошее	16	19	26	31	41
плохое	18	17	17	9	7
<i>Ситуация на работе*</i>					
хорошая	15	21	31	32	37
плохая	19	16	11	9	5
<i>Жизнь в целом</i>					
хорошая	12	17	27	35	41
плохая	13	9	5	4	3
<i>Возможность реализовать себя в профессии**</i>					
хорошая	14	23	32	34	47
плохая	31	22	15	10	5

* От работающих.

** От трудоспособных.

Безусловно, зависимость между уровнем доходов, с одной стороны, и здоровьем и ситуацией на рынке труда — с другой, носит двусторонний характер: низкий уровень доходов может являться как причиной, так и следствием этих факторов. Но в любом случае показатели по ряду нематериальных сторон жизни и интегральные оценки жизни в целом среди представителей разных доходных групп демонстрируют, что *они находятся в ситуации не только неравенства текущих доходов и связанных с ним неравенств в возможностях потребления, но и в «матрице» накладывающихся на них немонетарных неравенств, определяющих различия в общем качестве*

их жизни, в т. ч. в отношении ее нематериальных аспектов — социальных отношений, психологического состояния и здоровья, положения в системе производственных отношений и т. п.

В этой связи неудивительно, что и **возможности достижения жизненных целей**, оценку которых дают для себя сами россияне, оказались очень тесно связаны с доходами. Шансы достичь успехов в сферах, как наиболее достижимых в представлениях населения (связанных, прежде всего, с созданием комфортного микромира — крепкой семьей и хорошими детьми, надежными друзьями, своей квартирой, интересной работой, в которой можно достичь профессионализма, возможностью прожить свою жизнь честно и не хуже других), так и желаемых, но недостижимых, по мнению большинства, для рядового россиянина (стать знаменитым, добиться власти, влияния), заметно различались в разных доходных группах. Причем это относилось не только к целям, так или иначе связанным с уровнем дохода, — желанием иметь отдельную квартиру, жить не хуже других, побывать в разных странах мира, стать богатым человеком, но и, например, к возможностям получить хорошее образование и найти интересную и любимую работу, стать профессионалом, сделать карьеру. Различия прослеживаются даже по таким базовым целям, связанным с микромиром, как наличие надежных друзей и счастливой семьи — представители наименее благополучных с точки зрения доходов групп реже считают, что смогут этого добиться, хотя и хотели бы включить эти цели в свои жизненные планы. С другой стороны, высокодоходные россияне были скорее уверены в возможности достичь абсолютно всех желаемых для себя целей — доля считающих, что им не удастся чего-то добиться, не превысила половины ни для одной из сфер достижения успехов (табл. 1.38). Среднедоходные россияне занимают в этом отношении промежуточное положение — более половины из них сомневается только в достижении таких целей, как богатство и известность, а остальные цели кажутся им скорее достижимыми, хотя и в разной степени.

Таким образом, *представители низкодоходных групп населения характеризуются не только низким качеством жизни, но и отсутствием возможностей реализовать желаемые жизненные модели даже в тех аспектах, которые не связаны напрямую с уровнем жизни и доходами.*

Таблица 1.38

Жизненные планы россиян и оценка реалистичности их достижения в разных доходных группах, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., % от трудоспособного населения¹¹

Цели, которых хотелось бы достичь, но вряд ли смогут добиться (% от тех, кто включал это в свои жизненные планы)	Бедные	Уязвимые	Средняя группа	Средне-доходные	Высоко-доходные
Стать знаменитым	68	69	60	56	50
Стать богатым человеком	71	69	64	53	38
Иметь доступ к власти	64	63	62	49	33
Иметь собственный бизнес	64	56	51	44	35
Побывать в разных странах мира	67	61	47	31	17
Влиять на то, что происходит в обществе или том месте, где живут	52	57	54	41	39
Занять высокое положение в обществе	58	58	47	33	28
Получить престижную работу	52	45	34	24	14
Иметь много свободного времени и проводить его в свое удовольствие	46	48	38	38	31
Сделать карьеру (профессиональную, политическую или общественную)	48	35	24	17	14
Заниматься любимым делом	44	31	20	16	11
Получить хорошее образование	35	32	27	19	11
Иметь интересную работу	32	26	15	12	9
Стать хорошим профессионалом в своем деле	25	15	9	8	4

¹¹ Темным фоном и белым шрифтом выделены значения не менее 50%, светло-серым — не менее 33%. Данные приведены от тех, кто включал соответствующие цели в свои жизненные планы.

Продолжение табл. 1.38

Иметь свою отдельную квартиру/дом	22	17	10	8	7
Жить не хуже других	22	15	10	7	4
Создать счастливую семью	16	8	8	5	4
Иметь надежных друзей	11	8	3	4	4
Честно прожить свою жизнь	11	7	3	5	3
Воспитать хороших детей	10	6	5	5	4

Подведем итоги.

Повседневная жизнь попадающих в опросы массовых групп населения, дифференцированных по уровню их доходов, значительно различается. Представители различных доходных групп характеризуются не только заметно отличающимися жизненными шансами в сферах потребления и более высоким «запасом прочности», но и разными возможностями добиться желаемой модели жизни в целом, даже в тех ее аспектах, которые не связаны напрямую с уровнем доходов (социальное окружение, социально-психологическое состояние, положение в системе производственных отношений и пр.). Типичные модели жизни низкодоходных групп населения характеризуются высокой степенью неудовлетворенности большинством ее аспектов и ощущением невозможности добиться многих желаемых жизненных целей. В итоге различные немонетарные неравенства в большей степени затрагивают группы, страдающие от доходных неравенств, не сглаживая, а еще более усугубляя их. Доходное неравенство частично определяет и степень неравенства, связанного с возможностями инвестировать в человеческий капитал — как свой собственный, так и своих детей; разный уровень инвестиций, в свою очередь, будет способствовать сохранению и нарастанию различий между группами в будущем с точки зрения качества их жизни и имеющихся жизненных возможностей, а значит — и их социальному воспроизводству.

«Точки перелома», в которых тенденции преобладания негативных оценок над позитивными меняются на противоположные, проходят для многих потребительских аспектов жизни между медианной и среднедоходной группами, что свидетельствует о том,

что именно здесь проходит граница между благополучным и неблагополучным населением в современной России: к первым относятся среднедоходные и высокодоходные россияне, ко вторым — бедные, уязвимые и, в ряде аспектов, представители медианной группы. Однако при этом в других аспектах жизни медианная группа выходит из границ неблагополучия, занимая скорее промежуточное положение на границе неблагополучного и благополучного населения, что отражает и общее состояние неустойчивого и очень скромного благополучия как типичного для населения современной России. Кроме того, благополучное население также неоднородно — уровень жизни среднедоходных и высокодоходных россиян очень различается.

Тем не менее динамика различных индикаторов потребления в период 2003–2017 гг. дает основания говорить о произошедших в этот период качественных положительных изменениях материального положения и потребительских возможностей населения, которые затронули все без исключения доходные группы, хотя и в разной степени. В наибольшей степени положительные изменения потребительского стандарта коснулись медианной группы россиян. Постепенное повышение потребительского стандарта в отношении товаров длительного пользования (связанное в т. ч. с тем, что свободные средства активно направлялись россиянами именно на их покупку) привело к тому, что за последние 15 лет имущественные наборы разных доходных групп стали отличаться в меньшей степени, чем раньше. В то же время сильным дифференцирующим признаком продолжает служить для них наличие «запаса прочности» — дополнительной недвижимости (второе жилье, дача и т. п.) и сбережений. Различаются для них и те риски, с которыми им приходится сталкиваться, в частности — связанные с разной кредитной нагрузкой.

В силу того, что представителям разных доходных групп доступны разные возможности, они заметно дифференцируются также по используемым стратегиям улучшения своего положения и по их эффективности. Менее благополучные группы вынуждены в большей степени полагаться на пассивные и краткосрочные по своему эффекту стратегии, более благополучные чаще успешно используют активные долгосрочные стратегии, предполагающие наличие определенного объема накопленных ресурсов, или же во-

обще не испытывают необходимости в дополнительных действиях в этом отношении.

Таким образом, и в плане их объективного положения, и в плане их субъективного восприятия своей жизни, и в плане их «социальных действий», в частности стратегий поведения под влиянием изменяющихся условий внешней среды, выделенные нами в рамках предложенной классификации доходные группы заметно различаются между собой. Это позволяет говорить о них как о реальных, а не статистических группах. В то же время стандарт жизни этих социальных групп сильно изменился за период, прошедший с начала 2000-х гг., что отражает общие изменения российского социума за это время. Учитывая это, далее мы более детально рассмотрим, что происходило не только с отдельными доходными группами, но и с самой моделью доходной стратификации российского общества в целом в последние десятилетия.

Раздел 2.

Модель доходной стратификации российского общества: сравнительно-динамический анализ и факторы

Глава 2.1. Модель доходной стратификации российского общества: динамический анализ

В условиях учащающихся экономических кризисов и длительного периода падения в середине 2010-х гг. реальных доходов населения остро встал вопрос не только о модели доходной стратификации российского общества, но и о динамике этой модели. Ее анализ позволяет лучше понять, по каким слоям относительно сильнее ударил последний экономический кризис и в чем для них проявились негативные тенденции последних лет. Дает анализ этой динамики и ответы на вопросы о том, как в постельцинскую эпоху менялась ситуация у различных доходных групп, где могут возникнуть в связи с этим протестные настроения и т. д. Наконец, немалый теоретический интерес представляет в контексте оценки общего вектора развития российского общества и вопрос о том, насколько устойчива сложившаяся модель его доходной стратификации, в частности приводит ли длительное падение реальных доходов населения к ее изменению.

Учитывая высокую практическую и теоретическую значимость этой проблематики, не удивительно, что как российские статистические службы, так и отдельные ученые уделяют много внимания динамике доходов россиян. Как свидетельствуют статистические данные, основной скачок в изменении уровня их доходов и показателей доходного неравенства пришелся на начало 1990-х гг. — период либеральных рыночных реформ. Так, в 1990–1995 гг. общий объем доходов, приходящих на верхний квинтиль населения, вырос с 32,7 до 46,3% (табл. 2.1), а квинтильный коэффициент (отношение общего объема полученных за год денежных доходов у верхней и нижней 20-процентных доходных групп) стал составлять 7,59 вместо 3,34 в 1990 г.

Такая динамика базовых показателей доходного неравенства свидетельствует о том, что с начала 1990-х гг. «маятник доходного неравенства» резко качнулся в сторону, противоположную характерной для предшествовавших десятилетий — ведь в период 1970–1990 гг. доля доходов, приходившихся на верхний квинтиль, сократилась

Таблица 2.1

Распределение общего объема
денежных доходов населения 1970–2015 гг.¹

Год	В т. ч. по 20-процентным группам населения, в %:				
	первая (с наименьшими доходами)	вторая	третья	четвертая	пятая (с наибольшими доходами)
1970	7,8	14,8	18,0	22,6	36,8
1980	10,1	14,8	18,6	23,1	33,4
1990	9,8	14,9	18,8	23,8	32,7
1995	6,1	10,7	15,2	21,6	46,4
1996	6,1	10,7	15,2	21,6	46,4
1997	5,9	10,5	15,3	22,2	46,1
1998	6,0	10,6	15,0	21,5	46,9
1999	6,0	10,5	14,8	21,1	47,6
2000	5,9	10,4	15,1	21,9	46,7
2001	5,7	10,4	15,4	22,8	45,7
2002	5,7	10,4	15,4	22,7	45,8
2003	5,5	10,3	15,3	22,7	46,2
2004	5,4	10,1	15,1	22,7	46,7
2005	5,4	10,1	15,1	22,7	46,7
2006	5,3	9,9	15,0	22,6	47,2
2007	5,1	9,8	14,8	22,5	47,8
2008	5,1	9,8	14,8	22,5	47,8
2009	5,2	9,8	14,8	22,5	47,7
2010	5,2	9,8	14,8	22,5	47,7
2011	5,2	9,9	14,9	22,6	47,4
2012	5,2	9,8	14,9	22,5	47,6
2013	5,2	9,8	14,9	22,5	47,6
2014	5,2	9,9	14,9	22,6	47,4
2015	5,3	10,0	15,0	22,6	47,1
2016	5,3	10,1	15,0	22,6	47,0
2017*	5,4	10,1	15,1	22,6	46,8

* Предварительные данные.

¹ Источник данных: Население. Неравенство и бедность. Неравенство в распределении денежных доходов населения. Распределение и дифференциация денежных доходов. Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения. ФСГС РФ (URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#).

с 36,8 до 32,7%, а доходов, получаемых нижним квинтилем, напротив, выросла с 7,8 до 9,8% (табл. 2.1). Квинтильный коэффициент стал составлять при этом в 1990 г., как уже отмечалось выше, 3,34 вместо 4,72 в 1970 г. Все это означает, что уравнительность в распределении доходов в последние десятилетия советской власти значительно возросла, что во многом и обеспечило поддержку населением, особенно его наиболее благополучной в материальном отношении частью, либеральных экономических реформ — не случайно лозунги борьбы с уравнительностью были в конце 1980-х — начале 1990-х гг. так популярны в стране, особенно в крупнейших ее городах. Это, в свою очередь, позволяет говорить о том, что не только падение доходов или рост числа бедных, но и относительное сокращение доходов массовых высокодоходных групп может очень существенно сказываться на векторе развития и общей обстановке в стране.

Данные ФСГС РФ² свидетельствуют также о том, что начавшийся с 1990-х гг. рост неравенства по доходам продолжался в России почти 20 лет, достигнув «пиковых» значений накануне кризиса 2008–2009 гг. В этот момент квинтильный коэффициент достиг максимального значения в 9,37. Затем «маятник доходного неравенства» начал очень медленное обратное движение, и в последние 10 лет наблюдалось небольшое, но довольно устойчивое смягчение дифференциации доходов в масштабах общества в целом (рис. 2.1). Это может означать формирование новых реалий, которые, видимо, будут характеризовать ситуацию в стране еще длительное время. При этом в 2017 г. показатели как децильного коэффициента, так и коэффициента Джини³ демонстрировали заметно более высокие значения, чем даже в середине 1990-х гг., после основного «подскока» ключевых показателей доходного неравенства в ходе либеральных реформ — в частности, коэффициент Джини составлял в 2017 г., по данным ФСГС РФ, 41,0%⁴.

² Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения. ФСГС РФ (URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/1-2-2.doc).

³ Коэффициент Джини характеризует дифференциацию денежных доходов у всех (и прежде всего средних) слоев населения, а не у полярных групп, как децильный и квинтильный коэффициенты. Значение коэффициента Джини в 40% соответствует 0,40 по Индексу Джини

⁴ В то же время стоит отметить, что многие эксперты дают гораздо более высокие оценки коэффициента Джини для современной России. Так,

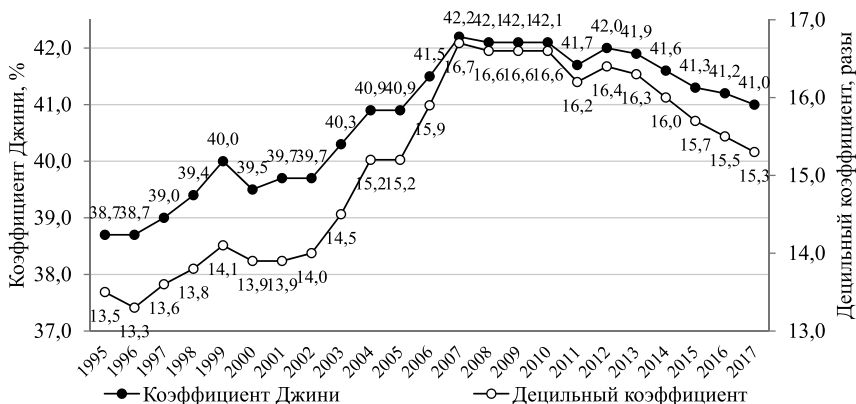

Рис. 2.1. Характеристики дифференциации денежных доходов среди населения России, 1995–2017 гг.⁵

Все вышесказанное означает, что уровень доходного неравенства в России к настоящему моменту все еще избыточно высок и намного выше целесообразного в условиях современной рыночной экономики, поскольку граница в 40% по коэффициенту Джини с момента публикации широко известного доклада Всемирного банка «Equity and Development»⁶ считается общепризнанным порогом чрезмерно высокого неравенства, препятствующего из-за формирующихся при нем неэффективных институтов экономическому росту. В целом же все имеющиеся статистические данные позволяют говорить о том, что на макроуровне, применительно к российскому обществу в целом, показатели доходной дифференциации находятся сейчас примерно на уровне середины 2000-х гг.

например, известный специалист в области доходных неравенств Т. Пикетти с коллегами оценивает его в своей работе, специально посвященной неравенствам в России, более чем в 56% (Novokmet F., Piketty T, Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016 // NBER Working Paper Series. Working Paper 23712. National Bureau of economic research. Cambridge. August 2017).

⁵ Население. Неравенство и бедность. Неравенство в распределении денежных доходов населения. Распределение и дифференциация денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения. ФCGC РФ (URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#).

⁶ World Bank. Equity and Development: World Development Report 2006. N. Y.: The World Bank and Oxford University Press, 2006.

и остаются при этом гораздо более высокими, чем в середине 1990-х гг., уже после их основного «подскока» в ходе либеральных реформ.

Если же говорить о масштабах роста показателей доходной дифференциации по отношению к советскому периоду, то оценить реальную динамику в этой области, к сожалению, довольно сложно, поскольку ФСГС РФ не приводит данных о децильном коэффициенте и коэффициенте Джини за период конца 1980-х — начала 1990-х гг.⁷ В то же время данные Университета Объединенных Наций (UNU), одно из подразделений которого уже много лет формирует Всемирную базу показателей коэффициента Джини и агрегирует данные на этот счет из многих источников, свидетельствуют о том, что показатели этого коэффициента в начале 1990-х гг. выросли очень значительно. Так, для России коэффициент Джини составлял в 1991 г., по данным UNU⁸, в среднем⁹ всего 31,2%, а к 1995 г. вырос до 43,1%. Данные российской государственной Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), основанные на методике расчетов этого коэффициента, применяемой ФСГС РФ, также позволяют говорить о колоссальном росте доходного неравенства в начале 1990-х гг. — если коэффициент Джини составлял, согласно ЕМИСС, в 1992 г., т. е.

---

⁷ В литературе уже обращалось внимание со ссылкой на экспертов ФСГС РФ, что период с конца 1980-х до середины 1990-х гг. характеризуется недостаточностью или даже утратой многих статистических данных, относящихся к доходам населения. Отмечалось и то, что даже имеющиеся статистические данные за этот период недостаточно надежны, поскольку этот этап в жизни нашей страны характеризуется гиперинфляцией, институциональными и структурными преобразованиями в экономике и т. д. (Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах / под рук. Е. Г. Ясина. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2011).

⁸ Источник данных: UNU-RIDER. World Income Inequality Database — WIID3.4 (URL: www.wider.unu.edu/database/world-income-inequality-database-wiid34).

⁹ Поскольку UNU-RIDER предоставляет данные по коэффициенту Джини из нескольких источников, то для каждого года дается несколько показателей. После того, как было проведено их усреднение внутри года по отношению к данным ФСГС РФ, усредненный показатель коэффициента Джини из этой базы оказался примерно на 5% выше, т. е. предоставляемые ФСГС РФ данные о неравенстве можно рассматривать как нижнюю границу его оценок из возможных.

в момент, когда уже прошла либерализация цен и началось интенсивное доходное расслоение, всего 28,9%¹⁰ (что меньше, чем по данным UNU для 1991 г., в силу расхождения их методик), то в 1995 г. он вырос до 38,7%¹¹, т. е. более чем на треть. При этом, судя по расчетам известных российских специалистов в этой области, реальные денежные доходы населения в целом только за период с 1991 по 1992 г. упали более чем в два раза — до 43,7% от уровня предыдущего года¹².

Характерной особенностью динамики уровня доходов выступает в России наряду с «маятниковым» характером колебаний в этой области также очень сильная региональная ее дифференциация, т. е. ярко выраженная специфика изменений основных параметров доходной стратификации в отдельных регионах. В результате произошедших в этой области за последние годы изменений картина глубины доходных неравенств по России была к середине 2010-х гг. очень дифференцированной (рис. 2.2). Так, согласно данным ФСГС РФ, в декабре 2015 г. коэффициент Джини в разных регионах России (без учета столицы) варьировался от 33,9% в Тверской до 42,9% в Тюменской области, причем в 72 регионах из 83 значения коэффициента Джини были ниже странового показателя, в половине регионов не превышая при этом даже 37,5%. Ярко выделялась на этом общем фоне Москва, для которой коэффициент Джини в декабре 2015 г. был равен, по данным ФСГС РФ, 43,2% при том, что для страны в целом данный показатель на тот момент равнялся 41,2%¹³. После выхода из кризиса, в 2017 г. лидером доходных неравенств по-прежнему оставалась Тюменская область (42,3%), а наименьшая их глубина характеризовала Республику Карелию (33,5%). Выше странового показателя коэффициент Джини был только в 4 регионах (Тюменская область — 42,6%; Москва — 41,9%; Республика Башкортостан — 41,7%

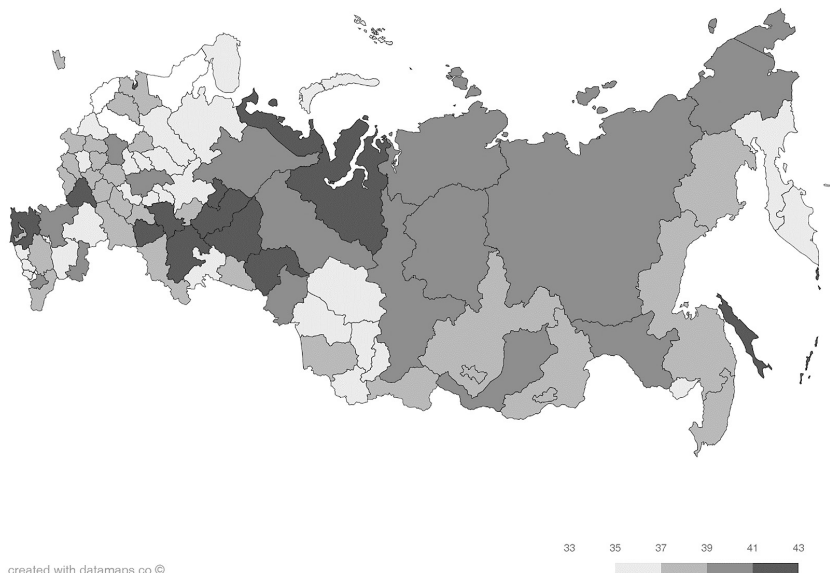
¹⁰ Источник данных: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) (URL: fedstat.ru/indicator/31165).

¹¹ Там же.

¹² Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах / под рук. Е. Г. Ясина. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2011.

¹³ Центральная база статистических данных. Коэффициент Джини (концентрации доходов). ФСГС РФ (URL: www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi?pl=2340003).

и Сахалинская область — 41,2%), при этом в 44 регионах он не превышал 37,5%¹⁴. Однако, несмотря на эти изменения, иерархия регионов в общей картине распределения неравенств по территории страны оставалась практически такой же, как и в разгар кризиса. Наиболее благополучен в этом отношении был север Европейской части России, а наименее (если говорить о густонаселенных регионах) — регионы Уральского федерального округа.

Рис. 2.2. Показатели коэффициента Джини в различных регионах России, 2015 г., %¹⁵

Картина глубины доходных неравенств в разных регионах России еще более усложнится, если учесть, что изменения доходов имели за последние 20 лет в отдельных регионах подчас разнонаправленный характер. Так, например, в Москве, где, казалось бы, ситуация с не-

¹⁴ Население. Неравенство и бедность. Неравенство в распределении денежных доходов населения. Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения. ФСГС РФ (URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rossstat/ru/statistics/population/poverty/#).

¹⁵ Построено по: Центральная база статистических данных. Коэффициент Джини (концентрации доходов). ФСГС РФ (URL: cbsd.gks.ru).

равенствами, судя по показателям коэффициента Джини, сейчас является очень тяжелой, ее значительно смягчает то, что в динамике эта ситуация улучшается — пиковых значений коэффициент Джини достигал в Москве в 1997 г., когда он составлял 62,3%¹⁶, что намного выше, чем в странах Латинской Америки, и гораздо выше тех 43,2%, которые характеризовали ситуацию с индексом Джини в столице в 2015 г., а тем более 41,9% в 2017 г. Таким образом, в Москве неравномерность распределения доходов, будучи очень высокой, все же частично смягчается тем, что положение средних слоев в диапазоне последних двух десятилетий характеризуется в ней не только абсолютным, но и относительным улучшением. В других же регионах, напротив, при сравнительно невысоких на общероссийском фоне нынешних показателях неравенства, для динамики положения средних слоев в последние годы характерна стабильность этих показателей при общем росте благосостояния всех групп населения в 2000-х гг. Например, в Тверской области, характеризовавшейся в 2015 г. самыми низкими в России показателями коэффициента Джини (33,9%), такие его показатели сохраняются уже почти 20 лет — с 1999 г.¹⁷

Различия между регионами особенно важно иметь в виду при использовании страновой медианы как основы для расчетов, поскольку высокие показатели коэффициента Джини в ряде регионов свидетельствуют об относительно худшем положении в них средних слоев, прямо влияющем на уровень их медианных доходов. Следовательно, даже при формально схожем уровне доходов средних слоев в разных регионах, за этой схожестью могут скрываться довольно существенные различия в их реальном положении и социально-психологическом состоянии, обусловленные разной динамикой соотношения их доходов с доходами других слоев населения, а также разными пропорциями отдельных групп населения.

Итак, в различных российских регионах внутрирегиональная специфика неравенства по доходам накладывается на межрегиональные различия в уровне доходов их жителей и к тому же различается по характеру и масштабу изменений в последние 20–25 лет. Эта

---

¹⁶ Источник данных: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) ([URL: fedstat.ru/indicator/31165](http://fedstat.ru/indicator/31165)).

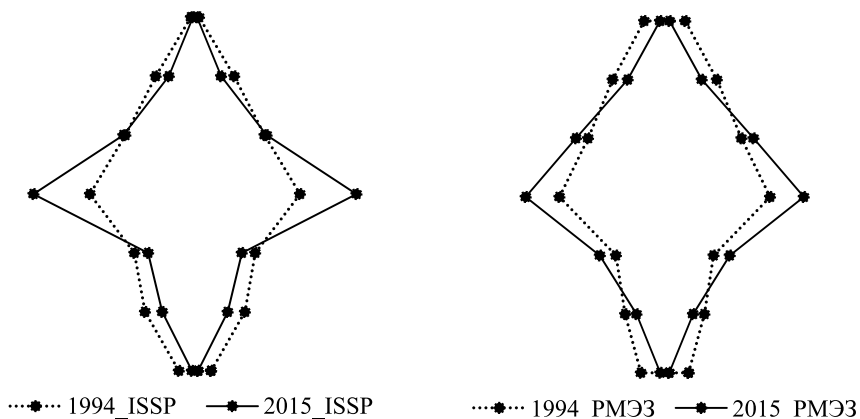
¹⁷ Источник данных: Центральная база статистических данных. Коэффициент Джини (концентрации доходов). ФСГС РФ ([URL: cbsd.gks.ru/](http://cbsd.gks.ru/)).

сложная система координат и формирует реальные модели доходной стратификации в каждом из регионов страны, во многом определяющие также своеобразие модели доходной стратификации в российском обществе в целом. Более того — региональные неравенства накладываются в современном российском обществе на поселенческие неравенства, которые выглядят тем более значимыми, что поселенческая структура разных регионов также различается довольно сильно. Однако в данной главе мы не будем более подробно останавливаться на проблеме региональной специфики доходной стратификации, поскольку проблеме пространственной неоднородности этой модели, включая как ее поселенческий, так и региональный аспект, посвящена в данной книге специальная глава.

Вернемся теперь к вопросу о динамике модели доходной стратификации и изменении численности различных доходных групп в масштабах страны в целом, используя для этого уже не статистические, а социологические данные и описанную в главе 1.2 модель доходной стратификации относительно медианного уровня доходов с разбивкой на 7 доходных групп. Использование в качестве их границ показателей в 0,25, 0,5, 0,75, 1,25, 2 и 4 медианы ежемесячных среднедушевых доходов по стране в целом дало применительно к нашей стране представленную на рис. 2.3 картину динамики численности различных доходных групп в период с 1994 г. (когда основные последствия начатых в 1992 г. либеральных реформ уже привели к серьезным изменениям в общей модели доходной стратификации массовых слоев населения) и до 2015 г. (когда в стране также была ситуация экономического кризиса, но причины и глубина этого кризиса были совсем иными). При этом, поскольку социологические данные всегда содержат статистическую погрешность и могут зависеть от особенностей выборок, то расчеты, результаты которых представлены на рис. 2.3, были произведены нами на двух разных базах массивов социологических данных. Одна из них — база данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ¹⁸. Вторая — база данных международной программы социальных исследований «International Social Survey Programme» (ISSP), участником которой Россия является с 1991 г.¹⁹

¹⁸ См. подробнее Приложение 1.

¹⁹ Подробнее об этом исследовании см. на его официальных сайтах: www.issp.org и www.gesis.org/en/issp/home.

Рис. 2.3. Динамика модели доходной стратификации российского общества в 1994–2015 гг., данные ISSP и РМЭЗ НИУ ВШЭ, % различных доходных групп в составе населения страны старше 18 лет

Как видно на рис. 2.3, несмотря на то, что определенные различия в полученных моделях в зависимости от использовавшегося массива данных присутствуют, общий тренд изменений модели доходной стратификации российского общества сомнений не вызывает — за период с 1994 по 2015 г. в попадающих в массовые опросы слоях произошло безусловное усиление уравнивательных тенденций. Сокращение полярных доходных групп (с доходами более 2 медиан доходного распределения и не более 0,75 медианы) сопровождалось резким ростом медианной группы, который, по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, составил за рассматриваемый период почти 10% (с 37,9 вместо 28,7%), а по данным ISSP около 15% (46,9 вместо 30,5%). При этом численность низкодоходных слоев, согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, сократилась за это время с 30,6 до 26,6%. По данным ISSP соответствующие показатели составили 36,8 и 24,0%. Одновременно снизилась более чем в полтора раза и по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, и по данным ISSP доля высокодоходных слоев. Все это говорит о том, что, без учета не попадающих в массовые социологические опросы представителей «верхушки» российского общества, доходы которых ФСГС РФ, в отличие от социологов, также учитывает, реальное возвратное движение «маятника доходного неравенства» за последнее десятилетие было

гораздо серьезнее, чем представляется по статистическим данным. В массовых слоях населения нарастание тенденции уравнительности в дифференциации доходов просматривается гораздо отчетливее. А это, в свою очередь, означает, что нарастание уравнительности происходило в масштабах общества за счет уменьшения числа россиян, чьи доходы превышают 2 медианы, но кого нельзя отнести к 2–3% общества, имеющим наибольшие доходы.

Развивалась ли эта тенденция роста уравнительности и сокращения высокодоходной группы монотонно, или же она характеризовалась иными закономерностями? Если говорить о динамике модели доходной стратификации массовых слоев населения в России за последние 20 лет, опираясь на данные ISSP, то, как видно из рис. 2.4, тренд уравнительности в доходах массовых слоев населения начал проявляться в период с начала 2000-х гг., а в 2010-х гг. в попадающих в массовые опросы слоях населения тенденция «выравнивания по среднему» действовала уже в полную силу. Таким образом, она не только действовала в последние 20 лет применительно к массовым слоям общества в гораздо больших масштабах, чем можно судить по статистическим данным, но и восстановилось действие этой тенденции после ее слома в 1990-х гг. гораздо раньше, чем в 2007–2008 гг.²⁰, *как можно было бы считать, опираясь только на статистические данные.*

Все вышесказанное свидетельствует о том, что некоторое снижение неравенств в масштабах общества, фиксируемое статистикой в период после 2007 г., скрывает за собой два принципиально разных процесса. С одной стороны, происходит уменьшение численности наиболее благополучных «рядовых» россиян, чьи доходы превышают 2 медианы. С другой же стороны, нарастает отрыв в доходах верхних 2–3% населения, не попадающих в массовые опросы населения, от основной его массы. Таким образом, относительно стабильное и благополучное положение в последние два десятилетия верхнего доходного квинтиля, фиксируемое статистикой (табл. 2.1), скрывает за собой довольно интенсивные процессы его внутреннего расслоения — доля в совокупных доходах населения «рядовых» благополучных россиян становится все меньше,

---

²⁰ Эта же тенденция подтверждается и данными других исследований (Козырева П. М., Смирнов А. И. Социальная безопасность среднедоходных групп в России // Вестник Института социологии. 2016. № 19).

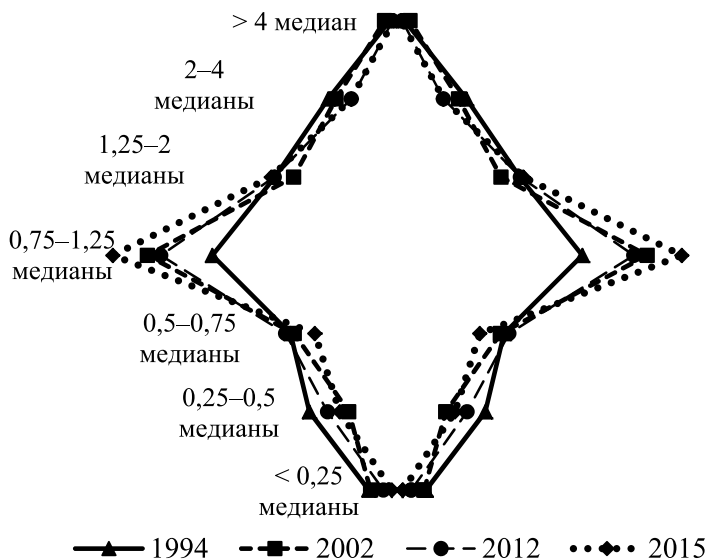

Рис. 2.4. Динамика модели доходной стратификации массовых слоев российского общества, данные ISSP, 1994–2015 гг., % различных доходных групп в составе населения страны

а доля доходов верхних 2–3% — все больше. Иначе невозможно объяснить относительную стабильность в совокупных доходах населения доли доходов верхнего квинтиля при фиксируемом социологическими исследованиями резком сокращении численности россиян с доходами более 2 медиан доходного распределения в его составе.

Данные Института социологии РАН²¹, которые мы использовали наряду с уже упоминавшимися массивами для большей представительности и надежности результатов нашего анализа, в целом подтвердили эти выводы и показали, что кризис 2014–2016 гг. привел сначала к сокращению медианной группы примерно до трети взрослого населения страны, с одной стороны, и росту по мере выхода из него среднедоходной группы до предкризисных

²¹ Все анализировавшиеся данные были получены в период с 1997 по 2017 г. одной и той же рабочей группой под рук. М. К. Горшкова, работающей в настоящее время в Институте социологии ФНИСЦ РАН, а левую часть исследований на однотипных выборках выполнял коллектив под рук. Ф. Э. Шереги (подробнее см. Приложение 1).

значений — с другой. Аналогичные выводы по динамике доходной стратификации с использованием той же ее шкалы были получены и на массивах РМЭЗ НИУ ВШЭ²². Однако кризис 2014–2016 гг. резко сократил численность медианной группы и вновь развернул «маятник доходного неравенства» в сторону смягчения тенденции «выравнивания по среднему». В то же время эта тенденция нарастания поляризации не затронула численность самых крайних доходных групп — на протяжении последних двух десятилетий обе полярные доходные группы были не просто чрезвычайно малочисленны, но и сократились к 2017 г. до менее чем 1,5% каждая. Немногочисленны были и две следующие по численности группы, чьи доходы находятся в диапазоне от 0,25 до 0,5 медианы и от 2 до 4 медиан доходного распределения. Более массовыми являлись весь период наблюдений группы, чьи доходы находились относительно ближе к медиане (т. е. с доходами от 0,5 до 0,75 и от 1,25 до 2 медиан доходного распределения включительно). Именно рост их численности и обусловил эффект сокращения медианной группы в условиях экономического кризиса 2014–2016 гг. И, наконец, самой массовой постоянно была и остается сейчас, несмотря на уменьшение ее численности в ходе последнего экономического кризиса (судя по данным ИС ФНИСЦ РАН — примерно на 13% с весны 2014 г. до весны 2017 г.), группа с доходами 0,75–1,25 медианы.

При значительной численности медианной группы и ее огромной роли в формировании типичного для россиян стандарта жизни, особое значение приобретает вопрос о том, как менялись в последние 20 лет их медианные доходы и стандарт их жизни. Как показывают эмпирические данные, изменения эти были очень существенными — в номинальном выражении медиана их среднедушевых доходов выросла за период с 1997 по 2017 г., по данным Института социологии ФНИСЦ РАН, в 37,5 раз (с 400 до 15 000 руб.).

---

²² Так, об этом свидетельствуют пока не опубликованные расчеты руководителя Центра стратификационных исследований ИСП НИУ ВШЭ, к. с. н. С. В. Мареевой на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, проведенные с учетом коэффициента эквивалентности, учитывающего экономию на расходах в зависимости от численности членов домохозяйств. Согласно им, доля групп с доходами более 2 медиан сократилась в составе массовых слоев за период с 1994 по 2016 гг. с 20,0 до 12,6% (при этом пиковых значений она достигла в 2003 г., когда доля лиц с такими доходами, до этого плавно нараставшая, дошла до 21,9%, а затем так же плавно стала снижаться).

Если же рассматривать реальные доходы, учитывая также уровень накопленной за это время по данным ФСГС РФ инфляции, то оказывается, что медиана среднедушевых доходов на самом деле за это время выросла хотя и гораздо меньше, но тоже очень существенно — практически в 2,5 раза (с 400 до 988 руб. в ценах 1997 г.²³). Это означает, что в России в последние два десятилетия изменился не только уровень доходов всех слоев населения. Изменились, и очень существенно, и их стандарты потребления (подробнее см. об этом в главе 1.5). Этот процесс наложился на появление в 1990-е гг. новых групп товаров в силу открытия товарных рынков при либерализации экономики, а в 2000-е и 2010-е гг. — также в результате вхождения в повседневную жизнь населения принципиально новых видов товаров (средств мобильной связи, разного рода гаджетов и т. п.). В итоге россияне, пережив шок от резкого и очень глубокого падения их доходов в начале 1990-х гг., оказались затем по мере восстановления и последующего роста этих доходов перед неиссякаемым источником товарных соблазнов, к экономически правильной реакции на которые они не были подготовлены воспитанием в эпоху товарного дефицита. Длившийся десятилетия период «вынужденного товарного голодания», особенно острая фаза которого пришлась на 1990-е гг., привел у них к формированию чувства постоянного «товарного голода».

Если, понимая, что «сползание» в более низкую доходную группу в рамках относительной модели доходной стратификации не означает реального падения уровня жизни (и даже совместимо с его ростом) в условиях роста медианных доходов, посмотреть на то, как изменялись пропорции укрупненных доходных слоев (рис. 2.5), то становится понятно не только то, что сильнее всего за последние 8–10 лет ухудшилась ситуация с наиболее благополучными массовыми слоями российского населения, но и что именно «сползание» вниз по доходной «лестнице» части представителей высокодоходных групп населения в значительной степени обеспечило относительную стабильность и даже рост в этот период численности среднедоходной группы. Изменения же численности медианной

---

²³ Реальные среднедушевые доходы населения рассчитаны с использованием данных ФСГС РФ «Индексы потребительских цен на товары и услуги» (URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs/#).

группы шли в основном за счет перетока между ней и низкодоходными слоями части их представителей. Таким образом, укрупненно российское общество распадается дополнительно к медианной группе на три макрослоя, социальная мобильность в которых сосредоточена в основном между входящими в них доходными группами и подгруппами. Это: 1) бесспорно благополучное население с доходами более 2 медиан доходного распределения по стране; 2) среднедоходные слои; 3) медианная группа и 4) низкодоходные слои. Соотношение их зависит от действия тенденции к выравниванию доходов, а пропорции подгрупп внутри них — от фазы экономического цикла и общего состояния экономики страны. До кризиса 2008–2009 гг. шел рост численности верхнего из этих слоев. Затем, после кризиса 2008–2009 гг. произошло его резкое сокращение, достигшее пиковых значений весной 2016 г. Численность среднедоходных слоев при этом выросла, а медианной группы, наоборот, сократилась. Наконец, численность низкодоходных слоев за последние 20 лет изменилась мало, и хотя перед кризисом 2008–2009 гг. доля их в составе населения заметно уменьшилась, но в последующие годы она вновь выросла.

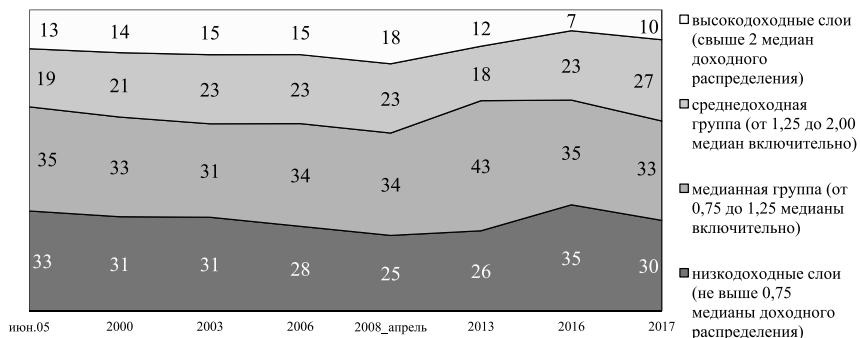

Рис. 2.5. Динамика численности различных доходных групп и слоев в России, данные ИС ФНИСЦ РАН, 1997–2017 гг., %²⁴

Однако ярко выраженное относительное ухудшение ситуации с высокодоходными слоями в России (в той их части, которая входит в массовые опросы населения) в последние годы не означает,

²⁴ См. описание использованных здесь и далее при составлении динамических рядов массивов данных социологических опросов в Приложении 1.

что у характеризующихся сравнительно низкими доходами россиян все обстояло благополучно — просто *их проблемы проявлялись не столько в устойчивой тенденции «сползания вниз» по «стратификационной лестнице» все большего числа их представителей, сколько в хронической нестабильности («пульсации») их доходного статуса*. При этом в наибольшей степени эта нестабильность была присуща россиянам, имеющим доходы, характерные для 26–35-го перцентилей в рамках общего доходного распределения (рис. 2.5). Они постоянно перемещались между разными слоями в зависимости от ситуации в экономике и вынуждены были переходить от образа жизни низкодоходных слоев населения к медианной группе и обратно. В итоге численность *объединяющих три нижние доходные группы низкодоходных слоев характеризовалась четкой связью с экономическим положением страны — по итогам каждого экономического кризиса она росла, а в период между кризисами сокращалась, колеблясь в диапазоне от четверти до трети населения*.

Влияние кризисов четко прослеживается и на стандартах жизни всех доходных групп, в т. ч. и наиболее массовых (табл. 2.2). При этом общая динамика этих стандартов во всех доходных группах и слоях населения за последние 20 лет была положительной. Так, например, если говорить о наиболее массовых доходных группах, то доля оценок «плохо» среди представителей медианной группы сократилась при их самооценках своего питания с 16% в 1997 г. до 5% в 2016 г. (хотя в «пиковые» моменты, например в кризис 1998–1999 гг., доля оценивавших свое питание как плохое доходила в этой группе до 35%). Доля негативных оценок возможностей приобретать необходимую одежду сократилась за тот же период с 19 до 9%, а материального положения в целом — с 26 до 20% (табл. 2.2) — и это при том, что в 2016 г. еще не были до конца преодолены последствия экономического кризиса 2014–2016 гг. Среди представителей среднедоходной группы количество негативных оценок различных аспектов их жизни за это время тоже убавилось, однако для них это сокращение коснулось в основном их общих оценок своей материальной обеспеченности (с 26% в 1997 г. до 8% в 2016 г.) и возможностей отдыха в период отпуска (с 39% в 1997 г. до 12% в 2016 г.). По окончании же кризиса начался рост удовлетворенности средних слоев населения различными сторонами их жизни.

Таблица 2.2

Доля оценок «плохо» различных аспектов своей жизни среди представителей медианной и среднедоходной группы, данные ИС ФНИСЦ РАН, 1997–2017 гг., %²⁵

Год	Питание		Одежда		Возможности отдыха в период отпуска	
	Медианная группа	Среднедоходные	Медианная группа	Среднедоходные	Медианная группа	Среднедоходные
1997	16	10	32	19	56	39
1999	35	16	43	25	59	43
2001	19	7	33	16	55	48
2003	15	9	30	16	56	39
2005	16	4	24	12	52	35
2006	9	4	19	8	48	33
2007	7	5	13	8	37	27
2008 ²⁶	10	5	16	9	33	27
2009	13	8	21	14	49	26
2010	6	3	9	5	н/д	н/д
2012	2	2	5	2	25	12
2013	4	2	10	4	26	17
2014	5	2	7	3	19	10
2015	7	4	10	4	31	22
2016	5	1	9	2	23	12
2017	4	3	8	4	17	8

В целом можно утверждать, что, судя по имеющимся данным, присущий началу «Путинской эпохи» быстрый рост благосостояния населения привел к тому, что уже начиная с середины 2000-х гг. все базовые потребности по крайней мере представителей наиболее массовых доходных групп российского общества удовлетворяются на приемлемом для них («удовлетворительном» или даже «хорошем») уровне и в периоды экономических кризисов.

Однако сравнительно небольшое количество бесспорно позитивных оценок ключевых сторон жизни даже в медианной группе

²⁵ Допускалось три варианта ответа — «хорошо», «удовлетворительно» и «плохо».

²⁶ Данные по 2008 г. относятся к апрелю, т. е. к периоду до начала кризиса 2008–2009 гг.

(табл. 2.3) свидетельствует о том, что в полной мере достичь желаемого уровня потребления пока не удается и ее представителям, не говоря уж о низкодоходных слоях²⁷. В то же время в среднедоходной группе картина выглядит вполне благополучной, и даже в ходе последнего экономического кризиса в отношении возможностей отдохнуть в отпуск ее представители в разы чаще говорили о них как о «хороших», чем как о «плохих» (ср. табл. 2.2 и 2.3).

Таблица 2.3

Доля оценок «хорошо» различных аспектов жизни среди представителей двух подгрупп среднедоходных слоев общества, данные ИС ФНИСЦ РАН, 1997–2017 гг., %

Год	Питание		Одежда		Возможности отдыха в период отпуска	
	Медианная группа	Среднедоходные	Медианная группа	Среднедоходные	Медианная группа	Среднедоходные
1997	16	28	8	14	8	13
1999	9	14	5	9	8	13
2001	18	29	8	16	9	15
2003	16	28	7	17	12	13
2005	17	35	10	16	10	15
2006	19	35	11	22	8	16
2007	24	40	15	30	14	26
2008 ²⁸	30	50	14	32	11	24
2009	14	28	8	17	9	13
2010	34	44	21	35	н/д	н/д
2012	42	52	28	40	23	30

²⁷ Так, даже в мае 2017 г., когда кризис 2014–2016 гг. остался уже позади, соотношение оценивавших свое питание как «хорошее» и «плохое» составляло в низкодоходных слоях в целом 3,2:1 (доходя до 1,7:1 в группе бедных, доходы которых не превышали 0,5 медианы доходного распределения по стране). Для ситуации с одеждой и обувью соответствующее соотношение составляло 1:1 (и 0,6:1 у бедных), возможностей отдыха в период отпуска — 0,2:1 (0,1:1 у бедных), материальной обеспеченности в целом — 0,2:1 (также выглядело это соотношение и у бедных). Впрочем, на фоне многих предшествовавших периодов эта картина не так уж плоха.

²⁸ Данные по 2008 г. относятся к апрелю, т. е. к периоду до начала кризиса 2008–2009 гг.

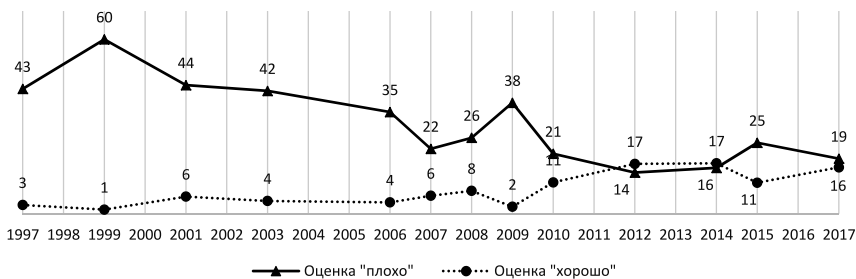
Продолжение табл. 2.3

2013	39	50	26	40	22	31
2014	42	50	29	41	26	39
2015	30	46	21	37	18	32
2016	39	53	25	44	17	29
2017	38	45	28	36	14	21

Оценивая эти показатели, стоит помнить, впрочем, что они отражают самооценки различными группами населения соответствующих сторон их жизни, а следовательно, на них сказывается рост запросов населения в последние два десятилетия. *Реальный же рост благосостояния всех групп населения в этот период был куда более масштабным, чем можно судить по данным табл. 2.2 и 2.3, хотя проявился он прежде всего в очень интенсивном обновлении и расширении товарного набора, составляющего домашнее имущество россиян.* Так, например, если в 2003 г. мобильный телефон имели лишь 13% домохозяйств медианной группы, то к 2017 г. он (или айфон/смартфон) присутствовал уже в 96% входящих в нее домохозяйств, в т. ч. 48% всей группы имели смартфоны и айфоны, в принципе отсутствовавшие в 2003 г. Резко выросло и число владельцев такого куда более дорогого имущества, как автомобили, — если в 2003 г. их имели в составе россиян в целом 34% (и 30% в медианной группе), то к 2017 г. этот показатель вырос до 63 и 58% соответственно. Таким образом, за этот период произошла массовая автомобилизация страны и наличие автомобиля стало нормой жизни российских семей.

Интересно также, что *хотя за последние 20 лет перелом произошел в стандартах жизни всех доходных групп, но переломными для них стали разные годы.* Так, если говорить о наиболее массовых медианной и среднедоходной группах, то первая из них, болезненно пережив кризисы 1998–1999 гг. и 2008–2009 гг., только в 2010-е начала, наконец, характеризоваться относительной удовлетворенностью своим материальным положением. Во всяком случае, к этому моменту распространенность хороших и плохих его оценок у ее представителей сравнялась (рис. 2.6). Однако это относительное благополучие длилось недолго, и начавшийся в конце 2014 г. кризис вновь привел к доминированию негативных оценок, хотя сближение кривых на рис. 2.6 в 2016–2017 гг. позволяет надеяться, что характерный для 2010-х гг. тренд на улучшение материального по-

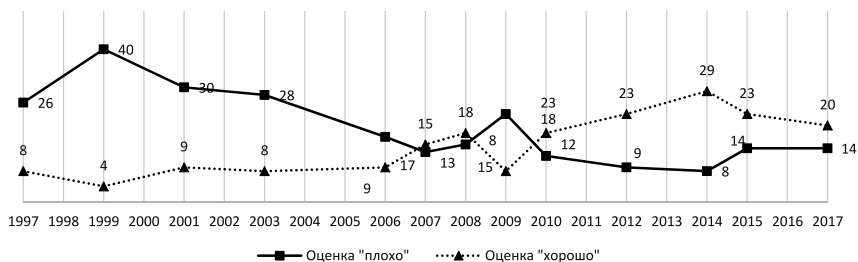
ложения медианной группы в ближайшее время восстановится. При этом в любом случае ситуация с субъективным материальным благополучием для ее представителей в современной России несопоставимо лучше, чем была в период до начала 2010-х гг.

Рис. 2.6. Динамика оценок своего материального положения как плохого и хорошего в медианной группе населения, данные ИС ФНИСЦ РАН, 1997–2017 гг., %

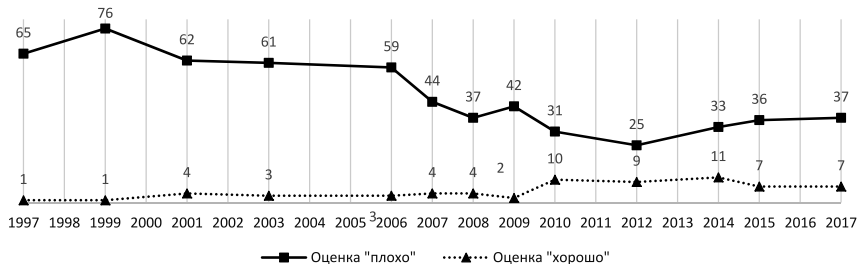
Что же касается среднедоходной группы, то, после резкого ухудшения положения ее представителей в кризис 1998–1999 гг., ситуация для них, постепенно улучшаясь, уже в середине 2000-х гг. стала характеризоваться доминированием хороших оценок своего материального положения над плохими. Кризис 2008–2009 гг. вновь привел к перевесу негативных оценок, но после завершения кризиса позитивная тенденция быстро восстановилась. Кризис же 2014–2016 гг. хотя и привел к временному ухудшению соотношения хороших и плохих оценок своего материального положения у представителей среднедоходной группы, но уже не повлиял на доминирование среди них высокой удовлетворенности уровнем своего благосостояния (рис. 2.7).

Несколько иначе разворачивались события в группах, составляющих низкодоходные и высокодоходные слои. Так, если говорить о низкодоходных слоях, то для них динамика соотношения «хороших» и «плохих» оценок своего материального положения в последние два десятилетия представлена на рис. 2.8. Как видим, для низкодоходных россиян характерно устойчивое и четко выраженное недовольство своим материальным положением. Экономические кризисы достаточно слабо влияют на их самооценку своего материального положения, и только период 2010–2014 гг. можно

Рис. 2.7. Динамика оценок своего материального положения как плохого и хорошего в среднедоходной группе населения, данные ИС ФНИСЦ РАН, 1997–2017 гг., %

рассматривать как относительно благоприятный для представителей этих слоев. Тем не менее и тогда доля оценивавших свое материальное положение как плохое в 2,5–3 раза превышала в них долю оценивавших его как хорошее (остальные рассматривали его как удовлетворительное).

Рис. 2.8. Динамика оценок своего материального положения как плохого и хорошего в низкодоходных слоях населения, данные ИС ФНИСЦ РАН, 1997–2017 гг., %

Что же касается высокодоходных слоев, то динамика их удовлетворенности своим материальным положением (рис. 2.9) свидетельствует о том, что благополучие представителей этих слоев бесспорно, хотя и имеет неустойчивый характер. С одной стороны, действительно, можно говорить о том, что это наиболее благополучная часть массовых слоев населения: во-первых, начиная с 2000-х гг. доля оценивающих свое материальное положение как хорошее неизменно превышает в них долю оценивающих его как плохое; во-вторых, в отдельные благополучные периоды (весна

2012 и 2014 г.) доля оценивавших свой экономический статус как хороший даже превосходила в этих слоях половину, что в принципе нехарактерно для «рядовых» россиян; в-третьих, доля оценивавших свое положение как плохое в них устойчиво низка и ни разу с 2006 г. не достигала даже 10%. Однако с другой стороны, оценки своего экономического статуса как хорошего в этих слоях исключительно неустойчивы, и любой экономический кризис сразу приводит к резкому их падению (с 37 до 25% за период с весны 2008 г. по весну 2009 г.; с 53 до 32% за период с весны 2014 г. по весну 2015 г.). При этом если кризис 2008–2009 гг. не привел в высокодоходных слоях к росту однозначного недовольства своим материальным положением, то в последний экономический кризис распространенность при его характеристике оценок «плохо» выросла в 4,5 раза, что, в совокупности с резким падением показателей оценки «хорошо» и общим сокращением численности высокодоходных слоев, служит еще одним свидетельством особой болезненности кризиса 2014–2016 гг. именно для представителей этой части населения.

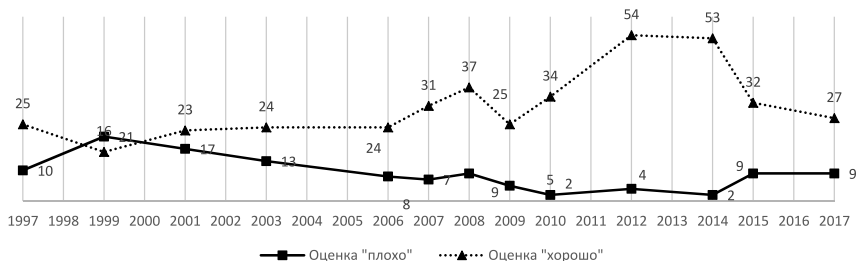

Рис. 2.9. Динамика оценок своего материального положения как плохого и хорошего в высокодоходных слоях населения, данные ИС ФНИСЦ РАН, 1997–2017 гг., %

Однако напомним еще раз — речь в данном случае идет лишь о субъективных самооценках. Если же говорить об объективных характеристиках материального положения россиян, то за т. н. «Путинскую эпоху», т. е. с весны 2000 г. по настоящее время, медиана доходного распределения выросла даже с учетом уровня инфляции²⁹ в каждой из 5 анализировавшихся групп в разы,

²⁹ Согласно официальным данным ФСГС, с марта 2000 г. по март 2017 г. индекс потребительских цен (ИПЦ) на товары и услуги вырос более чем в 5 раз. Реальные среднедушевые доходы населения рассчитаны

в т. ч. у высокодоходных она выросла за 17 лет (до весны 2017 г.) в 3,45 раза, среднедоходных — в 4,00 раза, в медианной группе — в 3,69 раза, у уязвимых — в 3,45 раза, как и у бедных. *Таким образом, в сравнительно большем выигрыше за этот период оказались медианные и среднедоходные слои*³⁰. И хотя таких сторон жизни, как наличие недвижимости, сбережения, инвестиции в человеческий капитал и т. п., рост благосостояния большинства доходных групп россиян практически не затронул³¹, окружающая их дома предметная среда, как показано в главе 1.5 этой книги, изменилась за это время очень существенно.

Подведем итоги.

Анализ динамики модели доходной стратификации в России свидетельствует о нескольких ее характерных особенностях. Как видно из приведенных в главе данных, за период с начала 1990-х гг. ситуация с доходами россиян минимум дважды качественно трансформировалась. Сначала (в 1990-е гг.) доходы всех массовых слоев населения резко упали, а затем (в 2000-е и 2010-е) они выросли в разы даже в реальном выражении. Стандарт жизни россиян под влиянием этих изменений также качественно трансформировался у представителей всех доходных групп.

С точки зрения характера распределения доходных неравенств, а не просто уровня доходов, для понимания произошедших в период 1985–2018 гг. событий важно, что последние десятилетия существования Советского Союза характеризовались нарастанием уравнивательных тенденций, сформировавшим в обществе запрос на «борьбу с уравниловкой». Попытка реформирования России по неолиберальным рецептам в начале 1990-х гг. привела к избыточному росту доходного неравенства, поставившему под вопрос саму возможность формирования институтов, способствующих успешному экономическому росту в рыночных условиях. Эта ситуация за прошедшее с тех пор время существенно усугубилась. При этом по характеру доминирующих тенденций в области рас-

---

с использованием данных ФСГС РФ «Индексы потребительских цен на товары и услуги» (URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs/#).

³⁰ Такая динамика еще раз, уже под иным углом зрения, свидетельствует о нарастании тенденции уравнительности доходов среди россиян.

³¹ *Мареева С. В.* Потребительское поведение средних слоев в условиях кризиса // Журнал институциональных исследований. 2017. Т. 9. № 1.

пределаения доходов в массовых слоях населения период с начала 1990-х гг. по настоящее время также распадается на два принципиально разных интервала, временной порог между которыми также приходится на начало 2000-гг. (а не на 2007–2008 гг., как может показаться из данных статистики).

В первый из этих временных интервалов колоссальное углубление доходных неравенств и появление сверхбогатых россиян сопровождалось нарастанием доходной дифференциации и в массовых слоях населения, что на фоне характерной для позднесоветского времени уравнительности, вызывавшей протест значительной части населения, во многом примиряло россиян с новыми «правилами игры» и позволило стране пройти тяжелейшие 1990-е гг. без серьезных потрясений. Однако к началу 2000-х гг. антиуравнительная тенденция сменилась на противоположную. Успешное сохранение и упрочение своих господствующих позиций (а также наращивание своих доходов) «верхушкой» общества, составляющей не более 3% всего населения страны, стало сопровождаться довольно быстрым нарастанием уравнительности в массовых слоях россиян. «Выравнивание по среднему» происходило при этом как за счет сокращения численности низкодходных слоев (впрочем, быстро растущей снова в ходе каждого экономического кризиса), так и за счет сокращения численности наиболее благополучных массовых слоев российского общества, что в последние 10 лет является устойчивым трендом. Начиная с этого же момента исследователями фиксируется падение отдач на человеческий капитал и относительное сокращение доходов наиболее квалифицированной части работающего населения страны³², традиционно составляющей высокодоходные слои. Все это не может не сказываться на настроениях и общем социальном самочувствии представителей этих слоев, а также на сокращении стимулов к накоплению человеческого капитала у всего населения России.

Параллельно этим процессам уже не менее полутора десятилетий идет интенсивный процесс внутреннего расслоения верхнего доходного квинтиля, скрывающий за собой все большее усиление

---

³² Лукьянова А.Л. Отдача от образования: что показывает мета-анализ // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 14. № 3; Тихонова Н.Е. Каравай А.В. Человеческий капитал российских рабочих: общее состояние и специфические особенности // Мир России. 2017. № 3.

отрыва верхних 2–3% населения от остальных его представителей на фоне сокращения численности высокодоходных россиян в составе массовых слоев. В статистике это фиксируется как незначительное сокращение в российском обществе в целом доходных неравенств в период 2008–2017 гг. Однако реальная их глубина по-прежнему остается чрезмерной, а характер распределения доходов внутри верхнего квинтиля — все более нерациональным с точки зрения формирования эффективной экономической мотивации у населения страны.

Изменения модели доходной стратификации в России за последние 20–25 лет не сводились к взмахам «маятника доходной стратификации» от уравнительности к глубокой доходной дифференциации всего общества, включая его массовые слои, а затем — к нарастанию уравнительности в доходах массовых слоев населения при сохранении и даже углублении колоссальной дистанции между ними и «верхушкой» общества. Сначала, в 1990-е гг., модель доходной стратификации российского общества стала характеризоваться также очень высокой долей низкодоходных слоев при том, что даже медианный уровень доходов практически соответствовал тогда прожиточному минимуму, т. е. тогда применительно к большинству общества можно было говорить лишь о разной глубине бедности или балансировании на ее грани, а углубившаяся доходная дифференциация означала для большинства россиян лишь дифференциацию в степени бедности или в рисках ее избежать. Однако затем, в начале «Путинской эпохи», начался быстрый рост благосостояния всех групп населения с одновременным ростом численности средних слоев. Это привело не только к сокращению как абсолютной, так и относительной бедности, но и к качественным изменениям в стандарте повседневной жизни всех россиян.

На этот общий тренд заметно влияли, впрочем, экономические кризисы, в ходе которых сокращалась численность медианной группы с одновременным ростом низкодоходных слоев. Так, в ходе последнего экономического кризиса почти 10% россиян, которые раньше могли вести характерный для населения страны в целом образ жизни, «провалились» в качественно иное состояние и вынуждены были не просто начать экономить, а поменять при этом образ жизни. Однако к концу 2016 г. появились признаки улучшения ситуации. В то же время предпосылок для восстановления и роста числен-

ности относительно высокодоходных слоев российского общества (т. е. с доходами свыше двух медиан доходного распределения, что по состоянию на весну 2017 г. составляло всего 30 000 руб. ежемесячного среднедушевого дохода) в условиях низкой конкурентности отечественной экономики и понижающихся рент на высокое качество человеческого капитала работников пока не наблюдается.

Глава 2.2. Сравнение моделей доходной стратификации в России и в других странах

В предыдущей главе была охарактеризована динамика сформировавшейся в России модели доходной стратификации и положения отдельных доходных групп. В данной же главе мы предпримем попытку дать не динамический, а кросс-национальный сравнительный анализ сложившейся в нашей стране модели доходной стратификации. Этот анализ представляет тем больший интерес, что по ситуации с доходной стратификацией вообще и бедностью в частности можно дать оценку степени развитости того или иного общества. Так, например, известно, что развитые страны при переходе к позднеиндустриальному этапу развития характеризовались появлением в них массового среднего класса. Что же касается обществ доиндустриального типа, то типичным состоянием населения в них была бедность, а средние слои были очень немногочисленны.

Более того, тем или иным историческим эпохам и экономическим укладам свойственны не только разные масштабы отдельных слоев в общей модели доходной стратификации, но и разные типы бедности¹, доминирование которых прямо влияет на модель доходной стратификации в целом. Так, доиндустриальная (или, что точнее применительно к сегодняшней ситуации, преиндустриальная) бедность существует в формах массовой сельской бедности и бедности люмпенизированных городских низов в период взрывной урбанизации. Доиндустриальная сельская бедность обусловлена наличием значительного избыточного сельского населения и низкой эффективностью сельскохозяйственного производства, носящего натуральный или полунатуральный характер, и охватывает обыч-

---

¹ Аникин В.А., Тихонова Н.Е. Бедность в России на фоне других стран // Мир России: Социология, этнология. 2014. № 4; Аникин В.А., Тихонова Н.Е. Бедность и неравенство в странах БРИКС: российская специфика // Общество и экономика. 2016. № 1.

но подавляющее большинство населения. Преиндустриальная бедность люмпенизированных городских низов в ее классическом варианте, известном еще из истории европейских стран XVIII–XIX вв., возникает как следствие неконтролируемой стихийной миграции в города из перенаселенной сельской местности. В обоих случаях речь идет о массовости бедности вообще и широком распространении глубокой бедности в частности, хотя во втором случае численность бедных в структуре общества все же меньше, чем в первом, как меньше и доля представителей глубокой бедности.

Еще один тип бедности — индустриальная бедность — характерен для всех стран, находящихся на этапе промышленного развития. Она обусловлена избыточным предложением низкоквалифицированного труда и низкими зарплатами соответствующей части рабочей силы. Это «бедность эксплуатируемого труда», когда соотношение спроса и предложения на определенных сегментах рынка труда для работников складывается особенно неблагоприятно. Кроме того, в индустриальных обществах доля бедных тем выше, чем больше у работодателей власти на рынке труда и чем слабее переговорные позиции работников (что во многом связано с политическим строем в стране в целом и курсом ее руководства в частности).

Если говорить о способах изучения этого типа бедности, то индустриальная бедность, как и преиндустриальная, обычно анализируется с точки зрения абсолютного подхода к ней, хотя прожиточный минимум в странах с доминированием индустриального типа бедности задается обычно уже исходя не из задачи обеспечения элементарного физического выживания человека², а с учетом необходимости обеспечения межгенерационного воспроизводства достаточно квалифицированной рабочей силы. Если говорить о моделях доходной стратификации обществ с доминированием этого типа бедности, то это обычно общества с относительно многочисленными средними слоями, очень сильной растянутостью доходной стратификации по вертикали и сравнительно низким уровнем медианы доходов.

---

² Так, например, в Индии черта бедности вплоть до 2014 г. рассчитывалась по стоимости 650 грамм зерна в сутки (именно такое количество пищи, по расчетам индийских специалистов, не позволяет человеку умереть от истощения) (Planning Commission. The Fifth Five Year Plan (1978–83). Islamabad: Government of Pakistan, 1978).

Что же касается постиндустриальной бедности, то ее экономической основой являются структурные изменения в экономике при переходе к современным технологическим укладам. Принципиальное отличие постиндустриального типа бедности от индустриального заключается также в том, что, хотя эта бедность также формируется с участием рынка труда, но это уже не столько локальный, сколько глобальный рынок. После выноса из развитых стран в проходящие период индустриализации развивающиеся страны многих производств, в них наметился тренд на размывание средних слоев и рост уязвимости к бедности части их достаточно квалифицированных представителей. Одновременно в них начала расти и численность высокодоходных слоев, т. е. усилилась доходная поляризация массовых слоев населения³.

Таким образом, модели доходной стратификации тех или иных обществ и численность среднедоходных или бедных слоев в них напрямую зависят от степени развитости этих обществ и этапа продвижения той или иной страны по пути социально-экономической модернизации. Сразу оговоримся при этом, что модернизацию мы понимаем в ее неомодернизационной трактовке, как протекающий в разнообразных формах, с учетом особенностей национальных культур и исторического опыта народов процесс, благодаря которому традиционные (доиндустриальные) общества достигают состояния модерна посредством экономической⁴, социальной⁵,

---

³ Говоря о доходной поляризации, здесь и далее мы имеем в виду не только увеличение разрыва в доходах полярных групп населения, но и рост численности полярных доходных групп за счет среднедоходных слоев.

⁴ Под экономической модернизацией мы подразумеваем индустриализацию, коммерциализацию сельского хозяйства, переход к новым технологиям, основывающимся на систематическом применении научных знаний, развитие вторичного и третичного секторов экономики за счет относительного сокращения значения отраслей первичного сектора и т. д.

⁵ Под социальной модернизацией мы подразумеваем урбанизацию, растущую дифференциацию общества и умножение выполняемых индивидами социальных ролей, формирование классовой модели социальной структуры, изменение механизмов социального контроля (упадок традиционного авторитета и традиции с переходом доминирующей роли к «писаному праву») и т. д.

культурной⁶, демографической⁷, социокультурной⁸ и политической⁹ модернизации.

Если посмотреть на современную Россию с этой точки зрения, то мы увидим, что не только по ситуации с бедностью, но и по другим ключевым параметрам социума, влияющим на модель доходной стратификации, наша страна очень существенно отличается от подавляющего большинства развивающихся стран. Активная индустриализация в России началась, как известно, еще в конце XIX в., и уже около 80 лет наша страна является крупной индустриальной державой, многие отрасли экономики которой вполне конкурентоспособны на международном уровне. Более того, в последней трети XX в. в России начался переход от индустриальному к позднейиндустриальному обществу, и в настоящее время свыше половины работающего населения (63,1%) страны заняты в сфере услуг¹⁰. В отраслях же первичного сектора (сельское и лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство) заняты сейчас всего 9,4% работающего населения¹¹. Процесс урбанизации в России также завершился достаточно давно — нынешняя поселенческая структура, при которой три четверти населения проживают в городах, сформировалась еще в середине 1970-х гг. При этом значительная часть жителей сел также занята в городах, а роль подсобного хозяйства в их жизни

---

⁶ Под культурной модернизацией мы подразумеваем секуляризацию общественного сознания, резкий рост образованности населения, становление новой культурологической парадигмы, акцентирующей внимание на прогрессе, толерантности к «иному» и «другому» в условиях плюрализации форм общественной жизни и т. д.

⁷ Под демографической модернизацией мы подразумеваем резкое сокращение смертности и рождаемости.

⁸ Под социокультурной модернизацией мы подразумеваем формирование новых нормативно-ценностных систем и смыслов, поведенческих паттернов, а также рационального типа мышления и внутреннего locus-контроля, что в совокупности и создает базу для формирования и успешного функционирования новых социальных институтов.

⁹ Под политической модернизацией мы подразумеваем формирование институтов, обеспечивающих общественный консенсус и легитимизацию власти в условиях плюрализма общественных интересов, т. е. политических партий, парламента, избирательного права, тайного голосования и т. д.

¹⁰ Российский статистический ежегодник — 2015 г. Таблица 5.5. «Среднегодовая численность занятых в экономике по видам экономической деятельности». ФСТС РФ (URL: www.gks.ru/bgd/regl/b15_13/Main.htm).

¹¹ Там же.

резко сокращается¹². Не только первый, но и второй демографический переход с характерным для них резким падением смертности и рождаемости завершились в России более полувека назад. Наконец, в России действует, хотя и не всегда столь эффективно, как хотелось бы, сеть социально-экономических институтов, характерных именно для развитых стран, — всеобщее пенсионное и медицинское страхование, обязательное обучение всех детей в средней школе, достаточно жесткое трудовое законодательство и т. д.

Все это говорит о том, что Россия, как и подавляющее большинство других европейских стран, уже давно и успешно завершила процесс основных модернизационных преобразований. А поскольку тип, глубина и распространенность бедности в стране зависят от того, на каком этапе этих преобразований находится соответствующая страна, то и проблема бедности как проблема физического выживания в России в основном решена. Действительно, сложно говорить о физическом выживании, когда даже представители нижнего доходного дециля (10-процентной группы населения с наименьшими доходами) потребляют в год на человека почти 70 кг мяса, рыбы и продуктов из них и имеют в домохозяйствах довольно полный набор имущества — у 33% из них по данным ФСГС РФ есть автомобили, у 80% — персональные компьютеры, у 98% — стиральные машины и т. д.¹³ Приводившиеся в главах 1.5 и 2.1 настоящей книги социологические данные также свидетельствуют о том, что жизненный стандарт российский бедных не позволяет говорить о них как о находящихся на грани физического выжива-

---

¹² В сельской местности, судя по данным ИС ФНИСЦ РАН, лишь около 40% жителей имеют сейчас в собственности землю, и даже во время экономического кризиса 2014–2016 гг., когда роль подсобного хозяйства выросла, более чем у 60% жителей сел в число основных источников их доходов не входили результаты видов деятельности, связанные с производством и/или продажей сельскохозяйственной продукции (Российское общество и вызовы времени. Книга третья / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016). Это свидетельствует о том, что переход к урбанизированной модели занятости в селах уже завершается.

¹³ Социальное положение и уровень жизни населения России — 2015 г. Таблицы 8.13. «Потребление, пищевая и энергетическая ценность продуктов питания по 10-процентным группам населения в 2014 г.» и 8.16. «Наличие предметов длительного пользования в домашних хозяйствах различных социально-экономических категорий в 2014 г.». ФСГС РФ. 2016 (URL: www.gks.ru/bgd/regl/b15_44/Main.htm).

ния, хотя они и не могут поддерживать характерный для типичного россиянина стандарт жизни.

Однако значит ли все это, что модель доходной стратификации российского общества типична и для европейских стран? И как вообще выглядит ситуация в этой области в России на фоне ситуации в других странах? К кому Россия ближе в этом отношении — к развитым странам или к странам, которые раньше относились к «третьему миру» и где хотя модернизация и началась гораздо позже, но валовый внутренний продукт (ВВП) на душу населения ближе к ситуации в России, чем в наиболее развитых европейских странах? Ответы на эти вопросы представляют не только теоретический интерес, но и имеют большое практическое значение, особенно в свете постоянных попыток неолиберального крыла российских элит и экспертного сообщества применить в России опыт и стандарты оплаты труда, обязательного страхования, пенсионного обеспечения и мер социальной поддержки населения, характерные для стран, которые раньше относились к «третьему миру».

Для сравнительного анализа моделей доходной стратификации в России, европейских странах Центральной и Восточной Европы и развивающихся странах с различной ориентацией их политического руководства и уровнем экономического развития нами был использован уже упоминавшийся ранее массив данных международной программы социальных исследований «International Social Survey Programme» (ISSP). В ней участвуют около 50 стран, что дает колоссальные возможности для анализа моделей доходной стратификации в странах с качественно разными типами социума¹⁴.

Для кросс-национального сравнения моделей доходной стратификации были отобраны, помимо России, следующие страны¹⁵:

- Швеция (развитая европейская страна с высокими показателями ВВП на душу населения, очень высоким уровнем

---

¹⁴ Россия является участником этой исследовательской программы с 1991 г. Подробнее об этом исследовании см. на его официальных сайтах: www.issp.org и www.gesis.org/en/issp/home и в Приложении 1.

¹⁵ Сравнивались только индустриальные страны с доминированием городского населения. Очень далекие от России по уровню развития страны Азии и Африки, заведомо имеющие принципиально иную модель доходной стратификации, как, например, Конго, Ангола, Индия, Афганистан и т. п., были полностью исключены из анализа.

доходов граждан, доминированием протестантизма и скандинавской социал-демократической моделью социальной политики);

- Германия (развитая европейская страна с высокими показателями ВВП на душу населения, высоким уровнем доходов граждан, доминированием протестантизма и континентальной моделью социальной политики);
- Венгрия (постсоциалистическая католическая европейская страна, очень близкая к России в настоящее время по ряду социально-экономических показателей, в т. ч. по ВВП на душу населения и уровню доходов граждан);
- Болгария (самая бедная страна Евросоюза, сильно отстающая от России по ВВП на душу населения и уровню доходов граждан, которую, однако, сближает с нашей страной социалистическое прошлое и то, что в обеих странах доминирующей религией является православие);
- Венесуэла (среднеразвитая католическая латиноамериканская страна, вплоть до середины 2010-х гг. много лет подряд возглавлявшаяся сильным левоориентированным лидером, в бюджете которой, как и в бюджете России, очень значительную роль играют доходы от продажи нефти);
- Мексика (относительно бедная развивающаяся латиноамериканская страна, в которой у власти много лет находится руководство, проводящее неолиберальный курс, а доминирующей религией является католицизм);
- Китай (бедная, хотя и быстро развивающаяся страна Азии, где, в отличие от перечисленных выше стран, процессы урбанизации и индустриализации еще только разворачиваются, зато сохраняется ориентация на социалистическую модель развития).

Как видим, набор включенных в анализ стран позволял проверить сравнительную значимость для формирования моделей доходной стратификации различных факторов: *общего уровня экономического развития* (показателем которого выступал размер ВВП на душу населения); *этапа индустриализации* (показатель — доля занятых во вторичном и третичном секторах экономики); *степени урбанизированности* (показатели — доля городского населения в составе населения страны в целом и доля занятых в сельском хо-

зяйстве); *уровня доходов населения* (показатель — уровень медианного дохода); *исторического прошлого*, причем как на протяжении веков (принадлежность к разным цивилизационным ареалам мира и доминирование разных религий), так и сравнительно недавнего — с середины XX в. (социалистическое/несоциалистическое); *политического курса руководства страны* и т. д.

В качестве эмпирической базы сравнения, учитывая начавшийся в 2014 г. в России и Венесуэле экономический кризис, был избран стабильный с точки зрения влияющих на доходную стратификацию факторов 2012 г. Дополнительным плюсом базы данных именно за этот год выступало наличие в ней по выбранным для анализа странам всей необходимой информации¹⁶.

Как показал проведенный анализ, две страны из отобранных для сравнения (Россия и Венгрия) имели в 2012 г. не только практически одинаковый уровень ВВП на душу населения, но и очень близкие показатели медианных доходов в домохозяйствах (табл. 2.4), доли городского населения и т. д. Что же касается других рассматриваемых стран, то уровень их экономического развития, доходов населения в них, показатели неравенства и т. д. отличались от ситуации в России довольно сильно. В то же время в числе этих стран были страны, очень близкие друг к другу по отдельным показателям, что делало их сравнительный анализ особенно интересным. Так, ВВП на душу населения с учетом паритета покупательной способности (ППС) был практически идентичен в двух таких разных странах, как Мексика и Болгария. Православие являлось доминирующей религией в России и Болгарии. Медианный доход в домохозяйствах практически совпадал в Болгарии и Венесуэле и т. д.

Как и ожидалось, все ключевые особенности доходного распределения в отобранных для анализа 8 странах существенно различались (табл. 2.4).

---

¹⁶ Китай и Венесуэла в 1990-е гг. и в начале 2000-х гг. в программе ISSP не участвовали, а в Швеции вопрос о доходах присутствовал в анкете в форме, не позволяющей рассчитать медианные и средние доходы.

Таблица 2.4

Характеристики особенностей доходного распределения
в различных странах, данные ISSP, 2012 г.¹⁷

Показатели	Мексика	Китай	Болгария	Венесуэла	Россия	Венгрия	Германия	Швеция
Медианный доход в домохозяйствах в месяц, \$ по ППС	130,4	300,3	312,5	337,1	565,0	484,1	1250,0	1841,3
Средний душевой доход в домохозяйствах в месяц, \$ по ППС	220,7	523,3	369,5	465,4	650,2	505,3	1512,7	2331,2
Отношение медианного дохода к среднему	0,59	0,57	0,85	0,72	0,87	0,96	0,83	0,79
Отношение страновой медианы к среднероссийской медиане доходов	0,23	0,53	0,55	0,60	1	0,86	2,21	3,26

¹⁷ Для расчета показателей дохода в домохозяйствах в таблице использовался показатель PPP conversion factor, private consumption (LCU per international \$) (Источник данных: официальная статистика Всемирного Банка: «PPP conversion factor, private consumption (LCU per international \$)» (URL: databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&series=PA.NUS.PRVT.PP&country=). Для характеристики ВВП на душу населения с учетом ППС для демонстрации общего уровня развития страны использовался показатель GDP per capita, PPP (current international \$) (Источник данных: официальная статистика Всемирного Банка: «GDP per capita, PPP (current international \$). Mexico» (URL: data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD?end=2015&locations&start=2012). Фоном в каждой строке выделены максимально близкие к российским показатели.

Соотношение долей доходов или потребления верхних и нижних 10-процентных групп*	21,0	15,3	13,7	64,3	14,1	8,0	7,1	6,8
Индекс Джини**	48,1	42,2	36,0	39,0	41,6	30,5	30,1	27,3
<i>Справочно: ВВП на душу населения по ППС***</i>	16289,6	11351,1	16208,3	18027,9	25316,6	22997,7	43564,1	44725,0

* Рассчитано по: The World bank. World Development Indicators: Income share held by lowest 10% и Income share held by highest 10% (URL: data.worldbank.org/indicator/SI.DST.10TH.10?end=2014&locations&start=1981&view=chart и data.worldbank.org/indicator/SI.DST.FRST.10). Данные по Венесуэле приведены за 2006 г., по Германии — за 2011 г.

** Источник данных: официальная статистика Всемирного Банка: «GINI index (World Bank estimate)» (URL: data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations). Данные по Венесуэле приведены за 2006 г., по Германии — за 2011 г.

*** Источник данных: официальная статистика Всемирного Банка: «GDP per capita, PPP (current international)» (URL: data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.RCAP.PP.CD?locations).

Как видно из табл. 2.4, ближе всего по большинству основных показателей доходной стратификации к России находятся пост-социалистические страны Восточной Европы. Однако глубина неравенства доходов, измеряемая индексом Джини, и соотношение среднедушевых и медианных доходов сближают Россию скорее с Китаем, чем с европейскими странами. Это выглядит достаточно парадоксально, поскольку, несмотря на колоссальный рывок вперед по всем базовым показателям, характеризующим тип социума в целом, а также сближение Китая с Россией по большинству из них за последние 25 лет (табл. 2.5), модели доходной стратификации этих стран до сих пор серьезно различаются в том, что связано с распространенностью сельской бедности доиндустриального типа, а также с разницей в численности сельского населения, традиционно имеющего в развивающихся странах более низкие доходы, чем жители городов.

Таблица 2.5

Динамика некоторых статистических показателей социально-экономической и демографической ситуации в России и Китае, 1990–2015 гг.¹⁸

Страна	1990	2000	2005	2010	2015
<i>ВВП на душу населения по ППС, долл.</i>					
Россия	8013	6825	11822	20498	25186
Китай	987	2933	5093	9333	14451
<i>Доля городского населения, %</i>					
Россия	73,39	73,35	73,46	73,69	74,01
Китай	26,44	35,88	42,52	49,23	55,61
<i>Занятость в аграрном секторе экономики, %</i>					
Россия	13,87	14,49	10,17	7,92	6,71
Китай	60,10	50,00	44,80	36,70	28,30
<i>Прирост населения, в % к предыдущему году</i>					
Россия	0,39	-0,42	-0,38	0,04	0,19
Китай	1,47	0,79	0,59	0,48	0,51

¹⁸ Источник данных: официальная статистика Всемирного банка (URL: databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators#).

Более того, несмотря на заведомую заниженность доходов нижних слоев населения Китая, обусловленную объективными особенностями уровня его экономического развития, на долю верхнего 1% населения в России приходится в полтора раза большая часть совокупного объема доходов, чем в Китае. Во всяком случае, об этом говорят расчеты известного специалиста в области доходных неравенств Т. Пикетти с коллегами¹⁹. Еще больше разрыв между долей верхнего 1% в доходах населения в целом в России и аналогичной долей этой же доходной группы в таких странах Восточной Европы, как Венгрия, Чехия и Польша, где соответствующий показатель вдвое меньше, чем в нашей стране, или во Франции, где этот разрыв, как и в Китае, меньше, чем в России, в 1,5 раза²⁰.

Приведенные в новой работе Т. Пикетти и коллег данные свидетельствуют также о том, что доля национального богатства, находящегося в руках отечественных миллиардеров, в современной России почти вдвое выше, чем в США и Германии, почти втрое выше, чем во Франции, и вчетверо больше, чем в Китае²¹. Фактически глубина и имущественных, и доходных неравенств находится в России сейчас на уровне, характерном для 1905 г. — года первой русской революции, открывшей эру потрясений в XX в. Более того — сейчас в России общее соотношение долей доходов, приходящихся на нижние 50%, следующие 40% и верхние 10% населения тоже такое же, как тогда, а доля доходов, приходящихся на верхний 1%, даже выше, чем в 1905 г.²² При этом динамика показателей доходного неравенства за период с конца 1980-х гг. по настоящее время свидетельствует о чудовищных темпах роста отрыва доходов не только верхнего 1%, но и особенно 0,1, 0,01 и 0,001% от доходов остальных россиян (табл. 2.6).

---

¹⁹ *Novokmet F., Piketty T., Zucman G.* From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016 // NBER Working Paper Series. Working Paper 23712. National Bureau of economic research. Cambridge. August 2017.

²⁰ *Ibid.* P. 71–72.

²¹ *Ibid.* P. 48.

²² *Ibid.* P. 61–63. Это означает, в частности, и то, что остальные 9% из верхнего доходного дециля имеют относительно меньшую долю доходов, чем в 1905 г., что служит еще одним подтверждением условности благополучия высокодоходного населения из числа массовых его слоев, составляющего в современной России подавляющее большинство представителей верхнего дециля.

Таблица 2.6

Рост доходов и неравенства в России с 1989 по 2016 г.²³

Группы по уровню доходов	Средний темп роста реальных доходов, в год	Рост реальных доходов за весь период
Все население	+1,3%	+41%
Нижние 50%	-0,8%	-20%
Средние 40%	+0,5%	+15%
Верхние 10%, <i>включая:</i>	+3,8%	+171%
1% лучше всего зарабатывающих	+6,4%	+429%
0,1% лучше всего зарабатывающих	+9,5%	+1054%
0,01% лучше всего зарабатывающих	+12,2%	+2134%
0,001% лучше всего зарабатывающих	+14,9%	+4122%

Впрочем, вопрос о том, насколько нетипична для развитых стран ситуация с показателями доли доходов, приходящихся на верхний 1% населения, а также индекса Джини и децильного коэффициента в современной России, должен обсуждаться с учетом тех сдвигов в ситуации с неравенствами, которые характеризуют их в последние десятилетия. Так, по данным Университета Объединенных Наций (UNU), в большинстве стран мира, в т. ч. и европейских, неравенство по доходам в последние десятилетия усиливается. Исключением из общей тенденции служат лишь скандинавские страны²⁴. Возможно, учитывая стабилизацию и даже некоторое сокращение показателей индексов Джини и децильного коэффициента в России в 2010-е гг., с одной стороны, и широко дебатлируемый рост неравенства в западных странах²⁵ — с другой, что постепенно наша страна сблизится с ними и по этим показателям. Однако это все равно вряд ли скажется на глубине дифференциации в России

²³ Приведено по: *Novokmet F., Piketty T., Zucman G.* From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016 // NBER Working Paper Series. Working Paper 23712. National Bureau of economic research. Cambridge. August 2017.

²⁴ Источник данных: UNU-WIDER, World Income Inequality Database (WIID3.4) (URL: www.wider.unu.edu/database/world-income-inequality-database-wiid34).

²⁵ Начало этой дискуссии положила получившая общемировую известность работа Т. Пикетти (*Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М.: AD MARGINEM, 2015).

внутри самого верхнего дециля или на показателе доли доходов, приходящихся на верхний 1% населения. Сам Т. Пикетти с коллегами также отмечают, что эта доля, которая перед кризисом 2008–2009 гг. была в России примерно на 7% больше, чем в США, хотя и сравнялась к 2015 г. с характерной для них картиной²⁶, остается заметно выше, чем в европейских странах.

Тем не менее, несмотря на нехарактерные для развитых европейских стран показатели доли доходов, приходящихся на верхний 1% населения, а также коэффициента Джини и децильного коэффициента в нашей стране, в целом параметры модели распределения доходов массовых слоев населения в России, включая верхний дециль (без учета верхних 2–3%), как и понимание россиянами феномена бедности²⁷, позволяют говорить о *тяготении российского общества к европейскому вектору развития. В то же время сформировавшаяся в 1990-е гг. глубина неравенств, особенно связанных*

---

²⁶ Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016 // NBER Working Paper Series. Working Paper 23712. National Bureau of economic research. Cambridge. August 2017.

²⁷ Так, согласно представлениям населения страны о справедливых и несправедливых доходных неравенствах, доход высококвалифицированного специалиста или руководителя должен превышать типичный (средний) доход по стране примерно в 4,7 раза, и эта оценка устойчива во времени (Мареева С.В., Тихонова Н.Е. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России: Социология, этнология. 2016. Т. 25. № 2; Мареева С.В. Социальные неравенства в зеркале массового сознания россиян // Российское общество и вызовы времени. Книга третья / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016). Кроме того, называя доход, который мог бы рассматриваться как черта бедности, россияне обычно называют доход, примерно вдвое более низкий, чем медианный доход, фиксируемый в этих же опросах (Тихонова Н.Е. Феномен бедности в современной России // Социологические исследования. 2014. № 1; Бедность и бедные в современной России / под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2014). Из этого следует, что они допускают реальный разрыв даже между чертой бедности и доходами высококвалифицированного специалиста или руководителя, не говоря уж про предпринимателей и тем более олигархов, примерно в 9 раз. Это достаточно глубокая дифференциация по доходам массовых слоев общества, большая, чем существует в реальности во многих странах Европы. Таким образом, россияне выступают за глубокую дифференциацию доходов массовых слоев населения, но хотели бы при этом уменьшения разрыва между верхушкой общества, не относящейся к его массовым слоям, и этими слоями.

с заниженностью медианных доходов и очень высокой концентрации доходов в группах, входящих в верхний 1%, свидетельствует о неоднозначности ситуации в этой области.

Тяготение России к европейской модели доходной стратификации важно, поскольку, как свидетельствуют эмпирические данные, *страны европейского ареала характеризуются иной моделью доходной стратификации, чем развивающиеся страны Азии и Латинской Америки* (табл. 2.7). Для первых характерно сосредоточение основной массы населения (около 60%) в средних слоях («общество массового среднего класса»), а для вторых — поляризация общества при относительно небольшой (около 40%) доле средних слоев и массовости нижних²⁸ и верхних слоев, причем высокая численность высокодоходных слоев объясняется в них заниженностью медианных доходов, отражающей в целом невысокий уровень жизни населения этих стран²⁹. Эта тенденция проявляется независимо от общего уровня экономического развития, ВВП на душу населения и уровня доходов граждан, хотя сложившаяся в стране под влиянием ее исторического прошлого и цивилизационной принадлежности система институтов, так же как политический курс ее руководства, могут оказывать ощутимое влияние на формирование модели доходной стратификации.

Таким образом, если ситуация с количественными характеристиками доходного распределения в России, измеряемыми индексом Джини и другими показателями, может рассматриваться как неоднозначная, хотя в целом тяготеющая скорее к европейской модели, то по ключевым качественным особенностям модели доходной стратификации массовых слоев населения Россия бесспорно относится сейчас к странам европейского ареала. Это хорошо видно из данных табл. 2.7, особенно если учесть, что, как свидетельствуют эмпирические данные, особенностями доходной стратификации развивающихся стран, относившихся ранее к т. н. странам

---

²⁸ Наиболее массовая глубокая бедность из всех рассматриваемых стран характерна при этом для Китая, характеризующегося наибольшей среди них долей сельского населения (Аникин В.А., Тихонова Н.Е. Бедность в России на фоне других стран // Мир России: Социология, этнология. 2014. № 4).

²⁹ О том, как выглядят скорректированные с учетом уровня реальных доходов населения в них модели доходной стратификации массовых слоев населения, см.: Тихонова Н.Е. Стратификация по доходам в России на фоне других стран // Общественные науки и современность. 2017. № 3.

Таблица 2.7

Численность основных доходных групп и слоев в различных странах, данные ISSP, 2012 г., %³⁰

Группы и слои	Мексика	Китай	Болгария	Венесуэла	Россия	Венгрия	Германия	Швеция
Высокодоходные слои, в т. ч.:	24,9	20,6	9,8	18,6	8,5	4,2	10,4	9,1
Состоятельные (> 4 медиан доходного распределения)	7,7	4,7	0,5	4,2	0,8	0,2	0,5	1,5
Обеспеченные (от 2 до 4 медиан)	17,2	15,9	9,3	14,4	7,7	4	9,9	7,6
Средние слои, в т. ч.:	37,9	42,6	60,9	45,9	59,3	61,9	58,6	62,8
Среднедоходные (от 1,25 до 2 медиан)	14,0	20,4	23,2	20,2	20,3	26,8	22,5	26,1
Медианная группа (от 0,75 до 1,25 медиан)	23,9	22,2	37,7	25,7	39	35,1	36,1	36,7
Низкодоходные слои, в т. ч.:	37,2	36,8	29,3	35,5	32,2	33,9	31,0	28,1
Уязвимые (от 0,5 до 0,75 медиан)	15,6	12,7	15,5	18,8	18,4	16,1	20,2	17,6
Нуждающиеся (от 0,25 до 0,5 медиан)	15,1	12,7	9,5	14,4	11,5	14,7	9,2	7,7
Нищие (≤ 0,25 медианы)	6,5	11,4	4,3	2,3	2,3	3,1	1,6	2,8

³⁰ Наиболее характерные особенности численности отдельных доходных групп и слоев в разных типах стран выделены в таблице фоном.

«третьего мира», выступают очень большой разрыв между средними и медианными доходами даже среди попадающего в массовые опросы рядового населения (табл. 2.5), а также высокая доля в составе населения представителей глубокой бедности и значительная численность высокодоходных слоев (табл. 2.7), реальный уровень доходов которых, впрочем, из-за заниженности медианы довольно низок. Эти особенности не случайны и обусловлены одновременным сосуществованием в них экономических укладов, относящихся к разным историческим эпохам с принципиально разной стоимостью рабочей силы. Понятно, что в полунатуральном сельском хозяйстве и в очагах современного производства в развивающихся странах, где зарплаты работников формируются с учетом ситуации на международном рынке труда, доходы в любом случае будут различаться очень сильно, а уровень медианных доходов будет во многом определяться профессиональной структурой страны, отражающей степень ее модернизированности.

Именно поэтому в развивающихся странах модели доходной стратификации выглядят несколько иначе, чем в странах, относительно дальше продвинувшихся по пути модернизационных преобразований вообще и урбанизации в частности, где не просто выше ВВП на душу населения, но и число высокооплачиваемых современных рабочих мест в структуре экономики относительно больше. Таковы, прежде всего, многие страны Латинской Америки, где городское население уже не первое десятилетие составляет большинство (а подчас, как в Венесуэле, и подавляющее большинство). Однако хотя в развивающихся странах Латинской Америки большинство бедных концентрируются не в селах, а в городах, эти страны также характеризуются распространенностью преиндустриальной бедности, только это бедность люмпенизированных городских низов. Общей особенностью развивающихся стран с незавершенной социальной, экономической и демографической модернизацией является, соответственно, высокая доля низкодоходных слоев населения в структуре общества — так, в Венесуэле она составляла в 2012 г. 35,5% населения, в Мексике — 37,2%. Схожая картина была и в Китае, где она достигала в тот момент, судя по данным ISSP, 36,8%.

Дополнительный материал для сравнительного анализа доходной стратификации в России и других странах мира дают их визуализированные модели. Впрочем, оценивая их, следует помнить, что

верхние 3–5% населения в массовые опросы во всех странах не попадают и включение их в модели добавило бы к ним бесконечно длинный и очень узкий шпиль.

Сравним сначала модели доходной стратификации в трех крупных развивающихся странах из различных цивилизационных и географических ареалов мира — России, Китая и Венесуэлы (рис. 2.10). Как видим, для доходной стратификации российского общества на фоне двух других развивающихся стран характерно: 1) почти полное отсутствие глубокой бедности, предполагающей доходы менее 25% от медианы доходов; 2) резко суживающийся низ модели, свидетельствующий о том, что низкие доходы выступают в российском обществе все большим отклонением от нормы по мере их сокращения; 3) наличие больших «крыльев» (медианной группы), в которых было сосредоточено в 2012 г. около 40% всего населения. Таким образом, если сравнить визуализированные модели доходной стратификации в России и в странах с незавершенной модернизацией, то видно, что *наша страна принципиально отличается от них прежде всего тем, что российское общество — безусловное «общество среднего класса»*, если под последними понимать среднедоходные слои.

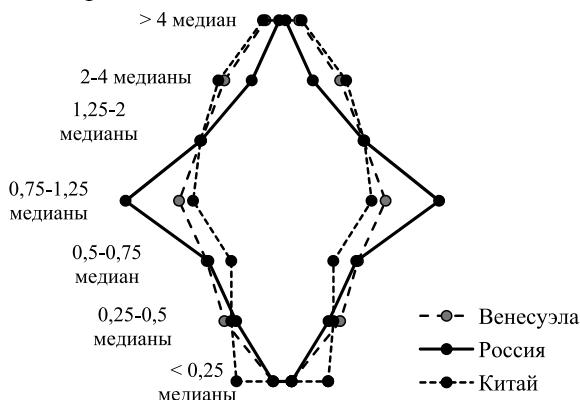

Рис. 2.10. Модели доходной стратификации в России, Китае и Венесуэле, данные ISSP, 2012 г., %³¹

³¹ Модели доходной стратификации здесь и далее построены на основе перевода доходов в каждой стране в доллары США с учетом ППС (Источник данных: официальная статистика Всемирного банка: «PPP conversion factor, private consumption (LCU per international \$)»

Однако модель доходной стратификации далеко не всегда определяется общим уровнем развития той или иной страны — как правило, на нее действуют различные факторы. Так, например, медиана доходного распределения в ориентированной на неолиберальную модель развития Мексике была в 2012 г. вдвое ниже, чем в социалистическом Китае (152,57 долл. США с учетом ППС против 314,76 долл.), хотя ВВП на душу населения был в Мексике в тот момент заметно выше, чем в Китае (табл. 2.4). В то же время в силу меньшего распространения в Мексике, уже прошедшей процесс урбанизации, доиндустриальной сельской бедности, доля крайне бедных (с доходами менее 0,25 медианы) была в ней почти вдвое меньше, чем в Китае (табл. 2.5), где в селах и до сих пор проживает почти половина населения.

Сравним поэтому теперь модели доходной стратификации в России, Китае и Венесуэле с учетом различий в уровне медианных доходов населения в них. Как видно на рис. 2.11, отличия России

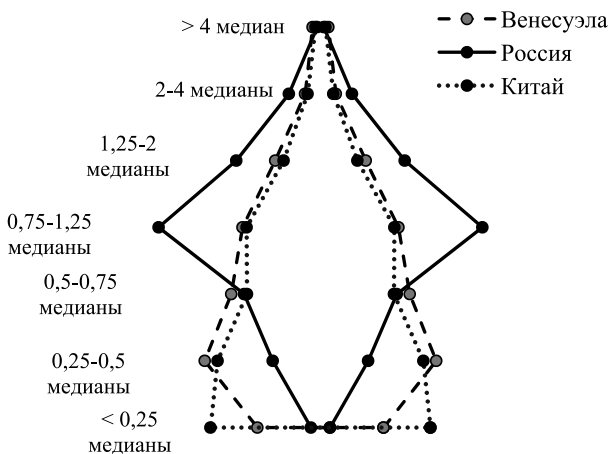

Рис. 2.11. Модели доходной стратификации в России, Китае и Венесуэле, скорректированные с учетом медианных доходов в России, данные ISSP, 2012 г., %³²

(URL: databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&series=PA.NUS.PRVT.PP&country=).

³² Модели доходной стратификации построены с учетом пересчета размера доходов, за основу которого принят медианный уровень доходов в России в долларах США с учетом ППС.

от этих стран станут в этом случае еще ярче, поскольку модели доходной стратификации в Китае и Венесуэле по отношению к России при такой постановке вопроса резко «сползут» вниз. Так, в Венесуэле уровень медианных доходов окажется примерно на уровне 72% от медианы в России, а в Китае — на уровне 58%, т. е. на уровне предыдущей доходной группы в нашей стране («уязвимых»). В Мексике же — стране с самым бедным населением из всех стран, включенных в наш сравнительный анализ, хотя и относительно высоким ВВП на душу населения в сравнении с Китаем — медиана доходов вообще оказывается на уровне 28% российской медианы, что примерно соответствует для российских условий черте даже не бедности, а нищеты. При этом в модели стратификации мексиканского общества доходы верхней доходной группы из числа попадающих в массовые опросы слоев оказываются с учетом ППС ниже, чем граница в 1,25 медианы, разделяющая медианную и среднедоходную группы российского общества.

На примере Венесуэлы и Мексики как относительно близких друг к другу по уровню ВВП на душу населения, этапу продвижения по пути модернизации, цивилизационно-культурной принадлежности, доминирующей религии и т. д. стран хорошо видна и роль политического курса руководства страны для формирования модели доходной стратификации. Если в Венесуэле при таком левоориентированном лидере, как Хуго Чавес, показатели медианных доходов составляли в 2012 г. с учетом ППС 388,16 долл. в месяц, доля средних слоев превышала 45%, а численность проживающего в условиях нищеты населения была очень мала (2,3%), то в Мексике с ее неолиберальным курсом медианные доходы составляли в тот момент 152,67 долл. в месяц, а доля представителей глубокой бедности достигала 6,5% при минимальной из всех сравнивавшихся стран численности средних слоев (табл. 2.7).

Все вышесказанное не только свидетельствует о принципиальных отличиях модели доходной стратификации в России от ее аналогов в развивающихся странах неевропейского ареала, но и позволяет предположить, что в формировании этих моделей в той или иной стране решающую роль играет не столько уровень ее экономического развития, сколько ее прошлый исторический опыт, цивилизационные особенности, этап модернизационных преобразований (урбанизированность, продвижение по пути индустриализации и т. д.), а также политический курс ее руководства.

О значимости этих факторов говорит и анализ моделей доходной стратификации в постсоциалистических странах Восточной Европы. Он также свидетельствует о важности для формирования этих моделей не только и даже не столько собственно экономических факторов, сколько культурно-цивилизационных особенностей стран, этапа их продвижения по пути модернизационных преобразований и политического вектора развития³³. Картина моделей доходной стратификации в постсоциалистических европейских странах заметно отличается от стран Латинской Америки и Китая гораздо меньшей долей живущего за «чертой бедности» населения и заметно большей долей в них средних слоев независимо от уровня их экономического развития. Эти характерные особенности прослеживаются даже в самой бедной стране Евросоюза — Болгарии, медианные доходы населения в которой, как и ВВП на душу населения, были в 2012 г. гораздо ниже, чем в Венесуэле (табл. 2.4).

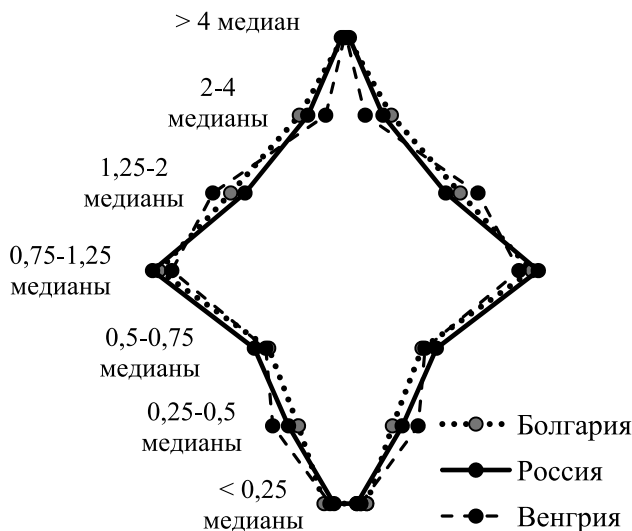

Рис. 2.12. Модели доходной стратификации в России, Венгрии и Болгарии, данные ISSP, 2012 г., %

³³ Что касается влияния религии на модель доходной стратификации, то оно, в отличие от остальных перечисленных факторов, достаточно дискуссионно и напрямую в предпринятом нами анализе не прослеживалось.

При этом модели доходной стратификации выглядят практически одинаково и в России, и в Венгрии, и в Болгарии (рис. 2.12), хотя учет разницы в уровне медианных доходов приведет, как и в случае с Венесуэлой и Китаем, к «сползанию» болгарской модели «вниз» (рис. 2.14), в результате чего ее медианная группа по реальному уровню жизни будет соответствовать группе «уязвимых» в России. Модель же стратификации массовых слоев венгерского общества, в силу того, что медианные доходы в Венгрии практически идентичны российским, и в этом случае будет практически полностью совпадать с моделью стратификации российского общества, что позволило нам не приводить ее на рис. 2.14.

Что же касается моделей доходной стратификации обществ таких развитых европейских стран, как Германия или Швеция, еще полвека назад перешедших к позднеиндустриальному этапу развития, а с 1980-х гг. вступивших на постиндустриальный путь развития, то хотя общий уровень доходов в них значительно отличается от ситуации в России, однако общие контуры модели доходной стратификации в России по состоянию на начало 2010-х гг. с контурами их моделей стратификации практически совпали (рис. 2.13).

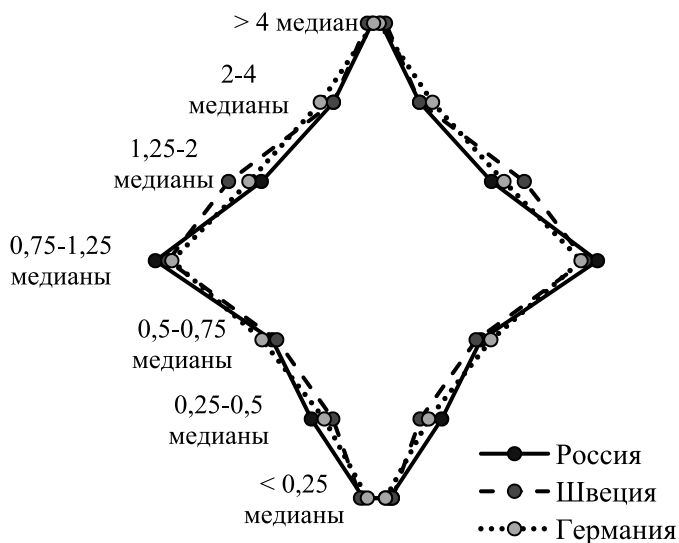

Рис. 2.13. Модели доходной стратификации в России, Германии и Швеции, данные ISSP, 2012 г., %

При этом их модели оказались практически идентичны также моделям доходной стратификации в странах Восточной Европы. *Таким образом, решающую роль в формировании моделей доходной стратификации всех этих стран играет принадлежность их к европейской культуре, а не опыт сравнительно недавнего социалистического прошлого или уровень их экономического развития.*

В то же время и в этом случае речь идет, разумеется, лишь об общих контурах моделей и пропорциях в них различных слоев, которые определяются культурно-цивилизационными особенностями стран, под влиянием которых в общественном сознании формируются представления о легитимности определенного уровня доходных неравенств и их локализации, о допустимой глубине и масштабах бедности и т. д. Если же говорить об уровне жизни различных доходных групп и слоев в России, Германии, Швеции и восточноевропейских странах, то уровень жизни россиян, попадающих в группу с доходами от 2 до 4 медиан, — это примерно медианный уровень жизни в Германии, что, естественно, приводит к «сползанию» модели доходной стратификации в России по отношению к немецкому обществу при учете уровня страновых медиан (рис. 2.14). Тем не менее, как видно на рис. 2.14, зона пересечения моделей доходной стратификации в России и в Германии даже с учетом различий в страновой медиане доходов в них не так уж мала, а в сравнении с уровнем доходов массовых слоев населения такой европейской страны, как Болгария, россияне вообще выглядят более чем благополучно.

Как видим, для европейских стран *различия в моделях их доходной стратификации обуславливаются не разницей в уровнях их экономического развития, хотя на уровень доходов массовых слоев населения в них уровень экономического развития оказывает прямое влияние.* В то же время нельзя забывать о других факторах, также оказывающих на этот уровень заметное воздействие, в частности — о приоритетах распределения производимого национального богатства, реализуемом политическом курсе, особенностях сложившихся в обществе перераспределительных отношений и т. д. Так, сравнительно низкий уровень доходов населения России в сравнении с населением Германии обусловлен не только тем, что ВВП на душу населения в России ниже, но и тем, что в нашей стране относительно меньшая часть самого ВВП попадает в виде доходов к массовым слоям населения. Как показывают расчеты на базе

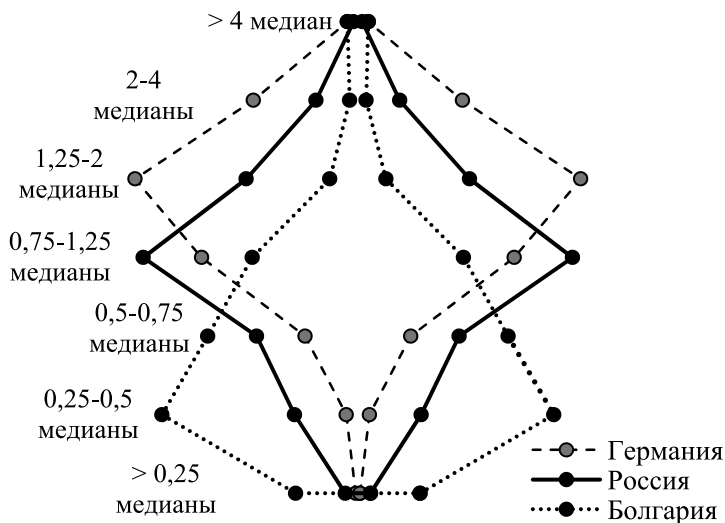

Рис. 2.14. Модели доходной стратификации в России, Германии и Болгарии, скорректированные с учетом медианных доходов в России, данные ISSP, 2012 г., %³⁴

ISSP, если в России медианный уровень годового дохода составлял в 2012 г. 25,7% от ВВП на душу населения по ППС, то в Германии он был почти в полтора раза выше (34,8%)³⁵.

Важным фактором, обуславливающим низкий уровень доходов россиян, является также то, что, в отличие от развитых европейских стран, общая глубина социальной дифференциации за счет сверхдоходов богатейших людей страны (т. е. тех верхних 2–3% населения, представители которых вообще не попадают в массовые опросы) в России очень велика³⁶. Это наглядно видно на показателях

³⁴ Рис. 2.14 построен по аналогии с рис. 2.11. В нем при пересчете границ доходных групп в Германии и Болгарии за основу расчета также брались показатели медианных доходов в России в долларах США с учетом ППС.

³⁵ Использованный для расчетов показатель ВВП на душу населения (Источник данных: официальная статистика Всемирного банка: «GDP per capita, PPP (current international \$). Mexico» (URL: data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD?end=2015&locations&start=2012).

³⁶ При этом, если говорить о степени неравномерности распределения доходов массовых слоев населения, то, как свидетельствуют данные разных социологических исследований, российское общество характеризуется очень плавным нарастанием доходов от одной 5-процентной группы

коэффициента Джини. Так, если в России коэффициент Джини, по данным Всемирного банка, составлял в 2012 г. 41,6%, то в Германии он был около 30%. Чуть выше он был в Венгрии (30,6%) и Болгарии (36,0%). В то же время в Венесуэле его показатели достигали 46,9%, а в Мексике даже 48,1%³⁷. В то же время и показатели индекса Джини, и показатели коэффициента фондов, говорящие о разнице доходов верхних и нижних 10% населения, после периода их быстрого роста в 1990-е гг. находятся с середины 2000-х гг. в России на одном и том же уровне³⁸. Видимо, с учетом недовольства россиян сложившейся глубиной доходного неравенства, нынешние ее показатели являются предельно допустимыми для нашей страны без значительного усиления социальной напряженности. Так что и в этом отношении Россия все-таки не столько примыкает к странам Латинской Америки, сколько находится между ними и странами европейского ареала развития, хотя тот факт, что верхние 2–3% населения страны, и особенно верхний его процент не беднее аналогичных групп в наиболее развитых странах при том, что остальное население имеет гораздо более низкий уровень доходов, чем население развитых европейских стран, вызывает у россиян глубокое недовольство³⁹.

к другой с коэффициентом примерно 1,1, за исключением трех зон доходного распределения, выпадающих из этой закономерности. Во-первых, это нижние 5% населения, максимальные доходы которых меньше следующей группы в 1,3 раза. Во-вторых, это зона медианного распределения, где сразу три доходные 5-процентные группы имеют практически одинаковый уровень доходов. Наконец, в-третьих, это верхние три группы (15%), для которых коэффициент максимальных доходов по отношению к максимальным доходам в предыдущей 5-процентной группе растет сначала до 1,2, затем до 1,4, а потом и более чем до 2, т. е. начинает нарастать по гиперболе, кривизна которой при переходе к не попадающим в массовые слои становится почти вертикальной.

³⁷ Источник данных: официальная статистика Всемирного банка: «GINI index (World Bank estimate)» (URL: data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations).

³⁸ Таблицы «Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов), коэффициент, январь-декабрь» (www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi) и «Коэффициент фондов (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения), коэффициент, январь-декабрь». ФСТС РФ. 2016 г. (URL: www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi).

³⁹ *Мареева С.В., Тихонова Н.Е.* Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России: Социология, этнология. 2016. Т. 25. № 2.

Подведем итоги.

Анализ особенностей модели доходной стратификации российского общества в сравнении с аналогичными моделями в других странах (Швейцарией, Германией, Венгрией, Болгарией, Венесуэлой, Мексикой и Китаем) свидетельствует, что модель стратификации по доходам, в основу которой положен принцип соотношения среднедушевых доходов в конкретном домохозяйстве с медианными доходами в стране, хорошо фиксирует специфику типов социума. Проведенное на данных сравнительного международного исследования «International Social Survey Programme» сравнение говорит о том, что модель доходной стратификации российского общества являлась по состоянию на начало 2010-х гг. типичной для европейских стран. В то же время по глубине доходных неравенств Россия занимает промежуточное положение между европейскими странами и странами бывшего «третьего мира», хотя стабилизация и даже некоторое сокращение показателей доходного неравенства в России и рост этих показателей в европейских странах говорит о возможном сближении с ними России в перспективе и в этой области.

Анализ стратификации по доходам, в основу которой положен принцип соотношения среднедушевых доходов в конкретном домохозяйстве с медианными доходами массовых слоев населения в целом, показывает, что страны европейского ареала (как, например, постсоциалистические Россия или Венгрия, а тем более Германия или Швеция) характеризуются иной моделью доходной стратификации, чем развивающиеся страны других цивилизационных ареалов (как, например, Китай или Венесуэла). Причем закономерность эта «работает» независимо от общего уровня их экономического развития, ВВП на душу населения и уровня его доходов, хотя сложившаяся в стране под влиянием ее исторического опыта и этапа продвижения по пути модернизации система институтов, так же как существующие в ней политический строй и курс ее руководства, может оказывать ощутимое влияние на формирование модели доходной стратификации в конкретном обществе.

Хотя по типу своей стратификационной системы Россия относится к европейскому культурно-цивилизационному ареалу, что нашло отражение и в общественном сознании россиян, в частности — в представлениях населения страны о справедливых и несправедливых доходных неравенствах, сущности и допустимых

граница бедности и т. д., однако неолиберальная позиция ее элит в период либеральных реформ привела к возникновению параллельно с европейской по сути своей моделью доходной стратификации массовых слоев населения очень глубоких доходных неравенств между «верхами» и всем остальным обществом, характерных скорее для стран неевропейского ареала. Эта сторона сложившейся в России стратификационной системы приходит в противоречие с объективным вектором развития страны и вызывает устойчивое недовольство сложившейся ситуацией у рядовых россиян.

Глава 2.3. Трансформация модели доходной стратификации в России: динамический анализ в международном контексте (1990–2010-е гг.)

В предыдущей главе было показано, что накануне кризиса 2014–2016 гг. Россия была очень близка по модели своей доходной стратификации к другим странам европейского ареала. Однако всегда ли так было в период рыночных реформ? И в одинаковом ли направлении движутся изменения этих моделей в последние двадцать лет?

Сразу отметим, что задача получения ответов на эти вопросы отчасти облегчалась для нас тем, что попытки сравнения моделей доходной стратификации России и других постсоциалистических европейских стран в момент вступления нашей страны в рыночные преобразования уже проводились. Речь идет о международном сравнительном проекте «Социальная стратификация в странах Восточной Европы после 1989 г.». Руководителями этого проекта выступали такие имеющие мировую известность специалисты в области стратификации, как Д. Трейман и И. Селени из Университета Калифорнии, а сам опрос населения сравниваемых стран проходил в рамках этого проекта в 1993 г. в четырех странах Восточной Европы, включая Венгрию и Болгарию, а также в России. Очень важно также, что полученные тогда результаты сравнивались участниками проекта с данными по этим же странам за 1988 г., т. е. с периодом до краха социалистической модели развития и начала рыночных реформ. Результаты этого масштабного исследования публиковались и в отечественных журналах¹.

Для нас было весьма существенно также, что в проекте «Социальная стратификация в странах Восточной Европы после

---

¹ См., например: *Хахулина Л. А., Тучек М.* Распределение доходов: бедные и богатые в постсоциалистических обществах (некоторые результаты сравнительного анализа) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1995. № 1.

1989 г.» использовался взятый за основу и в нашем исследовании относительный подход к доходной стратификации и очень похожая на используемую нами шкала деления доходных групп. Как «нищие» в этом проекте идентифицировались те, кто имел меньше 0,25 среднедушевого дохода по выборке, «бедные» — от 0,25 до 0,5 этого уровня доходов, «нуждающиеся» — от 0,5 до 0,75², «среднеобеспеченные» — от 0,75 до 1,25, «представители относительного достатка» — от 1,25 до 2 среднедушевых доходов по выборке и «состоятельные» — как имеющие еще более высокие доходы. Таким образом, различия между нашими методиками очень невелики. Во-первых, в одном случае за точку отсчета принимались среднедушевые, а в другом — медианные доходы, которые при массовых опросах в странах европейского ареала в целом близки между собой³. Кроме того, отчасти это различие нивелировалось тем, что сами границы между группами (например, доход на уровне 0,5 медианного дохода) в рассматриваемом исследовании относились к следующей группе, а в нашей методике — замыкали предыдущую группу в вертикальной иерархии. А во-вторых, использовавшаяся в исследовании проекта «Социальная стратификация в странах Восточной Европы после 1989 г.» шкала насчитывала 6, а не 7, как у нас, групп — в ней не выделялась верхняя группа с доходами более 4 расчетных единиц. При этом в своих публикациях участники этого проекта отмечали, что тогда «разлом» по показателям потребления между среднеобеспеченным и высокообеспеченным населением проходил на уровне доходов, в 1,7–2,0 раз превышающих средние доходы по стране. Как было показано в главах 1.3–1.5, и в нашей методике «разлом» по потребительским стандар-

² При этом участники проекта отмечали, что прожиточный минимум может доходить до 75% от среднедушевых доходов и что нижние три категории были выделены ими, чтобы отразить неоднородность бедных и выделить их подгруппы с разной глубиной бедности (*Хахулина Л. А., Тучек М.* Распределение доходов: бедные и богатые в постсоциалистических обществах (некоторые результаты сравнительного анализа) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1995. № 1).

³ Так, по данным ISSP 2012 г., соотношение медианных и среднедушевых доходов выглядело как 0,83 для Германии, 0,85 для Болгарии, 0,87 для России и 0,96 для Венгрии. Это достаточно устойчивые величины — например, в октябре 2016 г. для России это соотношение составляло, по данным Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН, 0,89, что в абсолютном выражении означало 15 000 руб. для медианного дохода и 16 718 руб. — для среднего.

там и устойчивости благополучия представителей массовых слоев населения проходит на этом же уровне, хотя граница по благополучию «в моменте» сейчас несколько ниже и находится примерно на уровне 1,25 медианы.

Результаты работы по проекту «Социальная стратификация в странах Восточной Европы после 1989 г.» показали также, что хотя группа, примерно соответствовавшая медианной группе в нашей классификации, являлась в 1993 г. доминирующей во всех сравнивавшихся странах, однако размер ее был принципиально различен. Максимальным он был в Чехии (50%), где 31% населения входил при этом в низкодоходные слои, а 19% – в группы относительного достатка и состоятельных. Минимальная же численность этой группы характеризовала тогда Россию, причем для нее была также характерна максимальная численность низкодоходных слоев (табл. 2.8).

Таблица 2.8

Распределение населения различных стран по разным доходным группам, 1993 г., %⁴

Доходные группы	Россия	Венгрия	Болгария	Словакия	Чехия
Состоятельные (свыше 2 медиан среднего дохода)	8	6	7	6	4
Относительный достаток	15	18	17	15	15
Средняя обеспеченность	28	37	32	41	50
Нуждаемость	23	24	25	22	22
Бедность	20	12	14	12	8
Нищета (менее 0,25 медианы среднего дохода)	6	3	5	3	1

О том, что население России оказалось в наихудшем положении из всех участвовавших в проекте «Социальная стратификация в странах Восточной Европы после 1989 г.» стран, свидетельствовала и численность в ней бедных, которую участники этого проекта рассчитывали дополнительно к основной классификации,

⁴ Таблица приведена по: Хахулина Л.А., Тучек М. Распределение доходов: бедные и богатые в постсоциалистических обществах (некоторые результаты сравнительного анализа) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1995. № 1.

использовав для этого медианную версию относительного подхода и определив границу бедности в 0,6 медианы доходного распределения. В России к числу бедных относились в 1993 г. при такой методике их выделения 23% опрошенных, в Болгарии — 19%, в Венгрии — 16%, а в Чехии и Словакии — 16 и 18% соответственно. В то же время в Германии и Швеции доля бедных составляла по состоянию на начало 1990-х гг., при применении той же методики, 8 и 3% соответственно⁵.

Эти данные позволяют говорить о том, что в *начальный период перехода к рыночной экономике модель доходной стратификации в России достаточно сильно отличалась от ситуации с ней в других постсоциалистических странах, также переживавших тогда шок от рыночных реформ, и принципиально отличалась от модели, характерной для развитых европейских стран и описанной в предыдущей главе.*

Этот вывод подтверждается и на данных ISSP, обработанных с помощью применяемой нашим авторским коллективом методики. Хотя первые данные, которые мы могли использовать из-за специфики инструментария различных волн исследования ISSP и особенностей состава его участников, относятся к 1994 г., а не к 1993 г., но они также свидетельствуют о в разы большей численности бедных в России, чем в других постсоциалистических странах. Так, по отношению к Венгрии доля бедных, выделенных по относительному подходу к бедности (т. е. имеющих доходы не более половины медианного дохода по стране), в России была выше в 1994 г. в 2,5 раза, а по отношению к Болгарии — в 1,6 раза. В то же время количественно две нижние доходные группы, выделенные в 1993 г. участниками проекта «Социальная стратификация в странах Восточной Европы после 1989 г.» и нами на данных ISSP 1994 г., были несколько различны, что объяснялось как объективными изменениями, произошедшими за период между двумя этими опросами (начало 1990-х гг. во всех постсоциалистических странах характеризовалось исключительной динамичностью), так и упоминавши-

⁵ Данные международного сравнительного исследования, опубликованные в: *Duncan G.J. & al. Poverty and social-assistance dynamics in the United States, Canada and Europe. Paper for the conference. 1991.* Цит. по: *Хахулина Л.А., Тучек М. Распределение доходов: бедные и богатые в постсоциалистических обществах (некоторые результаты сравнительного анализа) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1995. № 1.*

мися выше различиями в применяемых методиках. Так, например, в России доля самой нижней доходной группы (с доходами не выше 0,25 медианы доходного распределения), численность которой наиболее ярко характеризует специфику моделей доходной стратификации, составляла в России в 1993 и 1994 гг. соответственно 6 и 5%, в Венгрии — 3 и 1%, в Болгарии — 5 и 3%.

Посмотрим теперь, как изменялась эта картина в последующем — ведь, как было показано в предыдущей главе, в настоящее время модель доходной стратификации в России в целом совпадает с моделью доходной стратификации, характерной для других европейских стран, причем как развитых, так и развивающихся постсоциалистических. Учтя то, что говорилось выше и в главе 2.1 о динамике модели доходной стратификации в России на рубеже 1980–1990-х гг., примем за отправную точку для сравнения все же 1994 г. (именно начиная с него наличествуют достаточно надежные социологические и статистические данные), а в оценках предшествующего ему периода будем опираться на результаты других исследований и статистические данные.

Сопоставление визуализированных моделей доходной стратификации разных стран в 1994 г. показывает, что в середине 1990-х гг. медианная группа хотя и была в России самой массовой, но все же намного уступала в численности всем остальным европейским странам, кроме Швеции, где относительно небольшая численность медианной группы компенсировалась в тот момент очень высокой долей среднедоходной группы (рис. 2.15).

Более того, если сравнить отражающие динамику в этой области рис. 2.15 и 2.16, то становится понятно, что ярко проявляющаяся в России в последние два десятилетия тенденция выравнивания доходов массовых слоев населения «по среднему» не является следствием ее социалистического прошлого — если медианная группа выросла в нашей стране за период с 1994 г. в полтора с лишним раза и в нее перешло более чем 16% населения, то в Венгрии численность медианной группы выросла за этот период очень незначительно (примерно на 2%), а в Болгарии она даже чуть сократилась. Впрочем, эти изменения столь малы, что находятся в пределах статистической погрешности, и можно говорить о стабильной численности в них (в отличие от нашей страны) медианной группы все эти годы. Видно из этих рисунков и все большее сближение между

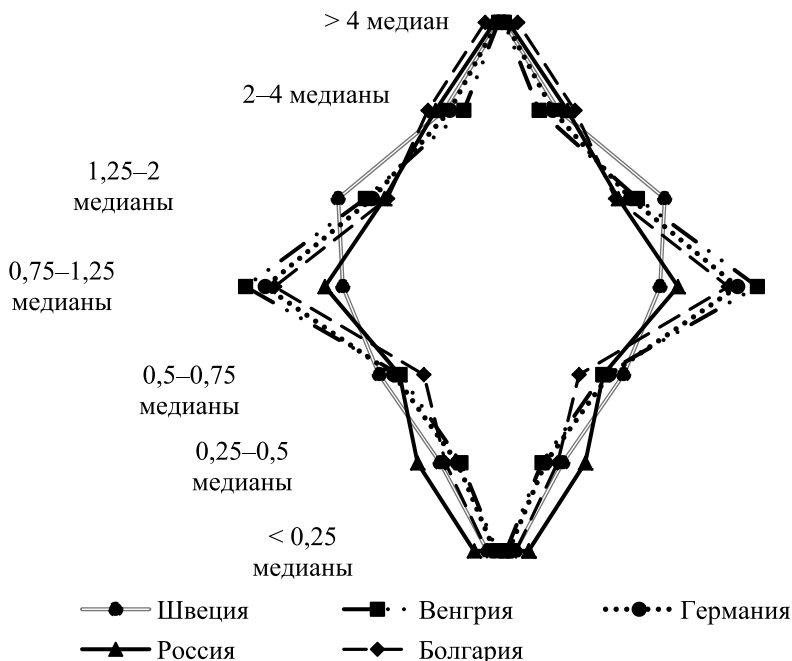

Рис. 2.15. Модели доходной стратификации массовых слоев населения в различных европейских странах в 1994 г., данные ISSP, %

собой моделей доходной стратификации массовых слоев населения в разных странах европейского ареала, а также их общая стабильность, о которой применительно к России говорить не приходится.

Все это означает, что, относясь по структуре доходов массовых слоев населения к европейской модели доходной стратификации, Россия характеризуется в то же время на фоне других стран Европы определенной ее спецификой. Эта специфика заключается применительно к «рядовому» населению прежде всего в том, что *изменения модели доходной стратификации в России гораздо более динамичны, чем в других странах*. Не менее важно и то обстоятельство, что, *проходя по нижней границе европейской нормы численности применительно к остальным доходным группам, в отношении медианной группы Россия демонстрирует ярко выраженные отличия*. Хотя массовость медианной группы является базовой чертой европейской модели доходной стратификации в целом, но в России

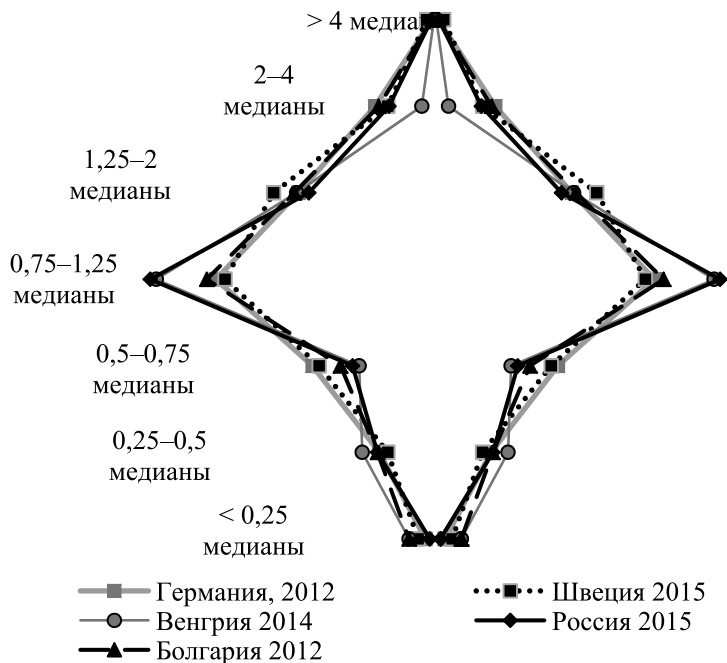

Рис. 2.16. Модели доходной стратификации в различных европейских странах в середине 2010-х гг., данные ISSP, %

эта массовость приобрела в последние годы гипертрофированную форму, хотя в середине 1990-х гг. ситуация была обратной.

Оценивая приведенные на рис. 2.15 и 2.16 модели, следует помнить также и о том, что верхние 2–3% населения в массовые опросы во всех странах не попадают, и, как мы уже отмечали выше, включение их в модели добавило бы к последним бесконечно длинный и очень узкий шпиль, который в России будет заметно выше, чем в других европейских странах, — ведь «верхушка» общества в нашей стране имеет доходы по крайней мере не ниже, чем в Германии или Швеции, а медиана доходов в ней при этом в разы ниже, чем в этих странах. Тем самым по отношению к общей высоте визуализированных моделей доходной стратификации общества все массовые слои оказываются в России так «сплюснены», что дифференциация разных их подгрупп малозаметна в сравнении с тем, как далеко отстоит от них «верхушка общества».

Важно еще раз напомнить при этом, учитывая особую значимость данного обстоятельства, и о том, что сравнительно низкий уровень доходов населения России в сравнении с населением Германии или Швеции обусловлен не только тем, что ВВП на душу населения в России ниже, но и тем, что в нашей стране относительно меньшая часть самого ВВП попадает в виде доходов к массовым слоям населения. Дополнительно к тому, что говорилось на этот счет в главе 2.2 о соотношении медианного уровня годового дохода и ВВП на душу населения по ППС в Германии и России, добавим также, что уровень доходов граждан в Швеции был в 2012 г. почти в полтора раза выше, чем в Германии, при близости для них показателя ВВП на душу населения (табл. 2.4 в главе 2.2). Это свидетельствует о том, что диспропорции между ВВП на душу населения и медианным уровнем доходов населения характерны не только для России.

Тем не менее, при всех отличиях между ними, все представленные на рис. 2.16 общества, включая и российское, судя по модели их доходной стратификации — это *общества массового среднего класса*. В разных странах численность последнего находилась в середине 2010-х гг. в диапазоне от 59% в Германии до 69% в Венгрии⁶. При этом *общие контуры модели доходной стратификации общества стали к середине 2010-х гг. в рассматриваемых европейских странах еще более схожи, чем за 20 лет до этого*.

Так, если говорить о низкодоходных группах, то для европейской модели доходной стратификации характерны очень малочисленная группа «нищих», относительно небольшая доля «нуждающихся» (с доходами 0,25–0,5 медианы) и сравнительно немногочисленная группа «уязвимых». Разброс в показателях численности этих групп в рамках этой модели сравнительно невелик. На одном полюсе здесь Венгрия с относительно широко распространенной в ней бедностью и значительностью численности высокодоходных слоев — впрочем, Венгрия в лице Виктора Орбана откровенно заявляет о своей самобытности по отношению к другим странам ЕС и в целом проводит довольно жесткую, близкую к неолиберальной, социальную политику. На другом полюсе (из рассматриваемых стран) находится Швеция, много десятилетий реализовывавшая социал-демократический курс. И хотя

---

⁶ В данном случае мы понимаем под средним классом среднедоходные слои, т. е. представителей медианной группы («нижний средний класс») и среднедоходной группы («собственно средний класс»).

усиливающийся кризис государств всеобщего благосостояния в условиях новых технологических реалий и развития процессов глобализации не мог не сказаться на модели доходной стратификации шведского общества, все же для Швеции до сих пор характерна наименьшая из всех рассматриваемых стран доля двух нижних доходных групп.

Если говорить о медианной группе, то для европейской модели доходной стратификации характерна массовость этой группы (около 40% всего населения). Среднедоходная группа при этом также во всех рассматриваемых европейских странах независимо от уровня их экономического развития и исторического прошлого оказалась в середине 2010-х гг. довольно велика и близка по численности. Что же касается обеспеченных (с доходами 2–4 медианы), то в отношении первых также выделяется только Венгрия, в которой их доля в 4–5 раз меньше, чем в остальных странах. Наконец, доля состоятельных (т. е. тех, чьи доходы превышают 4 медианных дохода) в составе массовых слоев населения во всех странах, кроме Венгрии, колеблется около 1%. В Венгрии же она близка к 0 и составляет всего 0,2%⁷.

Таким образом, *на фоне все большей унификации моделей доходной стратификации в европейском регионе за последние 20 лет, основным отличием России в этой области выступает четко проявлявшаяся в этот период, как и в 1970–1980-е гг., тенденция к уравнительности, в результате которой почти половина населения оказалась сосредоточена к середине 2010-х гг. в срединной (медианной) группе.*

Рассмотрим теперь ситуацию с динамикой моделей социальной стратификации в странах неевропейского ареала. К сожалению, страны Азии и Латинской Америки гораздо реже европейских стран участвуют в исследовании ISSP, поэтому мы вынуждены были ограничиться в своем анализе только Мексикой, по которой есть данные за достаточно длительный временной период. Однако поскольку Мексика является довольно типичной развивающейся страной с неолиберальным вектором развития, то анализ данных о динамике модели доходной стратификации мексиканского общества сам по себе также весьма показателен. Кроме того, мы использовали для анализа и данные за 2010-е гг. по таким странам, как Китай и Венесуэла (рис. 2.17).

---

⁷ Отметим, что основная часть представителей этих слоев в массовые опросы не попадает, и на соответствующий показатель в массиве во многом влияет не только сама численность этих слоев, но и степень их закрытости.

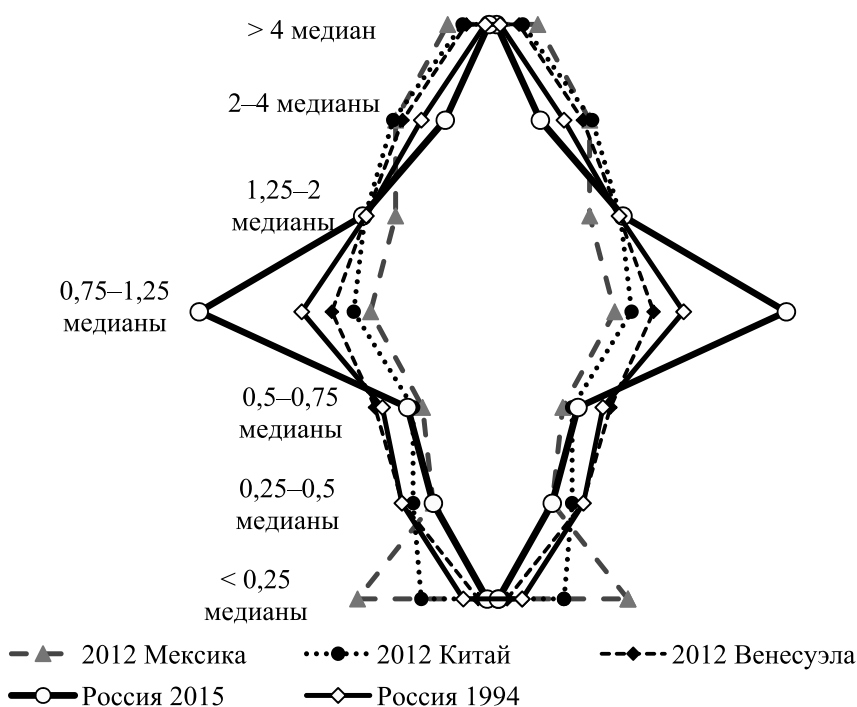

Рис. 2.17. Модели доходной стратификации в России, Мексике, Китае и Венесуэле, данные ISSP, 1994, 2012 и 2015 гг., %

Как видно на рис. 2.17, даже в 1994 г. — очень сложном для нашей страны периоде, характеризовавшемся попытками «подстраивания» под неолиберальную модель развития, — Россия заметно отличалась по своей модели доходной стратификации от нынешнего, намного более благополучного, чем в начале 1990-х гг., вида этой модели в странах неевропейского ареала. Доля медианной группы и тогда, и тем более в 2015 г. была в нашей стране больше, чем в этих странах, а число представителей очень глубокой бедности (с доходами менее 0,25 медианы), напротив, было в сравнении с ними очень невелико. При этом к 2015 г. Россия полностью ушла от характерной для этих стран модели доходной стратификации массовых слоев населения. В то же время в Мексике, например, сложившиеся пропорции различных доходных групп в модели доходной стратификации за 10 лет практически не изменились,

даже несмотря на то, что показатель ВВП на душу населения в ней за это время вырос по данным Всемирного банка с учетом ППС более чем в полтора раза — с 10 348,62 долл. США до 16 289,57 долл. США⁸, и стал сопоставим с этим показателем в 1994 г. для Германии и Швеции, имевшим тогда принципиально иную модель доходной стратификации массовых слоев общества.

В этом контексте ситуация с динамикой модели доходной стратификации массовых слоев населения в России еще раз свидетельствует о том, что наше общество относится к европейскому цивилизационному ареалу — ведь отступления от типичной европейской модели доходной стратификации под влиянием каких-либо серьезных трансформационных процессов, в т. ч. и под влиянием глубоких экономических кризисов, в тех или иных странах временно возможны и в рамках этой модели. Так, в 1994 г. в представленных на рис. 2.15 странах европейского ареала модели доходной стратификации несколько различались. На этом сказывались и трансформационные процессы в Венгрии и Болгарии, переживавших тогда последствия быстрых рыночных реформ, и еще не зашедший далеко процесс кризиса государства всеобщего благосостояния в Швеции. Однако в европейских странах нарастает тенденция унификации моделей доходной стратификации массовых слоев общества, и даже в скандинавских странах, изначально характеризовавшихся в силу их социал-демократического вектора развития и специфической модели социальной политики определенными особенностями доходной стратификации, по мере усиления кризиса государства всеобщего благосостояния распределение доходных неравенств в массовых слоях населения начинает все больше сближаться с характерным для европейского ареала в целом. Россия же демонстрирует сейчас не просто наличие в ней всех характерных для европейской модели доходной стратификации особенностей, но даже проявление этих особенностей в гипертрофированной форме, хотя еще сравнительно недавно и по доле представителей глубокой бедности, и по численности медианной группы она отставала от характерных для европейских стран (и особенно стран Восточной Европы) показателей.

---

⁸ Источник данных: официальная статистика Всемирного банка: «GDP per capita, PPP (current international \$)» (URL: data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD?end=2015&locations&start=2012).

Сравнивая разные страны, до сих пор мы набрасывали лишь самую общую, схематичную картину соотношения в них вектора изменения моделей доходной стратификации. В то же время динамика моделей доходной стратификации в каждой из европейских и неевропейских стран имела в последние десятилетия свои особенности эволюции. Так, если говорить, например, об изменениях с середины 1990-х до середины 2010-х гг.⁹ моделей доходной стратификации в таких развитых европейских странах, как Швеция и Германия, то, как видно на рис. 2.18, можно констатировать, что *модель доходной стратификации в Германии оставалась на протяжении двух рассматриваемых десятилетий практически неизменной*. То небольшое превышение численности медианной группы в 1994 г. по отношению к 2002 и 2012 гг., которое заметно

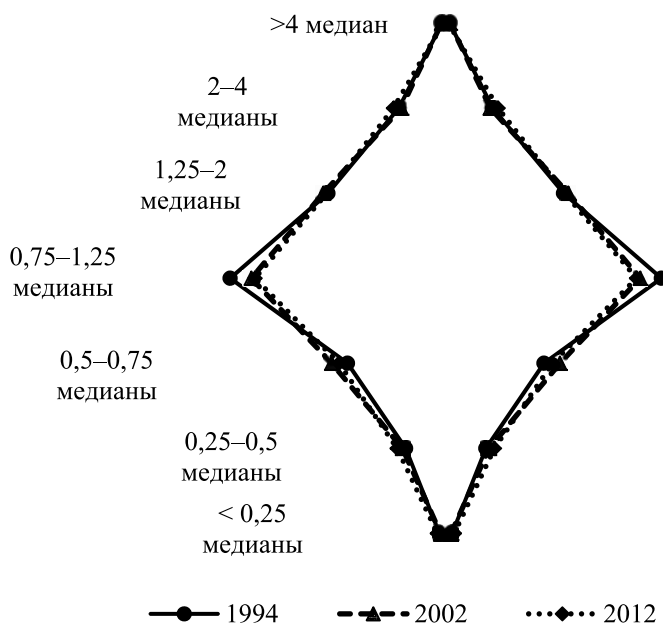

Рис. 2.18. Динамика модели доходной стратификации в Германии, данные ISSP, 1994–2012 гг., %

⁹ К сожалению, в базе данных ISSP не по всем странам есть данные за все рассматриваемые в данной главе годы. Именно этим объясняется, что на рисунках, относящихся к разным странам, могут быть использованы разные годы.

на рис. 2.15, обусловлено более высокой численностью этой группы в середине 1990-х гг. в Восточной Германии по отношению к Западной (47,8 против 35,5% при 40,8% в среднем по Германии за этот год). Впоследствии эти различия в значительной степени сгладились и модель приобрела абсолютно устойчивый вид.

Что же касается Швеции, то ее в последние два десятилетия также характеризует достаточно устойчивая и типичная для европейских обществ модель доходной стратификации. В то же время до середины 1990-х гг. Швеция отличалась повышенной по отношению к последующему периоду долей высокодоходных и среднедоходных слоев при относительно меньшей численности медианной группы. Так, в 1994 г. доля высокодоходных слоев (с доходами более 2 медиан) составляла в этой стране 10,3%, а к середине 2010-х гг. она сократилась до примерно 9% (9,0% в 2012 г. и 9,2% в 2015 г.). Численность среднедоходных слоев также сократилась с 28,2% в 1994 г. до 26,6% в 2015 г. При этом доля в населении представителей медианной группы выросла за это время с 27,4 до 34,6%. На столь явной динамике сказался прежде всего начавшийся в ней еще в 1980-е гг. кризис государства всеобщего благосостояния, особенно болезненный для стран со скандинавской моделью социальной политики. Тем не менее, как видно на рис. 2.19, рост численности медианной группы шел в Швеции не только за счет «сползания» в нее части среднедоходных слоев, но и за счет перехода в ее состав части представителей низкодоходных слоев населения, доля которых в общей численности населения стала составлять к середине 2010-х гг. 29,7% (при 34,1% в 1994 г.). Таким образом, *рост медианной группы в последние два десятилетия шел в Швеции за счет снижения поляризованности общества и в целом привел к сближению модели доходной стратификации шведского общества с типичной для Европы ее моделью.*

Тенденция выравнивания национальных различий и выхода на традиционную для европейских стран модель доходной стратификации характеризовала и постсоциалистические страны Восточной Европы, причем действовала эта закономерность практически независимо от уровня экономического развития. В то же время в каждой стране также были свои незначительные вариации этой эволюции, связанные со спецификой ее ситуации. Так, например, в Венгрии (рис. 2.20) за счет сокращения высокодоходных групп

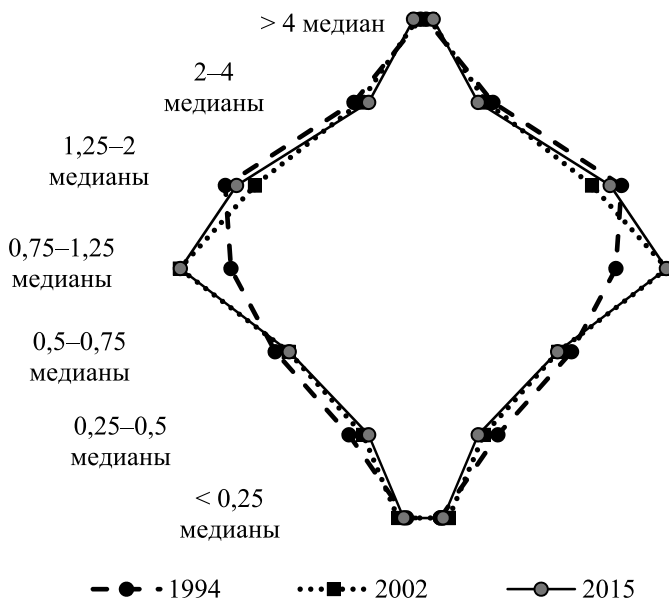

Рис. 2.19. Динамика модели доходной стратификации в Швеции, данные ISSP, 1994–2015 гг., %

(с доходами свыше 2 медиан) за последние 20 лет увеличилась доля представителей двух наиболее бедных групп (с 7,8% в 1994 г. до 16,3% в 2014 г.) и особенно группы «нищих» (с 0,8 до 4,3% соответственно). Однако численность медианной группы осталась при этом практически неизменной (44,2% в 1994 г. и 45,9% в 2014 г.). Решающую роль в этих изменениях сыграл кризис 2008–2009 гг., который Венгрия перенесла более болезненно, чем, например, Болгария. Достаточно сказать, что если в 2002 г. доля группы с доходами до 0,5 медианы составляла в Венгрии 11,3%, то к 2012 г. ее доля выросла до 17,8%. Спустя два года, когда последствия кризиса стали ощущаться в Венгрии уже гораздо меньше, численность этой группы в ней хотя и сократилась, но лишь до 16,3%. В то же время динамика численности высокодоходных слоев характеризовалась в этой стране тенденцией непрерывного их сокращения весь рассматриваемый период — с 7,0% в 1994 г. до 6,1% в 2002 г., 4,2% в 2012 г. и 2,4% в 2014 г. Думается, такая динамика общей ситуации с возможностями улучшения своего материального положения (а доля той или

иной доходной группы является одним из индикаторов «структуры возможных позиций», которые предоставляет общество своим членам, и сокращение числа наиболее привлекательных позиций свидетельствует и о сокращении возможностей их занятия) немало способствовала приходу к власти в Венгрии в 2010 г. партии «Фидес», в результате чего с 2010 г. страной руководит жесткий и консервативно настроенный политик Виктор Орбан, ставящий порой под вопрос даже европейский вектор развития страны.

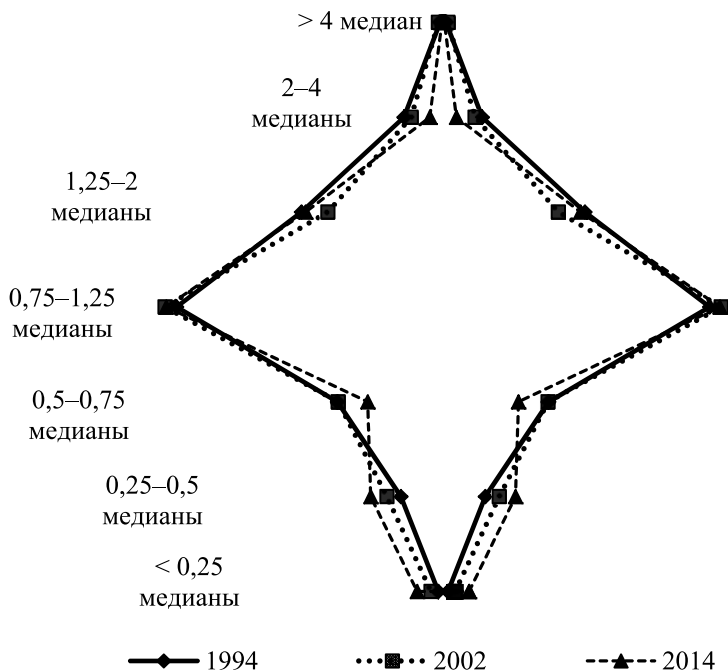

Рис. 2.20. Динамика модели доходной стратификации в Венгрии, данные ISSP, 1994–2014 гг., %

Наконец, в Болгарии, этой беднейшей стране Евросоюза, модель доходной стратификации в целом сравнительно мало изменилась за двадцать лет, прошедших с середины 1990-х гг., и весь этот период сохраняла типичный для европейских стран облик (рис. 2.21). Тем не менее, при практически неизменной численности медианной группы (39,2% в 1994 г. и 37,6% в 2012 г.), за счет

заметного снижения численности высокодоходных слоев (с 15,5 до 9,8%) в Болгарии за это время выросла численность среднедоходной группы (с 19,7 до 23,2%). Увеличилась в составе населения Болгарии и доля низкодоходных слоев (с 25,6 до 29,4%), особенно — группы нищего населения (с 2,5 до 9,5%). Таким образом, несмотря на неоднозначность идущих в Болгарии изменений, в целом можно говорить об устойчивой тенденции «сползания» за это время вниз по шкале доходной стратификации в каждой доходной группе некоторых ее представителей. И хотя в каждой отдельной группе их было сравнительно немного (в каждом отдельном случае 2–3%), но в целом по населению эта тенденция затронула довольно большое количество людей. С учетом очень низкого уровня доходов в Болгарии не только в середине 1990-х гг. (что население понимало и оправдывало переходом к рыночным реформам), но даже в середине 2010-х гг. (напомним, что медианные доходы населения Болгарии составляли в 2012 г. с учетом ППС, судя по данным ISSP, всего 312,5 долл. США¹⁰) не удивительно, что Болгария характеризуется достаточно сильной неудовлетворенностью жизнью ее граждан и распространением среди них протестных настроений, проявляющихся и в постоянных досрочных парламентских выборах в этой стране, и в избрании в 2016 г. на пост президента сравнительно нового для болгарского истеблишмента человека — Румена Радева, ориентированного на более самостоятельный внешнеполитический курс страны и сильную социальную политику внутри нее.

Итак, общий вектор развития моделей доходной стратификации европейских стран в целом понятен — *несмотря на некоторые колебания, носящие в каждой из стран специфический характер, связанный с условиями их развития в последние два десятилетия, для всех них характерны как общая модель доходной стратификации, так и сохранение этой модели и ее характерных особенностей на протяжении двух последних десятилетий. Причем, при относительной устойчивости этих моделей, им присуще постепенное все большее сближение между собой.*

---

¹⁰ Источник данных: официальная статистика Всемирного банка: «PPP conversion factor, private consumption (LCU per international \$)» (URL: databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&series=PA.NUS.PRVT.PP&country=).

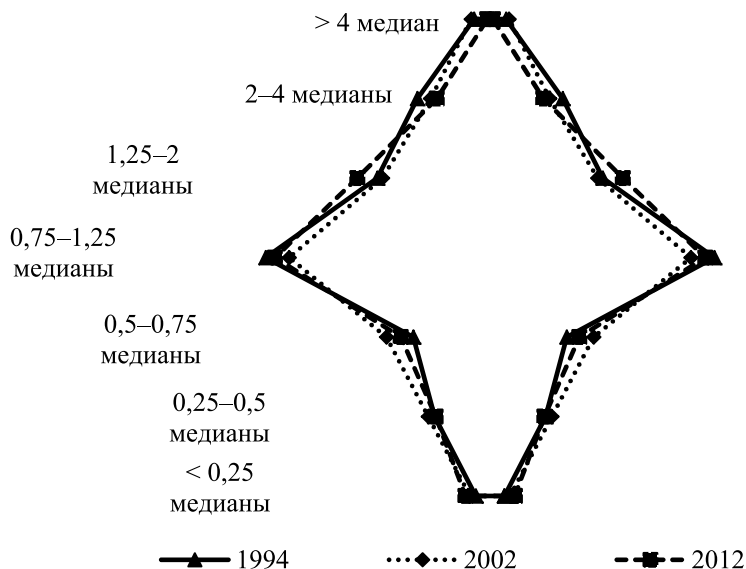

Рис. 2.21. Динамика модели доходной стратификации в Болгарии, данные ISSP, 1994–2012 гг., %

Насколько характерные для динамики европейской модели доходной стратификации обществ особенности прослеживаются в России? То, что сама по себе модель стратификации российского общества тяготеет к европейской модели, мы показали в предыдущей главе, а также в приведенном выше материале данной главы. Но на какие периоды приходится изменения тенденций в эволюции модели доходной стратификации массовых слоев населения в нашей стране? Отчасти ответы на эти вопросы содержатся в том анализе динамики стратификации российского общества, который был дан в главе 2.1 и в данной главе. Добавим к нему некоторые дополнительные детали, используя ту же базу данных, что была использована нами при анализе динамики моделей доходной стратификации в других странах, что позволит сделать наш анализ этой модели в период 1994–2015 гг. еще более корректным, а выводы — более надежными.

Как видно на рис. 2.22, в целом, опираясь на данные ISSP, можно говорить о том, что если в середине и особенно в начале 1990-х гг., под влиянием шока от проводимых по рекомендациям американских консультантов нелиберальных реформ, российское общество

заметно отличалось по своей модели доходной стратификации от характерной для европейских стран, то к 2002 г. оно стало в целом соответствовать этой модели. Это означает, что основным перелом тенденций и возвращение к «выравниванию по среднему», а вместе с тем — и к характерному для европейских стран соотношению различных доходных групп в общей модели доходной стратификации произошел еще до периода экономического роста в начале и середине 2000-х гг., фактически еще в начальный период ликвидации основных негативных последствий шоковой «рыночной терапии». Приводившиеся в главе 2.1 статистические данные об особенностях доходного распределения в 1970–1980-е гг. и на рубеже 1980–1990-х гг. говорят о том, что российское общество соответствовало этой модели и до начала рыночных реформ 1990-х гг. И хотя это возвращение «к истокам» произошло несколько позже, чем в других постсоциалистических странах, но все же в историческом масштабе период отклонения от этой модели в нашей стране был сравнительно невелик. В последующем же, даже несмотря на экономические кризисы 2008–2009 и 2014–2016 гг., эта близость только усилилась.

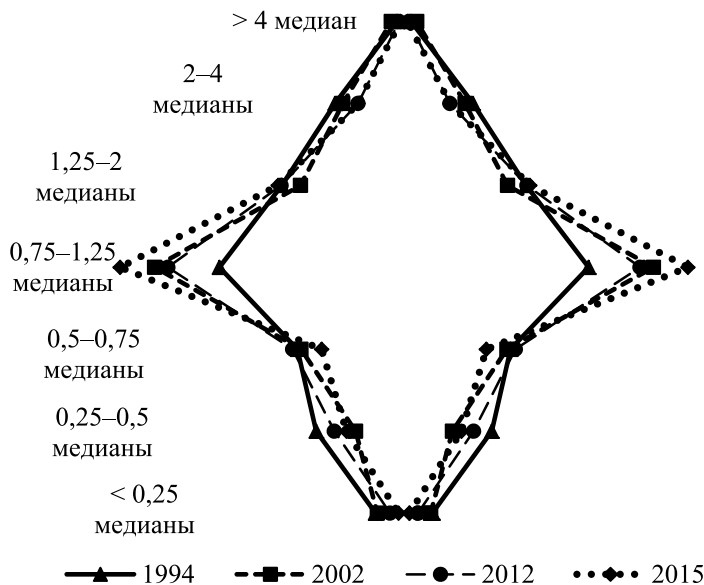

Рис. 2.22. Динамика модели доходной стратификации в России, данные ISSP, 1994–2015 гг., %

Таким образом, хотя в истории нашей страны были отдельные краткосрочные периоды, когда Россия несколько отходила от европейской модели доходной стратификации (как, например, в 1990-е гг.), но большую часть времени за последние полвека она демонстрировала все характерные для этой модели особенности. И если в 1994 г. доля «нищих» составляла в России 4,7% населения, то даже в разгар кризиса (осенью 2015 г.) она составляла уже всего 0,9%. То же касается и группы «нуждающихся», доходы которых, как и у «нищих», в 100% случаев ниже установленного в их регионах прожиточного минимума. В итоге если в 1994 г. численность этой группы достигала 14,5%, то в 2015 г. составила уже лишь 9,5% (при этом накануне кризиса 2014–2016 гг. доля имеющих доходы от 0,25 до 0,5 медианы составляла вообще всего 8,3%, в т. ч. 7,0% нуждающихся и 1,3% нищих). Резко выросла за это время в нашей стране, о чем уже неоднократно упоминалось выше, и численность медианной группы — с 30,5 до 45,9% (при 47,6% накануне последнего экономического кризиса). В то же время сократилась, причем заметно (с 12,6 до 8,2%), доля людей с доходами более 2 и особенно 4 медиан (с 1,2 до 0,6%). Это в очередной раз подтверждает тенденцию «выравнивания по среднему», о которой мы также уже говорили выше.

В то же время, если обратиться к динамике модели доходной стратификации массовых слоев в развивающихся странах неоллиберальной ориентации на примере Мексики, то за 10 лет, прошедших с 2002 по 2012 г., не наблюдается развития в ней тенденций, схожих с теми, которые определяли эволюцию доходной иерархии российского общества (рис. 2.23). Скорее можно говорить о том, что в Мексике модель доходной стратификации была стабильна.

Если пропорции модели доходной стратификации в Мексике и менялись в рассматриваемый период, то касалось это в основном смежных групп, и в целом изменения были столь невелики, что вполне укладывались в величину статистической погрешности. При этом напомним — по уровню своего ВВП на душу населения Мексика была в 2012 г. близка к Болгарии, хотя медианные доходы населения в ней были в 2,5 раза ниже (см. табл. 2.4 в предыдущей главе), а ВВП на душу населения в Мексике вырос с учетом ППС по данным Всемирного банка за это время более чем в полтора

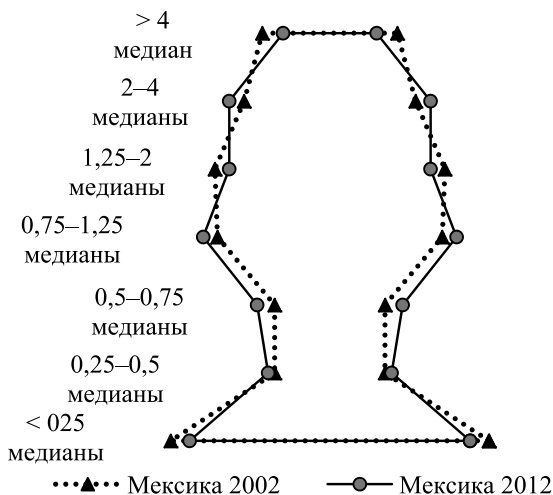

Рис. 2.23. Динамика модели доходной стратификации в Мексике, данные ISSP, 1994–2015 гг., %

раза — с 10 348,62 долл. США до 16 289,57 долл. США¹¹. Однако даже столь существенный рост ВВП и сравнительно высокие его показатели на душу населения не привели, как видим, к изменению самой модели.

Это означает, если учесть также то, что говорилось выше об особенностях динамики модели доходной стратификации в разных странах, что *модель доходной стратификации связана не с уровнем экономического развития и не с его динамикой, а: 1) с историческим прошлым страны, определяющим социально-профессиональную структуру общества, 2) с особенностями ценностно-нормативных систем ее населения, влияющими на легитимность определенной глубины и распределения неравенства в массовых слоях населения, и 3) политическим курсом ее руководства, который методами социальной политики может влиять на распределение доходного неравенства в обществе, прежде всего — за счет сокращения глубокой бедности.*

Кроме того, как и устойчивость моделей доходной стратификации всех рассмотренных европейских стран, устойчивость модели

¹¹ Источник данных: официальная статистика Всемирного банка: «GDP per capita, PPP (current international \$). Mexico» (URL: data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD?end=2012&locations=MX&start=2002).

доходной стратификации мексиканского общества означает также, что *именно высокая стабильность этих моделей является своего рода социетальной нормой. Изменения в ней обычно отражают очень серьезные изменения в самом обществе* (как, например, постепенную перестройку социал-демократической модели государства всеобщего благосостояния в Швеции или развитие процессов экономической и социальной модернизации в Китае), но и в этом случае изменения модели имеют медленный и плавный характер. *На этом фоне резкость изменения и общая неустойчивость модели доходной стратификации в России также выглядят как ее специфическая особенность, отражающая неоднозначность изменений, идущих в российском обществе в последние десятилетия, и исключительность их масштабов.*

Подведем итоги.

Анализ динамики моделей доходной стратификации различных стран за последние двадцать лет еще раз подтвердил тот факт, что модель стратификации по доходам, в основу которой положен принцип соотнесения среднедушевых доходов в конкретном домохозяйстве с медианными доходами в стране, хорошо фиксирует особенности, связанные с разными моделями социума. Продемонстрировал он и то, что модель доходной стратификации российского общества не только типична для европейских стран, но и тяготеет при реализуемом с начала 2000-х гг. и поддерживаемом населением политическом курсе к очень яркому, можно даже сказать гипертрофированному, проявлению некоторых из особенностей общеевропейской модели доходной стратификации. Так, в России даже в меньшей степени, чем в других рассмотренных европейских странах (не говоря уже о странах, относящихся к иным цивилизационным ареалам развития), распространена нищета (т. е. доходы не более чем в 0,25 от медианы доходов). В то же время в первой половине 1990-х гг., когда Россия ориентировалась в проводимых ею реформах (в отличие от постсоциалистических стран Восточной Европы) на неолиберальную модель развития, в принципе нехарактерную для континентальной Европы, ситуация была совершенно иной и доля как низкодоходных слоев в целом, так и отдельных их подгрупп была в России заметно выше, чем в других постсоциалистических странах, также переживавших тогда трансформационные шоки.

Отказ с начала 2000-х гг. от попыток реализации рекомендаций МВФ, Всемирного банка и разного рода американских советников означал и отказ от попыток реализации неолиберального вектора развития, приведших к концу 1990-х гг. к катастрофическому падению доверия населения к власти в целом и президенту страны Б. Ельцину в особенности. Этот отказ от неолиберальной политики вызвал также серьезное изменение ситуации с доходной стратификацией массовых слоев населения в нашей стране: рост реальных доходов в ней стал сопровождаться быстрым сближением модели доходной стратификации в России с типичной для стран европейского ареала и цивилизационно гораздо более близкой России моделью. Таким образом, на фоне общей устойчивости моделей доходной стратификации во всех типах стран как нормы общественного развития (причем и в развитых странах, и в постсоциалистических европейских странах, и в развивающихся странах бывшего «третьего мира» с неолиберальной ориентацией) наша страна всего за четверть века пережила очень резкие и масштабные изменения соответствующей модели, причем изменения эти носили разнонаправленный характер — в начале 1990-х гг. срединные группы населения резко сократили свою численность, а на рубеже 1990–2000-х гг. увеличили ее, и этот процесс роста медианной группы продолжался вплоть до начала экономического кризиса 2014–2016 гг.

В результате в России стала очень наглядно просматриваться такая характерная особенность европейской модели стратификации, как безусловное доминирование медианной группы, составляющей в совокупности со среднедоходным населением экономическую базу среднего класса этих стран. Эта особенность европейских моделей доходной стратификации, просматривавшаяся в нашей стране даже в тяжелые 1993–1994 гг., к середине 2010-х гг. достигла гипертрофированных масштабов — доля медианной группы стала в России не просто намного больше, чем это типично для европейских стран, но и достигла в начале 2010-х гг. практически половины населения. Это означает, что примерно половина россиян жила перед началом экономического кризиса 2014–2016 гг. по единому потребительскому стандарту, воспринимаемому как абсолютная норма («жить как все»). Единственная из европейских стран, где доля медианной группы в населении была в тот период

почти столь же велика (и лишь на 1% меньше, чем в России), — это очень близкая к нашей стране по ряду экономических показателей Венгрия. В то же время в Венгрии чрезвычайно мала доля высокодоходных групп в составе массовых слоев населения, чего нельзя сказать о России, близкой в этом отношении к другим европейским странам.

Если же давать общую оценку изменений модели доходной стратификации в России на фоне других стран за период с начала 1990-х гг., то прежде всего следует отметить, что попытки реализации неолиберального политического курса в «ельцинскую эпоху» привели не только к резкому падению доходов основной массы населения, но и к «сжатию» медианной группы, особенно болезненному после избыточной социальной и доходной однородности российского общества. Отказ от нелиберального курса с приходом к руководству страной В.В. Путина вызвал очень быстрый рост численности медианной группы до европейского стандарта (примерно 40%), а затем, проскочив «точку равновесия», привел и к развитию столь характерной для советского и нынешнего этапов развития России тенденции «выравнивания по среднему» массовых слоев населения. При этом важно подчеркнуть, что тенденция роста уравнительности проявилась в современной России не только за счет уменьшения численности низкодоходных групп, что можно было бы лишь приветствовать, но и за счет сокращения относительно высокодоходных групп в составе массовых слоев населения. И хотя сокращение этих групп в ходе рыночных реформ является для постсоциалистических стран общей закономерностью (так, в Венгрии их численность уменьшилась с 1994 г. в 3,5 раза, в Болгарии — в 1,6 раз, в России также в 1,6 раз), а выход из экономического кризиса 2008–2009 гг. способствовал их росту, но про период после кризиса 2014–2016 гг. этого сказать уже нельзя. Кроме того, в развитых странах численность этих групп, несмотря на все кризисы, остается по меньшей мере стабильной, как в Швеции, или даже растет, как в Германии.

С учетом других особенностей эволюции модели доходной стратификации развитых и постсоциалистических европейских стран, это означает, что хотя Россия безусловно была и есть по типу ее модели доходной стратификации массовых слоев населения европейской страной, но при этом она обладает ярко выраженной

спецификой. Главной ее особенностью на фоне всех остальных рассмотренных стран является ярко выраженная тенденция к уравнительности (концентрации населения в составе медианной группы при сокращении двух верхних и двух нижних доходных групп). Даже кризисные явления в российской экономике влияют на реализацию этой тенденции не очень значительно. Так, в ходе последнего экономического кризиса с характерным для него ощутимым падением реальных доходов населения уровень жизни всех массовых групп российского общества хотя и понизился, но произошло это для разных групп примерно в равной степени, и пропорции отдельных групп в рамках общей модели доходной стратификации в целом сохранились. Второй характерной особенностью модели доходной стратификации в нашей стране выступает ее лабильность и ярко выраженная тенденция интенсивного реагирования на изменение социально-экономических условий развития России. Наконец, третьей ее важной особенностью, хотя о ней говорилось не в данной главе, а в главах 2.1 и 2.2, выступает очень значительный и все углубляющийся отрыв «верхушки» общества с наиболее высокими доходами от его массовых слоев, стандарт жизни которых становится все более единообразным.

Глава 2.4. Территориально-поселенческая вариативность доходной стратификации в России: состояние и тенденции изменений

Общий контур модели доходной стратификации российского общества имеет определенные вариации в регионально-поселенческом разрезе. В условиях существенной территориальной неоднородности страны не удивительно, что и возможности жителей разных населенных пунктов в отношении получения доходов заметно дифференцированы. Региональные неравенства — привычное явление даже в развитых странах, позиционирующих себя как социальные государства¹. В России же этот тип неравенств зачастую вообще рассматривается как основной фактор неравенства доходов в стране². Так, если, согласно данным ФСГС РФ, среднедушевые доходы населения в апреле 2017 г. были равны 30 522 руб.³, то «размах» этого показателя в разрезе регионов составлял более 5,5 раз: наименьшие доходы наблюдались в республике Тыва (11 963 руб.), а наибольшие — в Чукотском автономном округе (66 134 руб.). В Москве этот показатель был равен в тот момент 63 768 руб., приближаясь к верхнему значению доходов в стране (подробные данные о вариативности доходов приведены в Приложении 20).

В 10% регионов с самыми низкими среднедушевыми доходами традиционно входят в основном национальные республики: Тыва, Ингушетия, Марий Эл, Карачаево-Черкессия, Чувашия, Калмыкия, а также Республика Алтай и Саратовская область. К верхнему децилю субъектов РФ по этому показателю весной 2017 г.

---

¹ *Martin P.* The Geography of Inequalities in Europe // *Swedish Economic Policy Review*. 2005. No. 12; *Zubarevich N., Safronov S.* Regional Inequality in Large Post-Soviet Countries // *Regional Research of Russia (RRR)*. 2011. Vol. 1. No. 1.

² См., например, *Овчарова Л. Н., Попова Д. О., Рудберг А. М.* Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // *Журнал новой экономической ассоциации*. 2016. № 3 (31).

³ Среднедушевые денежные доходы населения. ФСГС РФ (URL: www.gks.ru/free_doc/doc_2017/monitor/info-stat-05-2017.rar).

относились Мурманская, Московская, Тюменская, Сахалинская, Магаданская области, а также Москва, Санкт-Петербург и Чукотский автономный округ. По доходной шкале ФСГС РФ⁴ видны территориальные различия в разрезе не только регионов, но и федеральных округов (Приложение 21). Субъекты РФ из таких федеральных округов, как Дальневосточный, Уральский, Северо-Западный, являются наиболее благополучными с точки зрения доходов, а из Южного, Северо-Кавказского, Приволжского и Сибирского — наименее благополучными. Входящие в Центральный ФО субъекты РФ достаточно дифференцированы в этом отношении. В целом на базе распределения абсолютных показателей среднедушевого дохода можно выделить три группы регионов:

- 1) *высокодоходные регионы* со смещением доходов в сторону максимальных; в них доля населения со среднедушевыми доходами правого «хвоста» доходного распределения (максимальные доходы) превышает среднероссийский уровень, а левого (минимальные доходы) — ниже него;
- 2) *низкодоходные регионы* со смещением доходов в сторону минимальных; в них доля представителей наименее благополучных доходных групп выше, чем в стране в целом, а наиболее благополучных — ниже;
- 3) *средние регионы*, среди населения которых «хвостовые» доходы представлены реже, чем в среднем по стране, а срединные — чаще⁵.

К первой группе относятся⁶ 27 регионов, включая Москву, Санкт-Петербург, Республику Татарстан, Московскую, Калужскую, Липецкую, Мурманскую, Нижегородскую, Свердловскую,

---

⁴ Доходная шкала Росстата в целом носит исключительно статистический характер и не является попыткой дифференцировать реальные социальные группы.

⁵ При этом смещение доходов в них также может иметь точку притяжения в более или менее благополучных в материальном отношении доходных группах, но мы не предлагаем дополнительной классификации этих средних регионов. Это приводит к тому, что к ней относятся такие разные, в т. ч. по доходам, регионы, как республика Дагестан и Томская или Калужская области.

⁶ Стоит отметить, что классификация не постоянна по наполнению и регионы в разные годы могут быть отнесены к разным группам. Здесь приводятся примеры согласно данным Росстата за 2016 г. Подробнее см. Приложение 21.

Тюльскую, Тюменскую области, Краснодарский край, а также практически весь Дальневосточный федеральный округ, что обусловлено высокой стоимостью жизни в нем.

Регионы второго типа (47 регионов⁷) концентрируются в Южном, Северо-Кавказском, Приволжском и Сибирском федеральных округах.

Группа средних регионов (8 регионов) — наименьшая по численности входящих в нее субъектов РФ и включает Костромскую, Тверскую, Ярославскую, Калининградскую, Новгородскую и Томскую области, а также Еврейскую автономную область и Севастополь.

Внутри самих регионов доходы распределены также неравномерно, и уровень неравенства, согласно коэффициенту Джини, в них варьировался в 2017 г. от 34,1% в Чувашской республике и Кировской области, 34,2% в Тверской области до 41,9% в Москве и 42,6% в Тюменской области. Похожая картина складывалась и при использовании коэффициента фондов, который описывает соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее благополучного населения согласно показателю среднедушевых доходов в этих децилях — он варьировался от 7,3 в Севастополе, 7,5 в Крыму, 9,3 в Тверской области и Республики Карелия до 17,7 и 17,8 в Москве и Тюменской области соответственно⁸.

В части регионов, по сравнению с общероссийским уровнем, перераспределение доходов происходит в пользу наиболее благополучного населения, еще больше усиливая уровень неравенства (табл. 2.9). Это касается в первую очередь Москвы, Республики Башкортостан, а также Тюменской и Сахалинской областей. В этих субъектах Российской Федерации удельный вес общего объема денежных доходов, приходящихся на пятый доходный квинтиль (с наибольшими доходами), превышает общероссийский показатель. Обратной является ситуация в Республиках Карелия и Чувашия, Томской и Кировской областях, а также в Севастополе и Камчатском крае.

⁷ Количество регионов рассчитывалось исходя из того, что Ненецкий АО относится к Архангельской области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО — к Тюменской области.

⁸ Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения в целом по России и по субъектам Российской Федерации. За 2017 г. ФСГС РФ (URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/tab-bed1-2-4.htm).

Таблица 2.9

Распределение общего объема денежных доходов
по 20-процентным группам населения отдельных регионов,
2017 г., %⁹

Субъекты РФ	Первая (с наимень- шими дохо- дами)	Вторая	Третья	Четвер- тая	Пятая (с наиболь- шими дохо- дами)
<i>Российская Федерация</i>	<i>5,4</i>	<i>10,1</i>	<i>15,1</i>	<i>22,6</i>	<i>46,8</i>
Тюменская область	5,0	9,6	14,7	22,5	48,2
г. Москва	5,2	9,8	14,9	22,5	47,6
Республика Башкортостан	5,2	9,9	14,9	22,6	47,4
Сахалинская область	5,3	10,0	15,1	22,6	47,0
Республика Башкортостан	5,2	9,9	14,9	22,6	47,4
Томская область	6,9	11,8	16,5	23,1	41,7
г. Севастополь	7,0	11,8	16,5	23,1	41,6
Кировская область	7,0	11,8	16,5	23,1	41,6
Чувашская республика	7,1	11,9	16,6	23,1	41,3
Республика Карелия	7,2	12,1	16,7	23,1	40,9

Согласно данным ФСГС РФ за апрель 2017 г., не менее чем в половине регионов среднедушевой доход населения был ниже 24258,5 руб. Усредненный показатель доходов населения в регионах из нижнего дециля составил 18424,5 руб., а из верхнего — 39252,7 руб. (рис. 2.24). Соответственно, если оценить дифференциацию регионов в части доходов за счет адаптирования привычного для оценки неравенства доходов в рамках одной пространственной единицы — коэффициента фондов или децильного коэффициента¹⁰, то этот показатель будет равен 2,13. Это означает, что *даже по усредненным, т. е. достаточно сглаженным показате-*

⁹ Там же. Жирным шрифтом выделены показатели, превышающие среднероссийские.

¹⁰ В такой трактовке он равен соотношению среднедушевых доходов 10% групп регионов с самыми высокими и самыми низкими его показателями. См. использование такой трактовки коэффициента фондов, например, в: *Зубаревич Н.В.* Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010; *Россошанский А.И.* К вопросу о региональной дифференциации качества жизни населения // Проблемы развития территории. 2015. № 1 (75).

лям, российские регионы в разы различаются в уровне доходов их населения. При этом показатели доходов для 3–6 децилей в регионах очень схожи, в то время как при приближении к краям распределения среднедушевых доходов между ними просматриваются более значительные разрывы. Особенно заметно от остальных отрывается дециль с самыми высокими доходами. Это означает, что *регионы по уровню доходов населения в них сильно поляризованы. При этом благополучный полюс отрывается от середины сильнее, чем неблагополучный*, что, впрочем, свойственно и неравенству доходов населения в целом. Означает это и еще один важнейший факт — *различия доходов между регионами во многом скрывают за собой различия в доходах нескольких верхних процентов их населения, а не в доходах представителей массовых слоев в них.*

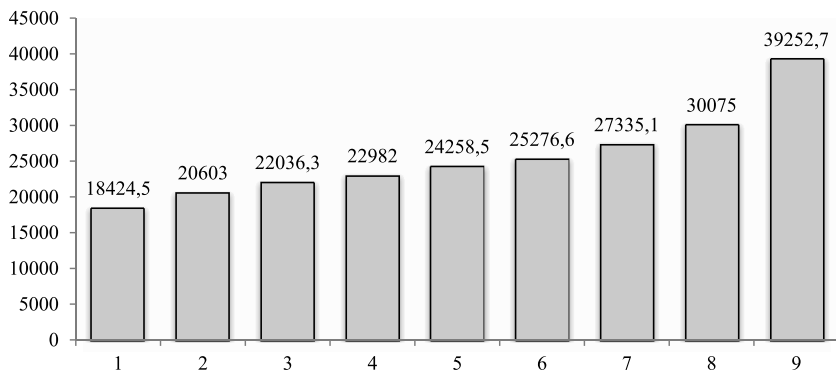

Рис. 2.24. Среднедушевой доход в российских регионах по их децильным группам, 2017 г., руб.¹¹

Наряду с региональным неравенством, заметный вклад в общее неравенство доходов вносит и неравенство, обусловленное дифференциацией доходов в населенных пунктах разных типов. Так, например, согласно данным ИС ФНИСЦ РАН 2017 г.¹², среднедушевые доходы населения в целом составляли

¹¹ Расчеты произведены на основе данных ФСГС РФ «Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации» (URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1246601078438).

¹² Эмпирический анализ в рамках данной главы, если не оговорено иное, основан на данных шестой волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН (см. Приложение 1).

18 359,5 руб.¹³ При этом для жителей городов этот показатель составлял 20 121 руб., а поселков городского типа (ПГТ) и сел — 13 818 руб., т. е. был в 1,5 раза меньше. В наибольшей степени на общем фоне отличались столицы — Москва и Санкт-Петербург. Среднедушевые доходы их населения (34 974 руб.) в 2,5 раза превышали доходы сельских жителей и в 1,9 раза — доходы населения региональных центров. Впрочем, и сами столицы были достаточно дифференцированы между собой в доходах: для Москвы соответствующий показатель насчитывал даже для попадающих в выборки массовых опросов ее жителей 37 617 руб., а для Санкт-Петербурга — 29 592 руб. Таким образом, *вклад неравенства населенных пунктов разных типов в общее неравенство доходов, по крайней мере в рамках срезов «столицы — регионы» и «город — село», неоспорим.*

Этот факт подтверждается и более строгими оценками. Например, согласно индексу Тейла, рассчитанному на данных ИС ФНИСЦ РАН, неравномерность распределения среднедушевого дохода массовых слоев населения, попадающих в социологические опросы, внутри населенных пунктов разных типов варьируется от 0,104 в столицах до 0,130 в региональных городах (в сельской местности он равен 0,124). Таким образом, массовые слои населения столиц дифференцированы между собой чуть меньше, чем население остальных населенных пунктов, максимальна же эта дифференциация в региональных городах. Для населения страны в целом значение индекса Тейла составило 0,172. Это доказывает, что *даже если говорить только о массовых слоях населения, то неравенство в стране в целом сильнее, чем внутри населенных пунктов одного типа.* При этом, согласно декомпозиции индекса¹⁴, на долю неравенства между типами насе-

¹³ Стоит отметить, что эти данные заметно разнятся с данными государственной статистики, т. к. в массовые опросы населения не попадают наиболее обеспеченные россияне, и ФСГС РФ при расчете уровня доходов использует различные процедуры доначисления.

¹⁴ Т. к. индекс Тейла можно декомпозировать, то для показателя неравенства, рассчитанного этим способом, можно выделить межгрупповую и внутригрупповую составляющие. Внутригрупповая составляющая рассчитывается как доля в общем индексе средневзвешенного индекса Тейла. Весами для взвешивания выступают доли населения, проживающего в поселениях соответствующего типа. Межгрупповая составляющая рассчитывается как разница единицы и доли внутригруппового неравенства. Подробнее о расчете индекса Тейла для оценки неравенства и его исполь-

ленных пунктов приходится около 27% от общего уровня доходного неравенства. Таким образом, *хотя основной вклад в общую дифференциацию доходов вносит неравенство, не связанное с типом населенного пункта, но и вклад собственно поселенческого фактора достаточно высок*. Это заставляет больше внимания уделить вопросу территориальной неоднородности модели доходной стратификации, специфицировав ее для населенных пунктов разных типов.

Модель доходной стратификации российского общества относительно *страновой* медианы среднедушевых доходов с выделением 7 доходных групп¹⁵ для населенных пунктов разного типа была описана в главе 1.2 данной книги и очертаниями напоминает юлу с двумя ярко выраженными вершинами — верхней и нижней, и симметричностью фигуры в целом относительно горизонтальной оси. При этом для районных центров модель структуры практически полностью повторяет общероссийскую, в то время как для сельской местности она несколько «проседает вниз», а для областных центров «приподнимается вверх» без потери «размаха крыльев» (рис. 2.25). В то же время на общем фоне очень заметно выделяются очертания модели доходной стратификации населения столиц — Москвы и Санкт-Петербурга. Для них очертания модели существенно смещены вверх, нижний шпиль при этом заметно удлиняется, верхний — исчезает, а «размах крыльев» фигуры увеличивается. Таким образом, *при использовании страновой медианы для соотношения с ней доходов населения, столицы даже при анализе массовых слоев их населения представляют собой общество массовых средне- и высокодоходных слоев, в то время как во всех остальных населенных пунктах наиболее представительными являются медианная и среднедоходная группы. При этом ярко выраженной спецификой очертаний модели доходной стратификации отличаются только два столичных города, остальные же населенные пункты очень схожи по очертаниям модели доходной стратификации в них друг с другом*.

зовании для декомпозиции факторов неравенства см., например: *Капелюк С.Д., Брякотнина Е.А., Гурьянов Т.И., Заяц Е.Ю.* Внутрирайонное неравенство в доходах и потреблении товаров и услуг: масштабы, факторы, последствия // Региональная экономика. 2012. № 33.

¹⁵ Первая группа — россияне с доходами до 0,25 медианы включительно, вторая — от 0,25 до 0,5 медианы, третья — 0,5–0,75 медианы, четвертая — 0,75–1,25 медианы, пятая — 1,25–2 медианы, шестая — 2–4 медианы, а седьмая — свыше 4 медиан.

ции низкодоходных слоев, чем сейчас. Таким образом, *очертания модели доходной стратификации в 2003 г., в отличие от ситуации 2017 г., имели ярко выраженную специфику не только у столиц, но и у населенных пунктов других типов, в частности — сельских. Кроме того, в 2003 г. при переходе от столиц к селам менялся общий вид модели доходной стратификации российского общества (с модели общества массовых средне- и высокодоходных слоев до общества массовых низкодоходных слоев). Однако за последние 14 лет произошло выравнивание доходов населения страны, и принципиально иными их размерами сегодня отличаются только столицы, что отражается и на характерной для них модели доходной стратификации.*

Характеризуя пространственную неоднородность ситуации с доходами на территории России, уместно рассмотреть также структуру этих доходов (табл. 2.10). Порядок распространенности различных источников доходов для жителей населенных пунктов разного типа в целом очень схож. По понятным причинам несколько выбивается из него лишь доход от подсобного хозяйства, дачи или приусадебного участка. Впрочем, даже для сельской местности наличие дохода такого типа встречается лишь в 1,5 раза чаще, чем для городских населенных пунктов.

Таблица 2.10

Основные источники доходов россиян из населенных пунктов разного типа, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2017 г., %

Типы источников дохода	Москва и Петербург	Центры субъектов РФ	Районные центры	Села и ПГТ
Зарплата по основному месту работы	80	70	80	74
Пенсии, пособия и иные социальные выплаты	29	38	32	39
Разовые приработки	29	19	17	16
Помощь близких	20	13	10	5
Подсобное хозяйство, дача	17	7	16	23
Совместительство	11	6	7	5
Доходы от собственности, проценты по вкладам	10	3	2	3
Собственный бизнес	1	3	1	3

Наиболее выделяющейся на общем фоне является структура доходов жителей столиц: в ней относительно меньшее место занимают социальные выплаты разного рода, но большее — трудовые доходы, как по основному месту работы, так и по совместительству или от разовых приработков. Эта ситуация объясняется тем, что сильная сторона экономики крупных городов и в первую очередь столиц — развитые рынки труда, которые предоставляют возможности активной и разнообразной занятости.

Стоит отметить, что при выделении социальных слоев на базе доходной шкалы за счет укрупнения групп специфика территориальных различий социальной структуры проявляется несколько ярче. Приведение доходных групп к 4 слоям российского общества: высокодоходным слоям, среднедоходной и медианной группам, а также низкодоходным слоям¹⁷ — еще ярче, чем использование шкалы с 7 группами, демонстрирует различия в распределении доходов в населенных пунктах вне столиц (табл. 2.11). *Доля низкодоходных слоев в составе населения варьируется в этом случае от 1% для столиц до 45% для сельской местности, а высокодоходных слоев — от 51 до 2% соответственно. Это значит, что высокодоходная группа становится «ядерной», с точки зрения доходов, для столиц, а низкодоходная — для сельской местности. Средние и малые города при этом больше тяготеют к модели стратификации в сельской местности, в то время как для региональных центров соотношения доходных слоев отличаются специфическим соотношением промежуточных групп.*

Таблица 2.11

Доходно-слоевая структура жителей населенных пунктов
разного типа, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2017 г., %¹⁸

Доходные слои	Москва и Петербург	Центры субъектов РФ	Районные центры	Села и ПГТ
Высокодоходные слои	51	7	4	2
Среднедоходная группа	36	34	25	17
Медианная группа	12	37	36	36
Низкодоходные слои	1	22	35	45

¹⁷ Напомним, что к низкодоходным слоям в этом случае относятся россияне со среднедушевым доходом до 0,75 страновых медиан дохода включительно, медианной группе — от 0,75 до 1,25 медиан, среднедоходной группе — от 1,25 до 2 медиан, а высокодоходным слоям — более 2 медиан.

¹⁸ Серым фоном в таблице выделены ячейки с наибольшими показателями в каждом столбце, в сумме составляющими не менее 50%.

Однако что стоит за такой существенной дифференциацией? Сохраняют ли доходные слои свою специфику в разных населенных пунктах, если мы учтем разницу в стоимости жизни в них, или за счет этой разницы за аналогичными доходами скрываются принципиально разные возможности населения?

При заметной дифференциации структуры доходных слоев субъективные оценки различных аспектов жизни населения, вне зависимости от места их проживания, достаточно схожи (табл. 2.12). Так, оценка своего материального положения как «хорошего» свойственна 15–17% россиян из разных типов поселений, а как «плохого» — 16–24%. В оценке таких сфер жизни, как возможности питаться, одеваться и отдыхать в период отпуска, несколько выбиваются из общего ряда лишь относительно низкие оценки возможностей питаться у жителей столиц, несмотря на наибольшую долю в них высокодоходных слоев: как о хороших о них отзываются только 24% при 36–42% у остальных жителей страны (причины этого анализируются в главе 2.6). При этом даже дифференциация оценок возможностей отдыха в период отпуска варьируется по разным типам поселений весьма умеренно.

Таблица 2.12

Оценка различных аспектов своего материального положения жителями населенных пунктов разного типа, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2017 г., %¹⁹

Оценка различных аспектов жизни		Москва и Петербург	Центры субъектов РФ	Районные центры	Села и ПГТ
Материальное положение	Хорошо	15	17	16	16
	Плохо	16	20	22	24
Возможности питаться	Хорошо	24	42	36	39
	Плохо	7	5	5	5
Возможности одеваться	Хорошо	25	34	28	27
	Плохо	6	6	11	10
Возможности проведения отпуска	Хорошо	14	19	16	14
	Плохо	18	23	27	29

¹⁹ В таблице не представлены доли ответов «удовлетворительно» и затруднившихся ответить.

Отсутствие качественных различий в жизни россиян из разных населенных пунктов подтверждает и их отношение к действиям по улучшению этого положения. Доля тех, кто считает, что ничего не может сделать для улучшения своего материального положения, но нуждается в этом, варьируется от 12% (для сельской местности) до 17% (для региональных центров), а доля тех, кто не нуждается в улучшении своего материального положения — от 11% (для сельской местности и столиц) до 19% (для региональных центров). Это означает, что в населенных пунктах разного типа различия в уровне доходов либо не сказываются на *потребительских возможностях населения в силу разницы стоимости жизни в них, либо частично нейтрализуются тем, что стандарты потребления (а именно на них базируется субъективная оценка различных сфер жизни населением) на пространстве России также неоднородны*. Для уточнения ситуации рассмотрим, насколько отличаются друг от друга различные социальные слои в этом отношении в зависимости от места проживания.

В рамках населенных пунктов одного типа с ростом доходов повышается доля позитивных оценок различных сфер жизни и снижается доля негативных оценок. Эта зависимость выполняется абсолютно четко для региональных населенных пунктов, в т. ч. сельских. В столицах же в ее реализации наблюдаются некоторые «сбои». Так, например, с переходом от среднедоходной группы к высокодоходным слоям уменьшается доля населения и с хорошими, и с плохими оценками своего питания, но при этом не нарастает доля жителей с оценкой своего материального положения как хорошего. Это означает, что *стандарты для оценки разных сфер жизни у них несколько выше, чем у представителей среднедоходных слоев* (табл. 2.13).

Низкодоходные слои слабо представлены среди жителей столиц (1%), что не позволило представить данные по ним в табл. 2.13 и затрудняет анализ специфики уровня их жизни. В регионах же городское и сельское низкодоходное население в целом очень схожим образом оценивает состояние различных сфер своей жизни: возможностей питаться, одеваться, проводить досуг и отдыхать во время отпуска. И для тех, и для других жизнь в целом складывается скорее хорошо (15–16%), чем плохо (10–11%), как и статус в обществе (19–21 и 10–11% соответственно). При этом свое материальное положение городское население регионов оценивает как плохое в 4 раза чаще, чем как хорошее, а сельские жители — даже

Таблица 2.13

Самооценка различных аспектов материального положения
представителями различных доходных групп и слоев
из населенных пунктов разного типа,
данные ИС ФНИСЦ РАН, 2017 г., %²⁰

Социальные слои		Питание		Возможность одеваться		Проведение досуга		Проведение отпуска		Материальное положение	
		Хорошо	Плохо	Хорошо	Плохо	Хорошо	Плохо	Хорошо	Плохо	Хорошо	Плохо
Высоко- доходные слои	Москва и Петербург	22	3	27	2	24	6	19	12	15	6
	Региональ- ные города	65	2	58	6	52	8	36	15	42	12
Средне- доходная группа	Москва и Петербург	25	7	25	4	21	9	11	21	14	20
	Региональ- ные города	48	4	37	5	34	9	23	21	21	14
	Села	55	0	42	2	40	11	24	23	24	6
Медианная группа	Москва и Петербург*	31	23	19	27	10	25	6	23	19	44
	Региональ- ные города	36	4	28	7	28	15	15	16	14	17
	Села	41	3	29	7	33	12	14	19	18	21
Низкодо- ходные слои	Региональ- ные города	26	9	18	16	17	23	10	37	9	37
	Села	27	8	17	17	18	25	6	40	5	36

²⁰ В таблицу не внесены группы низкодоходного населения в столицах и высокодоходного населения в сельской местности, т. к. они имеют недостаточную представленность в выборке исследования для фиксирования тенденций на основе их показателей. Наполненность медианной группы в столицах (обозначена «*») позволяет лишь фиксировать общие тренды, но не давать им каких-либо количественных оценок. Серым фоном выделены ячейки с показателями выше 50%.

в 7 раз чаще, т. е. *в регионах оценка низкодоходным населением своего положения в обществе в меньшей степени является непосредственным отражением их реального материального статуса.*

Плохие оценки своему материальному положению наименее благополучные в части доходов слои сельского населения (низкодоходные слои и медианная группа) дают одновременно со скорее хорошими, чем плохими оценками своих возможностей питаться (26–27 и 8–9% соответственно) и одеваться (17–18 и 16–17%). Кроме того, у них одинаковая обеспеченность товарами длительного пользования: соответствующий медианный показатель для обеих групп равен 5 (табл. 2.14). При этом оценки возможностей проведения досуга и отдыха в период отпуска у них скорее плохие (23–25 и 37–40% соответственно), чем хорошие (17–18 и 6–10% соответственно). Превышение доли плохих оценок возможностей проведения досуга над хорошими у городских и сельских жителей одинаково и относительно невелико (1,4 раза), в то время как плохие оценки возможностей отдыха в период отпуска встречаются в разы чаще и у тех, и у других (3,7 и 6,7 раза соответственно).

Таблица 2.14

Количество товаров длительного пользования у представителей различных доходных групп и слоев из населенных пунктов разного типа, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2017 г., %

Типы населенных пунктов	Низкодоходные слои	Медианная группа	Среднедоходная группа	Высокодоходные слои
Москва и Петербург	*	6	8	9
Региональные города	5	6	7	8
Сельская местность	5	5	7	*

* Наполненность групп не позволяет произвести расчеты валидного показателя.

Стоит отметить, что возможности этого типа сильнее, чем возможности питаться и одеваться, зависят не только от материального положения, но и от состояния развлекательной инфраструктуры, которая в сельской местности развита хуже, чем в городской. В целом *можно сказать, что возможности удовлетворения самых*

базовых потребностей оцениваются представителями низкодоходных слоев в региональных городах и селах сопоставимым образом.

Жизненные возможности представителей медианной и среднедоходной групп в регионах заметно выше, чем у низкодоходных слоев. Их представители уже скорее хорошо, чем плохо, оценивают свои шансы удовлетворения не только базовых потребностей, но и проведения досуга (31–35 и 12% соответственно). Количество видов товаров длительного пользования в их домохозяйствах в зависимости от места проживания, впрочем, различается довольно сильно и находится в диапазоне от 5 до 8 видов ТДП (табл. 2.14). Доминирование негативных оценок возможностей отдыха в период отпуска над позитивными оценивается уже не разами, а в пределах 50% (табл. 2.13). В этих условиях неудивительно, что и доля оценок материального положения как хорошего для этих слоев хотя и незначительно, но превышает долю плохих (17 и 16% соответственно в городских и 20 и 16% соответственно в сельских населенных пунктах).

В то же время самооценка своего положения представителями медианной и среднедоходной групп в столицах сильно отличается от описанной выше ситуации в регионах. Их оценка своих возможностей питаться, одеваться, проводить досуг хуже, чем у представителей этих же групп в регионах, хотя и остается скорее хорошей, чем плохой. Количество доступных их домохозяйствам товаров длительного пользования на четверть выше, чем в регионах (8 и 6 единиц соответственно). При этом в отношении своих возможностей отдыха в период досуга входящие в эти группы столичные жители ощущают отчетливое недовольство — доля плохих оценок этой сферы жизни превышает у них долю хороших более чем в 2 раза (в среднем 21 и 9% соответственно), что связано, скорее всего, с иными стандартами проведения отпуска. Если для жителей регионов таковыми выступают поездки не только за границу, но и на дачи, в региональные зоны отдыха, то жителями столиц региональные туристические направления освоены плохо, а заграничные находятся обычно в иных ценовых сегментах. *Дифференцированность стандартов в отдельных сферах жизни в столицах и регионах, а соответственно и стоимости этих стандартов, приводит на фоне глубочайших неравенств в столицах к тому, что свое материальное положение, а также социальное положение в целом столичные жители из числа медианной и среднедоходной групп оценивают скорее плохо, чем хорошо.*

В предыдущих главах мы уже отмечали, что именно между медианной группой и среднедоходными россиянами проходит условная граница между неблагополучным и благополучным населением, причем медианная группа (имеющая среднедушевые доходы в размере 0,75–1,25 страновых медиан) относится скорее к первым, а среднедоходная группа (среднедушевые доходы в размере 1,25–2 страновых медиан) — ко вторым. В разрезе типов населенных пунктов эта тенденция в целом сохраняется, но лишь для региональных городов и сел. В них медианная и среднедоходная группы действительно отличаются оценками возможностей отдыха в период отпуска и материального положения в целом: для первой группы они скорее плохие, а для второй — скорее хорошие. При этом в столицах соответствующий «переход» происходит только в группе высокодоходного населения: именно для ее представителей хорошие оценки возможностей проведения отпуска и материального положения в целом начинают превышать плохие. *Таким образом, хорошие возможности отдыха в период отпуска выступают «маркером» относительного благополучного материального положения в целом для населения вне зависимости от места проживания. Граница благополучия для региональных населенных пунктов, судя по этому маркеру, проходит между медианной и среднедоходной группами, в то время как для жителей столиц — между среднедоходной группой и высокодоходными слоями.*

Высокодоходные слои практически не представлены в сельской местности. Тем не менее, вне зависимости от места проживания, россияне из высокодоходных слоев состояние различных сфер своей жизни оценивают скорее хорошо, чем плохо. Однако положение их представителей в столицах, по их самооценкам, заметно хуже, чем в регионах. Так, если в региональных городах доля тех, кто позитивно отзывается о своих возможностях питаться, одеваться, проводить свободное время, составляет в них более половины, то в столицах — лишь около четверти (22–27%). Возможности отдыхать в период отпуска, впрочем, практически одинаково часто оцениваются ими как хорошие и плохие (19 и 12% соответственно). При этом оценка своего материального положения россиянами с высокими доходами как хорошего встречается в столицах примерно в 3 раза реже, чем в регионах. Однако то, например, что обеспеченность товарами длительного пользования представи-

телей этих слоев в столицах выше, чем в регионах (9 и 8 единиц соответственно), свидетельствует о том, что причина низкой удовлетворенности в столицах своим материальным положением даже у представителей высокодоходных слоев носит не объективный, а субъективный характер. Это позволяет говорить об относительно высоких запросах в части стандартов материального положения в столицах, которые, наряду с относительно высокой стоимостью жизни и глубокими неравенствами в них, и определяют повышенную черту в них субъективного благополучия.

Отдельно стоит отметить, что в столицах доля тех, кто считает свое положение в различных сферах хорошим и плохим вне зависимости от уровня доходов, варьируется незначительно, в то время как в регионах с нарастанием дохода увеличивается и позитивность в соответствующих оценках. Таким образом, в регионах общее представление о «норме» значительно гомогеннее, что и приводит к дифференциации самооценок своего положения в разных аспектах повседневной жизни в зависимости от дохода. В столицах же это представление в силу глубины неравенств в них одинаково завышено во всех массовых слоях, что приводит к их схожести в оценках своей жизни.

В целом столицы выступают сейчас зоной локализации высокодоходных слоев даже несмотря на то, что именно столичные жители в наибольшей степени пострадали в период кризиса. И хотя в них во всех социальных слоях минимальны доли тех, кто не экономит, т. к. доходы семьи достаточны; кто не предпринимает ничего для улучшения своего материального положения, т. к. в этом нет необходимости; кто считает, что живет нормально и не видит в своей жизни серьезных проблем; однако одновременно максимальна доля тех, чей уровень жизни по сравнению с докризисными 2010–2013 гг. ухудшился (табл. 2.15).

Итак, модель доходной иерархии, за основу которой принята страновая медиана, позволяет продемонстрировать пространственную вариативность стратификации российского общества по доходам, основной отличительной чертой которой является особая модель стратификации столичного населения на общем достаточно однородном фоне. В то же время по субъективному восприятию своей жизни принципиальных разрывов между столицами и регионами страны не наблюдается.

Таблица 2.15

Оценка влияния кризиса на положение представителей различных доходных групп и слоев из населенных пунктов разного типа, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2017 г., %²¹

Тип населенного пункта	Низкодоходные слои	Медианная группа	Среднедоходная группа	Высокодоходные слои
<i>Доходы семьи достаточны, чтобы не экономить в период кризиса</i>				
Москва и Петербург	0*	8	5	11
Региональные города	6	8	14	21
Сельская местность	6	10	17	20*
<i>Доля тех, кто ничего не предпринимает для улучшения своего положения, т. к. в этом нет необходимости</i>				
Москва и Петербург	17*	6	11	13
Региональные города	10	19	20	36
Сельская местность	8	13	13	20*
<i>Доля тех, кто считает, что живут нормально и не имеет серьезных проблем</i>				
Москва и Петербург	0*	10	13	18
Региональные города	18	23	34	49
Сельская местность	16	29	40	35*
<i>Доля тех, для кого уровень жизни по сравнению с докризисными 2010–2013 гг. ухудшился</i>				
Москва и Петербург	100*	71	58	49
Региональные города	60	52	47	33
Сельская местность	51	49	38	35

Для лучшего понимания сущности этого парадокса и учитывая разные стандарты жизни, сложившиеся в различных типах поселений, имеет смысл построить модели доходной стратификации, используя уже не страновую, а поселенческие медианы доходов (рис. 2.26). Эта процедура позволяет отчасти элиминировать эффект вариативности стандартов жизни, который наиболее ярко выражен в разрезе типов поселений и в первую очередь столиц и региональных населенных пунктов.

²¹ Группы, обозначенные «*», имеют недостаточное наполнение для фиксирования тенденций на основе их показателей. Тем не менее полученные результаты свидетельствуют о том, что и в этих группах подтверждаются обозначенные нами тенденции.

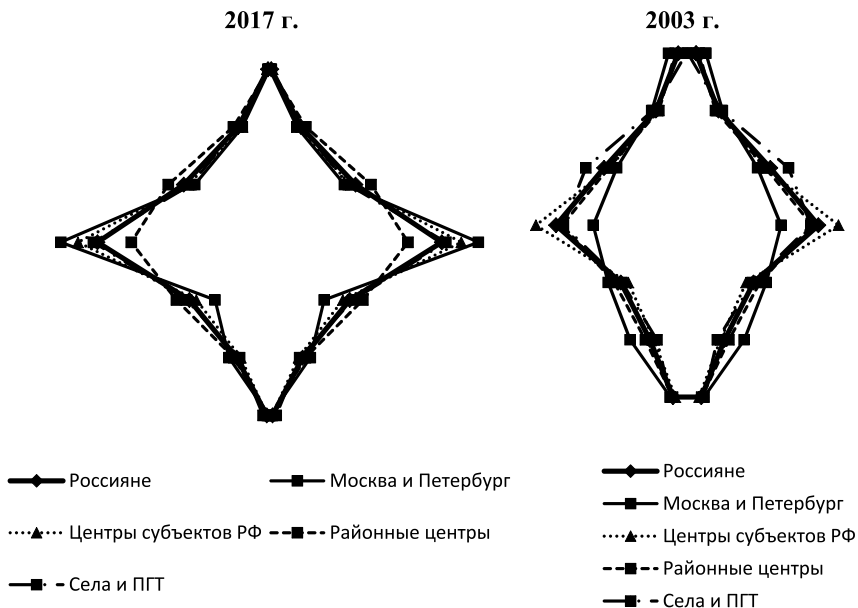

Рис. 2.26. Динамика модели доходной стратификации, построенной на базе поселенческих медиан доходного распределения в разных типах поселений, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2003/2017 гг., %

Как видно на рис. 2.26, модель доходной стратификации, построенная на основе поселенческой медианы доходов, сильнее вытянута по горизонтали. Это еще четче проявляет специфику российской модели доходной стратификации в целом с характерным для нее «выравниванием по среднему» и позволяет описать российское общество как общество массовых среднедоходных слоев с равнопредставленностью в нем относительно немногочисленного высокодоходного и низкодоходного населения. Изменчивость модели в данном случае выражена слабо и проявляется в основном в разнице «растянутости» по горизонтальной оси. При этом в 2003 г. очертания модели для столиц были равномернее распределены по всей протяженности доходной шкалы (рис. 2.26), что свидетельствует о большей работоспособности в них «социальных лифтов» и слабости тенденции «выравнивания по среднему» в тот период.

Подведем итоги.

Региональное неравенство традиционно является одним из факторов дифференциации доходов населения. Сопоставимы с ним по значимости в современной России для доходов населения и поселенческие неравенства, обусловленные проживанием в населенных пунктах разного типа — от столиц до сел. В силу этого модель доходной стратификации в России имеет применительно к разным территориальным сообществам определенную специфику. При этом специфика моделей доходной стратификации в разных типах населенных пунктов в 2017 г. была выражена уже намного слабее, чем в 2003 г. Однако и сейчас эта специфика довольно отчетливо просматривается в полярных типах населенных пунктов — селах и особенно столицах. В региональных же городах эта модель наиболее близка к общероссийской модели в целом.

В рамках общей картины доходной стратификации при переходе от 7 доходных групп к 4 крупным группам и слоям локализация высокодоходных слоев в столицах и низкодоходных в сельской местности проявляется еще ярче. При этом региональные центры отличаются своим промежуточным положением и в этом вопросе.

Сопоставление доходного статуса с субъективными оценками различных аспектов жизни позволяет уточнить поселенческую специфику границ благополучного и неблагополучного населения: к первым в столицах относится только высокодоходное по меркам страны в целом население, в то время как в регионах в него входит и среднедоходная группа.

Несмотря на то, что на общем фоне заметно выделяются Москва и Санкт-Петербург, в которых концентрируется высокодоходное по отношению к страновой медиане доходов население, элиминирование эффекта стоимости жизни и дифференциации стандартов потребления посредством использования при построении модели не страновой, а поселенческой медианы практически полностью устраняет описанные выше различия между моделями доходной стратификации столиц, региональных городов и сел и приводит очертания модели доходной стратификации разных населенных пунктов к почти идентичному виду.

Глава 2.5. Факторы принадлежности к различным доходным группам и слоям

Проблема факторов, определяющих концентрацию доходов в одних слоях общества и их недостаточность в других слоях, находится в центре внимания исследователей на протяжении длительного времени. В настоящее время ими выделяется целый ряд факторов, характеризующих механизмы возникновения неравенства в доходах¹, которые делятся на несколько групп. Во-первых, это не зависящие от индивида причины (прежде всего, аскриптивные характеристики) — пол, возраст, состояние здоровья, тип поселения по месту проживания и пр. Как свидетельствуют исследования², в нашей стране пол может оказывать некоторое влияние на шансы индивида попасть на более высокие статусные позиции, однако значимым фактором доходной стратификации его назвать нельзя, в отличие от возраста, который, наряду со здоровьем, значимо влияет на вероятность попадания индивида в ту или иную доходную группу. Что же касается места проживания, то, как мы уже не раз

---

¹ *Овчарова Л.Н.* Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. М.: М-Студио, 2009; *Овчарова Л.Н., Попова Д.О., Рудберг А.М.* Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал новой экономической ассоциации. 2016. № 3 (31); *Попова Д.О.* Динамика факторов неравенства в России на микроуровне в период 1994–2013 гг.: регрессионный анализ. Доклад на XVI Апрельской международной научной конференции «Модернизация экономики и общества». М.: НИУ ВШЭ, 2015; *Слободенюк Е.Д.* Последствия кризиса 2015 г.: обеднение или прекаризация? // Журнал исследований социальной политики. 2017. № 2; *Тихонова Н.Е.* Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014; *Терещенко О.В., Титма М.Х.* Дифференциация доходов в когорте тридцатилетних // Социологический журнал. 1996. № 3–4; *Хахулина Л.А., Тучек М.* Распределение доходов: бедные и богатые в постсоциалистических обществах (некоторые результаты сравнительного анализа) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1995. № 1.

² *Тихонова Н.Е.* Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014.

упоминали в данной книге, доходное неравенство в России имеет сложную пространственную структуру из-за межрегиональных и внутрирегиональных различий в уровнях доходов населения.

Во-вторых, немаловажную роль для уровня доходов индивидов играют факторы, связанные с условиями их социализации и ближайшим окружением. Социальный статус родителей, индикатором которого обычно служит уровень их образования или профессиональный статус, влияет на специфику усвоенных индивидом норм, ценностей, поведенческих паттернов, в частности, на его отношение к труду и знаниям, а также финансовое поведение³ и социальный ресурс⁴ (социальные сети и связи). В свою очередь, наличие у индивидов значимых связей в окружении (ресурса социальных сетей), как было уже неоднократно показано⁵, способствует их восходящей мобильности в социальном пространстве, а значит, напрямую связано с уровнем их доходов.

Третья группа факторов, выделяемая в литературе при анализе проблемы детерминант доходного неравенства, связана с характеристиками образовательного потенциала и занятости индивидов. В частности, в ряде исследований⁶ показано, что роль факторов,

---

³ Bourdieu P., Passeron J. C. Reproduction in education, society and culture. London: Sage, 1990; Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4.

⁴ Каравай А. В. Социальный капитал российских рабочих и их установки в отношении его накопления // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 3.

⁵ Логинов Д. М., Аврамова Е. М. Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности // Общественные науки и современность. 2002. № 5; Козырева П. М. Ресурсы и практики социально-экономической адаптации населения России / П. М. Козырева, А. Э. Низамова, А. И. Смирнов. М.: Новый хронограф, 2013; Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014.

⁶ См., например: Хахулина Л. А., Тучек М. Распределение доходов: бедные и богатые в постсоциалистических обществах (некоторые результаты сравнительного анализа) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1995. № 1; Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014; Слободенюк Е. Д. Факторы абсолютной и субъективной бедности в современной России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2016. № 3–4; Овчарова Л. Н., Попова Д. О., Рудберг А. М., Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал новой экономической ассоциации. № 3 (31). 2016; и др.

связанных с человеческим капиталом, была в середине 1990-х и до сих пор остается довольно значительной. Причем значение имеет сейчас не только и даже не столько сам по себе формальный уровень образования, но и, главное, включенность индивида в непрерывное образование, а также его готовность к самообразованию и освоению конкретных навыков, компетенций и знаний, требующихся на соответствующем рабочем месте. Характер занятости человека⁷, как и его профессиональный статус, также нельзя недооценивать, поскольку через них определяется его место на рынке труда, а значит, и его материальное положение. Сюда же можно отнести и структурные факторы, характеризующие место работы россиян — тип собственности и размер предприятия, его отраслевые особенности. Эти характеристики их занятости также могут влиять на уровень доходов индивидов, а также их социальный статус.

Наконец, во многих исследованиях⁸ особая роль в доходной стратификации общества отводится факторам, связанным с составом домохозяйств индивидов. Авторы, работающие в этом направлении, подчеркивают, что высокая иждивенческая нагрузка не только «оттягивает» на себя текущие ресурсы домохозяйства, но и ограничивает возможности накопления и инвестирования этих ресурсов. К значимым факторам этой группы относятся также наличие в семье несовершеннолетних детей и неработающих взрослых трудоспособного возраста.

Основываясь на проанализированной литературе и приведенной выше группировке факторов доходного неравенства, мы отобрали в общей сложности 26 независимых переменных⁹, которые

---

⁷ Сюда относится не только сам факт наличия работы, но и наличие «белой» заработной платы, письменного трудового контракта и других их индикаторов устойчивого положения человека на рынке труда. Более подробно см.: *Тихонова Н.Е.* Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014; *Слободенюк Е.Д.* Факторы абсолютной и субъективной бедности в современной России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2016. № 3–4.

⁸ *Лежнина Ю.П.* Социально-демографические факторы, определяющие риск бедности и малообеспеченности // Социологические исследования. 2010. № 3; *Овчарова Л.Н., Попова Д.О., Рудберг А.М.* Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал новой экономической ассоциации. 2016. № 3 (31); *Слободенюк Е.Д.* Факторы абсолютной и субъективной бедности в современной России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2016. № 3–4.

⁹ Подробное описание переменных приведено в Приложении 22.

могут быть индикаторами факторов, определяющих положение человека в системе доходной стратификации. Целью нашего анализа при этом стало исследование того, как выбранный набор факторов влияет на шансы индивидов на попадание в ту или иную доходную группу. Для достижения поставленной цели мы использовали разные инструменты, основным из которых стал регрессионный анализ с применением мультиномиальной логистической модели¹⁰, в которой логарифм отношения вероятности попадания в некоторую категорию к вероятности попадания в опорную (базовую) категорию представляется как линейная функция вектора независимых переменных. Полученные регрессионные коэффициенты при независимых переменных с помощью несложных преобразований отражают в конечном итоге отношение вероятностей (шансов) попадания в определенную группу по сравнению с базовой. Все описанные ниже модели строились методом одновременного включения всех отобранных для них независимых переменных.

В качестве зависимой переменной рассматривалась шкала из 4 категорий: низкодоходные слои (с доходами ниже 0,75 от страновой медианы среднедушевых доходов), медианная группа (0,75–1,25 страновой медианы), среднедоходная группа (1,25–2 страновые медианы) и высокодоходные слои (свыше 2 страновых медиан). Базовой (опорной) категорией мы выбрали медианную группу как наиболее массовую и однородную из всех анализировавшихся. Все расчеты производились на массиве данных 3-й волны Мониторингового опроса ИС ФНИСЦ РАН (октябрь 2015 г.). Ниже в данной главе результаты этой регрессии упоминаются со ссылкой на «основную регрессионную модель». Однако, учитывая очень большой объем этой регрессии, ее результаты полностью приведены только в Приложении 23 в кон-

---

¹⁰ Теоретическое обоснование использования моделей мультиномиальной регрессии и способов их практического применения в социологии см. более подробно: *Марно В.* Модели с множественным откликом. Путеводитель по современной эконометрике / пер. с англ. В. А. Банникова; науч. ред. и предисл. С. А. Айвазяна. М.: Научная книга, 2008; *Терещенко О. В.* Многомерный статистический анализ данных в социальных науках: учеб. пособие / О. В. Терещенко, Н. В. Курилович, Е. И. Князева. Минск: БГУ, 2012; *Терещенко О. В., Титма М. Х.* Дифференциация доходов в когорте тридцатилетних // Социологический журнал. 1996. № 3–4; *Сивуха С. В., Титма М. Х.* Социальные детерминанты самооценки успеха // Социальное расслоение возрастной когорты / под общ. ред. М. Х. Титмы. М.: Ин-т социологии РАН. 1997; и др.

це данной книги. В самом же тексте главы для удобства читателя результаты этой основной мультиномиальной регрессии представляются поэтапно частями в нескольких таблицах.

Кроме того, для проверки отдельных предположений, мы построили также несколько *дополнительных* регрессионных моделей. Первая из этих дополнительных мультиномиальных регрессионных моделей — это модель, в которой в качестве зависимой переменной бралась порядковая шкала из 4 аналогичных доходных категорий, только для выделения соответствующих групп в ней использовалась медиана в различных типах поселений — столицах (Москва и Санкт-Петербург), центрах субъектов РФ, районных центрах, поселках городского типа и селах, а не медиана доходного распределения по стране в целом. Сравнение результатов мультиномиальных регрессий с двумя разными зависимыми переменными позволило нам проверить предположения относительно вклада во всеобщее неравенство пространственно-поселенческого фактора и, косвенно, также меж- и внутрирегиональных неравенств.

Вторая дополнительная мультиномиальная регрессионная модель — это модель, которая относится не ко всем россиянам, а только к работающему населению страны, но шкала доходной стратификации в которой, так же как и в основной модели, построена на основе страновой медианы доходов. В этой дополнительной модели в состав регрессоров включались также характеристики места работы (тип и размер предприятия и его отраслевая принадлежность), профессиональный статус респондента и особенности его положения на рынке труда — уровень принятия решений как индикатор властного ресурса и возможности контроля за своей работой как показатель степени отчужденности труда. Необходимость построения отдельной модели для работающих россиян объяснялась тем, что включение переменных, характеризующих занятость индивидов, перегружало первоначальную модель и не улучшало ее качество, а отказаться от анализа влияния этих факторов мы не могли в силу содержательных причин.

Таким образом, всего нами было построено три регрессии — одна основная и две дополнительные. Полностью все они приведены в Приложениях 23–25 к данной книге, а в настоящей главе будут приводиться по мере изложения лишь отдельные их фрагменты. Начнем с итогов основной регрессии, результаты которой являются главным предметом нашего анализа.

Первая группа факторов, на которых надо остановиться в связи с рассмотрением полученных при ее построении результатов, это **мало зависящие или вовсе независящие от индивида факторы** (пол, возраст, здоровье, место жительства). Как показано в табл. 2.16, аскриптивные характеристики действительно оказывают влияние на вероятность попадания в те или иные доходные группы. Так, как свидетельствуют результаты регрессионного анализа¹¹, гендерное неравенство в определенной степени присуще и нашему обществу, поскольку у женщин меньше шансов попасть в благополучные средне- и высокодоходные слои по сравнению с мужчинами. Зато вероятность остаться в составе низкодоходных слоев для них несколько выше, чем для мужчин (табл. 2.16).

Таблица 2.16

Результаты основной регрессионной модели с зависимой переменной, основанной на страновой медиане, для переменных пола, возраста, здоровья и типов поселений, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., разы¹²

Факторы	Низкодоходные слои	Медианная группа	Среднедоходная группа	Высокодоходные слои
<i>Пол</i>				
Мужской	1,07	1,05**	1,31**	1,32
Женский	1,00	1,00**	1,00**	1,00
<i>Возраст</i>				
18–25 лет	1,40**	0,41**	0,35	1,51*
26–35 лет	1,35**	0,45**	0,53	2,02**
36–45 лет	1,33**	0,50**	0,51	2,16**
46–55 лет	1,22**	0,59**	0,90	3,85**

¹¹ Напомним — основная модель включала в себя все отобранные переменные, за исключением тех, которые связаны с характеристиками занятости индивидов и особенностями их места работы (профессиональный статус, тип собственности и размер предприятия и т. д.). Значения псевдо R²: Кокса и Снелла = 0,420, Нейджелкерка = 0,453, Макфаддена = 0,209.

¹² Представляют собой соотношение вероятностей между определенным значением независимой переменной и референтным. Например, для переменной «пол» референтным является значение «женский», поэтому в этой строке в табл. 2.16 стоят единицы.

Продолжение табл. 2.16

56–65 лет	1,17**	0,64**	1,12**	2,75**
66 лет и старше	1,00**	1,00**	1,00**	1,00**
<i>Самооценки состояния здоровья</i>				
Хорошее	0,51**	1,45**	2,98**	3,10**
Удовлетворительное	0,69**	1,27**	2,32**	2,29*
Плохое	1,00**	1,00**	1,00**	1,00**
<i>Тип поселения по месту проживания</i>				
Москва и Санкт-Петербург	0,08**	1,46**	6,18**	8,66**
Областные, краевые, республиканские центры	0,64**	1,51**	1,68	1,66
Районные центры	0,85**	1,22**	1,26	1,16
Поселки городского типа	0,69**	1,34**	2,00*	3,01**
Села	1,00**	1,00**	1,00*	1,00**

Примечание: здесь и далее в данной главе знак «**» означает уровень значимости $p < 0,5$, а «*» — уровень значимости $p < 0,01$.

Что касается возраста, то при выделении возрастных когорт мы руководствовались целью отделить друг от друга представителей различных поколений. В результате влияние возрастного фактора в разных доходных группах, как видно в табл. 2.16, проявляется по-разному. С одной стороны, в высокодоходных слоях (медианный возраст в которых 39 лет) реже можно встретить лиц пенсионного возраста, и у последних меньше шансов попасть в эти слои, чем у представителей любых других возрастных групп. С другой стороны, чем моложе индивид, тем выше у него шансы при прочих равных попасть в низкодоходные слои (хотя медианный возраст в них выше, чем в высокодоходных, и составляет 42 года). В медианной группе (где медианный возраст максимален и составляет 46 лет) возрастной фактор влияет в обратном направлении: чем старше индивид, тем выше шансы на то, что он будет принадлежать к этой доходной группе. В среднедоходной группе рассматриваемый фактор

менее значим, чем в остальных доходных группах, тем не менее представители старших возрастов, особенно 56–65 лет, имеют чуть больше шансов попасть в эти слои по сравнению с остальными.

Состояние здоровья осенью 2015 г. в значительной степени, при прочих равных, предопределяло положение индивида в доходной иерархии. Так, исходя из результатов нашей модели, хорошее здоровье, в отличие от плохого, при прочих равных в 2 раза снижало шансы индивида оказаться в низкодоходных слоях и в 3 и более раза увеличивало его шансы быть в составе относительно благополучных средне- и высокодоходных слоев. Отчасти здесь сказывается возможность для представителей благополучных слоев населения заботиться о своем здоровье (здоровый образ жизни, дорогостоящие методы профилактики, диагностики и лечения заболеваний и т. п.). Но все же, думается, что решающую роль играет обратная связь — хорошее здоровье повышает шансы занять эффективные рабочие места. При этом тот факт, что плохое здоровье является столь значимым фактором доходной стратификации, означает серьезные сбои в работе не только государственной системы здравоохранения, но и системы социальной поддержки.

Что же касается типов поселений, то проживание в столицах в нашей модели в значительной степени — в 6–8 раз — увеличивает шансы индивидов на попадание в благополучные доходные группы и практически сводит к нулю вероятность попадания в низкодоходные слои при ориентации на страновую медиану. Это логично, поскольку уровень доходов в Москве и Санкт-Петербурге заметно выше, чем даже в региональных центрах: по нашим данным, осенью 2015 г. медиана среднедушевых доходов в столицах составляла 20 000 руб., в центрах субъектов РФ — 15 000 руб., а в селах — 10 000 руб. Естественно, что подавляющее большинство жителей Москвы и Санкт-Петербурга априори имели доходы выше страновой медианы (подробнее см. об этом главу 2.4). Эти результаты еще раз подтверждают высокую значимость пространственной локализации неравенства по доходам, которое присуще современному российскому обществу.

Однако, как известно, стоимость жизни и характер расходов в разных типах поселений также различаются довольно существенно. Поэтому для того, чтобы проверить влияние типа поселения на доходное распределение, как уже упоминалось выше, мы по-

строили модель, где в качестве зависимой переменной рассматривали категориальную шкалу, в основе которой лежали среднедушевые доходы относительно поселенческой медианы¹³. Частичные результаты построения этой модели представлены в табл. 2.17. Как мы можем убедиться, результаты этой модели оказались не просто парадоксальными, но и разрушающими многие стереотипы. Так, например, выяснилось, что у россиян, проживающих в селах, больше шансов попасть в высоко- и среднедоходные слои (в рамках своей локализации), чем у жителей других типов поселений.

Таблица 2.17

Соотношение вероятностей для модели с зависимой переменной, основанной на поселенческих медианах, ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., разы

Факторы (тип поселения по месту проживания)	Низкодоходные слои	Медианная группа	Среднедоходная группа	Высокодоходные слои
Москва и Санкт-Петербург	1,86**	1,18**	0,52**	0,08**
Областные, краевые, республиканские центры	2,02**	1,04**	0,59**	0,17**
Районные центры	1,50**	1,13**	0,69**	0,50**
ПГТ	2,05**	1,02**	0,60**	0,33**
Села	1,00**	1,00**	1,00**	1,00**

С другой стороны, вероятность оказаться в низкодоходных слоях, при прочих равных, в городах в среднем в 2 раза выше, чем в селах. Эти различия обуславливаются внешними, структурными факторами, под воздействием которых и сами модели доходной стратификации в разных типах поселений довольно существенно различаются. Подробнее эта проблема анализировалась в главе 2.4. Здесь отметим лишь, что если, например, в центрах субъектов Федерации доля низкодоходных слоев выше, чем средне- и высокодоходных (30,2 против 27,9%), то в селах ситуация обратная — низкодоходные слои составляют 23,6% их населения, а лиц со сред-

¹³ В данную модель входили те же переменные, что и в основную модель. Псевдо R2: Кокса и Снелла = 0,344, Нэйджелкерк = 0,374, Макфаддена = 0,168. Полная таблица с результатами моделирования приведена в Приложении 24.

недушевыми доходами свыше 2 поселенческих медиан в них более трети — 36,9%. Естественно, что в таких условиях в крупных городах конкуренция за доходы будет выше. Поэтому тем важнее будут в них дополнительные конкурентные преимущества в виде развитого культурного капитала, высокопотенциальных социальных связей, высокой или даже уникальной квалификации и пр.¹⁴

Итак, аскриптивные характеристики человека являются значимыми факторами доходной стратификации российского общества. Особенно значима их роль в низкодоходных слоях населения. Помимо вполне ожидаемого влияния фактора здоровья, плохое состояние которого напрямую связано с пребыванием в низкодоходных слоях, а также проживания и социализации в сельской местности, наши результаты показали, что у молодежи, при прочих равных, риски попадания в неблагоприятные слои также сравнительно выше. В медианной группе значимыми оказались все рассматриваемые факторы, включая пол. В нее, при прочих равных, выше вероятность попасть у лиц пенсионного возраста с хорошими или удовлетворительными самооценками здоровья, проживающих в городах, особенно крупных (региональные центры и столицы).

---

¹⁴ И действительно, согласно результатам первой дополнительной регрессионной модели, при прочих равных шансы индивида на попадание в высокодоходные слои заметно повышаются, если его детство прошло в любом среднем или крупном городе, по сравнению с теми, кто провел его в сельской местности. В этой связи стоит отметить, что одним из немногих факторов, который в дополнительной модели, где зависимая переменная основана на поселенческих медианах доходного распределения, усилил влияние по сравнению с основной моделью, были именно внешние условия социализации — тип поселения, где проживал респондент на момент начала обучения в школе. Детство, проведенное в столицах, при прочих равных в 7,25 раза увеличивало вероятность нахождения индивида в высокодоходных слоях по сравнению с социализацией в сельской местности. Данный фактор оказался в этой модели более значимым, чем в основной, — так, у проживавших в момент опроса в Москве и Санкт-Петербурге россиян, как будет показано ниже, в два с лишним раза больше шансов попасть в высокодоходные слои, чем в низкодоходные, если они проживали в этих же городах, когда пошли в школу. Для жителей областных и районных центров этот фактор был не очень важен, а вот для сельских жителей социализация в сельской же местности заметно повышала риски оказаться в составе низкодоходных слоев — они составляли 40% для их представителей и лишь 28% для высокодоходных слоев, выделенных с учетом поселенческой медианы. См. Приложение 24.

В среднедоходной группе аскриптивные характеристики индивидов являются менее значимыми факторами, однако мы должны отметить, что с большей вероятностью в эту группу попадают мужчины, лица предпенсионного и раннего пенсионного возраста, с хорошими или удовлетворительными оценками своего здоровья, а также жители Москвы и Санкт-Петербурга. Наконец, шансы попасть в высокодоходные слои выше у жителей столиц, людей с хорошими самооценками здоровья и тех, чей возраст не предполагает высоких иждивенческих нагрузок, но допускает занятость (46–65 лет). Значимость поселенческого фактора не уменьшается для всех доходных слоев населения и в случае их выделения с учетом поселенческих медиан распределения среднедушевых доходов. Однако направление этого влияния меняется на противоположное — оказывается, что сельским жителям гораздо проще на локальном уровне пробиться в высокодоходные слои своих поселений, чем москвичам или жителям Санкт-Петербурга попасть в благополучные слои в столицах, причем социализация в высококонкурентной среде крупных городов заметно повышает вероятность попасть в высокодоходные слои в рамках своего населенного пункта.

Помня об этом, вернемся теперь к результатам основной модели. Рассмотрим следующий блок вошедших в нее **факторов, связанных с условиями социализации и окружением индивидов** (табл. 2.18). Образование родителей в нашей модели играет сравнительно небольшую роль, т. к. статистически значимым оказалось лишь образование матери. Как видно из табл. 2.18, даже наличие среднего специального образования у матери снижает вероятность попадания ее ребенка во взрослой жизни в низкодоходные слои и увеличивает шансы на попадание в сравнительно благополучную среднедоходную группу.

Еще одним значимым фактором доходной стратификации российского общества является, как видно из табл. 2.18, потенциал ресурса социальных сетей¹⁵. Однако «работает» этот фактор

¹⁵ Наша градация ресурса социальных сетей подразумевала 4 его типа, выделенных с помощью факторного анализа (метод вращения Варимакс) и основанных на видах помощи, которую потенциально может получить индивид от своего окружения. Во-первых, это простейший тип ресурса сетей, который позволяет лишь найти средства на поддержание текущего потребления, а именно «перехватить деньги до полочки» в виде займа или какой-то подработки. Во-вторых, это удовлетворение социальных

Таблица 2.18

Результаты основной регрессионной модели с зависимой переменной, основанной на страновой медиане, для независимых переменных, характеризующих условия социализации и социальное окружение индивида, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., разы

Факторы	Низкодоходные слои	Медианная группа	Среднедоходная группа	Высокодоходные слои
<i>Уровень образования отца</i>				
Не выше средней школы	1,00	1,00	1,00	1,00
Среднее специальное	1,06	0,90	0,99	0,97
Высшее и выше (включая неполное)	1,03	0,95	0,98	1,09
<i>Уровень образования матери</i>				
Не выше средней школы	1,00	1,00*	1,00*	1,00
Среднее специальное	0,93	1,16*	1,21*	1,00
Высшее и выше (включая неполное)	0,85	1,30*	1,79*	1,38
<i>Тип ресурса сетей</i>				
Отсутствует	1,00	1,00**	1,00**	1,00**
Простейший	0,89	1,19**	1,31**	1,32**
Удовлетворение социальных потребностей	0,92	1,12**	1,44**	1,74**
Связи	0,86	1,16**	2,31	6,00*
Дефицитные связи	0,95	0,96**	2,61	7,84*
<i>Тип поселения проживания на момент начала обучения в школе</i>				
Москва и Санкт-Петербург	0,72	1,47	1,16	4,31**
Республиканский или областной центр, крупный город	0,94	1,14	0,91	1,32
Районный центр, малый или средний город	0,93	1,04	1,34**	1,62
Село, деревня, поселок городского типа	1,00	1,00	1,00**	1,00

не во всех слоях общества. В низкодоходных группах нарастание потенциала ресурса сетей хотя и сокращает шансы на попадание в данную группу, однако это влияние сравнительно невелико и статистически не значимо. Зато наличие реальных связей, включая дефицитные, с высоким потенциалом гораздо четче связано с пребыванием их владельца в составе даже не средне-, а высокодоходных слоев и уменьшает вероятность его нахождения в медианной группе. Очевидно, что высокий потенциал социальных сетей является ценным ресурсом и способен приносить их владельцу существенные монетарные и немонетарные ренты, позволяющие ему занимать высокие позиции в социальной иерархии.

Что касается условий социализации, связанных с местом проживания в детстве, то в целом этот фактор хотя и значим, однако преимущественно для тех, кто проживал в тот момент в Москве и Санкт-Петербурге. Здесь мы снова имеем дело с особенностями использования страновой медианы при построении моделей доходной стратификации. Выросший в мегаполисе ребенок с высокой долей вероятности останется жить в том же городе в зрелом возрасте, а это означает, что среднедушевые доходы такого индивида, скорее всего, будут выше медианных по стране. Поэтому в данном случае также имеет смысл исследовать влияние фактора условий социализации, связанных с местом проживания в детстве, на уровень среднедушевых доходов индивида с использованием *поселенческой медианы*.

Как показано в табл. 2.19, социализация в мегаполисах при условии учета поселенческих медиан в 7 раз повышает шансы индивида, даже при условии проживания в том же типе поселения

потребностей, которые становятся доступны индивиду через его социальное окружение, а именно доступ к хорошим, проверенным врачам и учителям. К третьему типу относятся уже настоящие связи, открывающие перед их владельцами новые жизненные возможности, например, через продвижение по карьерной лестнице, устройство на перспективную работу, улучшение жилищных условий и пр. Наконец, дефицитные связи, доступные сравнительно небольшому кругу россиян из числа попадающих в массовые опросы, позволяют им решать свои личные проблемы, пользуясь через свое окружение прямым доступом к должностным лицам, или же занимать крупные суммы денег непосредственно у своего окружения. Более подробно см.: *Каравай А.В.* Социальный капитал российских рабочих и их установки в отношении его накопления // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 3.

в зрелом возрасте, на попадание в высокодоходные слои общества. Социализация же в сельской местности, как уже отмечалось выше, является значимым фактором попадания в низкодоходные слои.

Таблица 2.19

Соотношение вероятностей для модели с зависимой переменной, основанной на поселенческих медианах, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., разы

Факторы (тип поселения проживания на момент начала обучения в школе)	Низко-доходные слои	Медианная группа	Средне-доходная группа	Высоко-доходные слои
Москва и Санкт-Петербург	0,73**	0,89	1,04	7,25**
Республиканский или областной центр, крупный город	0,96**	1,21	0,77**	1,83
Районный центр, малый или средний город	0,78**	1,01*	1,06	1,58**
Село, деревня, поселок городского типа	1,00**	1,00	1,00**	1,00**

Итак, проведенный нами анализ позволяет утверждать, что *в низкодоходных слоях все факторы, связанные с условиями первичной социализации индивида и потенциалом его социальных связей, оказались для страны в целом незначимыми*. Возможно, это связано с тем, что низкодоходные слои довольно гетерогенны. Так, лишь у половины представителей этой части общества родители не имели никакого профессионального образования (у 54,3% его не имели отцы, у 52,6% — матери), менее половины (47,2%) из них провели детство в сельской местности или поселках городского типа, лишь у 30,5% не было никакого социального ресурса (еще 35,9% с помощью своих связей могли «перехватить денег до полочки» или найти подработку для тех же целей, а треть имела социальный ресурс с более высоким потенциалом). Это означает, что вероятность иметь низкие доходы для граждан нашей страны в целом зависит от иных факторов. *В то же время если рассматривать место человека в доходной стратификации не в масштабах страны, а в том или ином поселении, где он проживает, то факторы этой группы оказываются значимыми* — высшее образование матери, социализация в городах,

особенно крупных, и/или хотя бы минимальный ресурс социальных сетей в этом случае заметно повышают шансы индивида не попасть в состав низкодоходных слоев. *Что же касается остальных групп и слоев, то в медианной группе на страновом уровне факторы, связанные с условиями социализации и потенциалом социального окружения, статистически значимы и уменьшают вероятность попадания в низкодоходные слои. Не меняет эту картину и обращение к факторам доходной стратификации в рамках отдельных типов поселений. Вероятность нахождения в среднедоходной группе также значимо зависит на страновом уровне от уровня образования матери, первичной социализации в городах, а также наличия и потенциала ресурса социальных сетей. Наконец, больше шансов находиться в высокодоходных слоях, а не в медианной или среднедоходной группах у тех, кто провел детство в одной из столиц, а также имеет высокопотенциальные связи. Уровень же образования родителей (отца в первую очередь) при этом значим для попадания в наиболее благополучные, с точки зрения среднедушевых доходов, слои только на уровне соответствующих типов поселений.*

Рассмотрим теперь принципиально иной блок факторов доходной стратификации, а именно **факторы, связанные с личной активностью индивидов**, результаты которой проявляются в характеристиках их человеческого капитала и занятости. Согласно результатам основной модели, уровень образования играет значимую роль во всех доходных группах и слоях, за исключением высокодоходных, где эта переменная оказалась незначимой. Отсутствие профессионального образования, при прочих равных, увеличивает риски индивида на попадание в низкодоходные слои. Для пребывания в медианной группе важно получить хотя бы среднее специальное образование. Наличие же высшего образования почти в 2 раза (по сравнению с теми, у кого нет профессионального образования) увеличивает шансы человека стать представителем относительно благополучной среднедоходной, а не медианной группы (табл. 2.20).

Как видим, для попадания в высокодоходные слои в современной России недостаточно просто иметь высшее образование, поскольку среди их представителей, как и у среднедоходных россиян, его имеют свыше половины. Необходимо также регулярно наращивать свои знания и навыки. Как показано в табл. 2.20, в высокодоходных слоях опыт пополнения знаний в течение 3-летнего промежутка

Таблица 2.20

Результаты основной регрессионной модели с зависимой переменной, основанной на страновой медиане, для переменных, характеризующих человеческий капитал индивида, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., разы

Факторы	Низкодоходные слои	Медианная группа	Среднедоходная группа	Высокодоходные слои
<i>Уровень образования</i>				
Не выше средней школы	1,00**	1,00**	1,00**	1,00
Среднее специальное	0,95**	1,13**	1,13**	1,09
Высшее и выше (включая неполное)	0,84**	1,30**	1,99**	1,64
<i>Навыки работы на компьютере</i>				
Не имеют	1,00**	1,00**	1,00	1,00
Имеют	0,89**	1,19**	1,48	1,33
<i>Пополняли знания в предыдущие 3 года (за исключением получения основного профессионального образования)</i>				
Нет	1,00	1,00	1,00	1,00**
Да	0,96	1,07	1,01	1,84**

времени при сопоставимом уровне образования в 2 раза повышал шансы индивидов попасть в них, при том что в остальных слоях этот фактор оказался незначим. Что же касается навыков работы на компьютере как индикатора включенности индивидов в информационные технологии, то их отсутствие, при прочих равных, значимо увеличивает риски попадания в низкодоходные слои. В благополучных же слоях наличие этого навыка является бесспорной нормой (85,7% в средне- и 90,5% в высокодоходных слоях имели в 2015 г. этот навык при 66,5% в низкодоходных слоях и 72,4% в медианной группе) и значимого влияния на доходы их представитель уже не оказывает.

Переходя к анализу **факторов, связанных с занятостью россиян**, мы должны отметить, что сам факт ее наличия слабо влияет на положение индивида в доходной иерархии — переменная, отвечающая за этот показатель, в целом оказалась незначимой. При наличии в российской экономике огромного числа низкооплачиваемых рабочих мест этому вряд ли стоит удивляться. В то же вре-

мя, как это ни парадоксально, но отсутствие работы, при прочих равных, положительно связано с вероятностью оказаться в составе средне- и высокодоходных россиян (табл. 2.21), а опыт длительной безработицы вообще в большей степени характерен именно для представителей высокодоходных слоев населения.

Таблица 2.21

Результаты основной регрессионной модели, основанной на страновой медиане, для переменных, характеризующих наличие и устойчивость занятости индивидов, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., разы

Факторы	Низкодоходные слои	Медианная группа	Среднедоходная группа	Высокодоходные слои
<i>Работали на момент опроса</i>				
Нет	1,00	1,00	1,00*	1,00
Да	1,03	1,03	0,73*	0,79
<i>Наличие опыта длительной (свыше 3 месяцев) безработицы</i>				
Нет	1,00**	1,00*	1,00	1,00*
Да	1,06**	0,87*	0,93	1,22*

Однако более детальный анализ позволяет понять, что ничего парадоксального здесь нет. Так, если проанализировать источники доходов в домохозяйствах неработающих россиян, то у представителей благополучных слоев сравнительно чаще встречаются виды доходов, которые не подразумевают обязательную постоянную занятость. Как показано в табл. 2.22, у 22,7% неработающих россиян из высокодоходных слоев в составе источников доходов присутствуют ренты от различных активов (недвижимости, вкладов, ценных бумаг), у 11,4% — доходы от бизнеса. Кроме того, в ряде случаев незанятые трудоспособные в высокодоходных слоях являются иждивенцами других членов семьи (у 45,5% в составе их домохозяйств есть работающие) (табл. 2.22). В то же время мы должны отметить, что цифры эти в значительной степени условны из-за малого объема подвыборки неработающих в высокодоходных слоях, хотя и дают возможность получить представление о некоторых существующих тенденциях и сделать вывод, что значимая связь безработицы (прежде всего, длительной)

с нахождением в высокодоходных слоях обуславливается возможностью для многих представителей этих слоев содержать трудоспособных иждивенцев без «сползания» в менее благополучные слои. Для медианной группы эти тенденции наименее характерны, а в низкодоходных слоях, где незанятость трудоспособных также распространена, речь идет уже, видимо, не о добровольной незанятости, а о реальной безработице.

Таблица 2.22

Структура источников доходов в домохозяйствах неработающих россиян, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., %
(допускалось несколько вариантов ответов)¹⁶

Источники доходов в домохозяйстве	Низкодоходные слои	Медианная группа	Среднедоходная группа	Высокодоходные слои
Зарплата по основному месту работы	26,7	23,7	33,3	45,5
Пенсии, пособия, алименты, помощь от государства и общественных организаций и т. д.	83,0	83,7	70,2	54,5
Собственный бизнес	1,1	0,0	1,2	11,4
Совместительство	0,4	0,8	1,8	9,1
Разовые приработки, заработки от случая к случаю	16,5	12,3	19,6	18,2
Доходы от собственности, сдачи в аренду имущества, проценты по вкладам	0,7	2,9	3,6	22,7
Помощь, получаемая от родственников, друзей, соседей и т. п.	11,3	13,4	23,8	18,2
Подсобное хозяйство, дача, приусадебный участок	20,7	20,2	17,3	22,7
Другое	2,0	2,5	1,2	0,0

¹⁶ Фоном выделены максимальные значения в строке, более чем на 5% отличающиеся от следующего за ним значения.

Для более детального анализа факторов доходной стратификации, связанных с характеристиками занятости (помимо ее наличия), мы построили на подвыборке работающих россиян дополнительную регрессионную модель¹⁷. Урезание выборки и включение в модель дополнительных переменных не повлияло на те выводы, которые мы сделали в отношении других факторов (аскриптивные характеристики, место жительства, условия социализации и пр.), встречающихся и в основной модели¹⁸, однако позволили получить дополнительную информацию о факторах доходной стратификации в российском обществе.

Исходя из представленных в табл. 2.23 результатов, очевидно, что профессиональный статус играет значимую роль в доходной стратификации работающего населения. Так, по сравнению с рабочими, руководители при прочих равных почти в 9 раз чаще могут оказаться в высокодоходных слоях, а специалисты — почти в 7 раз. Даже у рядовых работников торговли и бытового обслуживания больше шансов оказаться в составе высокодоходных слоев, чем у рабочих. Это неудивительно, поскольку у рабочих длительное время наблюдаются наименьшие отдачи на человеческий капитал, поэтому они не заинтересованы в постоянном накоплении и обновлении имеющихся знаний, а, как мы показали выше, именно в высокодоходной группе эти факторы играют одну из наиболее значимых ролей¹⁹.

Остальные характеристики положения индивида на рынке труда влияют на его место в доходной иерархии не столь очевидно

---

¹⁷ В качестве зависимой переменной рассматривалась категориальная шкала доходов, измеренных относительно страновой медианы. В число независимых переменных (помимо тех, которые использовались в основной модели) были включены также переменные, характеризующие предприятие (размер, тип собственности и отраслевая принадлежность), на котором работал респондент, и характеристики его положения на рынке труда (профессиональный статус, форма трудового контракта, степень автономности труда и ресурс влияния в рамках своего предприятия).

¹⁸ Для удобства читателя мы не стали включать в основной текст главы все результаты мультиномиальной модели, построенной на подвыборке работающих россиян. С ними можно ознакомиться в Приложении 25.

¹⁹ См., например: *Тихонова Н.Е., Каравай А.В.* Человеческий капитал российских рабочих: общее состояние и специфические особенности // Мир России. 2017. № 3; *Каравай А.В.* Состояние и динамика качества человеческого капитала российских рабочих // Terra Economicus. 2017; и др.

и не во всех доходных группах. Так, форма трудового контракта имеет значение в низкодоходных слоях и медианной группе — при прочих равных постоянный или временный письменный договор уменьшает вероятность нахождения в низкодоходных слоях и увеличивает шансы на попадание в медианную группу. Для благополучных средне- и высокодоходных слоев временный трудовой контракт оказывает даже большее положительное влияние, чем постоянный, однако эта связь статистически незначима. Ресурс влияния на принятие решений по месту занятости оказывается значимым только для медианных и высокодоходных слоев, причем при прочих равных для повышения вероятности оказаться в них достаточно ресурса влияния в рамках своего подразделения. Наконец, степень автономности труда, выраженная в том, какие решения относительно содержания и распределения во времени своей работы индивид имеет возможности самостоятельно принимать, не сказывается на его положении в доходной иерархии. Видимо, привилегии в виде высокой степени автономности труда являются следствием совокупности всех остальных факторов, которые характеризуют позиции работника на рынке труда (в первую очередь его профессиональный статус). Однако возможно и то, что для некоторых категорий работников высокая степень автономности труда является формой компенсации за низкие доходы.

Таблица 2.23

Результаты дополнительной регрессионной модели по подвыборке работающих россиян для переменных, характеризующих специфику занятости, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., разы

Факторы	Низкодоходные слои	Медианная группа	Среднедоходная группа	Высокодоходные слои
<i>Профессиональный статус</i>				
Предприниматели и руководители	0,74	1,26**	3,67**	8,90**
Специалисты	0,75**	1,47**	2,95**	6,74**
Служащие, самозанятые и прочие	0,87**	1,37**	1,58	2,55*

Продолжение табл. 2.23

Рядовые работники торговли и бытового обслуживания	1,04	0,82**	0,97	1,94**
Рабочие	1,00	1,00**	1,00	1,00**
<i>Форма трудового контракта</i>				
В штате по приказу или бессрочный контракт	0,86**	1,50**	1,44	1,49
Временный письменный договор	0,83**	1,46**	1,88	2,69
Устная договоренность	1,00**	1,00**	1,00	1,00
<i>Влияние на принятие решений на своем предприятии</i>				
Нулевое (от их мнения ничего не зависит)	1,00	1,00**	1,00	1,00**
Среднее (в рамках своего подразделения)	0,87	1,53**	1,93	3,06**
Высокое (в масштабах всего предприятия)	0,93	1,37	1,27	3,43
<i>Степень автономности труда</i>				
Нулевая	1,00	1,00	1,00	1,00
Низкая (1–3 позиции из возможных)	1,04	0,91	0,84	0,79
Средняя и высокая (4 и более позиций)	1,06	0,83	0,83	0,87

Что же касается характеристик предприятий, где заняты представители разных доходных групп, то в первую очередь обращает на себя внимание влияние фактора их отраслевой принадлежности (табл. 2.24). При прочих равных занятость в отраслях, обычно относимых к бюджетным, значительно снижает вероятность попадания не только в высокодоходные слои, но даже в медианную группу. Такая ситуация не может не вызывать беспокойства, поскольку бюджетные отрасли напрямую связаны с состоянием человеческого капитала страны. Однако очевидно, что специалистам с высокой квалификацией, если говорить о стране в целом, все еще не выгодно идти в отрасли, связанные с образованием и здравоохранением, невзирая на все действия, которые предпринимают власти в этом направлении. Помимо работы в бюджетных отраслях существенно

сокращает шансы индивида на попадание в благополучные слои и занятость в торговле и бытовом обслуживании, хотя на вероятность попадания в низкодоходные слои работа в них влияет скорее отрицательно (причем это влияние статистически незначимо).

Таблица 2.24

Результаты дополнительной регрессионной модели по подвыборке работающих россиян для переменных, характеризующих условия занятости индивидов, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., разы

Факторы	Низкодоходные слои	Медианная группа	Среднедоходная группа	Высокодоходные слои
<i>Тип собственности предприятия</i>				
Государственное	1,00**	1,00**	1,00	1,00**
Приватизированное	0,95	1,19	1,66	2,42
Вновь созданное частное	0,98**	1,06**	1,27	2,11
Прочие (кооперативы, самозанятые и т. п.)	0,91**	1,43**	2,01	3,38
<i>Размер предприятия</i>				
Менее 10 человек	1,00	1,00**	1,00	1,00**
От 10 до 50 человек	1,04	0,92*	0,86	1,12*
От 50 до 100 человек	1,07	0,89**	0,68	0,73**
От 100 до 1 000 человек	1,03	0,90	0,96	1,73
Не менее 1 000 человек	1,05	0,99	0,57	2,52
<i>Отрасль</i>				
Промышленность, энергетика, транспорт, строительство	0,95	1,14	1,31	1,12
Сельское и лесное хозяйство	1,05	0,87	0,64	0,67
Армия, правоохранительные органы, охранные и другие силовые структуры, государственное или муниципальное управление	0,96	1,09	1,24	1,45
Торговля, включая оптовую и розничную, бытовое обслуживание, ЖКХ	0,92	1,38**	0,88	0,44**

Продолжение табл. 2.24

Образование, здравоохранение, наука, культура	1,05	0,90**	0,58	0,47**
Информационные технологии и связь, финансы, кредит, страховое дело, маркетинг, консалтинг и др.	1,00	1,00	1,00	1,00

Учитывая сказанное выше о влиянии занятости в бюджетных отраслях на положение индивида в доходной иерархии, не удивительно, что тип собственности предприятия значим для работающих представителей всех доходных групп, за исключением среднедоходных россиян. Занятость на государственных предприятиях повышает вероятность попадания в низкодоходные слои. При этом т. н. «бюджетники» находятся в более уязвимом положении, чем, например, госслужащие или «силовики», также занятые в государственном секторе экономики. На материальном положении работников образования, здравоохранения, культуры и науки, во-первых, негативно сказывается их отраслевая принадлежность, а во-вторых, государственный статус их предприятий. Напомним, что речь идет не о заработных платах, которые государство старается повышать, а о среднедушевых доходах. Из этого следует, что, согласно нашим расчетам, представителям бюджетных отраслей объективно тяжелее обеспечить себе и своим близким уровень жизни, превышающий типичный для низкодоходных слоев населения, хотя эти специалисты не только заняты в индустрии, «производящей» человеческий капитал на макроуровне, но и на микроуровне это люди, в семьях которых накапливается качественный человеческий и культурный капитал, что также «работает» на благо страны.

Наконец, завершая рассмотрение влияющих на доходную стратификацию факторов, связанных со спецификой предприятий и организаций по месту работы россиян, мы должны отметить, что чем крупнее предприятие, на котором работает индивид, тем с большей вероятностью он будет находиться в высокодоходных слоях, хотя влияние этого фактора в большинстве случаев статистически незначимо. В свете декларируемой властями задачи успешного развития малого бизнеса в стране, не может не внушать беспокойства тот факт, что занятость на предприятиях малого бизнеса негативно сказывается на экономическом положении работников, и прежде

всего потому, что малый бизнес — это преимущественно сфера торговли и услуг²⁰, где высокая квалификация заведомо не нужна и потому не оплачивается.

Подводя итоги анализа влияния факторов, связанных с характеристиками положения работающих россиян на рынке труда и спецификой их предприятий, еще раз отметим, что *в российском обществе сравнительно высоки риски попадания в низкодоходные слои у рабочих и рядовых работников торговли и бытового обслуживания, лиц без официального трудового контракта и/или занятых на негосударственных предприятиях. Естественно, что при таком характере занятости у представителей низкодоходных слоев обычно не может быть ни автономности труда, ни ресурса влияния на предприятии. В то же время присутствие такого ресурса наряду с наличием формального трудового договора и/или профессиональной позицией не ниже полупрофессионала заметно повышает шансы индивида попасть в медианную группу. Нахождение в среднедоходных слоях чаще возможно для тех, кто занимает позиции специалистов и руководителей, хотя влияние остальных рассмотренных факторов в данной группе оказалось статистически незначимым. Занятые на крупных предприятиях профессионалы с большей вероятностью попадают в высокодоходные группы. Повышает шансы на нахождение в этих слоях и наличие хотя бы минимального ресурса влияния на работе. Наконец, только в высокодоходных слоях отраслевая принадлежность предприятия является значимым фактором доходной стратификации, поскольку, как оказалось, занятость на бюджетных предприятиях, а также в торговле и бытовом обслуживании снижает шансы на попадание в эти наиболее благополучные слои российского общества.*

Вернемся теперь к результатам основной мультиномиальной модели и рассмотрим последний блок отобранных нами для нее **факторов, связанных с составом домохозяйства и иждивенческой нагрузкой внутри него**. В табл. 2.25 показано, что наличие практически любого типа иждивенцев повышает вероятность

---

²⁰ По данным ФСГС в 2015 г. треть предприятий малого предпринимательства концентрировалась в отраслях оптовой и розничной торговли и бытового обслуживания, пятая часть — в операциях с недвижимым имуществом, а каждое восьмое — в строительстве. См. подробнее: Россия в цифрах. 2016: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2016 (URL: www.gks.ru/free_doc/doc_2016/rusfig/rus16.pdf).

Таблица 2.25

Результаты основной регрессионной модели для переменных, характеризующих иждивенческую нагрузку внутри домохозяйств, ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., разы

Факторы	Низкодоходные слои	Медианная группа	Среднедоходная группа	Высокодоходные слои
<i>Наличие в составе домохозяйства неработающих взрослых трудоспособного возраста</i>				
Нет	1,00**	1,00**	1,00	1,00
Да	6,94**	2,00**	0,99	0,43
<i>Наличие в составе домохозяйства инвалидов 1- и 2-й групп</i>				
Нет	1,00**	1,00**	1,00	1,00
Да	1,42**	1,88**	1,23	0,51
<i>Наличие в составе домохозяйства хронических больных с ограниченной трудоспособностью</i>				
Нет	1,00	1,00	1,00	1,00
Да	0,93	1,01	1,00	1,08
<i>Наличие в составе домохозяйства неработающих пенсионеров (не инвалидов)</i>				
Нет	1,00**	1,00**	1,00	1,00
Да	1,74**	2,02**	0,93	0,54
<i>Наличие в составе домохозяйства неработающих студентов</i>				
Нет	1,00	1,00*	1,00	1,00**
Да	2,87	1,92*	1,05	0,46**
<i>Наличие в составе домохозяйства несовершеннолетних детей</i>				
Нет	1,00**	1,00**	1,00	1,00*
Да	5,10**	1,92**	1,18	0,41*
<i>Иждивенческая нагрузка в домохозяйстве</i>				
Нет иждивенцев	1,00**	1,00**	1,00**	1,00**
Не более 1 иждивенца на 2 работающих	1,68**	1,04**	0,66**	0,43**
От 1 до 2 иждивенцев на 2 работающих	2,23**	1,10**	0,36**	0,21
От 2 до 3 иждивенцев на 2 работающих	3,16	0,76	0,17	0,16
Свыше 3 иждивенцев на 2 работающих	2,83	0,98	0,17	0,09

попадания россиян в низкодоходные слои общества. Так, при прочих равных, риски нахождения в этих слоях у тех индивидов, в домохозяйствах которых есть неработающие члены трудоспособного возраста, выше почти в 7 раз. Немногим меньше эти риски у представителей семей с несовершеннолетними детьми, для которых этот фактор в 5 раз повышает вероятность попадания в низкодоходные слои. Более того — нагрузка домохозяйства детьми, включая неработающих студентов, существенно (более чем в 2 раза) сокращает шансы индивида на нахождение в высокодоходных слоях.

Иждивенческая нагрузка, индикатором которой служит количество неработающих членов домохозяйства в соотношении с работающими, для нашего общества является значимым фактором доходной стратификации. Даже один иждивенец при двух работающих членах семьи существенно (в 2,3 раза) сокращает ее шансы на нахождение в высокодоходной группе. При двух иждивенцах существенно (в 2,8 раза) сокращаются шансы попасть в среднедоходные слои. При трех иждивенцах в 1,3 раза сокращаются шансы попасть даже в медианную группу. Мы не будем оригинальны, если скажем, что все усилия властей, направленные на улучшение демографической ситуации в стране, будут неэффективны, пока у населения планирование семьи будет связано с высокими рисками значительного ухудшения материального положения.

Что же касается благополучной части населения, то для среднедоходной группы наличие иждивенцев оказалось незначимым фактором, в отличие от их количества — наличие хотя бы одного иждивенца любого типа заметно сокращает шансы индивида на попадание в данную группу. В высокодоходных слоях ситуация схожая, однако статистически значимой оказывается нагрузка именно несовершеннолетними детьми и студентами. Все остальные типы иждивенцев в принципе сокращают возможности индивида попасть в высокодоходные слои, однако это влияние статистически незначимо.

Подведем итоги.

Проанализировав действие 4 блоков факторов в 4 доходных группах и слоях, выделенных исходя из соотношения среднедушевых доходов в их домохозяйствах со страновой медианой, мы можем сказать, что для всех них существует свой набор факторов, значимо влияющий на нахождение индивида в их составе. Риски

попадания в низкодоходные слои в значительной степени зависят от состояния здоровья человека, его возраста, места проживания и состава его домохозяйства, а для работающих — еще и от положения на рынке труда (профессионального статуса и характера трудового контракта). Фактически в жизни людей из низкодоходных слоев очень много обстоятельств, препятствующих тому, чтобы они накапливали стратегически значимые для попадания в более благополучные слои общества ресурсы. В числе таких барьеров болезни, неустойчивое положение на рынке труда их или их близких, проживание в сельской местности и наличие несовершеннолетних детей. Более того, исходя из результатов нашего анализа, наиболее сложно приходится не пенсионерам — у них выше шансы попасть скорее в медианную группу, а молодежи, и особенно сельской.

Главное, что в современном российском обществе сокращает риски попадания в низкодоходные слои, — это накопленный индивидом человеческий капитал, который, наряду с наличием других ресурсов, отличает представителей медианной группы от низкодоходных слоев. Однако, обладая некоторым минимальным набором ресурсов, представители медианной группы все-таки имеют очень ограниченные возможности дальнейшего наращивания своих доходов. Эти возможности ограничиваются такими факторами, как плохое здоровье, пожилой возраст, проживание в местности с узким рынком труда и, главное, иждивенческая нагрузка либо детьми, либо неработающими взрослыми.

Сравнительно небольшое число иждивенцев в домохозяйствах, первичная социализация и проживание в городской среде, высокий уровень человеческого капитала не только их, но и их родителей, высокий профессиональный статус (специалиста или руководителя), развитые социальные связи, зрелый, но не пожилой возраст, неплохое здоровье — это то, что, согласно нашим данным, повышает шансы индивида попасть в среднедоходную группу.

Для представителей высокодоходных слоев характерна, по сравнению с остальными россиянами, наименьшая иждивенческая нагрузка. Кроме того, значимым фактором, обуславливающим нахождение в высокодоходных слоях, является включенность индивидов в процессы непрерывного наращивания знаний. Значим для шансов попасть в высокодоходные слои оказался и возрастной фактор — у молодежи больше шансов на нахождение в их составе,

чем у старшего поколения, но это совсем другой тип молодежи, нежели та, что попадает в низкодоходные слои, — обычно это образованная молодежь крупных городов, происходящая из благополучных и образованных семей.

В целом же результаты проведенного регрессионного анализа позволяют утверждать, что россияне распределяются по разным доходным слоям в зависимости от располагаемых ресурсов и уровня иждивенческой нагрузки. Представители средних и старших возрастов формируют медианную и среднедоходную группы, а молодежь в значительной степени «расходится» по полярным доходным слоям, что может быть одной из причин возникновения социального напряжения в молодежной среде — ведь решающую роль при этом «расхождении» играют не столько личные заслуги человека, сколько место его рождения и жительства.

Глава 2.6. Факторы относительной и абсолютной бедности

В главе 2.5 были представлены результаты анализа причин, приводящих к попаданию в различающиеся по величине их доходов группы и слои населения. Однако не менее важна и проблема факторов, обуславливающих попадание не в низкодоходные слои, а в безусловную бедность. При этом особого внимания заслуживает вопрос о том, имеем ли мы в случае рассмотрения факторов абсолютной и относительной бедности дело с одними и теми же факторами, или же они различаются между собой. Именно этому и посвящена данная глава, в которой мы рассмотрим сходства и различия групп факторов попадания в группу абсолютно бедных (т. е. обладающих доходами ниже величины прожиточного минимума в регионе проживания) и относительно бедных (с доходами менее 0,5 региональной медианы), а также проанализируем причины, которые привели к бедности представителей обеих групп, и их ключевые характеристики. Несмотря на то, что в данной книге используются в основном страновые показатели распределения доходов, в этой главе мы применяем именно региональный показатель медианы среднедушевых доходов, поскольку показатель прожиточного минимума устанавливается в России для каждого региона отдельно.

Прежде чем переходить непосредственно к результатам проведенного анализа, отметим, что, согласно последним исследованиям, факторы бедности «по доходам» остаются в целом неизменными на протяжении последних полутора десятков лет¹. В их число входят:

---

¹ См.: Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Бедность и бедные в современной России. М.: Весь мир, 2014; Тихонова Н.Е., Слободенюк Е.Д. Гетерогенность российской бедности через призму депривационного и абсолютного подходов // *Общественные науки и современность*. 2014. № 1; Можина М.А., Овчарова Л.Н., Попова Р.И., Прокофьева Л.М. и др. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. Коллективная монография. Науч. докл. / под ред. Т. М. Малевой. Вып. 24. М.: Моск. центр Карнеги, 1998; Овчарова Л. Н. Теоретико-методологические вопросы определения и измерения

- *социально-демографические характеристики*: проживание в сельской местности; иждивенческая нагрузка (в первую очередь детьми и неработающими трудоспособными); плохое здоровье; пол (женский); возраст (предпенсионный либо пенсионный с одновременным наличием хронических заболеваний);
- *социально-экономические характеристики*: уровень образования (не выше среднего специального); характер занимаемой профессионально-должностной позиции (позиции рутинного труда в первичном, вторичном и третичном секторах экономики); низкий уровень заработной платы и др.;
- *ситуационные и личностные характеристики*: семейные трагедии (смерть или тяжелая болезнь кормильца и т. п.); наркомания, алкоголизм и т. п. у кого-то из членов домохозяйства и пр.

Стоит отметить, что в последние годы усилился риск т. н. постиндустриальной бедности, связанный с расширением среди российских работников процессов прекаризации². В этой связи

бедности // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2012. № 16; *Тихонова Н. Е.* Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003; *Akerele D., Momoh S., Adewuyi S. A., Philip B. B. & Ashaolu O. F.* Socioeconomic determinants of poverty among urban households in South-West Nigeria. International journal of social economics, 2012. Vol. 39. No. 3; *Bhalla A. & Lapeyre F.* Poverty and Exclusion in a Global World, 2nd revised edition. New York: Palgrave, 2004; *Chow N. W.* My experience researching poverty over the past 35 years // China Review. 2015. Vol. 15. No. 2; *Green M. & Hulme D.* From correlates and characteristics to causes: Thinking about poverty from a chronic poverty perspective // World development. 2005. Vol. 33. No. 6; *Marsh K.* The causes of poverty and inequality in the united states: Towards a broader view / Rycroft R. S. (Ed.). The economics of inequality, poverty, and discrimination in the 21st century (Vol. 1 — Causes). California: ABC—CLIO, 2013; *Rodriguez A. G. & Smith S. M.* A comparison of determinants of urban, rural and farm poverty in Costa Rica // World Development. 1994. Vol. 22. No. 3; *Thorat A., Vanneman R., Desai S. & Dubey A.* Escaping and falling into poverty in India today // World development. 2017. Vol. 93; *Tikhonova N. E., Slobodenyuk E. D.* The Heterogeneous Character of Russian Poverty Through the Prism of the “Deprivation” and the “Absolute” Approaches // Sociological Research. 2015. Vol. 54. No. 1; *Townsend P.* International analysis of poverty. New York: Routledge, 2013.

² *Шкаратан О. И., Карачаровский В. В., Гасюкова Е. Н.* Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. 2015. № 12; *Слободенюк Е. Д.*

важным фактором бедности выступает факт занятия индивидом профессионально-должностных позиций, которые не гарантируют устойчивой занятости и соблюдения трудовых прав (официального оформления на работе, выплаты «белой» заработной платы, оплаты больничного листа, а также отсутствия у россиян властного ресурса на своей работе).

Таким образом, российские исследователи имеют консенсус относительно наиболее значимых факторов абсолютной бедности. В этой связи встает вопрос, а какова сравнительная сила влияния перечисленных факторов на вероятность попадания в абсолютную бедность? Конечно, мы не первые, кто задается этим вопросом, и среди многих посвященных ему работ надо прежде всего выделить исследования Л. Н. Овчаровой и ее группы³. Однако сравнительная значимость разных факторов бедности может со временем меняться. Кроме того, разные массивы данных, в силу специфики использованных в них инструментариев, предоставляют неодинаковые возможности проверки соотношения значимости разных факторов бедности.

Исходя из этих соображений и необходимости иметь одинаковый набор факторов для анализа относительной и абсолютной бедности, нами на данных 3-й волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН (октябрь 2015 г.) был проведен регрессионный анализ с использованием бинарной логит-регрессии. В качестве зависимой переменной в нем выступал бинарный индикатор бедности (факт принадлежности индивида к группе бедных по абсолютному подходу). С опорой на исследования последних лет, а также с учетом ограничений имевшихся эмпирических данных, нами были сформированы четырнадцать возможных факторов бедности, в числе которых были:

- *факторы иждивенческой нагрузки*, т. е. наличие в домохозяйстве хотя бы одного иждивенца из числа: 1) трудоспособных, не имеющих работы, 2) неработающих пенсионеров или инвалидов 1- или 2-й групп, 3) несовершеннолетних детей;

Последствия кризиса 2015 года: обеднение или прекаризация? // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 2.

³ См., например: *Овчарова Л. Н., Бирюкова С. С., Попова Д. О., Варданян Е. Г.* Уровень и профиль бедности в России: от 1990-х годов до наших дней / сост. Е. В. Шепелева; науч. ред. Л. Н. Овчарова. Вып. 1. М.: НИУ ВШЭ, 2014.

- *социально-экономические факторы, связанные со спецификой места индивида на рынке труда и его места в системе отношений занятости*⁴, в т. ч.: 1) образование индивида, 2) характер занимаемой им профессионально-должностной позиции, 3) тип предприятия, на котором он работает⁵, 4) «серый» характер его заработной платы или отсутствие официального оформления на работу⁶, 5) наличие у индивида властного ресурса на рабочем месте⁷;
- *прочие факторы*: 1) наличие в домохозяйстве респондента алкоголиков и наркоманов, 2) признаки материальной депривации, индикатором чего является отсутствие собственности на квартиру или дом, в котором проживает домохозяйство респондента, 3) тип населенного пункта, в котором проживал индивид, 4) его пол, а также 5) возраст и 6) возраст в квадрате для учета нелинейной формы связи в случае ее наличия⁸.

---

⁴ См.: *Goldthorpe J. H.* Occupational sociology, yes: Class analysis, no: Comment on Grusky and Weeden's "research agenda" // *Acta Sociologica*. 2002. Vol. 45. No. 3.

⁵ Примечательно, что до недавнего времени отечественная литература по факторам бедности не уделяла должного внимания типу собственности предприятий как специфического фактора бедности, на что указывали зарубежные коллеги (см.: *Kazuhiro K.* Research on poverty in transition economies: A meta-analysis on changes in the determinants of poverty // *Journal Transition Studies Review*. 2016. Vol. 23. No. 1).

⁶ Подробнее см.: *Chen M., Vanek J. & Heintz J.* Informality, gender and poverty: A global picture // *Economic and Political Weekly*. 2006. Vol. 41. No. 21; *Kallenberg A. L., Reskin B. F. & Hudson K.* Bad jobs in America: Standard and nonstandard employment relations and job quality in the United States // *American sociological review*. 2000. Vol. 65; *Standing G.* The precariat: The new dangerous class. London: A&C Black, 2011.

⁷ Согласно *Wright E. O.* Class counts: Comparative studies in class analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

⁸ Из общего перечня факторов бедности, представленных в табл. 2.26, 12 были представлены дихотомическими переменными. Как «1» в соответствии с гипотезой об их положительном влиянии на вероятность попасть в бедность («0», для всех иных вариантов ответа) кодировался: в № 1–3 в табл. 2.26 — факт наличия хотя бы одного иждивенца из указанных, в № 4 — среднее специальное образование и ниже, в № 5 — факт занятия профессионально-должностной позиции, не требующей высшего образования, или статус рабочего, в № 6 — работа на негосударственном предприятии, в № 7 — отсутствие официального оформления на работу

Наибольшую трудность с точки зрения определения целесообразности их включения в модель представляли факторы бедности, указанные в табл. 2.26 под № 4–6. Однако в силу значимости каждого из них все три эти переменные были использованы нами в анализе, а риск их взаимного влияния был нивелирован включением в регрессионную модель различных совместных эффектов от их одновременного проявления. Логистическая регрессия на указанном наборе факторов оценивалась методом максимального правдоподобия. В качестве статистического критерия качества модели использовались глобальные экстремумы логистических функций максимального правдоподобия и базирующиеся на них критерии: коэффициент детерминации МакФаддена, модифицированный байесовский информационный критерий (BIC) и информационный критерий Акаике (AIC), а также данные теста Хосмера — Лемешова на объяснительную силу модели⁹.

При работе с эконометрикой авторы придерживались в целом дедуктивной стратегии построения модели, наиболее распространенной в прикладных исследованиях, причем не только в России. Однако проведенный эконометрический анализ не является в строгом смысле слова «тестирующим гипотезы», поскольку в нем был реализован принцип «обучения из данных» и статистической целесообразности. При выборе статистически более оправданной модели авторы опирались на пошаговую стратегию моделирования Д. Хосмера и его коллег. В числе прочих действий эта стратегия предполагает проверку на робастность эффектов, полученных при оценке «полной» модели, путем включения и исключения незначимых, а также простых и множественных совместных эффектов в различных комбинациях. Стоит сказать, что одновременное

по решению работодателя или выплата части заработной платы неофициально, в № 8 — полное отсутствие властного ресурса на рабочем месте, в № 9 — наличие вредных привычек (в т. ч. алкоголизм, наркомания) у кого-либо из членов семьи, в № 10 — отсутствие собственности на квартиру или дом, в котором проживает домохозяйство, в № 11 — проживание в сельской местности (ПГТ в данном случае были отнесены к городскому типу поселений и закодированы как «0»), в № 12 — женский пол.

⁹ См.: Long J.S. Regression models for categorical and limited dependent variables. California: SAGE Publications, 1997; Hosmer D., Lemeshow S. & Sturdivant R.X. Applied Logistic Regression (3rd Edition). New York: John Wiley & Sons, 2013.

снятие всех незначимых регрессоров приводило к существенному ухудшению качества модели. Также не все совместные эффекты оказались значимы или оценки их влияния вели себя очень нестабильно. Мы оставили только наиболее робастные из них. Со всеми оценками эффектов (логитов), влияющих на вероятность попадания в бедность, а также их стандартными ошибками читатель может ознакомиться в табл. 2.26 (см. модель 3). Показатели качества моделей приведены в табл. 2.27¹⁰.

Поиск наиболее удачной бинарной логит-регрессии был произведен в пять этапов (см. табл. 2.26). Одновременное включение всех перечисленных факторов бедности в регрессионную модель (модель № 1) продемонстрировало ее высокую объяснительную способность, однако при этом ряд факторов бедности (приведенные в табл. 2.26 под номерами 2, 6, 7 и 9) являлись незначимыми даже на 95% интервале.

Перед тем как удалить переменные под номерами 2, 6, 7 и 9 из модели, нами была произведена проверка регрессии на потенциальное ухудшение ее объяснительной способности при их поочередном (или одновременном) исключении¹¹. Проведенная проверка показала значимое негативное влияние на качество модели от их совместного исключения (падение объяснительной силы согласно тесту Хосмера — Лемешова). И хотя тест на совместное исключение факторов 2, 6, 7 и 9 из модели показывает, что эффект от их совместного появления равен нулю, мы их оставили в уравнении, т. к. существующая литература¹² рекомендует в таких случаях незначимые факторы оставлять. Тест на проверку спецификации показал, что логистическая зависимость выбрана верно¹³.

---

¹⁰ Графические иллюстрации влияния некоторых ключевых основных и совместных эффектов на вероятность абсолютной бедности в разных возрастных когортах опубликованы в работе: *Anikin V.A. Russia in post-transition: New frontiers // The Journal of Comparative Economic Studies*. 2017. Vol. 12.

¹¹ Использовался адаптированный тест правдоподобия (скорректированный по методу Bonferroni-adjusted t statistics). Адаптированный тест правдоподобия использовался по причине расчета робастных оценок стандартных ошибок для коэффициентов анализируемых регрессоров.

¹² Подробнее см.: *Hosmer D., Lemeshow S. & Sturdivant R.X. Applied Logistic Regression (3rd Edition)*. New York: John Wiley & Sons, 2013.

¹³ Аналогичным образом были протестированы все следующие модели, в т. ч. те, зависимой переменной в которых выступал факт попадания индивидом в относительную бедность.

Таблица 2.26

Факторы попадания в абсолютную бедность на основе логит-регрессионного анализа, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г.¹⁴

Факторы бедности	Регрессионная модель				
	1	2	3	4	5
1. Наличие в семье неработающих трудоспособных	1.509*** (0.165)	1.545*** (0.165)	1.532*** (0.165)	1.550*** (0.165)	1.538*** (0.165)
2. Наличие в семье инвалидов 1- и 2-й групп или неработающих пенсионеров	-0.0942 (0.146)	-0.0908 (0.145)	-0.0804 (0.145)	-0.0833 (0.145)	-0.0737 (0.145)
3. Наличие в семье несовершеннолетних детей	0.962*** (0.111)	1.007*** (0.112)	1.022*** (0.113)	1.017*** (0.112)	1.033*** (0.113)
4. Образование среднее специальное и ниже	0.460** (0.186)	1.637*** (0.309)	1.681*** (0.315)	1.710*** (0.312)	1.754*** (0.320)
5. Характер профессионально-должностной позиции	0.470** (0.207)	0.554** (0.234)	0.534** (0.235)	0.493** (0.229)	0.467** (0.229)
6. Негосударственное предприятие	-0.125 (0.117)	-0.127 (0.118)	-0.120 (0.118)	-0.113 (0.117)	-0.105 (0.118)
7. Неофициальное оформление на работу или «серая» заработная плата	0.202* (0.107)	0.189* (0.108)	0.182* (0.108)	0.194* (0.108)	0.188* (0.109)
8. Отсутствие властного ресурса на работе	0.488*** (0.116)	0.508*** (0.116)	0.503*** (0.116)	0.497*** (0.116)	0.492*** (0.116)

¹⁴ В скобках указаны робастные отклонения; знаками «***», «**», «*» отмечены, соответственно, 99, 95 и 90-процентные доверительные интервалы. Фоном выделена модель, которая, на наш взгляд, является наиболее подходящей для используемых данных

Продолжение табл. 2.26

9. Наличие вредных привычек у кого-либо в семье	-0.144	-0.153	-0.116	-0.142	-0.104
	(0.237)	(0.243)	(0.244)	(0.243)	(0.243)
10. Отсутствие собственного жилья	0.333**	0.349**	0.341**	0.354**	0.346**
	(0.150)	(0.152)	(0.150)	(0.152)	(0.150)
11. Проживание в сельской местности	1.132***	0.467	0.512*		
	(0.114)	(0.301)	(0.301)		
12. Женский пол	0.233**	0.402***	0.399***	0.365***	0.358***
	(0.103)	(0.123)	(0.123)	(0.119)	(0.119)
13. Возраст	0.116***	0.123***	0.103***	0.122***	0.102***
	(0.0381)	(0.0384)	(0.0392)	(0.0383)	(0.0392)
14. Возраст (квадратичный)	-0.00164***	-0.00173***	-0.00173***	-0.00170***	-0.00171***
	(0.000482)	(0.000485)	(0.000493)	(0.000483)	(0.000491)
15. Совместный эффект образования и профессиональной позиции		-1.422***	-2.495***	-1.499***	-2.532***
		(0.363)	(0.590)	(0.365)	(0.590)
16. Совместный эффект профессиональной позиции и проживания в сельской местности		1.105***	1.055***	1.496***	1.484***
		(0.296)	(0.295)	(0.170)	(0.169)
17. Совместный эффект проживания в сельской местности и пола		-0.498**	-0.490**	-0.350*	-0.329
		(0.228)	(0.228)	(0.210)	(0.210)
18. Совместный эффект профессиональной позиции, образования и возраста			0.0284**		0.0273**
			(0.0125)		(0.0124)
Константа	-5.061***	-5.263***	-4.531***	-5.177***	-4.464***
	(0.741)	(0.751)	(0.796)	(0.748)	(0.794)
Количество наблюдений	2537	2537	2537	2537	2537

На последующих шагах нами включались в модель различные множественные взаимодействия: а) совместный эффект образования и профессиональной позиции, б) профессиональной позиции и проживания в сельской местности¹⁵, в) проживания в сельской местности и пола, г) профессии, образования и возраста и пр. Включение в модель множественных взаимодействий (multiple interactions) не привело к значимым изменениям в ее качестве (табл. 2.27). Однако исключение из модели triple interaction effects между профессией, образованием, типом поселения и полом значительно улучшило ее качество (модель № 2 в табл. 2.26). Последующее добавление совместного эффекта образования, профессии и возраста также оказалось значимым (модель № 3), хотя и не привело к существенному улучшению качества модели, а даже несколько его снизило (отрицательный тест Хосмера — Лемешова, а также сравнение BIC' моделей № 3 и 2 не в пользу модели № 3). В то же время модель № 3 все же лучше по своим характеристикам, чем модель № 1 (на основании сравнения BIC'). Таким образом, наилучшим образом объясняет факт попадания в абсолютную бедность модель № 2.

В качестве улучшения модели фактор № 11 (проживание в сельской местности) был исключен из дальнейшего анализа, т. к. при включении в модель совместных эффектов (в т. ч. включающих в себя этот фактор) он терял свою значимость. При удалении фактора № 11 общее качество модели улучшилось, однако немного упала ее предсказательная сила (согласно тесту Хосмера — Лемешова). Сопоставление между собой моделей № 2, 3, 4 и 5 показало, что модель № 4 оказывается наилучшей из них. Именно эта модель и была выбрана нами как рабочая для анализа факторов **абсолютной бедности**. Отметим сразу, что в итоговой модели $\frac{3}{4}$ всех факторов, заложенных в основу анализа, оказались значимыми (9 из 13).

Как видно из регрессионной модели № 4 (табл. 2.26), *бедность в настоящее время формируется по большей части за счет факторов, связанных с иждивенческой нагрузкой (преимущественно*

---

¹⁵ При оценке эконометрических моделей абсолютной бедности наименее робастным оказался эффект проживания в сельской местности. Исключение этого фактора из модели при условии учета его в совместных эффектах с профессиональным статусом и полом позволяет добиться лучших статистических показателей качества модели и ее предсказательной силы. Это отражено в модели № 4 (табл. 2.26).

Таблица 2.27

Результаты проверки качества построенных моделей факторов абсолютной бедности

Модель	McFadden's Adj R2:	Log-Lik Full Model	BIC'	AIC	Hosmer – Lemeshow chi2 (8)	Prob > chi2
1	0.142	-1204.002	-328.380	0.963	5.34	0.7208
2	0.151	-1187.808	-337.251	0.952	8.39	0.3967
3	0.150	-1184.924	-335.180	0.954	14.59	0.0676
4	0.152	-1188.926	-342.854	0.951	10.01	0.2645
5	0.150	-1186.252	-340.364	0.953	18.34	0.0188

неработающими членами семьи и детьми), а также с качеством человеческого капитала индивида (и, как следствие, его переговорной силой на рынке труда и характером занимаемой им профессионально-должностной позиции) и ситуацией на локальных рынках труда, различающихся в разных типах населенных пунктов. Иные же факторы (в частности, связанные с полом и возрастом индивида, неофициальным оформлением на работу и отсутствием властного ресурса на ней, отсутствием собственного жилья и т. п.) хотя и усиливают шансы попасть в бедность, но в меньшей степени. Таким образом, на вероятность иметь доходы ниже установленного в регионе проживания прожиточного минимума влияют, с одной стороны, факторы, обуславливающие низкие зарплаты, а с другой — необходимость тратить свои доходы на других членов семьи в силу наличия иждивенческой нагрузки.

Рассмотрим теперь, какие факторы влияют на вероятность попадания в число бедных, выделенных в рамках относительного подхода к стратификации, т. е. имеющих среднедушевые доходы не более 0,5 региональной медианы доходного распределения. Напомним, что при анализе факторов относительной бедности в качестве предикторов выступали те же переменные, что и в случае с абсолютной бедностью, а в качестве зависимых переменных — факт принадлежности к группе относительно бедных, т. е. тех, чьи среднедушевые доходы не более половины медианных по регионам их проживания.

На первом шаге моделирования (модель № 1) в анализ были включены все тринадцать потенциальных факторов бедности. Од-

нако лишь шесть из них (№ 1, 3, 8, 10, 11, 12) оказались значимы хотя бы на 95-процентном доверительном интервале (табл. 2.28). Таким образом, уже на первом шаге моделирования стало видно, что относительная бедность определяется более узким набором факторов, чем абсолютная бедность.

Таблица 2.28

Факторы попадания в относительную бедность на основе логит-регрессионного анализа, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г.

Факторы бедности	Регрессионная модель			
	1	2	3	4
1. Наличие в семье неработающих трудоспособных	1.514*** (0.227)	1.500*** (0.225)	1.532*** (0.227)	1.507*** (0.225)
2. Наличие в семье инвалидов 1- и 2-й групп или неработающих пенсионеров	0.282 (0.240)		0.280 (0.242)	0.296 (0.239)
3. Наличие в семье несовершеннолетних детей	1.194*** (0.214)	1.236*** (0.207)	1.202*** (0.216)	1.272*** (0.207)
4. Образование среднее специальное и ниже	0.0601 (0.322)			
5. Характер профессионально-должностной позиции	0.730* (0.397)	0.754*** (0.256)	0.597** (0.278)	0.587** (0.278)
6. Негосударственное предприятие	-0.235 (0.199)		-0.228 (0.202)	-0.222 (0.202)
7. Неофициальное оформление на работу или «серая» заработная плата	0.282 (0.193)		0.287 (0.195)	0.293 (0.193)
8. Отсутствие властного ресурса на работе	0.626*** (0.218)	0.657*** (0.222)	0.607*** (0.223)	0.600*** (0.222)
9. Наличие вредных привычек у кого-либо в семье	0.306 (0.343)		0.312 (0.348)	0.283 (0.346)
10. Отсутствие собственного жилья	0.632*** (0.226)	0.630*** (0.224)	0.652*** (0.228)	0.646*** (0.226)
11. Проживание в сельской местности	0.740*** (0.189)	0.738*** (0.187)		
12. Женский пол	0.725*** (0.192)	0.752*** (0.192)	0.742*** (0.193)	0.738*** (0.193)

Продолжение табл. 2.28

13. Возраст	0.0662		0.0693	
	(0.0578)		(0.0571)	
14. Возраст (квадратичный)	-0.000842		-0.000877	
	(0.000711)		(0.000706)	
15. Совместный эффект образования и проживания в сельской местности			0.952***	0.941***
			(0.207)	(0.207)
Константа	-6.789***	-5.555***	-6.718***	-5.471***
	(1.178)	(0.334)	(1.160)	(0.344)
Количество наблюдений	2537	2537	2537	2537

Тестирование модели на ее потенциальное ухудшение в связи с удалением переменных методом адаптированного теста правдоподобия показало, что исключение из дальнейшего моделирования незначимых переменных ухудшает ее объяснительную силу согласно результатам теста Хосмера — Лемешова (табл. 2.29). По этой причине на следующих шагах моделирования указанные факторы сохранялись в различной комбинации (в зависимости от того, какие совместные эффекты добавлялись в модели для их улучшения). Как показал анализ, совместные эффекты, значимые в объяснении абсолютной бедности (№ 15–18 в табл. 2.26), оказались незначимы, в то время как при объяснении относительной бедности значимым был совместный эффект от уровня полученного образования и проживания в сельской местности. Однако при добавлении указанного совместного эффекта самостоятельные факторы проживания в сельской местности (№ 11) и уровня образования (№ 4) стали незначимыми, практически равными нулю, а их удаление не оказало значимого влияния на объяснительную способность модели. Итогом этого этапа моделирования стала модель № 3, которая хотя и была хуже модели № 2, однако обладала более высокой объяснительной силой. На последнем этапе моделирования из модели был исключен фактор возраста, который был незначим во всех предшествующих моделях. Его исключение привело к значимому улучшению качества модели по сравнению с моделью № 3 (существенное снижение ВИС') и повышению объяснительной силы модели (по результатам теста Хосмера — Лемешова).

Исходя из улучшения качества модели и предпосылки, что наилучшей является модель, включающая в себя меньшее количество предикторов, в качестве рабочей и итоговой для анализа факторов **относительной бедности** была выбрана модель № 4.

Таблица 2.29

Результаты проверки качества построенных моделей факторов относительной бедности

Модель	McFadden's Adj R2:	Log-Lik Full Model	BIC'	AIC	Hosmer – Lemeshow chi2 (8)	Prob > chi2
1	0.111	-476.622	-42.931	0.388	4.95	0.7626
2	0.118	-479.673	-91.700	0.384	17.24	0.0277
3	0.118	-473.981	-56.052	0.385	8.35	0.4003
4	0.120	-474.551	-70.590	0.384	8.05	0.4281

Как видно из наилучшей модели (№ 4)¹⁶ в табл. 2.28, к относительной бедности приводит прежде всего наличие в домохозяйстве неработающих трудоспособных членов семьи и несовершеннолетних детей. Значимо сказываются на вероятности оказаться в группе с доходами не более 0,5 медианы регионального распределения доходов и отсутствие властного ресурса на рабочем месте, характер занимаемой профессионально-должностной позиции, а также гендерные различия. Бóльшими рисками относительной бедности обладают проживающие в сельской местности россияне с образованием не выше среднего специального. Таким образом, относительную бедность объясняет лишь половина всех ключевых факторов абсолютной бедности.

Дискуссионными, но все же не включенными в итоговую модель были факторы, связанные с наличием в семье инвалидов

¹⁶ Эффект проживания в сельской местности при анализе факторов относительной бедности, как и в случае с моделями факторов абсолютной бедности, оказывается очень нестабильным. Исключение его из модели и учет в паре с низким образованием позволяет добиться более высокого качества модели. С содержательной точки зрения это говорит о том, что тип поселения сам по себе не является самостоятельным фактором, приводящим к бедности, а выступает как контекстная переменная, которая усиливает фундаментальные показатели (низкого профессионального статуса в случае абсолютной бедности и образования – при относительной).

1-й или 2-й групп, неработающих пенсионеров, алкоголиков, наркоманов, а также ряд факторов, связанных с рабочим местом, — неофициальный характер оформления, получение «серых» зарплат и занятость на негосударственном предприятии.

В целом по итогам нашего регрессионного анализа можно сказать, что наличие в семье неработающих трудоспособных и детей приводит и к абсолютной, и к относительной бедности. Основное различие между типами бедности кроется в том, что для абсолютной бедности существенно более значимы факторы, связанные с образованием человека и его положением на рынке труда, в то время как при объяснении относительной бедности последние оказываются малозначимыми, а фактор образования вообще оказывается относительно незначимым, если его рассматривать в качестве основного эффекта, и приобретает значимость лишь в паре с типом поселения. О чем это говорит, если учесть, что в октябре 2015 г. среднедушевыми доходами менее 0,5 региональной медианы обладали 6,3% всех россиян, в то время как доходами менее 1 прожиточного минимума — 24,9%, и что практически все относительно бедные (99,1%¹⁷) являются абсолютно бедными, т. е. обладают доходами ниже прожиточного минимума? Это говорит о том, что для относительной бедности, которая распространена гораздо меньше, чем абсолютная, а уровень доходов представителей которой гораздо ниже¹⁸ (при том, что дефицит доходов, напротив, выше), чем у представителей абсолютной бедности, наибольшее значение имеет соотношение работающих членов семьи и иждивенцев. Для представителей же абсолютной бедности важную роль играют факторы, связанные с особенностями локального рынка труда. При этом бедность их в среднем не так глубока, зато численность их в разы больше, чем лиц с доходами не более 0,5 региональной медианы душевых доходов.

---

¹⁷ Остальные респонденты проживали в домохозяйствах, уникальный состав которых, несмотря на малые среднедушевые доходы в них, не позволял им быть официально признанными в качестве «бедных».

¹⁸ Так, в расчете на 1 члена домохозяйства в группе абсолютно бедных (т. е. обладающих доходами ниже величины прожиточного минимума) в среднем приходилось в 2015 г. 7 726 руб., в то время как в группе относительно бедных (с доходами менее 0,5 региональной медианы душевых доходов) — 4 990 руб. (медианные показатели душевых доходов в этих группах составляли тогда 8 000 и 5 000 руб. соответственно).

Рассмотрим теперь, как столь значимое (четырёхкратное) отличие в размерах отражается на социально-демографических и экономических характеристиках двух этих групп в сравнении с небедным населением. Как показали результаты регрессионного анализа, одним из ключевых факторов бедности для обеих ее видов выступает **иждивенческая нагрузка**. Однако несмотря на то, что характер иждивенческой нагрузки (преимущественно детьми и безработными) в группах абсолютно и относительно бедных достаточно схож, относительная бедность все же имеет значимое отличие — в составе этих домохозяйств в 1,5 раза выше доля неработающих членов семей, находящихся в трудоспособном возрасте (табл. 2.30).

Таблица 2.30

Наличие иждивенцев в домохозяйствах бедного и небедного населения, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., %¹⁹

Типы иждивенцев	Население с доходами более 1 ПМ	Население с доходами менее 1 ПМ	Население с доходами менее 0,5 региональной медианы
Безработные	4,6	19,6	31,5
Инвалиды 1–2-й групп	5,6	5,7	6,9
Хронически больные	1,1	2,5	3,4
Неработающие пенсионеры	29,4	23,0	23,7
Неработающие студенты	14,8	19,3	19,0
Несовершеннолетние дети	34,0	58,6	61,6
Нет никого из них	27,8	11,4	6,0

Неработающие в трудоспособных возрастах присутствуют практически в каждом третьем относительно бедном домохозяйстве, в то время как в домохозяйствах с доходами ниже прожиточного минимума — лишь в каждом пятом. Если же говорить о специфике домохозяйств бедного и небедного населения, то главным их отличием является высокая доля домохозяйств с детьми у представителей домохозяйств обоих типов бедности и в разы большая доля домохозяйств без иждивенческой нагрузки среди небедных. Эти особенности являются значимыми отличительными чертами относительной бедности.

¹⁹ Жирным шрифтом и фоном выделены наиболее характерные отличия у различных групп.

Говоря о **здоровье** представителей групп бедных, стоит отметить, что их самооценки своего здоровья довольно близки: каждый пятый оценивает свое здоровье как плохое (20,7% у представителей обеих групп при 13,4% у небедных). Таким образом, плохое состояние здоровья выступает одним из ключевых рисков попадания в бедность любого типа, однако не дифференцирует два этих типа бедности между собой.

Важное место среди социально-демографических особенностей бедных занимает **размер их домохозяйств**. Как видно из рис. 2.27, для всех бедных характерны большие (более 4 человек) домохозяйства, причем для относительно бедных это характерно даже в большей степени — каждое четвертое относительно бедное домохозяйство состоит минимум из 5 человек, в то время как среди абсолютно бедных — уже каждое пятое. В то же время для небедного населения проживание широкими семьями в принципе нетипично (7,9%). Из представленных данных можно сделать вывод, что крупным семьям оказывается тяжелее поддерживать типичный для их региона проживания уровень жизни. И это не удивительно: детальный анализ расширенных семей, проведенный в предшествующих исследованиях²⁰, показал, что они чаще всего представлены проживающими в сельской местности семьями, либо семьями с большим количеством детей, либо широкими многопоколенными семьями с детьми.

Таким образом, к относительной бедности приводит не сам по себе большой размер таких домохозяйств, а те факторы, которые чаще всего этому сопутствуют — иждивенческая нагрузка и проживание в сельской местности, где вероятность оказаться в числе бедных вообще относительно больше (рис. 2.28). Риск оказаться за чертой бедности в селах и поселках городского типа объективно выше, чем в городах, за счет специфики их рынка труда. Так, доля обладающих доходами менее прожиточного минимума в составе населения сел и ПГТ составляет 35,9%, в то время как в областных, краевых и районных центрах — уже 21,7%, а в столицах — 13,6%. Это же отражается и на обратном показателе — доле городских и сельских жителей в составе бедного и небедного населения (рис. 2.28). Объективность этого риска подтверждается и тем, что сами россияне указывают проживание в бедном регионе (городе, районе, местно-

---

²⁰ Слободянок Е.Д. Особенности и структура социальной группы бедных в современной России // Terra Economicus. 2014. Т. 12. № 4.

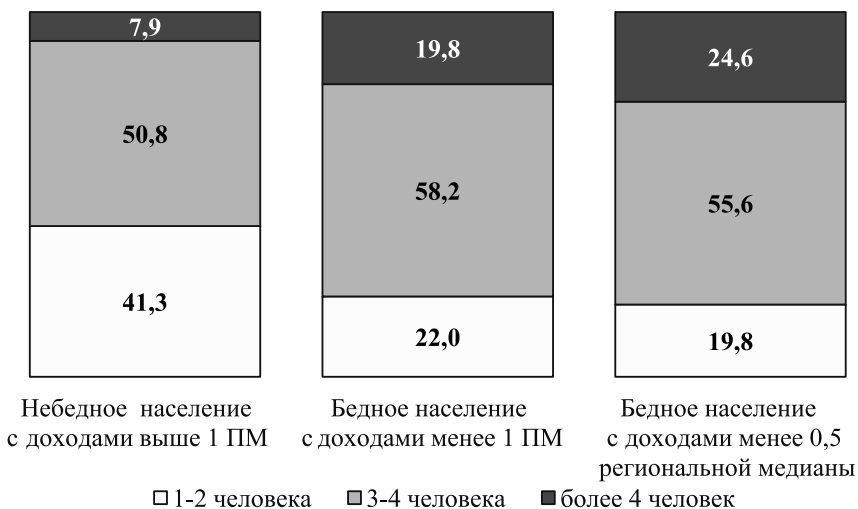

Рис. 2.27. Размер домохозяйств бедного и небедного населения, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., %

сти) как значимый фактор бедности. При ответе на вопрос о причинах бедности их ближайших знакомых (среди тех, кто имел таких знакомых), в числе пяти главных указанная причина фигурировала в ответах 12,5% небедных и 13,5% бедных россиян.

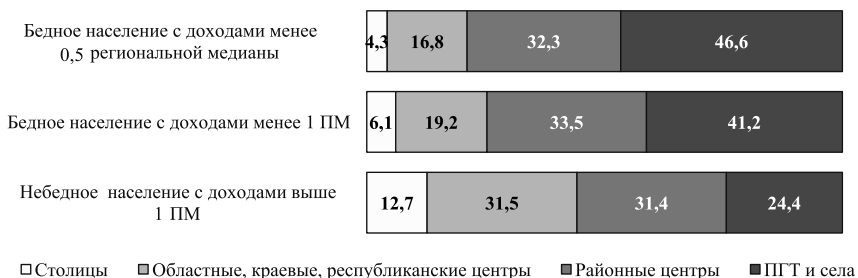

Рис. 2.28. Место проживания бедного и небедного населения, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., %

Как видим, несмотря на сходство относительно и абсолютно бедных по ключевым социально-демографическим характеристикам, все характерные социально-демографические особенности бедных проявляются у относительно бедных даже ярче, чем у имеющих

доходы ниже прожиточного минимума. Проявляется ли эта закономерность также применительно к работающим представителям анализируемых групп бедных?

Как показали предыдущие исследования, доминирующий тип бедности в России — это индустриальная бедность, или «бедность эксплуатируемого труда», связанная с низкими зарплатами российских работников, и прежде всего лиц, занятых физическим трудом²¹. Наш анализ **профессионально-должностных позиций**, которые занимают представители двух групп бедного населения, данное наблюдение подтверждает и дополняет. Так, рабочие составляют большую часть среди всех вовлеченных в трудовые отношения абсолютно и относительно бедных — 45,0 и 41,4% соответственно (табл. 2.31). Однако *низко- и неквалифицированные рабочие (1–2-го разрядов и без разряда) чаще попадают в относительную бедность (которая, напомним, более глубока, чем абсолютная), чем в абсолютную* (19,0 против 12,9%). В чуть большем количестве в относительной бедности представлены и рядовые работники сферы обслуживания и торговли (21,1 против 17,6% у абсолютно бедных) (табл. 2.31).

Различия в занимаемых профессионально-должностных позициях у бедных обуславливаются, однако, отнюдь не в **уровне их образования**, который у абсолютно и относительно бедных достаточно схож. Так, каждый четвертый из их числа обладает образованием ниже среднего специального (25,2 и 24,5% у представителей абсолютно и относительно бедных при 14,3% у небедных), а каждый второй — средним специальным или неоконченным высшим (53,9 и 57,1% соответственно, при 47,0% у небедного населения). Практически каждый пятый среди абсолютно и относительно бедных (20,9 и 18,4% соответственно) обладает при этом высшим образованием.

Наиболее значимые отличия между двумя группами бедных заключаются в том, каков характер их **трудовых отношений, вытекающий из их места на рынке труда**. Несмотря на то, что $\frac{2}{3}$ представителей обеих групп работают на постоянной основе (67,7 и 63,4% абсолютно и относительно бедных соответственно), относительно бедные в 1,5 раза чаще заключают временные письменные договора: 24,8 против 16,8% у абсолютно бедных. В результате относительно

---

²¹ Аникин В.А., Тихонова Н.Е. Бедность и неравенство в странах БРИКС: российская специфика // Общество и экономика. 2016. № 1.

Таблица 2.31

Профессионально-должностные позиции, на которых работают представители бедного и небедного населения, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., % от работающих²²

Профессионально-должностные позиции	Небедное население с доходами выше 1 ПМ	Бедное население с доходами менее 1 ПМ	Бедное население с доходами менее 0,5 региональной медианы
Предприниматель, имеющий наемных работников	1,6	0,9	0,0
Руководитель, заместитель руководителя предприятия или учреждения	6,3	3,3	2,1
Специалист на должности, предполагающей в/о, в т. ч. офицеры	30,1	14,6	15,0
«Самозанятый» (ИТД, частная практика) / имеющий чисто семейный бизнес	1,8	0,8	2,0
Служащие, работающие на должностях, не требующих высшего образования	13,8	17,1	16,3
Рядовой работник торговли и сферы бытовых услуг	11,5	17,6	21,1
Рабочие от 5-го разряда	15,5	15,5	12,2
Рабочие (3–4-й разряд)	11,9	16,6	10,2
Рабочие (1–2-й разряд и без разряда)	6,5	12,9	19,0
Другое	1,0	0,8	2,0

бедные в течение кризисного 2014 г. чаще теряли свое рабочее место (12,9%, в то время как среди абсолютно бедных таких было лишь 8,3%, а среди небедного населения — 3,3%). Более того, значительно чаще потерявшие работу среди относительно бедных не могли ее потом найти — вдвое чаще, чем абсолютно бедные, и в пять раз — чем небедные. Так, с фактом потери работы в течение года, предшествовавшего опросу, столкнулись 11,2, 20,0 и 3,7% абсолютно бедных, относительно бедных и небедных. Значимо чаще относительно

²² Фоном и жирным шрифтом выделены позиции, в наибольшей степени характерные в 2015 г. либо для бедного, либо для небедного населения.

бедные заявляли и об ущемлении своих трудовых прав на рабочем месте: 13,6% из них задерживали заработную плату более месяца, 8,2% были отправлены в неоплачиваемый отпуск, а практически у половины работающих представителей этой группы (41,5%) значительно сократился доход из-за трудностей, с которыми столкнулось их предприятие в течение кризисного 2014 г. (в то время как среди абсолютно бедных с такими трудностями их работающие представители сталкивались значительно реже — в 8,0, 5,8 и 29,2% случаев, среди небедного же населения — в 4,9, 4,9 и 27,5% соответственно). Таким образом, представители относительной бедности, являющиеся самой неблагоприятной частью российских бедных, характеризуются не только меньшей вероятностью занятости и во многом вытекающей из этого повышенной иждивенческой нагрузкой, о чем как их наиболее характерной черте уже говорилось выше, но и гораздо худшим качеством занимаемых ими рабочих мест даже в случае наличия у них занятости. И это проявляется не только в особенностях их отношений с работодателями или уровне их зарплат (зарплаты относительно бедных в среднем примерно в 1,2 раза ниже, чем у абсолютно бедных), но и в том, что трудности в российской экономике в последние годы сильнее всего ударили именно по их доходам.

Подведем итоги.

Применение методологии относительного подхода к бедности, в качестве черты бедности при котором выступает 0,5 региональной медианы душевых доходов, позволяет в условиях современной России выделить значимо меньшую долю бедных (6,3% населения), чем применение абсолютной методологии, опирающейся на показатель прожиточного минимума (24,9% населения). При использовании относительной черты бедности среднедушевые доходы всех относительно бедных оказываются ниже регионального прожиточного минимума. Кроме того, их доходы меньше, чем у абсолютно бедных, что позволяет говорить о них как о представителях глубокой бедности в отличие от абсолютно бедных, чья бедность в большинстве случаев не столь глубока. Возможно, поэтому в группе относительной бедности все черты, характерные для российской бедности в целом, проявляются даже более ярко, чем среди абсолютно бедных. Однако, несмотря на внешнюю схожесть двух этих групп, относительно бедные имеют свою специфику, заклю-

чающуюся преимущественно в большей распространенности среди них незанятости трудоспособных взрослых и высокой иждивенческой нагрузки, а для работающих — в характере их рабочих мест, отражающемся в т. ч. в размере их заработных плат²³. Несмотря на то, что образовательный уровень относительно и абсолютно бедных практически идентичен, относительно бедные чаще занимают рабочие места, в меньшей степени гарантирующие их трудовые права. В результате такого их положения на рынке труда в условиях кризиса относительно бедные чаще теряют работу, а в случае сохранения рабочего места — сталкиваются с вынужденным выходом в неоплачиваемый отпуск, сокращением (или задержкой) заработных плат и т. п. Отчасти такая ситуация объясняется, видимо, концентрацией относительной бедности в сельской местности с характерным для нее узким рынком труда.

Все это позволяет утверждать, что методика относительно подхода, опирающаяся на 0,5 региональной медианы душевых доходов как критерий «черты бедности», выделяет в условиях современной России наиболее уязвимую часть бедных россиян. При этом только ими бедность в нашей стране не ограничивается и реально распространена гораздо шире.

Если же говорить о факторах бедности, то главным среди них для всех бедных из любых групп выступает недостаточность заработков работающих членов семьи для содержания проживающих в них иждивенцев. Что же касается работающих бедных, то главным фактором их бедности выступает специфика их производственных позиций, не позволяющих претендовать на бóльшую зарплату — отчасти из-за качества их человеческого капитала, а отчасти — из-за состояния тех локальных рынков труда, на которых они ищут себе работу.

---

²³ Средний уровень заработных плат в группе абсолютно бедных составлял в 2015 г. 14 420 руб., в то время как в группе относительно бедных — 11 977 руб. (медианные показатели заработных плат в этих группах составляли 12 000 и 10 000 руб. соответственно).

Заключение

В данной книге мы постарались показать, как много социологической информации о состоянии общества может дать анализ модели его доходной стратификации, а также как выглядит такого рода информация, если говорить о современном российском обществе. Даже сам по себе выбор инструментов для построения модели доходной стратификации уже может рассматриваться не только как методологическая, но и как самостоятельная эвристическая задача, поскольку позволяет в процессе подбора инструментов для построения модели получить массу значимой и труднодостижимой иными способами информации о состоянии конкретного социума и системы распределения доходов в нем. Так, применительно к современной России, например, оказалось, что используемый до сих пор в национальной статистике абсолютный подход к выделению бедных (а следовательно, и к определению не попадающих в их число средних слоев и построению модели доходной стратификации в целом) малоэффективен.

Главных причин этого две. Первая из них — это принадлежность России к европейскому цивилизационному ареалу, для стран которого независимо от уровня их экономического развития характерно отсутствие бедности в той ее трактовке, которую предлагают Всемирный банк или отдельные западные ученые. Практически отсутствует (составляя лишь 1–2% всего населения) такого рода бедность и в России. В то же время, если учесть численность населения нашей страны, то понятно, что за этими 1–2% скрываются примерно два миллиона человек, применительно к которым можно говорить практически об «африканской» бедности. Это выступает суровым обвинением обществу, где доля совокупного национального дохода, получаемого долларовыми миллиардерами, включенными в список Форбс, почти вдвое больше, чем в США, и вчетверо больше, чем в Китае¹.

Второй причиной, по которой абсолютный подход к построению общей модели доходной стратификации общества не подходит для российских условий, выступают особенности расчета официально-

---

¹ *Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016 // NBER Working Paper Series. Working Paper 23712. National Bureau of economic research. Cambridge. August 2017.*

го прожиточного минимума в России, а также понимание «прожиточного минимума» в российской культуре. Если говорить в этом контексте о специфике установления прожиточного минимума, то в первую очередь надо вспомнить очень сильные межрегиональные его колебания (причем не только за счет разной стоимости жизни в регионах, но и влияния местных властей на определение его величины), отсутствие учета поселенческих различий в образе жизни и стоимости набора товаров и услуг, удовлетворяющих базовые потребности жителей различных типов населенных пунктов, а главное — очень маленький разрыв между медианными доходами населения и прожиточным минимумом, в результате чего основная часть россиян оказывается при использовании критерия прожиточного минимума для построения модели доходной стратификации либо за чертой бедности, либо в зоне ее очень высоких рисков. Если же говорить о трактовке «прожиточного минимума» в национальной культуре, то это не «черта физического выживания», а фактически социальный прожиточный минимум², отсутствие которого не обрекает человека на голод и прочие характерные для «африканского» типа бедности лишения, но приводит к невозможности для него поддерживать образ жизни, характерный для большинства членов регионального сообщества, к которому он принадлежит.

Таким образом, учитывая цивилизационные особенности России, ее уровень экономического развития и продвижения по пути социальной и экономической модернизации, а также представления о бедности, «нормальной жизни» и богатстве, существующие в национальной культуре, для построения модели доходной стратификации российского общества в гораздо большей степени подходит относительный подход. В его основе лежит представление о бедности как невозможности поддерживать типичный для данного общества уровень и образ жизни, о границах доходов, делающих это невозможным, и границах доходов, обеспечивающих качественно отличный от типичного для данного сообщества образ жизни.

² *Мареева С.В., Тихонова Н.Е.* Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России: Социология, этнология. 2016. Т. 25. № 2; *Мареева С.В.* Социальные неравенства в зеркале массового сознания россиян // Российское общество и вызовы времени. Книга третья / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016; *Тихонова Н.Е.* Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 1999.

Ключевым вопросом применения широко используемого для структурирования населения в развитых странах относительного подхода к построению модели доходной стратификации (соответствующего представлениям большинства россиян о бедности как особом социально-экономическом феномене) выступает обычно проблема границ, обеспечивающих выделение на общей шкале доходов достаточно гомогенных доходных групп. При этом если с базовой для всей модели группой, чей образ жизни считается нормой, проблем, как правило, не возникает, поскольку доходы ее представителей должны быть приближены к медианным (в главе 1.1 данной книги было показано, что для ее выделения во всем мире используют обычно интервал от 0,75 до 1,25 медианы доходного распределения), то выделение границ остальных доходных групп является весьма нетривиальной задачей.

В первом разделе данной книги на результатах анализа статистических особенностей распределения доходов в рамках их общей шкалы, рисков бедности и гарантий устойчивого благополучия «в моменте» и в динамике за ряд лет, а также анализа образа и уровня жизни выделенных нами доходных групп мы постарались показать, что соответствующие границы проходят для современного российского общества на уровнях:

- 0,25 медианы доходного распределения (что позволяет выделить не просто тех, кто не может поддерживать типичный в данном обществе уровень и образ жизни, а находится в экстремальной ситуации «африканской» бедности);
- 0,5 медианы (граница безусловной и достаточно глубокой бедности; доходы представителей этой группы всегда ниже уровня регионального прожиточного минимума, где бы они ни жили);
- 0,75 медианы (граница высокой уязвимости к бедности, т. к., во-первых, более половины группы с доходами от 0,5 до 0,75 медианы доходов относятся в России в условиях экономических кризисов к имеющим доходы ниже региональных прожиточных минимумов; во-вторых, даже в благополучные годы от трети до половины этой группы имеют доходы ниже прожиточного минимума; и, наконец, в-третьих, даже у тех представителей этой группы, кто в определенный год не относится к числу лиц с доходами ниже регионального прожиточного минимума, очень велика вероятность ока-

- заться в их числе на отрезке в несколько лет). Таким образом, в российских условиях это не столько группа «уязвимых к бедности», как в развитых странах, сколько группа представителей неглубокой ситуационной бедности, «плавающей» бедности и балансирующих на пороге бедности;
- 1,25 медианы (граница, отделяющая благополучных «в моменте» россиян от всех остальных). Это означает, что группа с доходами 0,75–1,25 медианы доходного распределения не может рассматриваться как благополучная, т. к. хотя обычно сравнительно высокими рисками попадания в бедность в конкретный момент времени характеризуются россияне с доходами до 0,75 медианы, в кризисные годы эта величина может приближаться даже к 0,9 медианы доходов (а в отдельных регионах даже превосходить ее). Группа с доходами 0,75–1,25 медианы, таким образом, скрывает за собой в современной России не благополучную, а уязвимую к бедности, хотя обычно и не бедную, часть населения. Об этом говорит, в частности, то, что в медианной группе даже по состоянию на кризисный 2015 г. почти три четверти ни разу на протяжении четырех лет не пересекали черты бедности, хотя 27% в ней (что намного больше, чем 10%, традиционно рассматриваемые в литературе как свидетельство повышенных рисков бедности) в число бедных все-таки хотя бы раз на протяжении 4 лет подряд попадали. Это обусловлено заниженностью медианных доходов в России по отношению к прожиточному минимуму и отсутствием у подавляющего большинства представителей медианной группы сколько-нибудь значительного «запаса прочности», который позволил бы успешно переживать экономические шоки как макроуровня (например, экономические кризисы), так и микроуровня (например, болезнь основного кормильца, рождение второго ребенка и т. п.);
  - 2 медианы (граница, за которой происходит реальное качественное изменение уровня и образа жизни россиян по отношению к типовым);
  - 4 медианы (граница, которая позволяет выделить достаточно редко попадающих в социологические опросы представителей верхних слоев населения).

Соответствующие группы, с учетом особенностей уровня их благосостояния, мы обозначили как «нищих», «нуждающихся», «уязвимых», «медианную группу», «среднедоходную группу», «обеспеченных» и «состоятельных». Первые три мы объединили понятием «низкодоходные слои», а верхние две — «высокодоходные слои»

Мы постарались показать, что границы между этими группами не носят жесткого и заведомо предопределенного характера — как метод выделения групп, так и тот конкретно-исторический этап, который переживает общество, могут сдвигать соответствующие границы немного вверх или немного вниз. Так, последний экономический кризис сдвинул эти границы вверх, в то время как в благополучные годы они были чуть ниже этих уровней. Тем не менее в среднем именно эти границы позволяют, хотя и с определенной долей условности, выделять однородные доходные группы, характеризующиеся реальными особенностями их жизни и поведения.

Использование предложенных границ для выделения доходных групп позволило нам построить модель доходной стратификации массовых слоев российского общества, а также предложить различные визуализированные ее версии. Сравнение этих версий, построенных на основе данных разных исследовательских центров за различные периоды, показало, что характерные особенности модели доходной стратификации российского общества, несмотря на небольшие вариации, обусловленные особенностями сбора исходных социологических данных, остаются неизменными все последние десятилетия и позволяют дать ее общую характеристику. Так, к числу ее базовых особенностей относятся: 1) ярко выраженное количественное преобладание медианной группы, репрезентирующей типичный уровень доходов всего населения и характеризующейся достаточно скромным стандартом жизни, превышающим, однако, стандарт выживания примерно в полтора раза; 2) уже упоминавшееся выше почти полное отсутствие глубокой бедности, предполагающей доходы не более 25% от медианы доходов (что, с учетом ППС, соответствовало в 2015 г. 4,87 долл. США); 3) большая численность представителей уязвимых слоев, для которых вероятность оказаться в числе бедных, особенно при ухудшении общей ситуации в экономике или в семье, очень велика; 4) относительно высокий (около 7%) показатель численности обеспеченных и состоятельных слоев — и это без учета не попадающих в массовые опросы верхних 2–3% населения.

Повседневная жизнь разных доходных групп различается не только принципиально отличающимися жизненными шансами в сферах потребления или разным «запасом прочности», но и разными возможностями добиться жизненного успеха даже в тех его аспектах, которые не связаны напрямую с уровнем доходов (социальное окружение, социально-психологическое состояние и пр.). При этом немонетарные неравенства в большей степени затрагивают группы, страдающие от недостаточности доходов, еще более усугубляя их положение. В силу того, что представителям разных доходных групп доступны разные возможности, они заметно дифференцируются также и по используемым стратегиям улучшения своего положения, и по их эффективности. Менее благополучные группы вынуждены в большей степени полагаться на пассивные и краткосрочные по своему эффекту стратегии, а более благополучные чаще успешно используют активные долгосрочные стратегии, предполагающие наличие определенного объема накопленных ресурсов, или же вообще не испытывают необходимости в дополнительных действиях для улучшения своего положения. «Точка перелома», в которой преобладание негативных тенденций сменяется преобладанием позитивных тенденций, находится для монетарных и немонетарных аспектов жизни в современном российском обществе на границе между медианной и среднедоходной группами.

Динамический анализ модели доходной стратификации российского общества за последние десятилетия продемонстрировал, что 1970–1980-е гг. характеризовались в нашей стране нарастанием уравнительных тенденций, сформировавшим в обществе запрос на «борьбу с уравниловкой». Однако попытка реформирования России по неолиберальным рецептам в начале 1990-х гг. привела к избыточному росту доходного неравенства, поставившему под вопрос саму возможность формирования институтов, способствующих успешному экономическому росту в рыночных условиях. В период 2008–2015 гг. в российском обществе, на первый взгляд, произошло некоторое сокращение доходных неравенств, достигавших своих пиковых значений в 2007 г. Тенденция сокращения этих неравенств сохраняется и в настоящее время, однако при этом их глубина по-прежнему остается чрезмерной, а их кажущееся сокращение достигается не за счет уменьшения разрыва между «верхами» и «низами» или «верхами» и «серединой», а за счет усиления поляризации самих «верхов».

Если же говорить не об обществе в целом, а о массовых слоях населения, то период усиления их поляризации по доходам закончился гораздо раньше, чем в 2007 г. Хотя в начале 1990-х гг. дифференциация доходов в этих слоях действительно очень быстро углубилась, но уже к началу 2000-х гг. тенденция «выравнивания по среднему» в них полностью восстановилась, а затем ее действие лишь усиливалось. Наиболее наглядное проявление этой тенденции — существенное (в полтора раза) сокращение за период с середины 1990-х до середины 2010-х гг. численности не только низкодходных слоев (с доходами не более 0,75 медианы), но и высокодходных россиян (с доходами выше 2 медиан — тоже в полтора раза), с одновременным очень значительным ростом медианной группы (также, соответственно, в полтора раза). И хотя экономический кризис 2014–2016 гг. приостановил разрастание медианной группы и даже способствовал некоторому сокращению ее численности, но не способствовал восстановлению числа высокодходных россиян в составе массовых слоев. В этой связи, оценивая дальнейшие перспективы развития нашей страны, уместно вспомнить о том, что недовольство верхушки массовых слоев населения нарастающей уравнительностью обеспечило в конце 1980-х гг. с их стороны поддержку идее смены общественного строя, и за реализацию этой идеи активно выступили тогда в первую очередь представители именно этих слоев.

Очень важен в этом контексте и еще один факт, на который обращено немалое внимание в данной книге. Уже не менее полутора десятилетий в нашей стране идет интенсивный процесс внутреннего расслоения верхнего доходного квинтиля, скрывающий за собой все большее усиление отрыва верхних 1–2% населения от остальных его представителей и сокращение численности высокодходного населения в составе массовых слоев. Углубляющаяся дифференциация верхнего дециля с ослаблением позиций верхушки массовых слоев населения не может не вызывать недовольства (пусть даже его причины не всегда ими понимаются и артикулируются) у их представителей. Этот процесс, однако, не отслеживается в данных российской статистики, поскольку она не предоставляет сведений о том, что происходит с доходами разных процентилей внутри верхнего дециля. Такая ситуация мешает корректно оценить масштаб и характер возникающих в этой области проблем.

Сравнительный анализ модели доходной стратификации российского общества и ряда стран из разных регионов мира, а также динамики их изменения за период с середины 1990-х до середины 2000-х гг. продемонстрировал, что тенденция к уравнительности в доходах массовых слоев населения является наиболее характерной особенностью доходного распределения в нашей стране. Как мы постарались продемонстрировать, в первой половине 1990-х гг., когда Россия ориентировалась в проводимых ею реформах на неолиберальную модель развития, нехарактерную для континентальной Европы, доля средних слоев была в ней заметно меньше, чем в других постсоциалистических и развитых европейских странах, а низко- и высокодоходных — наоборот, выше. Тем самым от скандинавской модели доходной стратификации, характерной для советского периода, Россия «качнулась» в начале 1990-х гг. в другую крайность, перейдя на противоположный полюс моделей стратификации, характерных скорее для развивающихся стран неевропейского ареала с неолиберальной ориентацией. Однако и тогда ситуация с доходной стратификацией в российском обществе все-таки отличалась от ситуации в этом типе стран в сторону большей массовости в российском обществе медианной группы и меньшей численности бедных. Отказ же от попыток реализации неолиберального вектора развития привел к быстрому сближению модели доходной стратификации массовых слоев российского общества с типичной для европейских стран — как развитых, так и постсоциалистических. При этом в России такая характерная особенность европейской модели доходной стратификации, как безусловное доминирование медианной группы, приобрела гипертрофированные масштабы. Достигнув к 2000-м гг. типичной для стран Европы численности (около 40%), медианная группа затем «проскочила» в нашей стране эту «точку равновесия», что привело к значительному превышению данного рубежа, и даже кризис 2014–2016 гг. не смог переломить эту тенденцию.

В целом на основании результатов динамического кросс-национального анализа можно утверждать, что наша страна по типу доходной стратификации массовых слоев ее населения относится к европейским странам, однако имеет по отношению к ним две характерные особенности. Это, во-первых, ярко выраженная тенденция к концентрации населения в составе медианной группы в силу

традиционно присущего российскому обществу выравниванию доходов массовых слоев населения «по среднему». А во-вторых, это очень большой и всевозрастающий отрыв «верхушки» общества от остальных россиян, означающий постепенное «истончение» прослойки, соединяющей ее с подавляющим большинством населения. Обе эти тенденции с годами усиливаются.

Если сложившаяся модель доходной стратификации массовых слоев населения определяется в России макрофакторами (ее историческим прошлым и цивилизационной принадлежностью, особенностями продвижения по пути социальной и экономической модернизации, экономической ситуацией, политическим курсом ее руководства и т. д.), то шансы людей попасть в ту или иную доходную группу зависят от того, о какой именно доходной группе идет речь. Так, на рисках оказаться в группе с доходами не выше 0,5 медианы доходного распределения сказывается в первую очередь недостаточность заработков работающих членов домохозяйства для содержания проживающих в них иждивенцев. При этом увеличить свои доходы они не могут, т. к. главным фактором их низких заработков выступает специфика их производственных позиций (отражающаяся в их профессиональном статусе и характере их трудовых контрактов), не позволяющих претендовать на большую зарплату — отчасти из-за качества их человеческого капитала, а отчасти — из-за состояния тех локальных рынков труда, на которых они ищут себе работу. Число этих позиций в российской экономике довольно велико и постоянно растет, поэтому на них неизбежно будут «выталкиваться» на каждом локальном рынке труда наиболее слабые в смысле их ресурсообеспеченности работники. Во многом схожа с этими причинами и картина факторов попадания в низкодоходные слои в целом. Представители низкодоходных слоев также не могут накапливать стратегически значимые для попадания в более благополучные слои общества ресурсы. В числе барьеров для накопления этих ресурсов у них выступают болезни, возраст, проживание в сельской местности и наличие иждивенцев, в т. ч. несовершеннолетних детей. При этом наиболее сложно приходится не пенсионерам, для которых выше шансы попасть скорее в медианную группу, а молодежи, особенно сельской.

Главное, что в современном российском обществе сокращает риски попадания в низкодоходные слои, — это накопленный инди-

видом человеческий капитал, который, наряду с наличием других ресурсов, отличает представителей медианной группы от низкодоходных слоев. Однако, обладая некоторым минимальным набором ресурсов, представители медианной группы все-таки имеют очень ограниченные возможности дальнейшего наращивания своих доходов. Эти возможности ограничиваются такими факторами, как плохое здоровье, пожилой возраст, проживание в местности с узким рынком труда и, главное, иждивенческая нагрузка либо детьми, либо неработающими взрослыми.

Сравнительно небольшое число иждивенцев в домохозяйствах, первичная социализация и проживание в городской среде, высокий уровень человеческого капитала не только их, но и их родителей, высокий профессиональный статус (специалиста или руководителя), развитые социальные связи, зрелый, но не пожилой возраст, неплохое здоровье — это то, что, согласно нашим данным, повышает шансы индивида попасть в среднедоходную группу.

Для представителей высокодоходных слоев характерна, по сравнению с остальными россиянами, наименьшая иждивенческая нагрузка. Кроме того, значимым фактором, обуславливающим нахождение в высокодоходных слоях, является в современной России включенность индивидов в процессы непрерывного наращивания знаний. Значим для шансов попасть в высокодоходные слои оказался и возрастной фактор — у молодежи больше шансов на нахождение в данной группе, чем у старшего поколения, но это совсем другой тип молодежи, нежели та, что попадает в низкодоходные слои, — обычно это образованная молодежь крупных городов, происходящая из благополучных и образованных семей. Таким образом, молодежь в значительной степени «расходится» по полярным доходным слоям, что может быть одной из причин возникновения социального напряжения в молодежной среде — ведь решающую роль при этом «расхождении» играют не столько личные достижения человека, сколько место его рождения и жительства.

Все описанные выше закономерности имеют ярко выраженную региональную и поселенческую специфику. И это не удивительно — ведь если сравнивать модели поселенческой стратификации по доходам с аналогичными моделями в разных странах мира, то видно, что модель стратификации жителей сельской местности будет близка в нашей стране к картине доходной стратификации

в развивающихся странах неевропейского ареала, где процессы урбанизации и индустриализации еще не завершены, в то время как в столицах все характерные для России в целом на фоне других стран особенности проявляются наиболее ярко. При этом сопоставление доходного статуса с субъективными оценками различных аспектов жизни позволяет уточнить поселенческую специфику границ благополучного и неблагополучного населения: в столицах к первым относится только высокодоходное по меркам страны в целом население, в то время как в регионах в него входит и среднедоходная группа (с доходами от 1,25 до 2 медиан). Сильно дифференцированы модели доходной стратификации и по отдельным регионам нашей страны в зависимости от их продвинутости по пути модернизации, общего уровня экономического развития и политического курса их руководства. В то же время идет процесс постепенного сглаживания различий в моделях доходной стратификации отдельных локальных сообществ — как региональных, так и поселенческих. Это выступает еще одним свидетельством неслучайности как сложившейся к настоящему времени в России модели доходной стратификации в целом, так и устойчивости ее специфических особенностей в частности.

Приложения

Приложение 1

Описание использованных массивов эмпирических данных

Мониторинговые исследования РНИСиНП

Численность выборки общероссийского мониторингового исследования Российского независимого института социальных и национальных проблем¹ колебалась в 1992–2001 гг. в различных исследованиях в диапазоне от 800 до 3000 человек, представлявших 11 социально-профессиональных групп: 1) рабочих предприятий, шахт и строек; 2) инженерно-техническую интеллигенцию; 3) работников торговли, бытовых услуг, транспорта и связи; 4) гуманитарную и творческую интеллигенцию; 5) служащих государственных и частных учреждений, предприятий; 6) военнослужащих и сотрудников МВД; 7) предпринимателей малого и среднего бизнеса; 8) пенсионеров городов; 9) студентов вузов; 10) жителей села; 11) безработных. Квоты по возрастному представительству и по социально-профессиональной принадлежности задавались на основе пропорционального соответствия их данным Госкомстата РФ составу населения по каждому региону в отдельности.

Наряду с возрастным и социально-профессиональным составом, при опросах соблюдались пропорции относительно всего населения России по типу поселения, полу, возрасту и этнической

---

¹ Российский независимый институт социальных и национальных проблем (РНИСиНП) был в 2001 г. преобразован в Институт комплексных социальных исследований Российской Академии наук. В 2005 г. последний вошел в созданный на базе трех академических институтов социологического профиля Институт социологии РАН, с 2017 г. – Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН). Таким образом, все использованные в книге исследования проводились одной и той же исследовательской группой, а полевую их часть во всех случаях осуществлял Центр социального прогнозирования (рук. – Ф.Э. Шереги).

принадлежности, что позволяло обеспечить необходимую репрезентативность. В каждом случае квоты рассчитывались на основе данных Госкомстата по тому или иному региону.

В качестве регионов опроса, для каждого из которых составлялась самостоятельная подвыборка, в целях сопоставимости информации с данными государственной статистики были избраны 12 территориально-экономических районов России (согласно районированию Госкомстата РФ) плюс г. Москва. Эти территориально-экономические районы в выборке, как правило, были представлены следующим образом:

1. Северо-Западный — г. Санкт-Петербург, Новгородская область.
2. Северный — Архангельская область, Республика Коми.
3. Центральный — Тверская, Владимирская, Тульская, Калужская области.
4. Волго-Вятский — Нижегородская область.
5. Центрально-Черноземный — Воронежская область.
6. Северо-Кавказский — Ставропольский край, Ростовская область.
7. Поволжский — Республика Татарстан, Волгоградская область.
8. Урал — Свердловская, Оренбургская области.
9. Западная Сибирь — Новосибирская, Кемеровская области.
10. Восточная Сибирь — Красноярский край.
11. Дальний Восток — Приморский край.
12. Калининградская область.
13. Г. Москва.

В некоторых случаях (в связи с особенностями исследовательских задач того или иного этапа мониторинга) г. Санкт-Петербург выделялся отдельно, но и в этом случае численность респондентов по всему Северо-Западному региону, включая Санкт-Петербург, оставалась в пределах квоты, определенной с учетом пропорции населения данного региона относительно всего населения России.

Кроме того, в рамках региональной выборки одни области могли, с учетом задач исследования, которые иногда требовали повышенного внимания к проблематике национальных конфликтов и т. д., заменяться на другие — например, в Северо-Кавказском регионе Ростовская область неоднократно заменялась на одну из республик

Северного Кавказа (Северная Осетия и т. д.), но делалось это также с соблюдением всех основных задаваемых внутри каждого региона квот — по возрасту, социально-профессиональному составу, типу поселения, полу и этнической принадлежности. Квотировалась при любых изменениях внутри региона и численность выборки в самом регионе, чтобы обеспечить ее пропорциональность доле населения данного региона в составе населения России в целом.

Таким образом, выборка в каждом случае была двухступенчатой квотной — сначала определялась численность респондентов в каждом регионе, а затем внутри региона задавались квоты по пяти признакам.

Что касается собственно отбора респондентов, соответствующих этим квотам, то выборка носила маршрутный характер с соблюдением квот при отборе единиц наблюдения. Замена в случае отказа производилась за счет следующего адреса по маршруту.

Проверка качества интервью производилась двумя путями: 1) за счет контроля по месту опроса (адресу) путем непосредственного посещения респондента или его телефонного опроса; 2) в процессе контроля качества заполняемости анкет. Процедура контроля охватывала 3–5% выборки.

«Новая Россия: десять лет реформ глазами россиян» (ИКСИ РАН), 2001 г.²

Численность выборки репрезентативного общероссийского тематического исследования «10 лет российских реформ глазами россиян», проведенного Институтом комплексных социальных исследований РАН (ИКСИ РАН) в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберта в РФ в ноябре 2001 г., составила 1736 человек в возрасте от 18 лет и старше. Это была многоступенчатая стратифицированная случайная выборка (см. ее описание выше), которая носила стандартный для большинства общероссийских исследований РНИСиНП, ИКСИ РАН, ИС РАН и ИС ФНИСЦ РАН характер — сначала определялась численность респондентов в каждом регионе, а затем внутри региона задавались квоты по пяти признакам.

---

² Подробнее о выборке и результатах этого исследования см.: Изменяющаяся Россия в зеркале социологии / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Летний сад, 2004.

«Богатые и бедные в современной России», 2003 г.³

Исследование «Богатые и бедные в современной России» проводилось в марте 2003 г. Институтом комплексных социальных исследований РАН (ИКСИ РАН) в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберта в РФ. Его основная выборка включала в себя 2 106 человек. Принципы построения этой многоступенчатой стратифицированной случайной выборки носили стандартный для большинства общероссийских исследований ИКСИ РАН характер. Сначала определялась численность респондентов в каждом территориально-экономическом районе согласно районированию Росстата, а затем внутри региона задавались квоты по полу, возрасту и типу поселения.

Наряду с основной выборкой использовалась и выборка дополнительного экспертного опроса по богатым, которая насчитывала 209 человек. Из них 50% были опрошены в Москве и Санкт-Петербурге, а 50% равными долями во всех территориально-экономических районах страны. Кроме того, выборка экспертного опроса формировалась таким образом, чтобы в каждом регионе не менее чем на 70% ее представляли люди, являющиеся основными кормильцами в своих семьях.

Эта выборка формировалась на основе наличия у потенциальных респондентов одного из двух критериев. Первым для выборки богатых являлся среднемесячный душевой доход для регионов не менее 1 000 долл., для Санкт-Петербурга — 1 200 долл., для Москвы — 1 500 долл., что в разы превышало средние доходы в соответствующих регионах на тот момент. Вторым критерием при формировании выборки экспертного опроса богатых выступало наличие дорогостоящей недвижимости, в т. ч. квартиры стоимостью от 100 000 долл. для регионов и от 150 000 долл. для Санкт-Петербурга и Москвы (где новая трехкомнатная квартира в спальном районе стоила тогда порядка 70 000–75 000 долл.) или коттеджа со всеми удобствами в черте города или ближних пригородах площадью не менее 250 кв. м, приобретенного самим респондентом за последние 5 лет.

---

³ Подробнее о выборке и результатах этого исследования см.: Россия — новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Наука, 2004.

«Социальное неравенство в социологическом измерении», 2006 г.⁴

Исследование «Социальное неравенство в социологическом измерении» было проведено ИС РАН в сотрудничестве с Национальным инвестиционным Советом в рамках проекта Горбачев-Фонда «Социальное неравенство и публичная политика» в марте-апреле 2006 г. Опрос в этом исследовании проводился по стандартной общероссийской выборке. Респондентами являлись люди в возрасте от 18 лет и старше. Численность респондентов составила 1751 человек.

«Малообеспеченные в современной России: кто они? Как живут? К чему стремятся?», 2008 г.⁵

Исследование «Малообеспеченные в современной России: кто они? Как живут? К чему стремятся?» было проведено ИС РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберга в РФ в марте 2008 г. по той же модели выборки, что и описанные выше общероссийские опросы. Численность респондентов составила 1750 человек.

«Бедность и бедные в современной России», 2013 г.⁶

Исследование ИС РАН «Бедность и бедные в современной России» было проведено в апреле 2013 г. Принципы построения двухступенчатой стратифицированной случайной выборки, использовавшейся в этом исследовании, были традиционными для

---

⁴ Подробнее о выборке и результатах этого исследования см.: Социальные неравенства и социальная политика в современной России / отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М.: Наука, 2008.

⁵ Подробнее о выборке и результатах этого исследования см.: Малообеспеченные в России: кто они? Как живут? К чему стремятся? / Информационно-аналитический бюллетень Института социологии РАН № 5. М.: Институт социологии РАН, 2008.

⁶ Подробнее о выборке и результатах этого исследования см.: Бедность и бедные в современной России / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2014.

других исследований ИС РАН, результаты которых использованы в книге. Общая численность опрошенных в рамках репрезентативной для российского населения в целом части опроса составила 1 600 человек в возрасте 18 лет и старше.

Наряду с основной выборкой использовалась и выборка дополнительного опроса по бедным, которая насчитывала 300 человек. В рамках этой дополнительной выборки опрашивались россияне, представлявшие разные регионы пропорционально численности их населения в составе населения страны в целом, среднедушевые доходы в семьях которых были не выше, чем прожиточный минимум в регионе их проживания.

***«Средний класс в современной России:
10 лет спустя», 2014 г.⁷***

Исследование ИС РАН «Средний класс в современной России: 10 лет спустя» было проведено в феврале 2014 г. Принципы построения двухступенчатой стратифицированной случайной выборки, использовавшейся в этом исследовании, были традиционными для других исследований ИС РАН, результаты которых использованы в книге. Общая численность опрошенных в рамках репрезентативной для российского населения в целом части опроса составила 1 600 человек в возрасте 18 лет и старше.

Наряду с основной выборкой использовалась и выборка дополнительного опроса по средним слоям населения, которая насчитывала 300 человек. В рамках этой дополнительной выборки опрашивались россияне с высшим образованием, представлявшие разные регионы пропорционально численности их населения в составе населения страны в целом, среднедушевые доходы в семьях которых были не ниже, чем медианные доходы в регионе их проживания.

---

⁷ Подробнее о выборке и результатах этого исследования см.: Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / под общ. ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2016.

Мониторинг «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», 2014–2018 гг.⁸

В книге использованы данные различных волн Мониторинга, проводимого ИС ФНИСЦ РАН, получавшего в 2014 и 2017 гг. многолетнюю поддержку Российского научного фонда. Первое исследование в рамках этого проекта было проведено в октябре-ноябре 2014 г., второе — в марте 2015 г., третье — в октябре 2015 г., четвертое — в марте 2016 г., пятое — в октябре 2016 г., шестое — в мае 2017 г., седьмое — в октябре 2017 г., восьмое — в марте-апреле 2018 г. В книге используются в основном данные третьей и шестой волн Мониторинга.

Объем выборочной совокупности исследования в каждой волне составил 4 000 респондентов, репрезентирующих взрослое население страны в возрасте 18 лет и старше. Репрезентативность социологической информации обеспечивалась использованием модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения (респондентов) на последней ступени. На первой ступени выборки районирование осуществлялось по территориально-экономическим районам Российской Федерации в соответствии с делением ФСГС РФ.

Вторая ступень формирования выборки включала выделение типичных субъектов РФ в составе каждого территориально-экономического района, в результате чего были выделены два мегаполиса (Москва и Санкт-Петербург) и 22 иных субъекта РФ. В числе их были: Архангельская область, Новгородская область, Московская область, Ярославская область, Тульская область, Нижегородская область, Воронежская область, Республика Татарстан, Саратов-

---

⁸ Подробнее о выборке и результатах этого исследования см.: Российское общество и вызовы времени. Книга первая / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2015; Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М.: Весь Мир, 2015; Российское общество и вызовы времени. Книга третья / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016; Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2016; Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017.

ская область, Ростовская область, Ставропольский край, Свердловская область, Челябинская область, Красноярский край, Костромская область, Ульяновская область, Республика Калмыкия, Республика Дагестан, Крым, Омская область, Приморский край.

Третья ступень формирования выборки: внутри субъектов РФ рассчитывались квоты по 5 типам поселений: мегаполисы; административные центры субъектов РФ; административные центры районов; поселки городского типа; села. На четвертой ступени выборки, т. е. при непосредственном отборе интервьюерами респондентов для опроса по заданным квотам, соблюдались квоты по основным социально-профессиональным признакам респондентов и полу, а также возрастные пропорции по пяти возрастным когортам: 18–30 лет; 31–40 лет; 41–50 лет; 51–60 лет; 60 лет и старше.

Российский Мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ)

Мониторинг реализуется с 1992 г. ежегодно. В настоящее время он проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН⁹. РМЭЗ НИУ ВШЭ представляет собой серию общенациональных репрезентативных опросов, проводимых на базе вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки. В пул данных каждой волны обследования входят две отдельные базы, репрезентирующие население России как в целом, так и в разрезе домохозяйств.

Результаты, приведенные в данной книге, получены при использовании репрезентативных по населению страны индивидуальных данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 1994 и 2012–2015 гг. Объем соответствующих выборок в эти периоды составлял от 11 290 человек (в 1994 г.) до 17 090 человек (в 2012 г.).

---

⁹ Более подробно см. на официальном сайте RLMS-HSE (URL: www.crc.unc.edu/projects/rlms и).

Приложение 2

Отбор оптимального количества кластеров при автоматической кластеризации, проводимой на основе набора переменных при 25-процентном пороге выбросов

«Среднедушевые доходы семьи к общероссийской медиане (СДЧС)»

Тестируемое кол-во кластеров	Байесовский информационный критерий Шварца (Schwarz's BIC)	Изменение BIC (по отношению к предыдущему значению)	Отношение изменений BIC (относительно двухкластерного решения)	Отношение мер дистанции (текущего количества кластеров к предыдущему)
1	335,397			
2	141,193	-194,204	1,000	2,808
3	81,006	-60,187	0,310	2,851
4	68,943	-12,062	0,062	2,738
5	73,390	4,447	-0,023	3,511
6	84,629	11,238	-0,058	2,793
7	97,603	12,975	-0,067	. ^{a)}

Примечание: Здесь и далее в аналогичных приложениях 2–19 жирным выделена строчка, показывающая оптимальное количество кластеров для данной модели. Критерии отбора — минимальное значение Байесовского информационного критерия Шварца и отношения мер дистанции.

^{a)} Значение не рассчитывается, т. к. дистанция текущего количества кластеров равна нулю. Это же служит основанием для остановки процедуры автоматической кластеризации.

Приложение 3

Распределение кластеров по исходным переменным при 25-процентном пороге выбросов

«Среднедушевые доходы семьи к общероссийской медиане (СДЧС)»

Номер кластера	Общая статистика			СДЧС	
	N	Валид- ный %	% от суммы	Среднее	Ст. отклонение
1	1923	51,8	48,1	0,823	0,173
2	784	21,2	19,6	1,490	0,169
3	218	5,9	5,5	2,109	0,111
Кластерный выброс	786	21,2	19,7	1,315	1,472
В сумме/среднем	3711	100	92,8	1,145	0,787
Пропущенные значения	289		7,2		
Всего	4000		100		

Приложение 4

Отбор оптимального количество кластеров при автоматической кластеризации, проводимой на основе набора переменных при 25-процентном пороге выбросов

«Среднедушевые доходы семьи к общероссийской медиане» +
«Проблемы с получением необходимой медицинской помощи»

Тестируемое кол-во кластеров	Байесовский информационный критерий Шварца (Schwarz's BIC)	Изменение BIC (по отношению к предыдущему значению)	Отношение изменений BIC (относительно двух-кластерного решения)	Отношение мер дистанции (текущего количества кластеров к предыдущему)
1	606,561			
2	204,614	-401,947	1	6,577
3	162,868	-41,746	0,104	1,038
4	123,479	-39,389	0,098	4,662
5	132,972	9,493	-0,024	1,359
6	145,992	13,019	-0,032	1,499
7	162,28	16,288	-0,041	5,26
8	183,876	21,596	-0,054	1,952
9	206,079	22,203	-0,055	1,266
10	228,417	22,337	-0,056	.

Приложение 5

Распределение кластеров по исходным переменным при 25-процентном пороге выбросов

«Среднедушевые доходы семьи к общероссийской медиане» +
«Проблемы с получением необходимой медицинской помощи»

Номер кластера	Общая статистика		СДЧС		Социологическая переменная			
	N	%	Среднее	Ст. от-клонение	0 (Нет)		1 (Да)	
					N	%	N	%
1	1057	26,4	1,796	0,552	1055	31,8	0	0
2	2223	55,6	0,779	0,254	2223	67,1	0	0
Кластерный выброс	433	10,8	1,433	1,562	34	1,1	396	100
В сумме/среднем	3711	92,8	1,145	0,787	3315	100	396	100
Пропущенные значения	289	7,2						
Всего	4000	100						

Приложение 6

Отбор оптимального количество кластеров при автоматической кластеризации, проводимой на основе набора переменных при 3-процентном пороге выбросов

«Среднедушевые доходы семьи к общероссийской медиане» +
«Плохое питание»

Тестируемое кол-во кластеров	Байесовский информационный критерий Шварца (Schwarz's BIC)	Изменение BIC (по отношению к предыдущему значению)	Отношение изменений BIC (относительно двухкластерного решения)	Отношение мер дистанции (текущего количества кластеров к предыдущему)
1	2083,523			
2	1194,280	-889,242	1,000	1,859
3	727,159	-467,121	0,525	1,558
4	436,121	-291,039	0,327	2,416
5	329,886	-106,235	0,119	2,311
6	297,700	-32,186	0,036	1,330
7	279,527	-18,173	0,020	1,088
8	264,771	-14,756	0,017	2,698
9	274,581	9,809	-0,011	1,122
10	285,960	11,380	-0,013	1,447
11	301,327	15,367	-0,017	1,129
12	317,711	16,384	-0,018	1,173
13	335,261	17,551	-0,020	1,755
14	355,706	20,445	-0,023	1,079
15	376,432	20,725	-0,023	1,740
16	398,667	22,236	-0,025	1,150

Приложения

17	421,169	22,502	-0,025	1,025
18	443,715	22,546	-0,025	1,366
19	466,724	23,010	-0,026	1,250
20	489,988	23,264	-0,026	1,619
21	513,639	23,651	-0,027	1,141
22	537,368	23,729	-0,027	1,031
23	561,113	23,745	-0,027	1,069
24	584,893	23,780	-0,027	1,169
25	608,744	23,852	-0,027	1,015
26	632,602	23,858	-0,027	1,362
27	656,571	23,969	-0,027	1,282
28	680,609	24,037	-0,027	1,020
29	704,651	24,042	-0,027	1,786
30	728,796	24,146	-0,027	1,267
31	752,970	24,173	-0,027	1,232
32	777,163	24,193	-0,027	1,329
33	801,377	24,214	-0,027	1,138
34	825,598	24,222	-0,027	1,300
35	849,833	24,235	-0,027	1,213
36	874,075	24,242	-0,027	1,247
37	898,324	24,249	-0,027	1,006
38	922,574	24,249	-0,027	1,211
39	946,828	24,254	-0,027	.

Приложение 7

Распределение кластеров по исходным переменным при 3-процентном пороге выбросов

«Среднедушевые доходы семьи к общероссийской медиане» +
«Плохое питание»

Номер кластера	Общая статистика		СДЧС		Социологическая переменная			
			Среднее	Ст. отклонение	0 (Нет)		1 (Да)	
	N	%			N	%	N	%
1	1273	31,8	1,236	0,173	1273	35,9	0	0,0
2	1701	42,5	0,668	0,184	1701	47,9	0	0,0
3	172	4,3	3,255	0,789	172	4,8	0	0,0
4	394	9,9	1,951	0,194	394	11,1	0	0,0
5	161	4,0	0,826	0,467	0	0,0	161	98,8
Кластерный выброс	433	0,3	7,679	4,528	8	0,2	2	1,2
В сумме/среднем	3711	92,8	1,145	0,787	3548	100,0	163	100,0
Пропущенные значения	289	7,2						
Всего	4000	100						

Приложение 8

**Отбор оптимального количества кластеров
при автоматической кластеризации,
проводимой на основе набора переменных
при 10-процентном пороге выбросов**

«Среднедушевые доходы семьи к общероссийской медиане» +
«Плохое питание»

Тестируемое кол-во кластеров	Байесовский информационный критерий Шварца (Schwarz's BIC)	Изменение BIC (по отношению к предыдущему значению)	Отношение изменений BIC (относительно двухкластерного решения)	Отношение мер дистанции (текущего количества кластеров к предыдущему)
1	874,247			
2	425,453	-448,793	1,000	1,925
3	203,774	-221,679	0,494	5,594
4	183,706	-20,068	0,045	1,661
5	181,101	-2,605	0,006	1,098
6	180,847	-0,254	0,001	2,326
7	194,318	13,470	-0,030	1,013
8	207,923	13,606	-0,030	1,551
9	225,156	17,233	-0,038	1,862
10	245,439	20,283	-0,045	1,240
11	266,406	20,967	-0,047	2,465
12	289,069	22,662	-0,050	1,076
13	311,813	22,744	-0,051	2,000
14	335,094	23,282	-0,052	1,026
15	358,389	23,295	-0,052	1,199
16	381,772	23,382	-0,052	1,252
17	405,242	23,470	-0,052	1,134
18	428,753	23,511	-0,052	.

Приложение 9

Распределение кластеров по исходным переменным при 10-процентном пороге выбросов

«Среднедушевые доходы семьи к общероссийской медиане» +
«Плохое питание»

Номер кластера	Общая статистика		СДЧС		Социологическая переменная			
			Среднее	Ст. отклонение	0 (Нет)		1 (Да)	
	N	%					N	%
1	1415	35,4	1,204	0,187	1415	39,9	0	0,0
2	1556	38,9	0,643	0,173	1556	43,9	0	0,0
3	552	13,8	2,264	0,613	552	15,6	0	0,0
Кластерный выброс	188	4,7	1,561	2,164	25	0,7	163	100,0
В сумме/среднем	3711	92,8	1,145	0,787	3548	100,0	163	100,0
Пропущенные значения	289	7,2						
Всего	4000	100						

Приложение 10

Отбор оптимального количества кластеров при автоматической кластеризации, проводимой на основе набора переменных при 25-процентном пороге выбросов

«Среднедушевые доходы семьи к общероссийской медиане» +
«Плохое питание»

Тестируемое кол-во кластеров	Байесовский информационный критерий Шварца (Schwarz's BIC)	Изменение BIC (по отношению к предыдущему значению)	Отношение изменений BIC (относительно двухкластерного решения)	Отношение мер дистанции (текущего количества кластеров к предыдущему)
1	645,257			
2	213,594	-431,663	1,000	6,819
3	169,943	-43,651	0,101	1,003
4	126,504	-43,438	0,101	4,536
5	134,885	8,381	-0,019	1,374
6	147,256	12,371	-0,029	1,611
7	163,669	16,413	-0,038	5,410
8	185,479	21,810	-0,051	1,785
9	207,827	22,348	-0,052	1,308
10	230,336	22,509	-0,052	.

Приложение 11

Распределение кластеров по исходным переменным при 25-процентном пороге выбросов

«Среднедушевые доходы семьи к общероссийской медиане» +
«Плохое питание»

Номер кластера	Общая статистика		СДЧС		Социологическая переменная			
			Среднее	Ст. отклонение	0 (Нет)		1 (Да)	
	N	%					N	%
1	2385	59,6	0,789	0,249	2385	67,2	0	0,0
2	1123	28,1	1,788	0,542	1123	31,7	0	0,0
Кластерный выброс	203	5,1	1,761	2,199	40	1,1	163	100,0
В сумме/среднем	3711	92,8	1,145	0,787	3548	100,0	163	100,0
Пропущенные значения	289	7,2						
Всего	4000	100						

Приложение 12

Отбор оптимального количество кластеров при автоматической кластеризации, проводимой на основе набора переменных при 1-процентном пороге выбросов

«Среднедушевые доходы семьи к общероссийской медиане» +
«Проблемы с одеждой и обувью»

Тестируемое количество кластеров	Байесовский информационный критерий Шварца (Schwarz's BIC)	Изменение BIC (по отношению к предыдущему значению)	Отношение изменений BIC (относительно двухкластерного решения)	Отношение мер дистанции (текущего количества кластеров к предыдущему)
1	2183,332			
2	1189,457	-993,875	1,000	2,740
3	842,232	-347,225	0,349	1,215
4	560,882	-281,350	0,283	1,774
5	412,917	-147,965	0,149	1,552
6	326,266	-86,651	0,087	2,359
7	303,602	-22,664	0,023	1,269
8	290,926	-12,677	0,013	2,250
9	298,864	7,938	-0,008	1,014
10	307,023	8,159	-0,008	1,086
11	316,474	9,451	-0,010	1,162
12	328,016	11,543	-0,012	2,451
13	347,191	19,175	-0,019	1,438
14	367,969	20,778	-0,021	1,065
15	388,971	21,003	-0,021	1,067
16	410,190	21,218	-0,021	1,128
17	431,772	21,583	-0,022	1,138
18	453,701	21,929	-0,022	1,024
19	475,689	21,988	-0,022	1,278
20	498,210	22,521	-0,023	1,387
21	521,265	23,056	-0,023	1,310

Модель доходной стратификации российского общества

22	544,648	23,383	-0,024	1,222
23	568,223	23,575	-0,024	1,382
24	592,036	23,813	-0,024	1,018
25	615,860	23,824	-0,024	1,149
26	639,764	23,903	-0,024	1,062
27	663,698	23,935	-0,024	1,037
28	687,651	23,953	-0,024	1,021
29	711,613	23,962	-0,024	1,084
30	735,612	23,999	-0,024	1,120
31	759,658	24,046	-0,024	1,146
32	783,754	24,096	-0,024	1,276
33	807,924	24,170	-0,024	1,060
34	832,109	24,185	-0,024	1,490
35	856,376	24,268	-0,024	1,183
36	880,670	24,294	-0,024	1,029
37	904,968	24,298	-0,024	1,052
38	929,272	24,305	-0,024	1,168
39	953,596	24,324	-0,024	1,827
40	977,971	24,375	-0,025	1,064
41	1002,349	24,378	-0,025	1,179
42	1026,737	24,387	-0,025	1,028
43	1051,125	24,389	-0,025	1,053
44	1075,516	24,391	-0,025	1,091
45	1099,911	24,395	-0,025	1,148
46	1124,312	24,400	-0,025	1,200
47	1148,718	24,406	-0,025	1,020
48	1173,125	24,407	-0,025	1,146
49	1197,535	24,411	-0,025	1,081
50	1221,948	24,413	-0,025	1,069
51	1246,362	24,414	-0,025	1,231
52	1270,781	24,418	-0,025	1,210
53	1295,202	24,422	-0,025	1,022
54	1319,624	24,422	-0,025	1,117
55	1344,048	24,423	-0,025	1,139
56	1368,473	24,425	-0,025	1,163
57	1392,899	24,427	-0,025	1,210
58	1417,328	24,428	-0,025	5,961
59	1441,763	24,435	-0,025	1,538
60	1466,199	24,436	-0,025	.

Приложение 13

Распределение кластеров по исходным переменным при 1-процентном пороге выбросов

«Среднедушевые доходы семьи к общероссийской медиане» +
«Проблемы с одеждой и обувью»

Номер кластера	Общая статистика		СДЧС		Социологическая переменная			
					0 (Нет)		1 (Да)	
	N	%	Среднее	Ст. отклонение	N	%	N	%
1	652	16,3	2,157	0,813	568	15,7	84	93,3
2	3041	76,0	0,904	0,336	3041	84,0	0	0,0
Кластерный выброс	18	0,5	5,234	4,727	12	0,3	6	6,7
В сумме/среднем	3711	92,8	1,145	0,787	3621	100,0	90	100,0
Пропущенные значения	289	7,2						
Всего	4000	100						

Приложение 14

Отбор оптимального количества кластеров при автоматической кластеризации, проводимой на основе набора переменных при 10-процентном пороге выбросов

«Среднедушевые доходы семьи к общероссийской медиане» +
«Проблемы с одеждой и обувью»

Тестируемое количество кластеров	Байесовский информационный критерий Шварца (Schwarz's BIC)	Изменение BIC (по отношению к предыдущему значению)	Отношение изменений BIC (относительно двухкластерного решения)	Отношение мер дистанции (текущего количества кластеров к предыдущему)
1	788,714			
2	375,683	-413,031	1,000	2,090
3	190,535	-185,148	0,448	4,716
4	170,059	-20,476	0,050	1,596
5	166,129	-3,930	0,010	1,857
6	175,009	8,881	-0,022	1,422
7	188,325	13,315	-0,032	1,015
8	201,794	13,470	-0,033	2,817
9	221,949	20,155	-0,049	1,284
10	242,918	20,968	-0,051	2,198
11	265,448	22,530	-0,055	1,246
12	288,236	22,788	-0,055	1,864
13	311,508	23,273	-0,056	1,041
14	334,803	23,295	-0,056	1,234
15	358,200	23,397	-0,057	1,237
16	381,681	23,481	-0,057	1,076
17	405,187	23,506	-0,057	.

Приложение 15

Распределение кластеров по исходным переменным при 10-процентном пороге выбросов

«Среднедушевые доходы семьи к общероссийской медиане» +
«Проблемы с одеждой и обувью»

Номер кластера	Общая статистика		СДЧС		Социологическая переменная			
			Среднее	Ст. отклонение	0 (Нет)		1 (Да)	
	N	%			N	%	N	%
1	1615	40,4	0,638	0,175	1615	44,6	0	0,0
2	542	13,6	2,218	0,533	542	15,0	0	0,0
3	1426	35,7	1,205	0,187	1426	39,4	0	0,0
Кластерный выброс	128	3,2	2,330	2,543	38	1,0	90	100,0
В сумме/среднем	3711	92,8	1,145	0,787	3621	100,0	90	100,0
Пропущенные значения	289	7,2						
Всего	4000	100						

Приложение 16

Соотношение статистических кластеров с тестируемыми доходными группами, выделенных с учетом социологических переменных при 10-процентном пороге выбросов, %

Статистические кластеры, выделяемые по доходу и с учетом проблем с одеждой и обувью	Доходные группы основной классификации				
	До 0,5	От 0,5 до 0,75	От 0,75 до 1,25	От 1,25 до 2	Свыше 2
Кластерный выброс	3	2	3	2	12
1 «нижний»	97	98	30	0	0
2 «верхний»	0	0	0	28	82
3 «средний верхний»	0	0	67	70	0

Приложение 17

Отбор оптимального количества кластеров при автоматической кластеризации, проводимой на основе набора переменных при 25-процентном пороге выбросов

«Среднедушевые доходы семьи к общероссийской медиане» +
«Проблемы с одеждой и обувью»

Тестируемое количество кластеров	Байесовский информационный критерий Шварца (Schwarz's BIC)	Изменение BIC (по отношению к предыдущему значению)	Отношение изменений BIC (относительно двухкластерного решения)	Отношение мер дистанции (текущего количества кластеров к предыдущему)
1	664,977			
2	219,117	-445,860	1,000	6,772
3	172,969	-46,149	0,104	1,010
4	127,513	-45,456	0,102	4,584
5	135,658	8,146	-0,018	1,405
6	148,116	12,458	-0,028	1,533
7	164,274	16,158	-0,036	5,205
8	186,040	21,766	-0,049	1,956
9	208,457	22,418	-0,050	1,214
10	230,995	22,538	-0,051	.

Приложение 18

Распределение кластеров по исходным переменным при 25-процентном пороге выбросов

«Среднедушевые доходы семьи к общероссийской медиане» +
«Проблемы с одеждой и обувью»

Номер кластера	Общая статистика		Доходы		Социологическая переменная			
			Среднее	Ст. отклонение	0 (Нет)		1 (Да)	
	N	%			N	%	N	%
1	2451	66,0	0,789	0,25134	2451	67,7	0	0,0
2	1130	30,5	1,7899	0,54340	1130	31,2	0	0,0
Кластерный выброс	130	3,5	2,3582	2,53321	40	1,1	90	100,0
В сумме/среднем	2451	66,0	1,1447	0,78716	3621	100,0	90	100,0
Пропущенные значения	289	7,2						
Всего	4000	100						

Приложение 19

Соотношение статистических кластеров с тестируемыми доходными группами, выделенных с учетом социологических переменных при 25-процентном пороге выбросов, %

Статистические кластеры, выделяемые по доходу и с учетом проблем с одеждой и обувью	Доходные группы основной классификации				
	До 0,5	От 0,5 до 0,75	От 0,75 до 1,25	От 1,25 до 2	Свыше 2
Кластерный выброс	3	2	3	2	12
1 «нижний»	97	98	95	0	0
2 «верхний»	0	0	2	98	88

Приложение 20

Среднедушевые денежные доходы населения, апрель 2017, руб.¹⁰

Российская Федерация	30 522				
Центральный ФО	40 488	Южный ФО	25 276	Уральский ФО	32 192
Белгородская область	29 591	Республика Адыгея	25 066	Курганская область	20 705
Брянская область	25 123	Республика Калмыкия	17 581	Свердловская область	34 346
Владимирская область	23 640	Республика Крым	19 935	Тюменская область	41 768
Воронежская область	29 614	Краснодарский край	28 907	Челябинская область	22 323
Ивановская область	23 959	Астраханская область	21 856	Приволжский ФО	24 538
Калужская область	28 062	Волгоградская область	20 347	Республика Башкортостан	23 837
Костромская область	25 315	Ростовская область	27 736	Республика Марий Эл	17 230
Курская область	25 587	г. Севастополь	20 121	Республика Мордовия	18 442
Липецкая область	27 023	Северо-Кавказский ФО	21 507	Республика Татарстан	31 066
Московская область	39 772	Республика Дагестан	22 597	Удмуртская Республика	23 668
Орловская область	23 118	Республика Ингушетия	15 417	Чувашская Республика	17 309

¹⁰ Источник данных: Среднедушевые денежные доходы населения. ФЦИС РФ (URL: www.gks.ru/free_doc/doc_2017/monitor/info-stat-05-2017.rar).

Рязанская область	23 218	Кабардино-Балкарская Республика	19769	Пермский край	26222
Смоленская область	24 720	Карачаево-Черкесская Республика	16450	Кировская область	20450
Тамбовская область	22 772	Республика Северная Осетия – Алания	21 291	Нижегородская область	30 159
Тверская область	24 997	Чеченская Республика	22948	Оренбургская область	22852
Тульская область	24 688	Ставропольский край	22071	Пензенская область	22054
Ярославская область	27 145	Сибирский ФО	22755	Самарская область	26027
г. Москва	63 768	Республика Алтай	18051	Саратовская область	18417
Северо-Западный ФО	34 150	Республика Бурятия	22234	Ульяновская область	22425
Республика Карелия	24 514	Республика Тыва	11963	Дальневосточный ФО	36010
Республика Коми	29 329	Республика Хакасия	21018	Республика Саха (Якутия)	35940
Архангельская область	32 089	Алтайский край	19360	Камчатский край	39119
Вологодская область	25 812	Забайкальский край	21877	Приморский край	34923
Калининградская область	25 893	Красноярский край	27696	Хабаровский край	36659
Ленинградская область	27 295	Иркутская область	21567	Амурская область	30019
Мурманская область	39 310	Кемеровская область	20316	Магаданская область	45647
Новгородская область	24 235	Новосибирская область	24755	Сахалинская область	45387
Псковская область	21 679	Омская область	24267	Еврейская авт.область	21649
г. Санкт-Петербург	44 187	Томская область	24250	Чукотский авт. округ	66134

Приложение 21

Распределение населения по размеру среднедушевых денежных доходов, 2016, %¹¹

Доходы, руб.	до 7 тыс.руб.	7–10 тыс.руб.	10–14 тыс.руб.	14–19 тыс.руб.	19–27 тыс.руб.	27–45 тыс.руб.	45–60 тыс.руб.	более 60 тыс.руб.
Российская Федерация	6,0	7,9	12,0	14,3	18,2	22,7	8,5	10,4
<i>Центральный федеральный округ</i>								
Белгородская область	5,5	7,8	12,4	15,0	18,9	23,1	8,2	9,1
Брянская область	7,1	9,7	14,5	16,5	19,3	20,7	6,4	5,8
Владимирская область	6,9	10,5	16,2	18,1	20,2	19,4	5,1	3,6
Воронежская область	6,4	8,2	12,5	14,7	18,4	22,3	8,1	9,4
Ивановская область	6,6	10,1	15,6	17,7	20,2	20,1	5,5	4,2
Калужская область	4,7	7,5	12,6	15,7	19,9	23,7	8,0	7,9
Костромская область	6,1	9,7	15,4	17,8	20,5	20,6	5,7	4,2
Курская область	6,5	9,2	14,3	16,5	19,6	21,3	6,6	6,0
Липецкая область	5,5	8,0	12,8	15,5	19,4	22,9	7,8	8,1
Московская область	2,2	4,1	7,8	11,3	17,3	26,8	12,1	18,4
Орловская область	7,7	10,7	15,9	17,5	19,5	19,3	5,3	4,1
Рязанская область	6,8	9,8	15,0	17,1	19,8	20,5	6,0	5,0
Смоленская область	6,5	9,7	15,0	17,3	20,0	20,7	6,0	4,8
Тамбовская область	6,6	9,2	14,1	16,2	19,4	21,3	6,8	6,4
Тверская область	4,8	8,9	15,4	18,6	21,8	21,4	5,5	3,6

¹¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. М.: 2017 (URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/region/reg-pok17.pdf). Курсивом выделены показатели, превышающие общероссийские. Согласно данным ФСГС РФ, в 2016 г. среднедушевые доходы россиян составили 30 744 руб.

Тульская область	4,9	7,9	13,2	16,2	20,3	23,2	7,5	6,8
Ярославская область	5,5	8,2	13,1	15,8	19,6	22,7	7,6	7,5
Г. Москва	1,0	2,0	4,3	7,1	12,6	24,6	14,2	34,2
<i>Северо-Западный федеральный округ</i>								
Респ. Карелия	3,2	7,2	13,7	18,0	22,7	24,1	6,6	4,5
Респ. Коми	4,2	6,7	11,3	14,4	19,2	24,6	9,1	10,5
Архангельская область	2,9	5,6	10,4	14,2	19,8	26,4	9,9	10,8
Ненецкий АО	0,5	1,2	2,9	5,3	10,3	22,7	14,7	42,4
Архангельская область (без АО)	2,9	5,7	10,8	14,9	20,6	26,4	9,4	9,3
Вологодская область	4,7	7,9	13,2	16,3	20,4	23,3	7,5	6,7
Калининградская область	5,2	8,6	14,1	17,0	20,5	22,3	6,7	5,6
Ленинградская область	5,2	8,2	13,4	16,2	20,1	22,8	7,3	6,8
Мурманская область	1,6	3,9	8,2	12,6	19,5	28,8	11,7	13,7
Новгородская область	6,2	9,3	14,5	16,9	20,0	21,3	6,4	5,4
Псковская область	6,3	10,6	16,9	19,0	20,9	19,0	4,5	2,8
Г. Санкт-Петербург	2,7	4,5	8,1	11,3	16,8	25,7	11,8	19,1
<i>Южный федеральный округ (с 29.07.2016)</i>								
Респ. Адыгея	8,1	10,7	15,6	17,1	19,1	19,3	5,5	4,6
Респ. Калмыкия	22,2	18,7	19,6	16,0	12,8	8,3	1,4	0,7
Респ. Крым	9,4	14,4	20,6	20,3	18,8	13,2	2,3	1,0
Краснодарский край	5,3	7,1	11,2	13,7	18,0	23,4	9,2	12,1
Астраханская область	9,4	11,5	16,0	17,0	18,5	18,2	5,2	4,2
Волгоградская область	7,7	12,0	18,0	19,2	20,0	17,1	3,8	2,2
Ростовская область	6,5	8,9	13,6	15,8	19,1	21,7	7,2	7,2
Г. Севастополь	5,5	9,0	14,7	17,5	20,7	21,6	6,2	4,8
<i>Северо-Кавказский федеральный округ</i>								
Респ. Дагестан	5,4	8,1	12,9	15,6	19,4	22,9	7,8	7,9
Респ. Ингушетия	19,8	18,4	20,4	16,8	13,6	8,8	1,5	0,7
Кабардино-Балкарская Республика	9,8	13,2	18,4	18,7	18,7	15,6	3,5	2,1
Карачаево-Черкесская Республика	15,0	16,4	20,0	18,0	15,9	11,4	2,2	1,1
Респ. Северная Осетия – Алания	7,9	11,2	16,6	18,0	19,6	18,5	4,8	3,4
Чеченская Республика	10,8	11,8	15,8	16,4	17,7	17,7	5,2	4,6
Ставропольский край	9,4	11,6	16,3	17,2	18,6	18,0	5,0	3,9

Модель доходной стратификации российского общества

<i>Приволжский федеральный округ</i>								
Респ. Башкортостан	7,9	9,2	13,2	14,9	17,9	20,9	7,4	8,6
Респ. Марий Эл	13,5	14,7	18,5	17,6	16,8	13,8	3,1	2,0
Респ. Мордовия	14,4	15,5	19,3	17,8	16,4	12,5	2,6	1,5
Респ. Татарстан	5,2	7,1	11,2	13,8	18,1	23,5	9,2	11,9
Удмуртская Республика	7,4	10,3	15,5	17,2	19,5	19,8	5,7	4,6
Чувашская Республика	11,9	15,1	19,9	19,0	17,5	12,9	2,5	1,2
Пермский край	7,3	8,9	13,1	14,9	18,1	21,4	7,6	8,7
Кировская область	7,4	11,5	17,5	19,0	20,1	17,8	4,2	2,5
Нижегородская область	5,4	7,6	12,0	14,5	18,6	23,2	8,6	10,1
Оренбургская область	9,6	11,9	16,5	17,3	18,5	17,7	4,8	3,7
Пензенская область	9,2	11,8	16,7	17,7	18,9	17,7	4,6	3,4
Самарская область	6,0	8,8	13,7	16,1	19,6	22,0	7,1	6,7
Саратовская область	11,8	13,9	18,3	17,9	17,7	14,8	3,4	2,2
Ульяновская область	8,1	11,1	16,4	17,8	19,5	18,6	4,9	3,6
<i>Уральский федеральный округ</i>								
Курганская область	10,0	12,8	17,8	18,2	18,6	16,2	3,9	2,5
Свердловская область	4,1	6,1	10,2	13,1	17,9	24,6	10,1	13,9
Тюменская область	3,4	5,0	8,5	11,4	16,5	24,8	11,3	19,1
Ханты-Мансийский АО-Югра	1,7	3,4	6,8	10,2	16,3	27,0	13,0	21,6
Ямало-Ненецкий АО	0,6	1,5	3,3	5,7	10,9	23,1	14,5	40,4
Тюменская область (без АО)	6,2	8,5	13,1	15,4	19,0	22,2	7,6	8,0
Челябинская область	6,6	10,1	15,8	17,9	20,2	20,0	5,4	4,0
<i>Сибирский федеральный округ</i>								
Респ. Алтай	13,0	15,3	19,6	18,4	17,0	12,8	2,5	1,4
Респ. Бурятия	9,3	10,5	14,6	15,7	17,9	19,4	6,3	6,3
Респ. Тыва	22,7	19,3	20,3	16,0	12,4	7,6	1,2	0,5
Респ. Хакасия	9,1	12,1	17,3	18,1	19,0	17,2	4,3	2,9
Алтайский край	10,1	12,3	16,9	17,4	18,4	17,1	4,5	3,3
Забайкальский край	8,3	11,1	16,1	17,5	19,2	18,7	5,1	4,0
Красноярский край	6,6	8,7	13,2	15,3	18,7	21,9	7,5	8,1
Иркутская область	8,9	11,5	16,4	17,5	19,0	18,1	4,9	3,7
Кемеровская область	8,9	12,0	17,3	18,2	19,1	17,3	4,3	2,9
Новосибирская область	6,3	9,3	14,5	16,8	19,9	21,3	6,4	5,5
Омская область	8,9	10,4	14,6	15,8	18,1	19,6	6,3	6,3
Томская область	5,5	9,2	15,1	17,9	20,9	21,3	5,8	4,3

<i>Дальневосточный федеральный округ</i>								
Респ. Саха (Якутия)	2,3	4,3	8,3	11,8	17,8	26,8	11,8	16,9
Камчатский край	0,7	2,1	5,6	10,1	18,1	31,2	14,2	18,0
Приморский край	3,2	5,8	10,6	14,2	19,6	25,9	9,8	10,9
Хабаровский край	2,2	4,3	8,5	12,3	18,4	27,3	11,6	15,4
Амурская область	4,4	7,2	12,1	15,2	19,7	24,1	8,5	8,8
Магаданская область	0,7	1,9	4,5	7,9	14,5	27,8	15,0	27,7
Сахалинская область	1,4	2,8	5,8	9,0	14,8	26,2	13,6	26,4
Еврейская АО	5,5	9,5	15,5	18,3	21,1	20,8	5,5	3,8
Чукотский АО	0,5	1,2	3,0	5,6	11,1	24,5	15,3	38,8

Приложение 22

Построение регрессионных моделей для анализа факторов доходной стратификации

Переменные, использованные для построения регрессионных моделей, и вопросы инструментария для их операционализации, ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г.

№ п/п	Переменные	Вопросы в анкете
<i>Зависимые</i>		
1.	Доходные группы, основанные на медиане распределения среднедушевых доходов по стране в целом: 1 – низкодоходные слои 2 – медианная группа 3 – среднедоходные слои 4 – высокодоходные слои	Каков примерный среднемесячный доход на каждого члена Вашей семьи? <i>(Для расчета надо просуммировать все доходы в семье и разделить их на число членов семьи, включая детей.)</i> _____ рублей
2.	Доходные группы, основанные на медиане распределения среднедушевых доходов в поселениях различного типа: 1 – низкодоходные слои 2 – медианная группа 3 – среднедоходные слои 4 – высокодоходные слои	
<i>Независимые</i>		
1.	Пол: 1 – мужской 2 – женский	Ваш пол: 1 – мужской 2 – женский
2.	Возраст: 1 – 18–25 лет 2 – 26–35 лет	Ваш возраст: _____ лет

	<p>3 – 36–45 лет 4 – 46–55 лет 5 – 56–65 лет 6 – 66 лет и старше</p>	
3.	<p>Самооценки состояния здоровья: 1 – хорошее 2 – удовлетворительное 3 – плохое</p>	<p>Как Вы оцениваете свое положение сегодня? 1 – хорошо 2 – удовлетворительно 3 – плохо</p>
4.	<p>Тип поселения по месту проживания: 1 – Москва и Санкт-Петербург 2 – областные, краевые и республиканские центры 3 – районные центры 4 – ПГТ 5 – села</p>	<p>Тип поселения: 1 – столицы 2 – областные, краевые и республиканские центры 3 – районные центры 4 – ПГТ 5 – села</p>
5.	<p>Тип поселения проживания на момент начала обучения в школе: 1 – Москва и Санкт-Петербург 2 – республиканский или областной центр, крупный город 3 – районный центр, малый или средний город 4 – село, деревня, поселок городского типа</p>	<p>Где Вы жили, когда пошли в школу? 1 – в селе, деревне, поселке городского типа 2 – в районном центре, малом или среднем городе 3 – в республиканском или областном центре, крупном городе 4 – в Москве или Санкт-Петербурге</p>
6.	<p>Уровень образования: 1 – не выше средней школы 2 – среднее специальное 3 – высшее и выше (включая неполное)</p>	<p>Какое образование получили: 1 – начальное 2 – неполное среднее 3 – общее среднее 4 – среднее специальное 5 – незаконченное высшее 6 – высшее гуманитарное, в т. ч. экономическое 7 – высшее техническое или естественнонаучное 8 – два высших образования, магистратура, аспирантура, кандидат или доктор наук</p>

Модель доходной стратификации российского общества

7.	<p>Навыки работы на компьютере: 0 — не имеют 1 — имеют</p>	<p>Какие из перечисленных ниже навыков Вы используете на своей работе? 1. Работы на компьютере 1 — ежедневно используют эти навыки 2 — приходится иногда пользоваться этими навыками 3 — работа не предполагает использования этих навыков, хотя они есть 4 — в настоящее время не работают, но имеют этот навык 5 — не имеют этого навыка</p>
8.	<p>Уровень образования отца: 1 — не выше средней школы 2 — среднее специальное 3 — высшее и выше (включая неполное)</p>	<p>Какое образование получил Ваш отец? 1 — начальное 2 — неполное среднее 3 — общее среднее 4 — среднее специальное 5 — незаконченное высшее 6 — высшее гуманитарное, в т. ч. экономическое 7 — высшее техническое или естественнонаучное 8 — два высших образования, магистратура, аспирантура, кандидат или доктор наук</p>
9.	<p>Уровень образования матери: 1 — не выше средней школы 2 — среднее специальное 3 — высшее и выше (включая неполное)</p>	<p>Какое образование получила Ваша мать? 1 — начальное 2 — неполное среднее 3 — общее среднее 4 — среднее специальное 5 — незаконченное высшее 6 — высшее гуманитарное, в т. ч. экономическое 7 — высшее техническое или естественнонаучное 8 — два высших образования, магистратура, аспирантура, кандидат или доктор наук</p>

10.	<p>Пополняли знания в предыдущие 3 года (за исключением получения профессионального образования): 0 – нет 1 – да</p>	<p>Как Вы за последние 3 года пополняли свои знания? 1 – учились в техникуме, вузе, аспирантуре¹² 2 – прошли переподготовку по новой для себя специальности 3 – прошли дополнительное обучение по старой специальности (повышение квалификации) 4 – старались сами следить за новой литературой, приобретать новые навыки 5 – приобретали или совершенствовали свои навыки работы на компьютере 6 – изучали иностранные языки на курсах или самостоятельно 7 – приобретали другие новые практические навыки, переходя к новым для себя видам деятельности 8 – брали частные уроки с целью повысить свою ценность как работника 9 – другое (что именно) 10 – никак</p>
11.	<p>Работали на момент опроса: 0 – нет 1 – да</p>	<p>Кем Вы работаете в настоящее время? 1 – предприниматель, имеющий наемных работников 2 – руководитель, заместитель руководителя предприятия или учреждения 3 – руководитель среднего или низшего звена 4 – специалист на должности, предполагающей высшее образование, в т. ч. офицеры 5 – «самозанятый» (ИТД, частная практика и т. п.) или имеющий чисто семейный бизнес</p>

¹² Данный ответ не учитывался при построении соответствующего индикатора, поскольку означал, что респондент получал профессиональное образование, которое не относится к дополнительному.

		<p>6 — служащие на должностях, не требующих высшего образования (в т. ч. офисные работники, неофицерский состав силовых структур, лаборанты, библиотекари и т. д.)</p> <p>7 — рядовой работник торговли или сферы бытовых услуг (продавец, приемщица химчистки, кассир и т. д.)</p> <p>8 — рабочий (в т. ч. операторы станков, механизаторы, водители, наладчики и т. д.) от 5 разряда</p> <p>9 — рабочий (3–4-й разряд)</p> <p>10 — рабочий (1–2-й разряд и без разряда)</p> <p>11 — другое</p> <p>12 — в настоящее время не работают</p>
12.	<p>Наличие опыта длительной (свыше 3 месяцев) безработицы</p> <p>0 — нет</p> <p>1 — да</p>	<p>Оказывались ли Вы за последний год (включая нынешний момент) в ситуации, когда Вы нигде не работали и не учились более трех месяцев подряд?</p> <p>1 — да</p> <p>2 — нет</p>
13.	<p>Тип ресурса сетей¹³:</p> <p>0 — отсутствует</p> <p>1 — простейший</p> <p>2 — удовлетворение социальных потребностей</p> <p>3 — связи</p> <p>4 — дефицитные связи</p>	<p>Могли бы Вы в случае необходимости обратиться к своим знакомым, друзьям или проживающим отдельно родственникам и получить от них реальную помощь в таких вопросах как: <i>(отметьте все, что Вам подходит)</i>:</p>

¹³ Градация ресурса социальных сетей подразумевала 4 его типа, основанных на видах помощи, которую потенциально может получить индивид от своего окружения. Во-первых, простейший тип ресурса сетей позволяет лишь найти средства на поддержание текущего потребления, а именно «перехватить деньги до получки» в виде займа или какой-то подработки. Во-вторых, это удовлетворение социальных потребностей, которые становятся доступны индивиду через его социальное окружение, а именно: доступ к хорошим, проверенным врачам и учителям. К третьему типу относятся уже настоящие связи, открывающие перед их владельцами новые жизненные возможности, например, через продвижение по карьерной лестнице, устройство на перспективную работу, улучшение жилищных условий и пр. Наконец, дефицитные связи, доступные сравнительно

		1 — устройство на хорошую работу 2 — поступление в хороший вуз 3 — продвижение по карьерной лестнице 4 — устройство детей в хорошую школу 5 — решение жилищной проблемы 6 — обращение к хорошим врачам или устройство в хорошую больницу 7 — поиск приработков 8 — содействие в доступе к должностным лицам, способным помочь в решении ваших проблем 9 — возможность взять в долг до 100 тыс. рублей 10 — возможность взять в долг более 100 тыс. рублей
14.	Профессиональный статус: 0 — неработающие 1 — предприниматели и руководители 2 — специалисты 3 — служащие, замозанятые и прочие 4 — рядовые работники торговли и б/о 5 — рабочие	Кем Вы работаете в настоящее время? 1 — предприниматель, имеющий наемных работников 2 — руководитель, заместитель руководителя предприятия или учреждения 3 — руководитель среднего или низшего звена 4 — специалист на должности, предполагающей высшее образование, в т. ч. офицеры 5 — «самозанятый» (ИТД, частная практика и т. п.) или имеющий чисто семейный бизнес 6 — служащие на должностях, не требующих высшего образования (в т. ч. офисные работники,

небольшому кругу россиян (попадающих в массовые опросы), позволяют им решать свои личные проблемы, пользуясь через свое окружение прямым доступом к должностным лицам, или же занимать крупные суммы денег непосредственно у своего окружения. Более подробно см.: *Каравай А. В.* Социальный капитал российских рабочих и их установки в отношении его накопления // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 3.

		<p>неофицерский состав силовых структур, лаборанты, библиотекари и т. д.) 7 – рядовой работник торговли или сферы бытовых услуг (продавец, приемщица химчистки, кассир и т. д.) 8 – рабочий (в т. ч. операторы станков, механизаторы, водители, наладчики и т. д.) от 5 разряда 9 – рабочий (3–4-й разряд) 10 – рабочий (1–2-й разряд и без разряда) 11 – другое 12 – в настоящее время не работают</p>
15.	<p>Форма трудового контракта: 1 – в штате по приказу или бессрочный контракт 2 – временный письменный договор 3 – устная договоренность и прочие</p>	<p>Как оформлены Ваши отношения с работодателем? 1 – работаю на постоянной основе (оформлены в штат по приказу или на основе бессрочного контракта) 2 – работаю по временному письменно оформленному договору 3 – работаю на основании устной договоренности 4 – в настоящее время не работаю</p>
16.	<p>Влияние на принятие решений на своем предприятии: 1 – нулевое (от их мнения ничего не зависит) 2 – среднее (в рамках своего подразделения) 3 – высокое (в масштабах всего предприятия)</p>	<p>Если говорить о Вашей нынешней работе, то можете ли Вы сказать, что Вы: 1 – способны повлиять на принятие решений в масштабах всего предприятия 2 – способны повлиять на принятие решений в масштабах своего подразделения 3 – от их мнения на работе практически ничего не зависит 4 – в настоящее время не работают</p>
17.	<p>Степень автономности труда: 1 – нулевая 2 – низкая (1–3 позиции) 3 – средняя и высокая (4 и более позиций)</p>	<p>Кто в основном принимает решения для Вас по следующим вопросам? <i>(рассматривались только ответы сами или совместно с руководителем)</i> 1. какие задания выполнять.</p>

		<p>2. как изменить темп работы. 3. когда выйти в отпуск. 4. когда приходиться на работу. 5. когда уходить с работы. 6. когда взять отгул.</p>
18.	<p>Тип собственности предприятия: 1 – государственное 2 – приватизированное 3 – вновь созданное частное 4 – прочие (кооперативы, самозанятые, иностранные и общественные организации)</p>	<p>Укажите, пожалуйста, тип собственности предприятия, где Вы работаете: 1 – государственное 2 – приватизированное 3 – вновь созданное частное (включая фермеров) 4 – коллективное, в т. ч. кооперативное 5 – индивидуальная трудовая деятельность 6 – иносфирма (представительство и т. п.) 7 – иное (в т. ч. общественные организации) 8 – в настоящее время не работают</p>
19.	<p>Размер предприятия: 1 – Менее 10 человек 2 – От 10 до 50 человек 3 – От 50 до 100 человек 4 – От 100 до 1000 человек 5 – Не менее 1000 человек</p>	<p>Сколько примерно человек работает на Вашем предприятии? 1 – Менее 10 человек 2 – От 10 до 50 человек 3 – От 50 до 100 человек 4 – От 100 до 1000 человек 5 – Не менее 1000 человек 6 – В настоящее время не работают</p>
20.	<p>Отрасль: 1 – промышленность, энергетика, транспорт, строительство 2 – сельское и лесное хозяйство 3 – армия, правоохранительные органы, охранные и другие силовые структуры, государственное или муниципальное управление 4 – торговля, включая оптовую и розничную, бытовое обслуживание, ЖКХ</p>	<p>В какой сфере деятельности Вы сейчас заняты? 1 – промышленность, энергетика, транспорт, строительство 2 – сельское и лесное хозяйство 3 – армия, правоохранительные органы, охранные и другие силовые структуры 4 – государственное или муниципальное управление 5 – торговля, включая оптовую и розничную, бытовое обслуживание, ЖКХ</p>

	5 – образование, здравоохранение, наука, культура 6 – информационные технологии и связь, финансы, кредит, страховое дело, маркетинг, консалтинг и др.	6 – образование, здравоохранение, наука, культура 7 – информационные технологии и связь 8 – финансы, кредит, страховое дело, маркетинг, консалтинг и т. п. 9 – другое (укажите, что именно) 10 – в настоящее время не работают
21.	Наличие в составе домохозяйства неработающих взрослых трудоспособного возраста: 0 – нет 1 – да	<p>Есть ли в настоящее время среди членов Вашей семьи, проживающих вместе с Вами (<i>отметьте все, что Вам подходит</i>)</p> <p>1 – безработные или испытывающие трудности с постоянной работой (укажите сколько)</p> <p>2 – инвалиды 1-й 2-й групп инвалидности (укажите сколько)</p> <p>3 – хронически больные с ограниченной трудоспособностью, не являющиеся пенсионерами или инвалидами 1 – и 2-й групп (укажите сколько)</p> <p>4 – неработающие пенсионеры, не являющиеся инвалидами 1 и 2 групп (укажите сколько)</p> <p>5 – неработающие студенты (укажите сколько) в среднем 1,1 человек</p> <p>6 – несовершеннолетние дети (укажите сколько) в среднем 1,4 человек</p> <p>7 – таких членов семьи нет</p>
22.	Наличие в составе домохозяйства инвалидов 1-й 2-й групп: 0 – нет 1 – да	
23.	Наличие в составе домохозяйства хронически больных с ограниченной трудоспособностью: 0 – нет 1 – да	
24.	Наличие в составе домохозяйства неработающих пенсионеров (не инвалидов): 0 – нет 1 – да	
25.	Наличие в составе домохозяйства неработающих студентов: 0 – нет 1 – да	
26.	Наличие в составе домохозяйства несовершеннолетних детей: 0 – нет 1 – да	

27.	<p>Иждивенческая нагрузка в домохозяйстве:</p> <p>1 — нет иждивенцев</p> <p>2 — не более 1 иждивенца на 2 работающих</p> <p>3 — от 1 до 2 иждивенцев на 2 работающих</p> <p>4 — от 2 до 3 иждивенцев на 2 работающих</p> <p>5 — свыше 3 иждивенцев на 2 работающих</p>	<p>Сколько человек, вместе с Вами, составляют Вашу семью (проживающую совместно с Вами):</p> <p>_____ человек</p> <p>А сколько из них работает?</p> <p>_____ человек</p>
-----	--	--

Приложение 23

Результаты основной мультиномиальной регрессии

Зависимая переменная: Доходные группы, основанные на медиане распределения среднедушевых доходов по стране в целом.

Псевдо R-квадрат:

Кокса и Снелла: 0,420

Нэйджелкерка: 0,453

МакФаддена: 0,209

Соотношение вероятностей в мультиномиальной модели с зависимой переменной, основанной на страновой медиане (основная модель), ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., разы

Факторы	Низкододходные слои	Медианная группа	Среднедоходная группа	Высокодходные слои
<i>Пол</i>				
Мужской	1,07	1,05**	1,31**	1,32
Женский	1,00	1,00**	1,00**	1,00
<i>Возраст</i>				
18–25 лет	1,40**	0,41**	0,35	1,51*
26–35 лет	1,35**	0,45**	0,53	2,02**
36–45 лет	1,33**	0,50**	0,51	2,16**
46–55 лет	1,22**	0,59**	0,90	3,85**
56–65 лет	1,17**	0,64**	1,12**	2,75**
66 лет и старше	1,00**	1,00**	1,00**	1,00**
<i>Самооценки состояния здоровья</i>				
Хорошее	0,51**	1,45**	2,98**	3,10**
Удовлетворительное	0,69**	1,27**	2,32**	2,29*
Плохое	1,00**	1,00**	1,00**	1,00**
<i>Тип поселения по месту проживания</i>				
Москва и Санкт-Петербург	0,08**	1,46**	6,18**	8,66**

Областные, краевые, республиканские центры	0,64**	1,51**	1,68	1,66
Районные центры	0,85**	1,22**	1,26	1,16
Поселки городского типа	0,69**	1,34**	2,00*	3,01**
Села	1,00**	1,00**	1,00*	1,00**
<i>Уровень образования отца</i>				
Не выше средней школы	1,00	1,00	1,00	1,00
Среднее специальное	1,06	0,90	0,99	0,97
Высшее и выше (включая неполное)	1,03	0,95	0,98	1,09
<i>Уровень образования матери</i>				
Не выше средней школы	1,00	1,00*	1,00*	1,00
Среднее специальное	0,93	1,16*	1,21*	1,00
Высшее и выше (включая неполное)	0,85	1,30*	1,79*	1,38
<i>Тип ресурса сетей</i>				
Отсутствует	1,00	1,00**	1,00**	1,00**
Простейший	0,89	1,19**	1,31**	1,32**
Удовлетворение социальных потребностей	0,92	1,12**	1,44**	1,74**
Связи	0,86	1,16**	2,31	6,00*
Дефицитные связи	0,95	0,96**	2,61	7,84*
<i>Тип поселения проживания на момент начала обучения в школе</i>				
Москва и Санкт-Петербург	0,72	1,47	1,16	4,31**
Республиканский или областной центр, крупный город	0,94	1,14	0,91	1,32
Районный центр, малый или средний город	0,93	1,04	1,34**	1,62
Село, деревня, поселок городского типа	1,00	1,00	1,00**	1,00
<i>Уровень образования</i>				
Не выше средней школы	1,00**	1,00**	1,00**	1,00
Среднее специальное	0,95**	1,13**	1,13**	1,09
Высшее и выше (включая неполное)	0,84**	1,30**	1,99**	1,64
<i>Навыки работы на компьютере</i>				
Не имеют	1,00**	1,00**	1,00	1,00

Модель доходной стратификации российского общества

Имеют	0,89**	1,19**	1,48	1,33
<i>Пополняли знания в предыдущие 3 года (за исключением получения профессионального образования)</i>				
Нет	1,00	1,00	1,00	1,00**
Да	0,96	1,07	1,01	1,84**
<i>Работали на момент опроса</i>				
Нет	1,00	1,00	1,00*	1,00
Да	1,03	1,03	0,73*	0,79
<i>Наличие опыта длительной (свыше 3 месяцев) безработицы</i>				
Нет	1,00**	1,00*	1,00	1,00*
Да	1,06**	0,87*	0,93	1,22*
<i>Наличие в составе домохозяйства неработающих взрослых трудоспособного возраста</i>				
Нет	1,00**	1,00**	1,00	1,00
Да	6,94**	2,00**	0,99	0,43
<i>Наличие в составе домохозяйства инвалидов 1 и 2 групп</i>				
Нет	1,00**	1,00**	1,00	1,00
Да	1,42**	1,88**	1,23	0,51
<i>Наличие в составе домохозяйства хронических больных с ограниченной трудоспособностью</i>				
Нет	1,00	1,00	1,00	1,00
Да	0,93	1,01	1,00	1,08
<i>Наличие в составе домохозяйства неработающих пенсионеров (не инвалидов)</i>				
Нет	1,00**	1,00**	1,00	1,00
Да	1,74**	2,02**	0,93	0,54
<i>Наличие в составе домохозяйства неработающих студентов</i>				
Нет	1,00	1,00*	1,00	1,00**
Да	2,87	1,92*	1,05	0,46**
<i>Наличие в составе домохозяйства несовершеннолетних детей</i>				
Нет	1,00**	1,00**	1,00	1,00*
Да	5,10**	1,92**	1,18	0,41*
<i>Иждивенческая нагрузка в домохозяйстве</i>				
Нет иждивенцев	1,00**	1,00**	1,00**	1,00**
Не более 1 иждивенца на 2 работающих	1,68**	1,04**	0,66**	0,43**

От 1 до 2 иждивенцев на 2 работающих	2,23**	1,10**	0,36**	0,21
От 2 до 3 иждивенцев на 2 работающих	3,16	0,76	0,17	0,16
Свыше 3 иждивенцев на 2 работающих	2,83	0,98	0,17	0,09

** Уровень значимости $p < 0,05$.

*Уровень значимости $p < 0,1$.

Приложение 24

Результаты регрессионной модели с зависимой переменной, построенной на основе поселенческих медиан

Зависимая переменная: Доходные группы, основанные на медиане распределения среднедушевых доходов в поселениях различного типа.

Псевдо R-квадрат:

Кокса и Снелла: 0,344

Нэйджелкерка: 0,374

МакФаддена: 0,168

Соотношение вероятностей в мультиномиальной модели с зависимой переменной, основанной на поселенческих медианах (вторая модель), ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., разы

Факторы	Низко- доход- ные слои	Медианная группа	Средне- доходная группа	Высоко- доходные слои
<i>Пол</i>				
Мужской	0,80**	0,98**	1,09	1,26
Женский	1,00**	1,00**	1,00	1,00
<i>Возраст</i>				
18–25 лет	3,25**	0,60**	0,55	1,00
26–35 лет	2,68**	0,67**	0,70	0,92
36–45 лет	2,50**	0,74**	0,69	1,25
46–55 лет	1,71**	0,70**	1,02	1,58
56–65 лет	1,25**	0,68**	1,20**	2,00*
66 лет и старше	1,00**	1,00**	1,00**	1,00**
<i>Самооценки состояния здоровья</i>				
Хорошее	0,24**	0,82**	1,44**	1,92**
Удовлетворительное	0,46**	0,89**	1,30**	1,58*

Плохое	1,00**	1,00**	1,00**	1,00**
<i>Тип поселения по месту проживания</i>				
Москва и Санкт-Петербург	1,86**	1,18**	0,52**	0,08**
Областные, краевые, республиканские центры	2,02**	1,04**	0,59**	0,17**
Районные центры	1,50**	1,13**	0,69**	0,50**
Поселки городского типа	2,05**	1,02**	0,60**	0,33**
Села	1,00**	1,00**	1,00**	1,00**
<i>Уровень образования отца</i>				
Не выше средней школы	1,00	1,00	1,00	1,00*
Среднее специальное	0,83	1,07	1,00	0,89*
Высшее и выше (включая неполное)	0,87	1,10	0,96	1,33*
<i>Уровень образования матери</i>				
Не выше средней школы	1,00**	1,00**	1,00**	1,00
Среднее специальное	0,92**	0,96**	1,12	0,91
Высшее и выше (включая неполное)	0,62**	0,98**	1,32**	1,09
<i>Тип ресурса сетей</i>				
Отсутствует	1,00**	1,00**	1,00**	1,00**
Простейший	0,67	1,11	1,10**	1,00**
Удовлетворение социальных потребностей	0,70	1,05	1,23**	1,00**
Связи	0,51*	0,95*	1,72**	4,00**
Дефицитные связи	0,64**	0,76**	2,07**	6,00**
<i>Тип поселения проживания на момент начала обучения в школе</i>				
Москва и Санкт-Петербург	0,73**	0,89	1,04	7,25**
Республиканский или областной центр, крупный город	0,96**	1,21	0,77**	1,83
Районный центр, малый или средний город	0,78**	1,01*	1,06	1,58**
Село, деревня, поселок городского типа	1,00**	1,00	1,00**	1,00**
<i>Уровень образования</i>				
Не выше средней школы	1,00	1,00	1,00**	1,00*
Среднее специальное	1,03	1,02	0,96**	1,13**
Высшее и выше (включая неполное)	0,75	0,86	1,39**	1,50**

Модель доходной стратификации российского общества

<i>Навыки работы на компьютере</i>				
Не имеют	1,00**	1,00	1,00	1,00
Имеют	0,66**	1,00	1,23	1,50
<i>Пополняли знания в предыдущие 3 года (за исключением получения профессионального образования)</i>				
Нет	1,00	1,00	1,00**	1,00
Да	0,91	0,92	1,15**	1,09
<i>Работали на момент опроса</i>				
Нет	1,00	1,00	1,00	1,00
Да	1,21	0,96	0,98	1,33
<i>Наличие опыта длительной (свыше 3 месяцев) безработицы</i>				
Нет	1,00**	1,00**	1,00	1,00**
Да	1,35**	0,89**	1,02	1,50**
<i>Наличие в составе домохозяйства неработающих взрослых трудоспособного возраста</i>				
Нет	1,00**	1,00**	1,00	1,00**
Да	2,53**	1,03**	0,83	0,35**
<i>Наличие в составе домохозяйства инвалидов 1 и 2 групп</i>				
Нет	1,00*	1,00*	1,00	1,00
Да	0,79*	1,15*	0,97	0,92
<i>Наличие в составе домохозяйства хронических больных с ограниченной трудоспособностью</i>				
Нет	1,00*	1,00*	1,00	1,00
Да	0,49*	1,03*	1,54	1,71
<i>Наличие в составе домохозяйства неработающих пенсионеров (не инвалидов)</i>				
Нет	1,00**	1,00**	1,00	1,00
Да	0,71**	1,14**	1,03	1,20
<i>Наличие в составе домохозяйства неработающих студентов</i>				
Нет	1,00	1,00	1,00	1,00**
Да	1,08	1,04	0,98	0,43**
<i>Наличие в составе домохозяйства несовершеннолетних детей</i>				
Нет	1,00*	1,00*	1,00*	1,00**
Да	1,44*	1,12*	0,83*	0,60**

<i>Иждивенческая нагрузка в домохозяйстве</i>				
Нет иждивенцев	1,00**	1,00**	1,00**	1,00**
Не более 1 иждивенца на 2 работающих	2,77**	1,35**	0,90**	0,53**
От 1 до 2 иждивенцев на 2 работающих	5,77**	1,69**	0,74*	0,40*
От 2 до 3 иждивенцев на 2 работающих	15,38**	1,31**	0,68	0,44**
Свыше 3 иждивенцев на 2 работающих	12,08**	1,87**	0,59**	0,19**

** Уровень значимости $p < 0,05$.

*Уровень значимости $p < 0,1$.

Приложение 25

Результаты регрессионной модели, построенной на подвыборке работающих россиян, с зависимой переменной, основанной на страновой медиане

Зависимая переменная: Доходные группы, основанные на медиане распределения среднедушевых доходов по стране в целом.

Псевдо R-квадрат:

Кокса и Снелла: 0,477

Нэйджелкерка: 0,513

МакФаддена: 0,244

Соотношение вероятностей в мультиномиальной модели, построенной на подвыборке работающих россиян, с зависимой переменной, основанной на страновой медиане, ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., разы

Факторы	Низкодоходные слои	Медианная группа	Среднедоходная группа	Высокодоходные слои
<i>Пол</i>				
Мужской	0,96	1,11	1,16	1,04
Женский	1,00	1,00	1,00	1,00
<i>Возраст</i>				
18–35 лет	1,14**	0,57**	0,33**	0,56
36–45 лет	1,13**	0,61**	0,35**	0,64
46–55 лет	1,05	0,87	0,65	1,22
56 лет и старше	1,00**	1,00**	1,00**	1,00
<i>Самооценки состояния здоровья</i>				
Хорошее	0,61**	1,95**	3,49**	3,36
Удовлетворительное	0,73**	1,68**	2,71*	2,45
Плохое	1,00**	1,00**	1,00**	1,00

<i>Тип поселения по месту проживания</i>				
Москва и Санкт-Петербург	0,05**	2,01**	10,98**	20,39**
Областные, краевые, республиканские центры	0,69**	1,95**	2,42	2,00
Районные центры	0,87**	1,42**	1,59	1,37
Поселки городского типа	0,75**	1,57**	2,65*	4,44**
Села	1,00**	1,00**	1,00**	1,00**
<i>Уровень образования отца</i>				
Не выше средней школы	1,00	1,00	1,00	1,00
Среднее специальное	1,02	0,92	0,94	0,99
Высшее и выше (включая неполное)	1,02	0,97	0,89	1,03
<i>Уровень образования матери</i>				
Не выше средней школы	1,00	1,00	1,00*	1,00
Среднее специальное	0,96	1,17	1,32*	1,02
Высшее и выше (включая неполное)	0,93	1,25	1,89*	1,27
<i>Тип ресурса сетей</i>				
Отсутствует	1,00	1,00**	1,00**	1,00**
Простейший	0,91	1,46**	1,40**	1,71**
Удовлетворение социальных потребностей	0,97	1,14**	1,42**	1,83**
Связи	0,94	1,21**	2,11*	5,46**
Дефицитные связи	0,93	1,16**	3,16**	10,29**
<i>Тип поселения проживания на момент начала обучения в школе</i>				
Москва и Санкт-Петербург	0,79	1,76**	1,34	5,28**
Республиканский или областной центр, крупный город	1,00	1,08*	0,73*	1,14
Районный центр, малый или средний город	0,97	1,05	1,19	1,70*
Село, деревня, поселок городского типа	1,00	1,00*	1,00*	1,00**
<i>Уровень образования</i>				
Не выше средней школы	1,00**	1,00**	1,00**	1,00**
Среднее специальное	0,94	1,38	1,40	1,22**
Высшее и выше (включая неполное)	0,9**	1,61**	1,74**	0,69**

Модель доходной стратификации российского общества

<i>Навыки работы на компьютере</i>				
Не имеют	1,00	1,00	1,00	1,00
Имеют	1,00	1,02	0,90	1,03
<i>Пополняли знания в предыдущие 3 года (за исключением получения профессионального образования)</i>				
Нет	1,00	1,00	1,00	1,00**
Да	0,98	1,06	1,11	1,89**
<i>Наличие опыта длительной (свыше 3 месяцев) безработицы</i>				
Нет	1,00	1,00	1,00	1,00*
Да	0,95	1,24	1,17	1,93*
<i>Наличие в составе домохозяйства неработающих взрослых трудоспособного возраста</i>				
Нет	1,00**	1,00**	1,00	1,00**
Да	1,34**	0,58**	0,45	0,19**
<i>Наличие в составе домохозяйства инвалидов 1 и 2 групп</i>				
Нет	1,00**	1,00**	1,00	1,00
Да	0,88**	1,93**	1,94	0,87
<i>Наличие в составе домохозяйства хронических больных с ограниченной трудоспособностью</i>				
Нет	1,00	1,00	1,00	1,00
Да	1,00	0,88	1,89	1,82
<i>Наличие в составе домохозяйства неработающих пенсионеров (не инвалидов)</i>				
Нет	1,00**	1,00**	1,00	1,00
Да	0,89**	1,83**	1,51	0,93
<i>Наличие в составе домохозяйства неработающих студентов</i>				
Нет	1,00	1,00**	1,00*	1,00**
Да	1,05	0,99**	0,66*	0,20**
<i>Наличие в составе домохозяйства несовершеннолетних детей</i>				
Нет	1,00	1,00	1,00	1,00**
Да	1,08	0,84	0,78	0,25**

<i>Иждивенческая нагрузка в домохозяйстве</i>				
Нет иждивенцев	1,00**	1,00**	1,00**	1,00*
Не более 1 иждивенца на 2 работающих	1,86**	0,83**	0,53**	0,50*
От 1 до 2 иждивенцев на 2 работающих	2,31**	0,77**	0,26	0,17
От 2 до 3 иждивенцев на 2 работающих	3,00	0,41**	0,09	0,19
Свыше 3 иждивенцев на 2 работающих	2,82	0,49**	0,14	0,14
<i>Профессиональный статус</i>				
Предприниматели и руководители	0,74	1,26**	3,67**	8,90**
Специалисты	0,75**	1,47**	2,95**	6,74**
Служащие, замозанятые и прочие	0,87**	1,37**	1,58	2,55*
Рядовые работники торговли и б/о	1,04	0,82**	0,97	1,94**
Рабочие	1,00	1,00**	1,00	1,00**
<i>Форма трудового контракта</i>				
В штате по приказу или бессрочный контракт	0,86**	1,50**	1,44	1,49
Временный письменный договор	0,83**	1,46**	1,88	2,69
Устная договоренность и прочие	1,00**	1,00**	1,00	1,00
<i>Влияние на принятие решений на своем предприятии</i>				
Нулевое (от их мнения ничего не зависит)	1,00	1,00**	1,00	1,00**
Среднее (в рамках своего подразделения)	0,87	1,53**	1,93	3,06**
Высокое (в масштабах всего предприятия)	0,93	1,37	1,27	3,43
<i>Степень автономности труда</i>				
Нулевая	1,00	1,00	1,00	1,00
Низкая (1–3 позиции)	1,04	0,91	0,84	0,79

Модель доходной стратификации российского общества

Средняя и высокая (4 и более позиций)	1,06	0,83	0,83	0,87
<i>Тип собственности предприятия</i>				
Государственное	1,00**	1,00**	1,00	1,00**
Приватизированное	0,95	1,19	1,66	2,42
Вновь созданное частное	0,98**	1,06**	1,27	2,11
Прочие (кооперативы, самозанятые, иностранные и общественные организации)	0,91**	1,43**	2,01	3,38
<i>Размер предприятия</i>				
Менее 10 человек	1,00	1,00**	1,00	1,00**
От 10 до 50 человек	1,04	0,92*	0,86	1,12*
От 50 до 100 человек	1,07	0,89**	0,68	0,73**
От 100 до 1000 человек	1,03	0,90	0,96	1,73
Не менее 1000 человек	1,05	0,99	0,57	2,52
<i>Отрасль</i>				
Промышленность, энергетика, транспорт, строительство	0,95	1,14	1,31	1,12
Сельское и лесное хозяйство	1,05	0,87	0,64	0,67
Армия, правоохранительные органы, охранные и другие силовые структуры, государственное или муниципальное управление	0,96	1,09	1,24	1,45
Торговля, включая оптовую и розничную, бытовое обслуживание, ЖКХ	0,92	1,38**	0,88	0,44**
Образование, здравоохранение, наука, культура	1,05	0,90**	0,58	0,47**
Информационные технологии и связь, финансы, кредит, страховое дело, маркетинг, консалтинг и др.	1,00	1,00	1,00	1,00

** Уровень значимости $p < 0,05$.

*Уровень значимости $p < 0,1$.

Сведения об авторах

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна — доктор социологических наук, профессор, профессор-исследователь Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Член редколлегий и редакционных советов журналов «Общественные науки и современность», «Вестник Института социологии», «Социологическая наука и социальная практика», «Журнал исследований социальной политики». Основные научные интересы: социальная стратификация российского общества, социально-экономические последствия реформ для российского общества в целом и различных групп населения в частности, социальная трансформация и социокультурная модернизация России. Автор свыше 400 научных работ. Основные труды: «Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике» (1999), «Work and Welfare in the New Russia» (London, 2000, в соавторстве), «Феномен городской бедности в современной России» (2003), «Poverty and Social Exclusion in the New Russia» (London, 2004 и 2017, в соавторстве), «Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа» (2007), «Health and Health Care in the New Russia» (London, 2008, в соавторстве), «Средний класс: теория и реальность» (2009, в соавторстве), «Социальная структура России: теории и реальность» (2014) и др. Руководитель свыше 40 проектов по различной тематике.

АНИКИН Василий Александрович — кандидат экономических наук, PhD, доцент, старший научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: проблемы модернизации, социальная стратификация, экономика народонаселения, современные методы анализа количественных данных. Автор более 70 научных работ,

в т. ч. статей в ведущих научных журналах и глав в монографиях по результатам общероссийских исследований («Бедность и бедные в современной России» (2014), «Российское общество и вызовы времени» (2015), «Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований» (2016), «Столицы и регионы в современной России» (2017) и др.). Участник крупных исследовательских проектов, в т. ч. международных, по проблемам динамики социальной структуры российского общества, социальной политики, вопросам модернизации российской экономики и общества.

КАРАВАЙ Анастасия Вадимовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: социальная структура российского общества, рабочие как особая социально-профессиональная группа российского общества, человеческий капитал различных профессиональных групп, социально-экономическая адаптация населения. Автор более 20 научных работ, в т. ч. статей в ведущих научных журналах и глав в коллективных монографиях по результатам общероссийских исследований («Российское общество и вызовы времени» (2016, 2017), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018) и др.). Участник крупных исследовательских проектов, в том числе международных, по тематике социальной стратификации российского общества.

ЛЕЖНИНА Юлия Павловна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: социальная политика, социальная стратификация российского общества, социально-демографические процессы, социокультурная динамика. Автор более 60 научных работ, в т. ч. статей в ведущих научных журналах; глав в вышедших за рубежом монографиях по результатам международных проектов («The youth and social change:

a comparative study between China and Russia» (2014), «People's dreams in China and in Russia» (2015), «Handbook of the Sociology of Youth in BRICS Countries» (2018) и др.) и глав в коллективных монографиях по результатам общероссийских исследований («Российская повседневность в условиях кризиса» (2009), «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010), «Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров» (2011), «О чем мечтают россияне: идеал и реальность» (2013), «Бедность и бедные в современной России» (2014), Российское общество и вызовы времени» (2015, 2016, 2017), «Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований» (2016), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018) и др.). Участник крупных исследовательских проектов, в т. ч. международных, по проблематике социальной структуры российского общества, социальной политики, культурной динамики и процессов модернизации.

МАРЕЕВА Светлана Владимировна — кандидат социологических наук, заведующий центром стратификационных исследований Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: социальная структура и социальная стратификация, средний класс, социокультурная динамика. Автор более 90 научных работ, в т. ч. монографии «Средний класс: теория и реальность» (2009, в соавторстве); глав в вышедших за рубежом монографиях по результатам международных проектов («Handbook on Social Stratification in the BRIC Countries. Change and Perspective» (2013), People's dreams in China and in Russia (2015), Handbook of the Sociology of Youth in BRICS Countries (2018) и др.); глав в ряде российских монографий по результатам общероссийских исследований («Российская повседневность в условиях кризиса» (2009), «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010), «Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров» (2011), «О чем мечтают россияне: идеал и реальность» (2013), «Бедность и бедные в современной России» (2014), «Российское общество и вызовы времени» (2015, 2016, 2017), «Средний класс в современной России. Опыт многолетних

исследований» (2016), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018) и др.), а также статей в ведущих научных журналах. Участник крупных исследовательских проектов, в т. ч. международных, по проблематике социальной структуры российского общества, социальной политики, культурной динамики и процессов модернизации.

СЛОБОДЕНЮК Екатерина Дмитриевна — кандидат социологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», научный сотрудник Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Основные научные интересы: социальная структура и социальная стратификация, малообеспеченность, бедность. Автор 15 научных работ, в т. ч. статей в ведущих научных журналах и глав в коллективных российских монографиях («Российское общество и вызовы времени» (2016), «Социально-культурные практики сплоченности в современных обществах» (2015) и др.). Участник проектов по проблематике социальной структуры российского общества.

Содержание

Введение.....	3
---------------	---

Раздел 1. Построение модели доходной стратификации: теоретико-методологические основания и особенности отдельных групп и слоев

Глава 1.1. Проблема построения моделей доходной стратификации в социальных науках	10
Глава 1.2. Выделение гомогенных доходных групп: вопросы методологии.....	49
Глава 1.3. «Пороги» между доходными группами: результаты анализа с помощью методов статистической классификации	71
Глава 1.4. «Пороги» между доходными группами: результаты анализа рисков бедности.....	93
Глава 1.5. Особенности жизни и потребления представителей различных доходных групп	117

Раздел 2. Модель доходной стратификации российского общества: сравнительно-динамический анализ и факторы

Глава 2.1. Модель доходной стратификации российского общества: динамический анализ	148
Глава 2.2. Сравнение моделей доходной стратификации в России и в других странах	174
Глава 2.3. Трансформация модели доходной стратификации в России: динамический анализ в международном контексте (1990–2010-е гг.)	201
Глава 2.4. Территориально-поселенческая вариативность доходной стратификации в России: состояние и тенденции изменений.....	225

Глава 2.5. Факторы принадлежности к различным доходным группам и слоям.....	245
Глава 2.6. Факторы относительной и абсолютной бедности	273
Заключение	294

Приложения

Приложение 1.....	306
Приложение 2.....	314
Приложение 3.....	315
Приложение 4.....	316
Приложение 5.....	317
Приложение 6.....	318
Приложение 7.....	320
Приложение 8.....	321
Приложение 9.....	322
Приложение 10	323
Приложение 11	324
Приложение 12	325
Приложение 13	327
Приложение 14	328
Приложение 15	329
Приложение 16	330
Приложение 17	331
Приложение 18	332
Приложение 19	333
Приложение 20	334
Приложение 21	336
Приложение 22	340
Приложение 23	350
Приложение 24	354
Приложение 25	358
Сведения об авторах	363